

Фредерик Форсайт

День Шакала
Фредерик Форсайт

Аннотация
Фредерик Форсайт. День Шакала
Часть первая. Анатомия заговора
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9

Часть вторая. Анатомия охоты
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Часть третья. Анатомия убийства
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Аннотация

Фредерику Форсайту повезло: первая же книга — политический детектив «День Шакала» — сделал своего автора знаменитым на весь мир писателем, и заложил фундамент его непререкаемого литературного авторитета.

Для убийства генерала Де Голля тайная террористическая организация нанимает профессионала по кличке «Шакал» — убийцу без страха и жалости. Французские спецслужбы начинают игру на опережение. На кону жизнь первого лица Франции. Кто сделает свою игру?

Фредерик Форсайт
День Шакала

Часть первая
Анатомия заговора

Глава 1

Холод раннего весеннего парижского утра становился еще более пронизывающим от осознания того, что предстояло привести в исполнение смертный приговор. 11 марта 1963 года, в шесть часов сорок минут, во внутреннем дворе Форта д'Иври офицер французских ВВС стоял у вбитого в гравий столба со связанными за спиной руками и, все еще не веря своим глазам, смотрел на взвод солдат, выстроившихся в двадцати метрах от него.

Скрипнул гравий под легкими шагами, черная повязка легла на глаза Жана-Мари Бастьена-Тири, тридцати пяти лет от роду, подполковника. Клацанье затворов заглушило бормотание священника.

За стеной форта водитель грузовика «берлье» нажал на клаксон, так как шустрая легковушка пересекла ему путь. Гудок заглушил команду «Цельсь!», поданную командиром взвода. Треск ружейных выстрелов остался незамеченным в просыпающемся городе, разве что поднял в небо стайку голубей. Эхо растворилось в нарастающем шуме уличного транспорта.

Расстрел этого офицера, возглавлявшего группу боевиков секретной армейской организации (ОАС), приговорившей к смерти генерала де Голля, президента Франции, был призван положить конец дальнейшим попыткам покушения на жизнь главы государства. По иронии судьбы, он стал началом нового этапа яростной схватки. Чтобы найти объяснение этому парадоксу, необходимо напомнить, почему в то мартовское утро изрешеченное пулями тело повисло на веревках во дворе военной тюрьмы под Парижем…

* * *

Солнце наконец скатилось за стену дворца, длинные тени, упавшие на двор, принесли долгожданную прохладу. Даже в семь часов вечера самого теплого дня года температура воздуха не желала падать ниже двадцати пяти градусов. По всему городу парижане усаживали ворчащих жен и галдящих детей в автомобили и поезда, чтобы отправиться за город на субботу и воскресенье. А несколько мужчин, собравшихся в предместье Парижа, решили, что этот день, 22 августа 1962 года, должен стать последним для Шарля де Голля, президента Франции.

Пока городское население готовилось бежать

от жары к относительной прохладе рек и лесов, в Елисейском дворце продолжалось заседание правительства. На гравии двора, образовав замкнутый на три четверти круг, застыли шестнадцать черных автомобилей «ситроен DS». Водители, сбившись в кучку у западной стены, куда тень упала раньше всего, лениво болтали, давно привыкнув к тому, что большую часть рабочего дня им приходилось ждать своих высокопоставленных пассажиров.

В половине восьмого недовольное брюзжание водителей по поводу затянувшегося совещания прервало появление швейцара за стеклянными дверьми дворца. Он дал знак охране, водители побросали недокуренные сигареты и втоптали их в гравий. Внутренне подобрались сотрудники службы безопасности и охранники. Распахнулись массивные железные ворота.

Водители уже разошлись по машинам, когда появилась первая группа министров. Швейцар открыл дверь, и члены кабинета спустились по шести ступенькам, ведущим во двор, обмениваясь пожеланиями хорошего отдыха. «Ситроены» по очереди подкатывали к ступенькам, швейцар с поклоном открывал заднюю дверцу, министры рассаживались, и мимо отдающих честь респуб-

ликанских гвардейцев машины выезжали на Фобур Сен-Оноре.

Спустя десять минут двор опустел. Остались лишь два длинных лимузина «ситроен DS 19», которые медленно подкатили к ступенькам. В первом, украшенном флажком президента Французской Республики, за рулем сидел Франсуа Марру, водитель-полицейский из центра подготовки национальной жандармерии в Сатори. В силу природной молчаливости он держался обособленно от шоферов министров, а право водить автомобиль президента заслужил стальными нервами, хладнокровием, быстрой и умелой ездой. Кроме Марру, в кабине никого не было. За рулем второго «DS 19» также сидел выпускник центра в Сатори.

В семь часов сорок пять минут другая группа появилась за стеклянными дверьми, приковав внимание охраны. Шарль де Голль в неизменном темно-сером двубортном костюме и черном галстуке галантно пропустил вперед мадам Ивонн де Голль и, взяв ее под руку, вместе с ней спустился по ступенькам к ожидающему «ситроену». Они сели на заднее сиденье, мадам де Голль — слева, президент — справа от нее.

Их зять, полковник Ален де Буасье, тогда на-

чальник штаба танковых и кавалерийских соединений французской армии, проверил, надежно ли закрыты задние дверцы, и занял свое место рядом с Марру.

Двое мужчин, сопровождавших президента и его супругу, направились ко второму лимузину. Анри Джудер, телохранитель де Голля, сел рядом с шофером, поправил кобуру с тяжелым пистолетом, закрепленную под левой подмышкой. Когда машины ехали по улицам, его глаза беспрестанно оглядывали тротуары и углы, мимо которых они проносились. Второй мужчина, комиссар Дюкре, начальник службы безопасности президента, сказал пару слов охранникам и, убедившись, что все в порядке, залез на заднее сиденье. Один.

Два мотоциклиста в белых шлемах завели двигатели и вырулили к воротам. Их разделяло не более четырех метров.

«Ситроены» описали полукруг и выстроились в затылок друг другу за мотоциклами. Часы показывали семь пятьдесят.

Снова распахнулись железные ворота, и маленький кортеж, мимо стоящих навытяжку гвардейцев, выкатился на Фобур Сен-Оноре, а затем на проспект Мариньи. Молодой человек в белом защитном шлеме, сидящий на мотоцикле в

тени каштанов, подождал, пока кортеж проследует мимо, и устремился следом. Регулировщики не получали никаких указаний относительно времени отъезда президента из дворца, движение транспорта было таким же, как в любой другой день, и о приближении кортежа они узнавали по вою мотоциклетных сирен, едва успевая перекрывать движение на перекрестках.

На утопающем в тени проспекте кортеж набрал скорость и вырвался на залитую солнцем площадь Клемансо, направляясь к мосту Александра III. Мотоциклист следовал тем же путем. За мостом Марру выехал на проспект генерала Галлиени и далее на бульвар Инвалидов. Мотоциклист получил нужную ему информацию: генерал де Голль покидает город. На пересечении бульвара Инвалидов и улицы Варен он сбросил скорость и остановился у кафе на углу. Войдя в зал, он достал из кармана металлический жетон и направился к телефону-автомату.

* * *

Подполковник Жан-Мари Бастьен-Тири ждал звонка в баре на окраине Медона. Он работал в министерстве авиации, женат, трое детей. Под обликом респектабельного чиновника и пример-

ного семьянина подполковник скрывал жгучую ненависть к Шарлю де Голлю, который, по его убеждению, предал Францию, и к тем, кто в 1958 году вернул старого генерала к власти, уступив Алжир местным националистам.

Сам Бастьен-Тири ничего не терял в результате обретения Алжиром независимости, и руководили им не личные мотивы. В собственных глазах он был патриотом, абсолютно уверенным в том, что послужит своей горячо любимой стране, убив человека, по его мнению, надругавшегося над ней. В те дни тысячи людей разделяли взгляды Бастьена-Тири, но лишь единицы стали членами военных секретных организаций, поклявшихся убить де Голля и свергнуть его правительство. Среди этих фанатиков был и Бастьен-Тири.

Он потягивал пиво, когда зазвонил телефон. Бармен пододвинул к нему телефонный аппарат, а сам отошел к телевизору на другом конце стойки. Бастьен-Тири послушал несколько секунд, пробормотал: «Очень хорошо, благодарю вас» — и положил трубку. За пиво он заплатил заранее. Не спеша вышел из бара на тротуар, вытащил сложенную в несколько раз газету и дважды развернул ее.

На другой стороне улицы молодая женщина

опустила тюлевую занавеску в окне квартиры на первом этаже и повернулась к дюжине мужчин, рассевшихся по стульям и кушеткам:

— Маршрут номер два.

Пятеро юношей, новички, нервно вскочили. Семеро остальных, возрастом постарше, держались спокойнее. Командовал ими лейтенант Ален Бугрене де ла Токне, помощник Бастьена-Тири, придерживавшийся крайне правых взглядов, выходец из семьи дворян-землевладельцев, тридцать пять лет, женат, двое детей.

Самым опасным в этой комнате был Жорж Ватин, тридцативосьмилетний широкоплечий угрюмый фанатик, когда-то сельскохозяйственный инженер в Алжире, за два года освоивший профессию убийцы. Из-за давней раны он получил прозвище Хромоногий.

По знаку де ла Токне мужчины через дверь черного хода вышли в переулок, где стояло шесть автомобилей, украденных или нанятых. До восьми часов оставалось пять минут.

Бастьен-Тири готовил покушение много дней, замеряя углы стрельбы, скорость движения автомобилей и расстояние до них, огневую мощь, достаточную для того, чтобы остановить машины. Местом для засады он выбрал прямой участок

проспекта де ла Либерасьон, у пересечения главных дорог в предместье Парижа Пети-Кламар. По плану первая группа снайперов начинала стрелять по машине президента, когда та находилась в двухстах ярдах от них. Укрытием им служил стоящий на обочине трейлер.

По расчету Бастьена-Тири, сто пятьдесят пуль должны были прошить первую машину в тот момент, когда она поравняется со снайперами, лежащими за фургоном. После остановки президентского лимузина из боковой улицы должна выехать вторая группа боевиков, чтобы в упор расстрелять агентов службы безопасности, ехавших во второй машине кортежа. Отход обеих групп должен был осуществляться на трех автомобилях, ждущих на другой улице.

На самого Бастьена-Тири, тринадцатого участника операции, возлагалась задача подать сигнал о приближении президентского кортежа. В восемь часов пять минут обе группы заняли исходные позиции. В сотне ярдов от трейлера Бастьен-Тири расхаживал на автобусной остановке все с той же газетой в руке. Взмах последней служил сигналом для Сержа Бернье, командира группы снайперов, стоящего у трейлера. Те должны были открыть огонь по его приказу.

Бургене де ла Токне сидел за рулем автомобиля, призванного отсечь вторую машину кортежа. Ватин Хромоногий, устроившись рядом, сжимал в руках ручной пулемет.

Когда щелкали предохранители винтовок у Пети-Кламар, кортеж генерала де Голля вырвался из интенсивного транспортного потока центра Парижа на более свободные проспекты окраины. Скорость машин достигла шестидесяти миль в час.

Увидев, что дорога впереди пуста, Франсуа Марру взглянул на часы и, спиной чувствуя нетерпение генерала, еще сильнее надавил на педаль газа. Оба мотоциклиста переместились в хвост кортежа, Де Голль не любил мерцания маячков. В таком порядке в восемь часов семнадцать минут кортеж въехал на проспект Дивизии Леклерка.

А в миле от них Бастьен-Тири пожинал плоды допущенного им серьезного просчета, о сути которого он узнал от полиции лишь шесть месяцев спустя. Готовя покушение, он воспользовался календарем, в котором указывалось, что 22 августа сумерки падали в 8.35, то есть кортеж де Голля появился бы в Пети-Кламар значительно раньше этого времени, даже с учетом задержки, как и

произошло на самом деле. Но подполковник ВВС взял календарь 1961 года. 22 августа 1962 года сумерки упали в 8.10. Эти двадцать пять минут оказались решающими в истории Франции. В 8.18 Бастьен-Тири заметил кортеж, мчащийся по проспекту де ла Либерасьон со скоростью семьдесят миль в час, и отчаянно замахал газетой.

На другой стороне дороги, на сотню ярдов ближе к перекрестку, сквозь сгущающиеся сумерки Бернье вглядывался в едва различимую фигуру на автобусной остановке.

— Подполковник уже махнул газетой? — задал он риторический вопрос.

Слова едва успели слететь с его губ, как президентский кортеж поравнялся с автобусной остановкой.

— Огонь! — заорал Бернье.

Они начали стрелять, когда первый лимузин поравнялся с трейлером и помчался дальше. Двенадцать пуль попали в машину лишь благодаря меткости стрелков. Две из них угодили в колеса и, хотя шины были самозаклеивающимися, внезапное падение давления привело к тому, что машина пошла юзом. Вот тут Франсуа Марру спас жизнь де Голлю.

Если признанный снайпер экс-легионер Варга

стрелял по колесам, то остальные — по удаляющемуся заднему стеклу. Несколько пуль засело в багажнике, одна разбила заднее стекло, пролетев в двух-трех дюймах от головы президента. Сидевший впереди полковник де Буасье обернулся и крикнул тестю и теще: «Головы вниз». Мадам де Голль легла головой на колени мужа. Генерал холодно бросил: «Что, опять?» — и повернулся, чтобы посмотреть, что делается позади.

Марру, плавно сбрасывая скорость, выровнял машину, затем вновь вдавил в пол педаль газа. «Ситроен» рванулся к пересечению с проспектом дю Буа, на котором притаилась вторая группа боевиков ОАС. Лимузин с охранниками, целый и невредимый, не отставал от машины президента.

Учитывая скорость приближающихся автомобилей. Бургене де ла Токне, ждущий на проспекте дю Буа в машине с работающим двигателем, мог выбрать один из двух вариантов: выехать перед ними и погибнуть в неизбежном столкновении или появиться на дороге на полсекунды позже. Де ла Токне предпочел остаться в живых. «Ситроен» президента успел проскочить вперед, и машина оасовцев оказалась рядом с автомобилем охраны. Высунувшись по пояс из окна, Ватин

опорожнил магазин ручного пулемета в заднее окно удаляющегося «ситроена», сквозь разбитое стекло которого виднелся характерный профиль генерала де Голля.

— Почему эти идиоты не отстреливаются? — проворчал генерал.

Джудер пытался выстрелить в Ватина, их разделяло не более десяти футов, но ему мешал водитель. Дюкре крикнул, чтобы тот не отставал от президентского лимузина, и через секунду машина оасовцев осталась позади. Оба мотоциклиста, вылетевшие на обочину после внезапного появления де ла Токне, также догнали лимузины. И кортеж в полном составе продолжил путь к базе французских ВВС Виллакоблу.

У оасовцев не было времени выяснять отношения. Бросив машины, использованные в операции, они расселись по трем автомобилям, предназначенным для отхода, и растворились во все более сгущающихся сумерках.

По установленной в «ситроене» рации комиссар Дюкре связался с Виллакоблу и коротко сообщил о случившемся. Когда десять минут спустя кортеж подкатил к воротам базы, де Голль настоял, чтобы они выехали прямо на летное поле, к вертолету. Едва лимузин остановился,

вокруг собралась толпа офицеров и чиновников. Они открыли дверцу, помогли выйти потрясенной мадам де Голль. Генерал вышел сам с другой стороны, стряхнул с лацканов осколки стекла. Не обращая внимания на офицеров, суетящихся вокруг, он обошел «ситроен» и взял супругу под руку.

— Пойдем, дорогая, скоро мы будем дома, — и, повернувшись, объявил собравшимся свой приговор ОАС. — Они не умеют стрелять.

Президент и мадам де Голль поднялись в вертолет, за ними последовал Джудер, и они улетели в загородную резиденцию на уик-энд.

* * *

Пока журналисты всего мира обсуждали неудачную попытку покушения на де Голля и за отсутствием достоверной информации заполняли страницы газет досужими вымыслами, французская полиция организовала крупнейшую облаву в истории страны. По масштабам с ней могла сравниться, а может, и превзойти лишь охота на наемного убийцу, чье настоящее имя остается неизвестным до сих пор. В различных досье он проходит под кличкой Шакал.

Впервые удача улыбнулась полиции 3 сентяб-

ря, и, как часто бывает в ее работе, результат принесла обычная проверка документов. На выезде из города Валенс к югу от Лиона, на шоссе Париж-Марсель, патруль остановил частную машину, в которой сидели четверо. Полицейские останавливали сотни автомобилей, проверяя удостоверения личности, но в этом случае у одного из пассажиров не оказалось документов. Он заявил, что потерял их. Всех четверых отвезли в Валенс.

В Валенсе скоро выяснилось, что водитель и два пассажира не имеют никакого отношения к третьему, за исключением того, что предложили его подвезти. Троих отпустили, а у пассажира без документов сняли отпечатки пальцев и отправили их в Париж, чтобы установить его личность. Ответ пришел двенадцать часов спустя: отпечатки пальцев принадлежали двадцатидвухлетнему дезертиру из Иностранного легиона Пьеру-Дени Магаду.

* * *

Магада препроводили в полицейское управление в Лионе. Пока он находился в приемной в ожидании допроса, один из охранников-полицейских в шутку спросил: «Ну так что тебе

известно о Пети-Кламар?»

Магад обреченно поник плечами:

— Ладно, что вас интересует?

Пока офицеры слушали, раскрыв рты от изумления, стенографистки деловито заполняли блокнот за блокнотом. Магад «пел» восемь часов. Он назвал всех участников покушения и еще девять человек, готовивших операцию и приобретавших оружие. Всего двадцать две фамилии. Теперь полиция знала, кого искать.

Из всех избежал ареста только один, его не поймали и по сей день. Жорж Ватин покинул Францию. Предполагают, что он поселился в Испании, как и многие другие главари ОАС.

Допросы арестованных и подготовка обвинительного акта против Бастьена-Тири, Бургене де ла Токне и остальных заговорщиков завершились в декабре. В январе 1963 года все они предстали перед военным судом.

В это же время ОАС собирала силы для новой атаки на голлистское правительство, а французская служба безопасности стремилась упредить ее. За фасадом неспешной респектабельной парижской жизни развертывались сражения самой жестокой подпольной войны нашего времени.

Французская служба безопасности называ-

ется Сервис де Документасьон Экстерьер де Контр-Эспионаж, сокращенно — СДЭКЭ. В ее обязанности входят разведывательная деятельность за пределами Франции и контрразведка на своей территории, причем сферы деятельности основных подразделений СДЭКЭ могут частично накладываться друг на друга. Отдел Один, занимающийся разведкой, состоит из бюро, каждое из которых имеет двойной индекс, букву «R» и цифру. Буква — сокращение от Renseignement (Информация). Цифра — порядковый номер. В отдел входят следующие бюро: R1 — общий анализ полученных сведений, R2 — Восточная Европа, R3 — Западная Европа, R4 — Африка, R5 — Средний Восток, R6 — Дальний Восток и R7 — Америка (Западное полушарие). Отдел Два занимается контрразведкой. Отделы Три и Четыре объединены в коммунистическую секцию. Отдел Шесть ведает финансами. Семь — административными вопросами.

Название отдела Пять состоит из одного слова — «Противодействие». Именно на этот отдел легла основная тяжесть борьбы с ОАС. Его штаб-квартира размещается в квартале, застроенном невзрачными зданиями, недалеко от бульвара Мортье, ближе к Порт де Лилья, северо-западно-

му предместью Парижа. Отсюда сотни агентов уходили в бой. Эти люди, главным образом корсиканцы, крепкие физически, проходили специальную подготовку в лагере в Сатори: нож и пистолет, каратэ и дзюдо, радиосвязь, сборка и установка взрывных устройств, ведение допроса с пытками и без оных, похищение, отравление, убийство.

Некоторые говорили только по-французски, другие владели несколькими языками и в любой столице мира чувствовали себя как дома. Выполняя порученное задание, они имели право убивать и часто им пользовались.

С активизацией деятельности ОАС директор СДЭКЭ генерал Эжен Гибо наконец разрешил отделу Пять включиться в борьбу. Агенты вступали в ОАС, а кое-кто из них проник в высшие эшелоны организации. От них поступали сведения, позволявшие полиции Франции срывать операции и арестовывать боевиков ОАС. В других случаях их безжалостно убивали за пределами страны. Родственники пропавших без вести оасовцев не сомневались, что те стали жертвами агентов Отдела противодействия.

Не оставалась в долгу и ОАС. Агентов отдела Пять прозвали барбудос, то есть бородачами,

имея в виду их подпольную деятельность, и ненавидели их куда сильнее, чем обычных полицейских. В последний период борьбы за власть в Алжире между ОАС и голлистскими властями семь барбудос попали в руки ОАС. Их повесили на фонарных столбах, предварительно отрезав носы и уши. Такими методами велась эта тайная война, и полная история тех, кто умер под пыткой, в чьих руках и в каких подвалах, осталась ненаписанной.

Остальные барбудос держались вне ОАС, готовые откликнуться на зов СДЭКЭ. Преступное прошлое некоторых из них позволяло поддерживать прежние связи, и они неоднократно пользовались услугами бандитов, чтобы выполнить особо грязные поручения правительственного учреждения. Их действия вызвали слухи о «параллельной» (неофициальной) полиции, подчиняющейся одному из ближайших помощников президента де Голля — Жаку Фоккару. В действительности «параллельной» полиции не существовало, ей приписывали операции, проведенные агентами Отдела противодействия или временно нанятыми бандами.

Для корсиканцев, контролировавших преступный мир Парижа и Марселя и составлявших

основу Отдела противодействия, слово «вендетта» не было пустым звуком, и после убийства семи барбудос в Алжире они объявили вендетту ОАС. Точно так же, как корсиканские бандиты помогали союзникам при подготовке десантов на юге Франции в 1944 году, в начале шестидесятых годов они сражались за Францию против ОАС. Среди оасовцев было много «pieds-noirs», «черноногих», французов алжирского происхождения, по складу характера очень схожих с корсиканцами, так что временами эта война становилась чуть ли не братоубийственной.

Покуда тянулся суд над группой Бастьена-Тири, ОАС расширяла свои операции. Ими руководил полковник Антуан Арго, вдохновитель засады у Пети-Кламар. Выпускник Политехнического института, одного из самых престижных учебных заведений Франции, умный и энергичный, Арго служил лейтенантом у де Голля в «Свободной Франции» и сражался за освобождение родины от нацистов. Позднее он командовал кавалерийской частью в Алжире. Невысокого роста, жилистый, хитрый и безжалостный, к 1962 году он возглавил оперативный штаб ОАС, находящийся за границей.

Опытный психолог, он понимал, что борьба с

голлистами должна вестись по разным направлениям и всеми средствами, включая террор, дипломатические переговоры и формирование общественного мнения. Частью его кампании стала серия интервью газетам и телевидению государств Западной Европы Жоржа Бидо, бывшего министра иностранных дел Франции, а тогда главы Национального совета сопротивления, политического крыла ОАС. В них разъяснялись мотивы, по которым ОАС выступила против генерала де Голля.

В свое время блестящий интеллект Арго позволил ему стать самым молодым полковником Франции, а соединив свою судьбу с ОАС, он превратился в опаснейшего противника голлистского правительства. Интервью Бидо корреспондентам ведущих телекомпаний и газет создали ОАС неплохую рекламу, прикрыв, как пологом, проводимые ее боевиками террористические акты.

Успех пропагандистской кампании, организованной Арго, встревожил французское правительство ничуть не меньше волны взрывов пластиковых бомб в кафе и кинотеатрах, прокатившейся по всей стране. 14 февраля был раскрыт еще один заговор, целью которого являлось убийство де Голля. На следующий день намечалась

его лекция в военной академии на Марсовом поле. Убийца, притаившись под крышей одного из корпусов академии, должен был выстрелить де Голлю в спину, когда тот подойдет к дверям зала, где собрались слушатели.

Потом заговорщики предстали перед судом: Жан Биснон, капитан артиллерии Робер Пуакар и преподавательница английского языка в военной академии мадам Поль Руссели де Лифьяк. Стрелять должен был Жорж Ватин, но Хромоногому вновь удалось скрыться. Как выяснилось на суде, изыскивая возможность провести вооруженного Ватина на территорию академии, они обратились к офицеру охраны Мариусу То, который немедленно сообщил обо всем полиции. 15 февраля генерал де Голль выступил в академии, но, несмотря на его неудовольствие, ему пришлось приехать туда в бронированном автомобиле.

Этот невероятно дилетантский по замыслу заговор рассердил де Голля. Днем позже, вызвав министра внутренних дел Фрея, президент стукнул кулаком по столу и заявил министру, ответственному за национальную безопасность: «С этими покушениями мы зашли слишком далеко».

Было принято решение провести ответную акцию против одного из главарей ОАС в назидание остальным. Фрей не сомневался в исходе процесса Бастьена-Тири, продолжающегося в Высшем военном суде, хотя тот все еще пытался объяснить, что заставило его готовить убийство президента. Но требовалось более сильнодействующее средство.

22 февраля копия донесения начальника отдела Два СДЭКЭ, посланного министру внутренних дел, легла на стол руководителя Отдела противодействия. Среди прочего в нем указывалось следующее:

> «Нам удалось выяснить местопребывание одного из лидеров подрывного движения, бывшего полковника французской армии Антуана Арго. Он вылетел в ФРГ и намерен, согласно информации, полученной нашей разведкой, пробыть там несколько дней…
>
> Таким образом открывается возможность выйти на Арго и даже схватить его. Наша контрразведка официально обратилась к соответствующим службам ФРГ с просьбой о содействии, но получила

отказ. Теперь этим службам известно, что наши агенты могут напасть на Арго и других главарей ОАС, поэтому действовать необходимо с предельной быстротой и осторожностью».

Проведение операции поручили Отделу противодействия. 25 февраля, во второй половине дня Арго прибыл в Мюнхен из Рима, где проводил совещание с руководством ОАС. Вместо того, чтобы сразу поехать на Унертлштрассе, он на такси отправился в отель «Эден-Вольф», где заранее снял номер, очевидно для какой-то встречи. В номер он так и не поднялся. В вестибюле отеля к нему подошли и обратились на безупречном немецком двое мужчин. Арго подумал, что перед ним — местные полицейские, и полез во внутренний карман пиджака за паспортом.

Тут же его схватили и поволокли к стоящему у тротуара фургону для доставки белья в прачечную. Арго попытался вырваться, но на него обрушился поток французских ругательств. Рука зажала ему нос, кулак ударил в солнечное сплетение, палец надавил на нерв чуть пониже уха, и он провалился в темноту.

Двадцать четыре часа спустя в Управлении

сыскной полиции в доме 36 по набережной Орфевр в Париже зазвонил телефон. Грубый голос сообщил дежурному сержанту, что Антуан Арго, «хорошо упакованный», находится в фургоне на автомобильной стоянке позади здания. Спустя несколько минут дверь фургона распахнулась, и Арго вывалился на руки изумленных полицейских.

Проведя двадцать четыре часа с повязкой на глазах, он жмурился от дневного света. Не мог стоять без посторонней помощи. Лицо покрывала запекшаяся кровь, ему разбили нос, рот растянулся от кляпа, который вытащили полицейские.

— Вы — полковник Антуан Арго? — спросил кто-то из них.

— Да, — пробормотал он.

Каким-то образом агенты Отдела противодействия переправили его через границу и анонимным звонком известили полицию о посылке, ожидающей на ее же автомобильной стоянке, показав тем самым, что службе безопасности не чуждо чувство юмора. Арго освободили из заключения в июне 1968 года.

* * *

Однако агенты, похитившие Арго, не учли одного обстоятельства: наряду с дезорганизацией, которую внесло похищение в ряды ОАС, похищение это открыло путь помощнику Арго, малоизвестному, но очень коварному подполковнику Марку Родину, вставшему во главе операций, конечная цель которых состояла в убийстве де Голля. По многим обстоятельствам эта замена оказалась нежелательной.

4 марта Высший военный суд вынес приговор по делу Бастьена-Тири. Его и двух других участников покушения приговорили к расстрелу. Ту же меру наказания определили и еще не пойманному Жоржу Ватину. 8 марта генерал де Голль три часа слушал адвокатов, обратившихся к нему с прошениями о помиловании. Двоим он заменил расстрел пожизненным заключением, но приговор Бастьену-Тири оставил в силе.

В ту же ночь адвокат сообщил тому о принятом решении.

— Исполнение приговора назначено на одиннадцатое, — и, видя, что его подзащитный все еще недоверчиво улыбается, добавил: — Вас расстреляют.

Бастьен-Тири покачал головой:

— Вы ничего не понимаете. Ни один француз не направит на меня оружие.

Он ошибся. В восемь утра радиостанция «Европа I» сообщила о том, что приговор приведен в исполнение. В Западной Европе эту новость услышали все, кто настроил приемники на соответствующую волну. Слова диктора, вырвавшиеся из динамика в номере маленького отеля в Австрии, положили начало цепочке событий, поставивших де Голля на грань смерти. Этот номер снимал Марк Родин, новый начальник оперативного штаба ОАС.

Глава 2

Марк Родин выключил транзисторный приемник и поднялся из-за стола, едва притронувшись к завтраку. Подошел к окну, закурил очередную сигарету, долго смотрел на засыпанный снегом городок, до которого еще не добралась весна.

— Мерзавцы, — пробурчал он, имея в виду президента Франции, его правительство и службу безопасности.

Родин разительно отличался от своего предшественника. Высокий и худощавый, с мертвенно-бледным лицом, дышащим ненавистью к голлистам, он обычно скрывал свои чувства за внешней холодностью, столь несвойственной латинянам. Он не оканчивал Политехнического института. Сын сапожника, он уплыл в Англию на рыбачьей лодке, когда нацисты оккупировали Францию. Тогда ему еще не было двадцати, и он вступил в армию рядовым.

Повышения по службе, до сержанта, а затем старшего офицера дались ему нелегко, в кровавых сражениях в Северной Африке и позднее на побережье Нормандии, где он воевал под командованием Леклерка. Во время битвы за Париж

его произвели в офицеры прямо на поле боя, а когда война закончилась, он оказался перед выбором: остаться в армии или вернуться к мирной жизни.

Но вернуться к чему? Он ничего не умел, кроме как тачать сапоги, а рабочий класс находился под сильным влиянием коммунистов, которые также занимали доминирующее положение в движении Сопротивления и в организации «Свободная Франция» внутри страны. Родин остался в армии и с горечью наблюдал, как молодые выпускники военных училищ зубрежкой учебников получают те же звания, за которые он расплачивался кровью. А когда они начали обходить его по службе, Родин добился перевода в колонии.

Командуя ротой в Индокитае, он оказался среди людей, которые говорили и думали, как и он. Для сына сапожника продвижение по службе могли обеспечить лишь новые и новые сражения. К окончанию войны в Индокитае он стал майором и, проведя несчастливый и полный разочарований год во Франции, подался в Алжир.

Уход Франции из Индокитая и месяцы на родине обратили его недовольство жизнью в ненависть к политикам и коммунистам, ибо для него эти два понятия означали одно и то же.

Франции, думал он, не вырваться из пут предателей и слюнтяев, засевших во всех кабинетах, если у кормила власти не станет военный. В армии не было места ни тем, ни другим.

Как и большинство боевых командиров, которым приходилось видеть, как их подчиненные гибнут на поле боя, а иногда хоронить обезображенные тела тех, кто попал в плен, Родин обожествлял солдат, считая их солью земли. Они жертвовали собой ради того, чтобы буржуазия могла жить дома в сытости и достатке. Что же он увидел во Франции после восьми лет боев в Индокитае? Гражданское население плевать хотело на солдат, а левые интеллектуалы обвиняли армию во всех смертных грехах. Все это, вкупе с невозможностью пробиться наверх в мирной жизни, превратило Родина в фанатика.

Если бы местные власти, правительство и народ Франции более активно поддерживали военных, они разбили бы Вьетминь, в этом Родин не сомневался. Уходом из Индокитая Франция предала память тысяч славных молодых парней, погибших там вроде бы зазря. И Родин поклялся, что такого позора больше не повторится. Алжир это докажет. Весной 1956 года он с радостью покинул Марсель, уверенный, что на далеких холмах

Алжира осуществится мечта его жизни и весь мир будет рукоплескать триумфу французской армии.

Два года жестокой борьбы не поколебали его убеждений. Действительно, подавить мятеж оказалось не так-то легко, как он предполагал поначалу. Сколько бы феллахов ни убивал он и его солдаты, сколько бы деревень ни сравнивалось с землей, сколько бы террористов ФНО[1] ни умирало под пытками, пожар войны разгорался, захватывая все новые города и сельские районы.

Для продолжения борьбы требовалась все возрастающая помощь метрополии. На этот раз хотя бы не стоял вопрос о войне на задворках колониальной империи. Алжир был Францией, частью Франции, там проживало три миллиона французов. Война за Алжир ничем не отличалась от войны за Нормандию, Бретонь или Альпы. С получением звания подполковника Марка Родина перевели из сельской местности в город, сначала в Боне, затем в Константину.

На вельде он сражался с войсками ФНО, пусть нерегулярными, но войсками. Его ненависть к ним не шла ни в какое сравнение с тем, что он

---

[1] Примечания: 1

ФНО — Фронт национального освобождения Алжира (*здесь и далее прим. перев.*)

испытал, окунувшись в ожесточенную, грязную войну городов, войну пластиковых бомб, которые устанавливали уборщики в кафе, супермаркетах, парках, посещаемых французами. Методы, которые он использовал, чтобы очистить Константину от нечисти, закладывающей эти бомбы, скоро принесли ему прозвище Мясник.

Для окончательной победы над ФНО и его армией не требовалось ничего, кроме расширения помощи из Парижа. Как и большинство фанатиков, Родин не мог оценить реального положения вещей. Галопирующие военные расходы, разваливающаяся под бременем войны экономика, деморализация новобранцев казались ему пустяками.

* * *

В июне 1958 года генерал де Голль вернулся к власти, заняв пост премьер-министра Франции. Быстро покончив с продажной и нерешительной Четвертой республикой, он основал Пятую. Когда де Голль произнес слова, вновь приведшие его в Матино, а затем и в Елисейский дворец: «Алжир французский», — Родин удалился в свою комнату и заплакал. Посетивший Алжир де Голль казался Родину Зевсом, спустившимся с Олимпа. Под-

полковник не сомневался, что будет выработана новая политика: коммунистов уволят с работы, Жана-Поля Сартра расстреляют за измену, профсоюзы поставят на место и Франция всей мощью поддержит своих сограждан в Алжире и армию, охраняющую интересы французской цивилизации.

Родин верил в это, как в восход солнца на востоке. Когда де Голль приступил к преобразованию страны, Родин подумал, что произошла какая-то ошибка, что старому генералу просто требуется время, чтобы во всем разобраться. Поползли слухи о начавшихся переговорах с Бен Беллой, но Родин счел их ложными. Хотя он и с симпатией отнесся к бунту поселенцев в 1960 году, который возглавил Джо Ортиз, но полагал, что задержка с решительным ударом по ФНО не более чем тактический ход де Голля. Старик знает, что делает, думал Родин. Не он ли произнес золотые слова: «Алжир французский»?

Когда же отпали последние сомнения в том, что французский Алжир лежит за пределами обновленной Франции, создаваемой Шарлем де Голлем, мир Родина рассыпался, как фарфоровая ваза под колесами локомотива. Вера, надежда, уверенность в будущем развеялись как дым. Осталась

лишь ненависть. Ненависть к системе, политикам, интеллектуалам, алжирцам, профсоюзам, журналистам, иностранцам и более всего — к Этому Человеку. За исключением нескольких слабаков, весь батальон Родина принял участие в военном путче 1961 года.

Путч провалился. Одним простым, удивительно ловким маневром де Голль обрек путч на неудачу еще до его начала. Никто из офицеров не обратил особого внимания на тысячи дешевых транзисторных приемников, которые роздали солдатам за несколько недель до официального объявления о начале переговоров с ФНО. В приемниках не видели вреда, и многие одобрили эту идею. Льющаяся из них поп-музыка отвлекала парней от жары, мух, скуки.

Голос де Голля оказался не столь безобидным. Когда вопрос о верности армии присяге стал ребром, десятки тысяч солдат-новобранцев в казармах, разбросанных по всему Алжиру, включали радио, чтобы послушать новости. А после новостей до них доносился тот же голос, в который вслушивался Родин в июне 1940 года. Практически не изменились и слова. Вы должны сделать выбор. Я — Франция, ее судьба. Верьте мне. Следуйте за мной. Повинуйтесь мне.

Командиры некоторых батальонов, проснувшись, обнаруживали, что под их началом осталось лишь с дюжину офицеров да пяток сержантов.

Радио разгромило путч. Родину повезло больше, чем многим. Возможно, потому, что в его части служили ветераны Индокитая и боев на вельде. Его поддержали сто двадцать солдат и офицеров. Вместе с другими участниками путча они создали Секретную армейскую организацию, чтобы вышвырнуть нового Иуду из Елисейского дворца.

В тисках торжествующего победу ФНО и верных правительству Франции войск ОАС не удалось затянуть развязанную ею оргию насилия. Но в последние семь недель, пока французские поселенцы за бесценок распродавали свое добро и покидали разоренный войной Алжир, ОАС приложила все силы, чтобы ФНО досталось как можно меньше. Когда же пришла пора уходить, главари ОАС, фамилии которых были известны голлистским властям, разъехались по разным странам.

Родин стал заместителем Арго, начальника оперативного штаба ОАС в изгнании, зимой 1961 года. Если Арго вдохновлял операции ОАС на

территории Франции, являясь генератором идей, то Родин, коварный и здравомыслящий, обеспечивал их реализацию.

Не следовало считать его жестоким фанатиком, каких хватало в рядах ОАС в начале шестидесятых годов. Старый сапожник одарил сына острым умом. Родин привык до всего доходить сам, не полагаясь на авторитеты.

Как и остальные оасовцы, Родин свято верил в сформировавшиеся у него представления о предназначении Франции и армейской чести. Когда же речь заходила о выполнении конкретной операции, он становился прагматиком до мозга костей и логика его решений оказывалась куда эффективней голого энтузиазма и бессмысленного насилия.

* * *

Утром 11 марта Родин думал над тем, как убить де Голля. Он отдавал себе отчет, что задача не из простых. Наоборот, неудачи в Пети-Кламар и Военной академии существенно осложнили ее. Исполнители найдутся. Куда труднее разработать план, один из элементов которого окажется столь неожиданным, что служба безопасности, стеной вставшая вокруг президента, не сможет упредить

разящий удар.

Методично составлял он в уме перечень вопросов, без ответа на которые достичь успеха не представлялось возможным. Два часа провел он у окна, выкуривая сигарету за сигаретой. Комнату заполнил сизый дым, а Родин все размышлял над тем, как добраться до де Голля. Несколько намеченных им вариантов казались поначалу весьма удачными, но ни один из них не выдержал последней проверки. Из всех проблем, вставших перед ним, одна оставалась абсолютно неразрешимой: как обеспечить секретность операции?

Многое изменилось после Пети-Кламар. Проникновение агентов Отдела противодействия в ряды ОАС достигло угрожающего уровня. Недавнее похищение его непосредственного начальника, Антуана Арго, показало, на что готова служба безопасности ради того, чтобы захватить и допросить главарей ОАС. Ее не остановил даже международный конфликт, в данном случае крайнее недовольство правительства ФРГ.

Допросы Арго продолжались уже две недели, и все руководство ОАС ударилось в бега. Бидо неожиданно потерял интерес к публичным вы-

ступлениям, лидеры НСС[2] удрали в Испанию, Америку, Бельгию. Всем внезапно потребовались поддельные документы, билеты в дальние края.

Вслед за неудачей в Пети-Кламар и допросом арестованных участников покушения провалились три большие, не связанные между собой законспирированные группы. Пользуясь информацией, полученной от агентов Отдела противодействия, французская полиция проваливала явку за явкой, раскрывала тайники с оружием и боеприпасами. Два заговора с целью убийства де Голля были подавлены в зародыше: заговорщиков арестовали при их второй встрече.

Трусливое бегство лидеров вызвало небывалое падение морального духа нижних эшелонов. Сторонники ОАС во Франции, ранее всегда готовые помочь, укрыть разыскиваемого, перевезти партию оружия, передать донесение, сообщить нужные сведения, теперь бросали трубку, бормоча что-то невразумительное.

Пока НСС проводил заседания и разглагольствовал о восстановлении демократии во Франции, Родин мрачно просматривал документы, отражающие реальную ситуацию. Недостаток средств,

---

[2] Примечания: 2

НСС — Национальный совет сопротивления.

потеря поддержки внутри страны и за рубежом, сокращение численности, кризис доверия — ОАС быстро разваливалась под ударами французской службы безопасности и полиции.

«Человек, которого никто не знает...» — таким стал итог раздумий Родина. Он просмотрел список тех, кто не моргнув глазом выстрелил бы в президента. На каждого из них в штаб-квартире французской полиции имелось досье, толстое, как библия. Если б дело обстояло иначе, ему, Родину, не пришлось бы прятаться в отеле заваленного снегом австрийского городка.

«Человек, которого никто не знает...» Вновь и вновь возвращался он к этой мысли. Если такого человека можно найти... Если такой человек действительно существует. Не торопясь, обстоятельно, Родин начал строить новый план в расчете на этого человека, прикидывая возможные препятствия и способы их преодоления. План оказался без изъянов, не споткнулся даже о секретность. Марк Родин надел пальто и спустился вниз. Свежий воздух снял головную боль. вызванную долгим пребыванием в теплом, прокуренном номере. Он повернул налево, к почте, и послал несколько коротких телеграмм своим коллегам, живущим под вымышленными

фамилиями в южной части ФРГ, Австрии, Италии и Испании, сообщая, что уезжает на пять-шесть недель для выполнения срочного задания.

Ему пришло в голову, что для кого-то эти телеграммы станут свидетельством его бегства от службы безопасности. Родин пожал плечами. Пусть думают, что хотят, время объяснений закончилось.

Он перекусил в ресторане, собрал чемоданы, заплатил по счету и уехал, отправившись на поиски человека, которого, возможно, и не существовало на белом свете.

* * *

Когда Марк Родин садился в поезд, самолет авиакомпании BOAC «Comet 4B» заруливал на стоянку, приземлившись на полосе 04 лондонского аэропорта. Он прилетел из Бейрута. Среди пассажиров был высокий светловолосый англичанин, с отменным загаром, полученным под жарким солнцем Среднего Востока. Прекрасному настроению англичанина способствовал не только двухмесячный отпуск в гостеприимном Ливане, но и внушительная сумма, переведенная из банка Бейрута на его счет в Швейцарии.

В далеком прошлом осталась пустыня Египта.

Много воды утекло с того дня, когда недоумевающие и разъяренные полицейские похоронили двух немецких инженеров-ракетчиков, каждый из которых получил пулю в спину. Их внезапная кончина на несколько лет застопорила программу создания ракеты, начатую Насером, и нью-йоркский миллионер, придерживающийся сионистских взглядов, поздравил себя с удачным помещением капитала. Деньги англичанин отработал. Пройдя таможенный досмотр, он взял такси и поехал я свою квартиру в Мейфлауэ.

* * *

Поиски Родина затянулись на девяносто дней, и их результатом стали три тонких досье в корочках из картона, которые Родин постоянно держал при себе. В середине июня он вернулся в Австрию и поселился в Вене, в маленьком пансионе Клейста на Брукнералле.

С главного почтамта он послал две телеграммы, в Больцано на севере Италии и в Рим, вызывая на совещание в Вену своих помощников. Они прибыли на следующий день. Рене Монклер — на взятой напрокат машине из Больцано, Андре Кассон — самолетом из Рима. Под вымышленными фамилиями и по поддельным документам, так

как они оба находились в самом верху в списках резидентов СДЭКЭ в Италии и Австрии, и агенты службы безопасности тратили немало сил и денег, пытаясь держать их под наблюдением.

Андре Кассон приехал в пансион Клейста первым, за семь минут до назначенного срока. Он попросил шофера такси остановиться на углу Брукнерралле и несколько минут поправлял галстук перед витриной цветочного магазина, а уж затем быстро вошел в пансион. Родин, как обычно, поселился под вымышленной фамилией, которой были подписаны телеграммы.

— Герра Шульца, пожалуйста, — по-немецки обратился Кассон к молодому человеку за конторкой.

Тот сверился с регистрационной книгой.

— Комната шестьдесят четыре. Вас ждут, сэр?

— Да, конечно, — ответил Кассон и направился к лестнице.

Поднявшись на второй этаж, он пошел по коридору, поглядывая на номерные таблички на дверях. Найдя нужную дверь, он поднял руку, чтобы постучать, но ее грубо схватили сзади. Обернувшись, Кассон увидел над собой мрачное, заросшее щетиной лицо с ничего не выражающими глазами под густыми бровями. Мужчина

выскользнул из ниши, находившейся в дюжине футов от лестницы, и, несмотря на тонкий ковер, Кассон не услышал звука его шагов.

— Вам чего? — спросил гигант, крепко держа Кассона за правую руку.

На мгновение у того перехватило дыхание, ему вспомнилось февральское похищение Арго из отеля «Эден-Вольф». Но тут он узнал в гиганте польского легионера, воевавшего под началом Родина в Индокитае. Он знал, что Родин иногда использует Виктора Ковальски для особых поручений.

— У меня назначена встреча с полковником Родином, Виктор, — мягко ответил он. Брови Ковальски чуть шевельнулись при упоминании имени его босса. — Я — Андре Кассон.

Не отпуская посетителя, Ковальски левой рукой постучал в дверь с табличкой «64».

— Да, — ответили изнутри.

Ковальски приник ртом к деревянной панели.

— К вам гость.

Дверь чуть приоткрылась. Родин выглянул в щель, затем широко распахнул дверь.

— Мой дорогой Андре. Извините за столь нелюбезный прием, — он кивнул Ковальски. — Все нормально, капрал, я знаю этого человека.

Железные тиски ослабли, Кассон опустил руку и прошел в комнату. Родин что-то сказал Ковальски и закрыл дверь. Поляк вернулся в нишу.

Родин пожал руку Кассону и отвел его к двум креслам, стоящим перед газовым камином. Несмотря на середину июня, на улице сыпал холодный мелкий дождь, а они оба привыкли к теплому климату Северной Африки. Кассон снял плащ и сел перед огнем.

— Вы обычно не прибегаете к таким мерам предосторожности, Марк, — заметил он.

— Я забочусь не о себе, — ответил Родин. — Мне нужно время, чтобы избавиться от документов, — он указал на толстый конверт, лежащий на столе у окна рядом с брифкейсом. — Поэтому я и привез Виктора. Что бы ни случилось, он даст мне шестьдесят секунд, и я успею уничтожить бумаги.

— Наверное, они очень важные.

— Возможно, возможно, — в голосе Родина слышалась нотка удовлетворенности. — Но мы подождем Рене. Я просил его прийти в четверть двенадцатого, чтобы вы не появились в коридоре одновременно. Виктор нервничает, когда вокруг много незнакомых людей.

Родин позволил себе одну из редких для него улыбок, подумав о том, что происходит, когда

нервничающий Виктор достает из-под левой подмышки тяжеленный кольт. В дверь постучали. Родин подошел к ней и прижался ртом к дереву.

— Да?

На этот раз из коридора донесся взволнованный возглас Монклера.

— Марк, ради бога…

Родин распахнул дверь. Гигант поляк горой возвышался над низеньким Монклером. Левая рука Виктора прижимала обе руки бухгалтера к его бокам.

— Это свой, Виктор, — пробормотал Родин, и Монклер облегченно вздохнул.

Прошел в комнату, скорчил гримасу Кассону, улыбающемуся из кресла. Дверь закрылась, и Родин объяснил своему второму помощнику причину такой подозрительности.

Пожав руки Родину и Кассону, Монклер снял пальто и остался в темно-сером, плохо сидящем на нем мятом костюме. Как и большинство бывших военных, привыкших к форме, Родин и Монклер чувствовали себя неуютно в гражданской одежде.

Родин усадил гостей в кресла у камина, а сам прошел за стол. Из шкафчика у кровати он достал бутылку французского коньяка и вопросительно

посмотрел на гостей. Те кивнули. Родин разлил коньяк по стаканам и два отнес Монклеру и Кассону. Все выпили, оба путешественника сразу согрелись.

Рене Монклер, плотный, невысокий, как и Родин, был профессиональным военным. Но в отличие от Родина, служил не в полевых частях, а при штабе. Последние десять лет — в финансовом подразделении Иностранного легиона. К весне 1963 года он стал казначеем ОАС.

Андре Кассон не служил в армии. Худощавый, подтянутый, он по-прежнему одевался, как управляющий банка. Этот пост он занимал в Алжире. Он был координатором подпольной деятельности ОАС—НСС на территории Франции.

Они оба, как и Родин, считались в ОАС сторонниками «жесткой» линии, хотя и по разным причинам. У Монклера был сын, девятнадцатилетний юноша, проходивший службу в Алжире в то время, когда его отец вел финансовые дела базы Иностранного легиона под Марселем. Майор Монклер так и не дождался возвращения сына. Его похоронил патруль Легиона, занявший деревню, где партизаны держали захваченного в плен рядового Монклера. Но отцу сообщили подробности того, что они сделали с юношей перед

смертью. В Легионе тайное быстро становится явным.

Андре Кассон родился в Алжире, посвятив всю жизнь работе, семье, дому. Центральное управление его банка находилось в Париже, так что он не остался бы без работы и после потери Алжира. Но он участвовал в мятеже поселенцев 1960 года, став одним из его организаторов в родном городе Константине. Даже после этого он сохранил свою должность, но по тому, с какой скоростью закрывались счета постоянных клиентов, понял, что дни Франции в Алжире сочтены. Вскоре после военного мятежа, когда мелкие фермеры и торговцы без гроша в кармане тысячами потянулись в метрополию, он помог ОАС ограбить собственный банк на 30 миллионов старых франков. Младший кассир прознал и доложил о его участии в ограблении, на этом и закончилась банковская карьера Кассона. Он отослал жену с двумя детьми к ее родственникам, а сам присоединился к ОАС. Он лично знал несколько тысяч человек, симпатизирующих этой организации и проживающих во Франции.

* * *

Марк Родин сел за стол и внимательно посмотрел на Кассона и Монклера. Те молчат, хотя и чувствовалось, что их интересует причина столь внезапного вызова.

Неторопливо и методично Родин перечислил неудачи и поражения ОАС за последнее время. Его гости мрачно изучали дно опустевших стаканов.

— Мы должны смотреть правде в глаза. За четыре месяца нам нанесено три серьезных удара. Я не буду вдаваться в детали, они вам известны. Несмотря на верность Арго нашим идеалам, нет сомнений в том, что современные методы допроса, включая, возможно, психотропные препараты, позволят полиции получить информацию, которая поставит под угрозу существование всей организации. Мы должны будем создавать ее заново. Но начинать сейчас гораздо труднее, чем год назад. Тогда мы могли рассчитывать на тысячи добровольцев, горящих энтузиазмом и патриотизмом. Теперь многое изменилось. Я не склонен винить в этом только наших сторонников. Они ждут реальных результатов, а не пустых обещаний.

— Хорошо, хорошо. К чему вы клоните? — пре-

рвал его Монклер.

Оба понимали, что Родин прав. Монклер лучше других знал, что деньги, добытые ограблением банков в Алжире, ушли на содержание организации, а поступления от промышленников, придерживающихся правых взглядов, стали не столь щедрыми. Его просьбы о деньгах встречались уже с плохо скрываемым пренебрежением. И Кассон видел, что каналы связи с Францией с каждой неделей становились все менее надежными. Явки проваливались, а после похищения Арго многие отвернулись от ОАС. Расстрел Бастьена-Тири ускорил этот процесс. Резюме Родина лишь подвело черту. Итог получился весьма и весьма неутешительным.

Родин продолжал, словно не услышав вопроса:

— В сегодняшней ситуации главная цель нашего движения за освобождение Франции — физическое уничтожение предателя, засевшего в Елисейском дворце. Без этого наши дальнейшие планы неизбежно обречены на провал. Но, по моему глубокому убеждению, осуществить ее традиционными методами не представляется возможным. Я не могу, господа, вовлекать патриотически настроенных юношей в новые заговоры, которые уже через несколько дней пе-

рестают быть тайной для французского гестапо. Короче, среди нас слишком много колеблющихся, а то и просто доносчиков. Воспользовавшись этим, агенты службы безопасности столь глубоко проникли в наши ряды, что им становятся известны решения самых секретных заседаний. Они сразу узнают, что мы задумали, каковы наши планы, кто будет их исполнять. Неприятно говорить об этом, но убежден, что, думая иначе, мы не вырвемся из порочного круга. По моему разумению, есть только один способ решить наипервейшую задачу, уничтожить нашего главного врага. Способ этот позволит отсечь армию шпионов и осведомителей, лишить преимуществ службу безопасности, поставить ее лицом к лицу с неведомым. Они даже не будут знать, откуда последует удар.

Монклер и Кассон жадно ловили каждое слово.

— Если мы согласимся, что моя оценка создавшейся ситуации, к сожалению, соответствует действительности, — продолжал Родин, — тогда мы должны признать: все, что мы делаем или собираемся сделать, становится известно тайной полиции. И на нашего человека, посланного во Францию с заданием убить предателя, сразу же начнется охота, причем преследовать его будет

не только полиция, но и барбудос и их бандиты. Я пришел к выводу, господа, что у нас остался единственный альтернативный вариант — обратиться к услугам постороннего.

Монклер и Кассон, кажется, начали понимать ход мыслей своего шефа.

— Что значит «постороннего»? — все-таки спросил Кассон.

— Прежде всего, это должен быть иностранец. Не являющийся членом ОАС или НСС. Не известный полиции Франции, не упомянутый ни в одном досье. Слабость всех диктатур в засилье бюрократии. Чего нет в досье, того не существует. Он приедет в Париж по фальшивому паспорту, выполнит поручение и скроется в своей стране, а народ Франции поднимется, чтобы смести деголлевскую шайку, оставшуюся без главаря. Не будет ничего страшного, даже если его схватят, потому что мы в любом случае освободим его, взяв власть. Главное, чтобы он смог проникнуть во Францию незамеченным и не вызывая подозрений. Сейчас никто из нас на это не способен.

Оба слушателя молчали, переваривая план Родина, свыкаясь с его неординарностью.

Монклер присвистнул.

— Профессиональный убийца. Наемник.

— Совершенно верно, — кивнул Родин. — И не будем никого смешить, предполагая, что посторонний человек возьмется за такое дело из любви к нам или во имя патриотизма или чего-то еще. Уровень и значимость операции требуют, чтобы мы обратились к настоящему профессионалу. А они работают только за деньги, большие деньги, — добавил он, бросив взгляд на Монклера.

— Но сможем ли мы найти такого человека? — спросил Кассон.

Родин поднял руку:

— Всему свое время, господа. Нам придется обсудить массу деталей. Но прежде всего я хочу знать, согласны ли вы с основной идеей?

Монклер и Кассон переглянулись. Затем, повернувшись к Родину, медленно кивнули.

— Отлично, — Родин откинулся на спинку стула, — Будем считать, что по первому пункту принципиальное согласие достигнуто. Второй касается секретности операции. С моей точки зрения, остается все меньше людей, на которых можно положиться с абсолютной уверенностью в том, что полученная ими информация не попадет к кому-то еще. Вышесказанное ни в коей мере не означает, что я не доверяю нашим коллегам в руководстве ОАС или НСС. Но народная

мудрость гласит, чем больше людей знает секрет, тем меньше вероятность того, что он останется таковым. Наш план может строиться только на полной секретности. Следовательно, о нем должны знать единицы. В ОАС есть агенты службы безопасности, которые заняли высокие посты, но еще не передали известные им сведения своим хозяевам. Эти люди ждут своего часа, а пока представляют собой потенциальную опасность. Среди политиков НСС есть слишком трусливые и слишком нерешительные, и они не смогут осознать значимости нашего плана. Я не хочу подвергать опасности жизнь любого человека, поставив этих людей в известность о его существовании. Я вызвал вас, Рене, и вас, Андре, потому что полностью уверен в вашей верности нашему общему делу и вашему умению хранить тайну. Более того, реализация подготовленного мною плана потребует вашего активного участия, Рене, как казначея, ибо профессиональному убийце наверняка придется заплатить. Не обойтись нам и без вашей помощи, Андре. Вы должны подобрать людей, к которым он сможет обратиться, находясь во Франции. Но я не вижу оснований для того, чтобы посвящать в наши планы кого-то еще. Поэтому предлагаю следующее. Мы втроем

образуем комитет, который возьмет на себя всю ответственность за саму идею, подготовку ее реализации, осуществление и финансирование.

В комнате повисла тишина.

— Вы хотите, чтобы мы оставили в неведении весь совет ОАС в НСС? — спросил Кассон. — Им это не понравится.

— Прежде всего, они ни о чем не узнают, — спокойно возразил Родин. — Если мы выйдем к ним с нашими планами, потребуется проведение пленарного заседания. Уже это привлечет внимание, и барбудос приложат все силы, чтобы разузнать, зачем оно созвано. Следовательно, возможна утечка информации. Если мы будем встречаться с членами совета по отдельности, пройдет не одна неделя, прежде чем мы получим разрешение действовать. А потом они захотят, чтобы мы отчитывались перед ними за каждый шаг. Все политики одинаковы, они вечно хотят все знать, нужно это им или не нужно. Нам они ничем не помогут, но любой из них одним неосторожным словом может поставить под удар исход всей операции. Далее, когда одобрение совета ОАС и НСС будет получено, мы еще не сдвинемся с места, а тридцать человек уже будут знать о наших намерениях. Если же мы возьмем всю

ответственность на себя, а операция завершится неудачей, положение нашего движения по меньшей мере не ухудшится. Нас, несомненно, накажут, но не более того. Если же дело выгорит, мы придем к власти и никто не станет упрекать нас за проявленную инициативу. Вопрос о том, что нужно сделать, чтобы уничтожить диктатора, перейдет в разряд теоретических. Короче, вы оба согласны помогать мне в претворении в жизнь моего плана?

Вновь Монклер и Кассон переглянулись и кивнули, повернувшись к Родину. Это была их первая встреча после похищения Арго. Когда тот возглавлял оперативный штаб, Родин держался в тени. Теперь он выдвинулся в лидеры. Такая разительная перемена произвела впечатление и на руководителя подполья, и на казначея.

Родин улыбнулся.

— Хорошо. А теперь перейдем к более детальному обсуждению. Идея воспользоваться услугами наемного профессионального убийцы впервые пришла мне в голову в тот день, когда радио сообщило о расстреле бедняги Бастьена-Тири. С тех пор я искал нужного нам человека. Естественно, выйти на таких людей нелегко, они не рекламируют свое ремесло. Я занимался этим с середины

марта, и вот результат моих трудов.

Он поднял со стола три тонкие папки в картонных корочках. Монклер и Кассон молча ждали продолжения.

— Я думаю, будет лучше, если вы изучите эти досье, прежде чем мы обсудим, на ком следует остановить наш выбор. Все досье лишь в одном экземпляре, так что читать вам придется по очереди. Я уже составил мнение о всех кандидатах.

Одну папку он отдал Монклеру, вторую — Кассону. Третью оставил у себя, но даже не раскрыл. Их содержание он знал наизусть.

Кассон закончил первым и, подняв голову, недоуменно посмотрел на Родина.

— Это все?

— Они не афишируют подробности своей жизни. Прочитайте вот это, — и он протянул Кассону третью папку.

Несколько секунд спустя Монклер дочитал свое досье и отдал Родину, получив взамен досье Кассона. На этот раз первым закончил Монклер и пожал плечами.

— Ну… информации тут немного, и у нас наверняка есть пятьдесят таких же парней, а то и лучше. Стрелять…

Его прервал Кассон.

— Подождите, сейчас я отдам вам это досье, — он перевернул последнюю страницу и пробежал глазами три оставшиеся абзаца.

Закрыл папку, взглянул на Родина. Тот молча взял досье и передал его Монклеру, Кассон получил досье, которое Монклер прочитал первым. Четыре минуты спустя они оба закончили чтение.

Родин собрал досье и положил их на стол. Взял стул, поставил его сиденьем к камину и сел лицом к гостям, положив руки на спинку.

— Как я и говорил, господа, выбор невелик. Возможно, есть еще люди, занятые этим же делом, но найти их без архивов службы безопасности чертовски трудно. А сведений о лучших из них скорее всего нет ни в каких архивах. Вы прочитали о троих. Немец, южноафриканец, англичанин. Кому отдать предпочтение. Андре?

Кассон хмыкнул.

— По-моему, и спорить не о чем. Если все, что здесь написано, правда, англичанин выше их на голову.

— Рене?

— Я согласен. Немец уже староват. Политика — не его сфера, если не считать того, что он убрал нескольких израильских агентов по заданию

оставшихся в живых высокопоставленных нацистов, когда те вышли на их след. Кроме того, возможно, им руководили личные мотивы, к примеру, нелюбовь к евреям, а для профессионала это минус. Южноафриканец хорош с негритянскими лидерами, вроде Лумумбы, но убрать президента Франции — совсем другое дело. К тому же, англичанин бегло говорит по-французски.

Родин коротко кивнул:

— Я не сомневался в вашем выборе. Даже до того, как я закончил сбор материалов, мне стало ясно, на ком мы остановимся.

— А вы уверены в этом англосаксе? — спросил Кассон. — Он действительно выполнил все эти поручения?

— Меня тоже несколько удивили его успехи. Поэтому я уделил ему больше времени. Прямых доказательств нет. Кстати, их наличие — дурной знак. Это означало бы, что к его въезду в страну отнесутся с подозрением. Против него нет ничего, кроме слухов. Официально его репутация чиста, как свежевыпавший снег. Даже если англичане и завели на него досье, в нем нет ничего, кроме вопросительных знаков. Сведений о нем наверняка нет и в Интерполе. И едва ли англичане уведомят СДЭКЭ о его существовании, если по-

лучат запрос по дипломатическим каналам. Вы знаете, эти службы терпеть не могут друг друга. Они же промолчали, когда Жорж Бидо в январе этого года приехал в Лондон. В общем, в наш план англичанин вписывается лучше остальных, но…

— Что «но»? — спросил Монклер.

— Он обойдется недешево. Такой запросит крупную сумму. Как наши финансы, Рене?

Монклер пожал плечами.

— Неважно. Расходы, правда, уменьшились. После похищения Арго все герои НСС переселились в дешевые отели. У них начисто пропала охота к роскошным апартаментам и телевизионным выступлениям. С другой стороны, иссякают и поступления. Нужно добывать деньги, иначе мы окажемся на мели.

Родин мрачно кивнул:

— Я так и думал. Деньги мы, конечно, достанем. Но сначала нужно узнать, сколько он запросит…

— То есть наш следующий шаг, — вставил Кассон, — связаться с англичанином и спросить, берется ли он за это дело и за какую сумму.

— Да, если мы решим начать операцию. — Родин поочередно взглянул на Кассона и Монклера. Те кивнули. Посмотрел на часы. — Начало второго. В Лондоне у меня есть агент. Я ему сейчас

позвоню, он свяжется с этим человеком и попросит приехать сюда. Если он сможет прилететь в Вену вечерним рейсом, мы встретимся здесь после обеда. В любом случае мой агент перезвонит мне. Я взял на себя смелость снять вам две соседние комнаты. Думаю, находиться вместе под охраной Виктора лучше, чем порознь, но без телохранителя. На всякий случай, вы понимаете.

— Вы не сомневались в нашем согласии? — спросил Кассон, слегка задетый тем, что его действия оказались предугаданными.

Родин пожал плечами.

— На сбор информации ушло много времени. Поэтому теперь оно дорого вдвойне. Если мы решили действовать, то нужно спешить.

Он встал, поднялись и его гости. Позвал Виктора и попросил взять у портье ключи от комнат 65 и 66 и принести сюда.

— Я позвоню с главного почтамта. Виктор пойдет со мной. Пока меня не будет, посидите в одной комнате. Кстати, у вас есть оружие?

Оба покачали головой. Родин подошел к секретеру, достал пистолет МДВ калибра 9 мм. Проверил, заряжен ли он, и протянул Монклеру:

— Вы знаете, как с ним обращаться?

Монклер кивнул:

— Еще бы, — и взял пистолет.

Вернулся Виктор и отвел их в комнату Монклера. Когда он вновь заглянул в дверь, Родин застегивал пуговицы пальто.

— Пойдемте, капрал, у нас есть дела.

* * *

Самолет авиакомпании BEA, вылетевший из Лондона, приземлился в венском аэропорту, когда сумерки переходили в ночь. В хвостовом салоне светловолосый англичанин, сидевший у окна, не отрывал глаз от посадочных огней, мелькающих под снижающимся самолетом. Ему нравилось наблюдать, как тает расстояние до земли, увеличиваются в размерах прожектора. Казалось, что колеса вот-вот коснутся травы, но в последний момент трава и огни исчезли и самолет покатился по темной бетонной полосе. Точность посадки пришлась ему по душе. Он уважал точность.

Рядом с ним сидел молодой француз, сотрудник Французского туристического агентства на Пикадилли, и нервно поглядывал на соседа. Француз не мог прийти в себя после телефонного звонка во время перерыва на ленч. Чуть ли не год назад, находясь в отпуске в Париже, он выразил жела-

ние помочь ОАС. Пока продолжайте работать на прежнем месте, сказали ему, с вами свяжутся. Инструкции будут переданы письмом или по телефону. И в том и другом случае паролем послужат начальные слова: «Дорогой Пьер…» Звонок раздался только сегодня, 15 июня.

Телефонистка сказала, что ему звонят из Вены, добавив «в Австрии», чтобы не спутать с городом под тем же названием во Франции. Недоумевая, кто это может быть, он взял трубку, чтобы услышать: «Мой дорогой Пьер…»

Потребовалось несколько секунд, чтобы он вспомнил, что это значит.

После перерыва, сославшись на головную боль, он отпросился с работы и отправился по указанному адресу на улицу Саут Одли, нашел дом и квартиру. Дверь открыл англичанин. Он нисколько не удивился, когда француз предложил ему вылететь в Вену через три часа. Быстро собрал сумку, и на такси они отправились в аэропорт Хитроу. Так же спокойно англичанин достал из кармана деньги на обратные билеты, когда француз признался, что не подумал об оплате наличными и взял с собой только паспорт и чековую книжку.

В самолете они не обменялись и парой слов.

Англичанин не спросил, зачем они летят в Вену и к кому. Француза это только радовало, потому что он и не мог дать вразумительного ответа. Согласно полученным инструкциям, от него требовалось лишь позвонить из лондонского аэропорта и подтвердить вылет рейсом BEA, а по прибытии в Вену обратиться в Справочную службу. Таинственность происходящего нервировала его, а подчеркнутое спокойствие англичанина взвинчивало еще больше.

В главном зале аэропорта симпатичная австрийская девушка в окошке Справочной службы повернулась к стойке с ячейками, когда он назвал себя, нашла маленький желтый бланк с его фамилией и протянула ему. «Позвоните 61–44-03, спросите Шульца», — прочитал он и направился к кабинкам телефонов-автоматов в дальнем конце зала. Англичанин хлопнул его по плечу и указал на окошко с надписью «Размен».

— Вам понадобятся местные деньги, — пояснил он по-французски. — Даже в Австрии за телефон надо платить.

Француз покраснел и пошел обменивать деньги, а англичанин уселся поудобнее на одну из многочисленных кушеток и закурил. Минутой позже его попутчик вернулся с несколькими ав-

стрийскими банкнотами и пригоршней мелочи.

Разговор с герром Шульцем не затянулся. Отдав короткий приказ, тот повесил трубку.

Светловолосый англичанин поднялся навстречу французу.

— Едем? — спросил он.

— Едем, — кивнул тот, смял бланк с телефонным номером и бросил на пол.

Англичанин подобрал бланк, развернул и поднес к пламени зажигалки. А пепел растер элегантным замшевым ботинком. Молча они вышли из здания аэропорта и сели в такси.

Центр Вены сиял огнями, сотни машин запрудили улицы, и до пансиона Клейста они добирались сорок минут.

— Здесь мы расстанемся. Меня попросили привезти вас сюда, а самому поехать куда-нибудь еще. Вас ждут в комнате 64.

Англичанин кивнул и вылез из машины. Шофер вопросительно взглянул на француза.

— Поезжайте, — бросил тот, и такси тронулось с места.

Англичанин взглянул на номер дома, опустил в урну недокуренную сигарету и вошел в холл.

Портье стоял к нему спиной, но скрипнувшая дверь заставила его обернуться. Англичанин

прямиком направился к лестнице. Портье хотел было спросить, что тому нужно, но англичанин взглянул на него, кивнул и произнес по-немецки: «Добрый вечер».

— Добрый вечер, мой господин, — автоматически ответил портье, но когда последнее слово слетело с его губ, блондин уже поднялся на второй этаж.

На верхней ступеньке он остановился и оглядел коридор. На дальней двери висела табличка «68». От комнаты 64 его отделяли двадцать футов коридора, две двери справа и небольшая ниша, закрытая красной портьерой, слева.

Из-под портьеры, не доходящей до пола на четыре дюйма, виднелся черный носок. Англичанин повернулся и спустился в холл. На этот раз портье его ждал. По крайней мере, успел открыть рот, чтобы задать вопрос.

— Соедините меня с комнатой 64, пожалуйста, — англичанин вновь опередил его.

Взглянув на него, портье счел за лучшее ни о чем не спрашивать и повиновался. Убедившись, что герр Шульц его слушает, он протянул трубку англичанину.

— Если через пятнадцать секунд ваша горилла не выйдет из ниши, я еду домой, — сказал блон-

дин и положил трубку на рычаг. Затем вновь поднялся на второй этаж.

Из-за двери номер 64 появился Родин, взглянул на англичанина, затем позвал: «Виктор».

Из ниши вышел поляк, повернулся к Родину, к англичанину.

— Все в порядке, — успокоил его Родин. — Я жду этого человека.

Ковальски что-то пробурчал. Англичанин шагнул в коридор.

Родин пригласил его пройти в комнату. За столом, заваленным бумагами, стояли три стула с высокими спинками. На крайних сидели Кассон и Монклер, с любопытством разглядывая пришедшего. Перед столом стульев не было. Англичанин выбрал одно из кресел и пододвинул его к столу. К тому времени, когда Родин объяснил Виктору, что от него требуется, и закрыл дверь, англичанин уже сидел в кресле и в свою очередь переводил взгляд с Кассона на Монклера. Родин сел между ними.

Несколько секунд он всматривался в лондонского гостя. То, что он видел, ему нравилось, а он разбирался в людях. Шесть с небольшим футов роста, чуть старше тридцати лет, спортивная фигура, загорелое лицо, интересное, но

не бросающееся в глаза, спокойно лежащие на подлокотниках кресла руки. Человек, в совершенстве владеющий собой. Но его беспокоили глаза. Ему доводилось видеть покорные, мокрые от близких слез глаза слабаков, бегающие глаза психопатов, настороженные глаза солдат. Но открытый, искренний взгляд англичанина был для него откровением. За исключением серой с блестками радужной оболочки, глаза его казались затуманенными, словно подернутыми изморозью зимнего утра. Не сразу понял Родин, что они ничего не выражают. Какие бы мысли ни роились за ними, ни одна не прорывалась наружу. Родину стало не по себе. Привыкший жить по уставам и инструкциям, он не любил непредсказуемого и, следовательно, неконтролируемого.

— Мы знаем, кто вы такой, — резко начал он. — Поэтому я прежде всего представлюсь. Я — полковник Марк Родин…

— Я знаю, — прервал его англичанин. — Вы — начальник оперативного штаба ОАС. Вы — Рене Монклер, казначей, а вы месье Андре Кассон, руководитель подполья на территории Франции, — и он неторопливо достал из кармана пачку сигарет.

— Вам, похоже, известно слишком много, —

процедил Кассон, пока англичанин закуривал.

Тот откинулся в кресле и выпустил струю дыма.

— Господа, будем откровенны. Я знаю, кто вы, а вы — кто я. Все мы занимаемся необычным родом деятельности. За вами охотятся, в то время как я волен ехать, куда захочу, безо всякой слежки. Я работаю за деньги, вы — из идейных соображений. Но конкретные задачи мы решаем профессионально. Поэтому не будем ходить вокруг да около. Вы наводили обо мне справки. Вполне естественно, что слухи об этом скоро дошли до меня. И я захотел узнать, кто же интересуется мной. Меня могли искать только по двум причинам: чтобы отомстить или предложить новую работу. В моем случае знать точную причину — жизненная необходимость. Выяснив, кто именно проявляет интерес к моей особе, я отправился в библиотеку Британского музея. За два дня по подшивкам французских газет я получил обширную информацию о вас и вашей организации. Так что визит вашего посыльного сегодня днем не явился для меня сюрпризом. Я знаю, кто вы и кого представляете. Теперь я хочу спросить, что вам нужно?

Молчание затянулось. Кассон и Монклер по-

глядывали на Родина. Начальник оперативного штаба и англичанин не сводили глаз друг с друга. Родин уже понял, что ему нужен как раз такой человек, какой сидел перед ними. И теперь ему не требовалось чье-то мнение, Кассона или Монклера.

— Так как вы ознакомились с газетными материалами, я не буду докучать вам мотивами наших действий, которые вы сочли идеалистическими. Мы верим, что Францией правит диктатор, который надругался над нашей страной и растоптал ее честь. Мы верим, что его режим падет и Франция будет возвращена французам, как только он уйдет из этого мира. Из шести попыток покушения, предпринятых нашими сторонниками, три были раскрыты на ранних стадиях, одна — в день покушения, две имели место, но не принесли желаемого результата. Мы рассматриваем, пока только рассматриваем, возможность привлечения профессионала. Но мы не хотим попусту тратить наши деньги. Прежде всего мы хотели бы знать, осуществимо ли это?

Родин тонко вел свою партию. Последний вопрос, ответ на который он знал заранее, чуть приоткрыл дымовую завесу глаз англичанина.

— В мире нет человека, защищенного от пули

убийцы. — ответил тот. — Де Голль часто появляется на людях. Конечно, его можно убить. Дело в том, что шансы на спасение невелики. Фанатик, готовый умереть ради того, чтобы убить диктатора, более всего подходит для ваших целей. Но я заметил, что, несмотря на ваш идеализм, вы еще не смогли найти такого фанатика. Покушения в Пон-де-Сен и Пети-Кламар провалились, потому что никто не захотел рискнуть собственной жизнью.

— И сейчас есть патриотически настроенные французы, готовые… — начал Кассон, но Родин остановил его взмахом руки.

Англичанин даже не взглянул на него.

— А как поступил бы профессионал? — спросил Родин.

— Профессионал не стал бы горячиться, вел себя спокойнее и, по меньшей мере, не допустил бы элементарных ошибок. Профессионал — не идеалист, и в последнюю минуту ему в голову не полезут мысли о том, кто еще может пострадать в ходе покушения. Профессионал тщательно просчитывает все варианты. Поэтому шансов на успех у него больше, чем у кого бы то ни было. Но он не возьмется за работу, не имея плана, который позволит не только выполнить задание,

но и самому остаться целым и невредимым.

— Вы полагаете, что такой план можно разработать? Применительно к де Голлю?

Англичанин ответил не сразу.

— В принципе да. Но в этом случае задача усложняется. И значительно.

— Почему? — спросил Монклер.

— Потому что де Голль предупрежден. Не о конкретном покушении, но вообще. У всех видных государственных деятелей есть телохранители, служба безопасности, но если проходит год за годом, а покушений нет, проверки становятся формальными, бдительность притупляется. Единственная пуля, обрывающая жизнь жертвы, совершенно неожиданна и вызывает панику. Пользуясь этим, убийца уходит незамеченным. В нашем случае ни о каком притуплении бдительности не может быть и речи. Служба безопасности начеку, и если пуля попадет в цель, ее агенты не впадут в панику, но бросятся за убийцей. Ваше задание выполнимо, но на текущий момент оно одно из труднейших. Видите ли, господа, ваши собственные попытки убрать президента не только закончились неудачей, но и осложнили жизнь идущим следом.

— Если мы решим обратиться к услугам про-

фессионала… — начал Родин.

— Вы должны обратиться к профессионалу, — прервал его англичанин.

— Но почему? Есть много людей, готовых убить де Голля из чисто патриотических побуждений.

— Да, есть Ватин и Кюрютше, — согласился блондин. — И еще не перевелись Бастьены-Тири. Но вы трое вызвали меня не для того, чтобы порассуждать об основах теории политического убийства, и не потому, что у вас перевелись боевики. Вы обратились ко мне, придя к логическому заключению, что ваша организация нашпигована агентами службы безопасности и все ваши решения недолго остаются секретом. А кроме того, все вы хорошо известны каждому французскому полицейскому. Поэтому вам понадобился человек со стороны. И вы правы. Такое задание по плечу только тому, кто никоим образом не связан с ОАС. Остается только решить, кто он и сколько запросит. Но, господа, я думаю, вы уже обговорили список возможных кандидатов, не так ли?

Родин искоса взглянул на Монклера. Тот кивнул. Как и Кассон. Англичанин в это время равнодушно смотрел в окно.

— Вы убьете де Голля? — решился наконец

Родин.

Англичанин повернулся к начальнику оперативного штаба.

— Да, но это будет стоить денег.

— Сколько? — спросил Монклер.

— Вы должны понимать, что такая работа становится последней. Других уже не будет. Шансы не только избежать ареста, но и остаться неузнанным очень малы. И вознаграждение должно быть достаточно велико, чтобы жить в достатке до конца дней и иметь возможность защититься от мести голлистов.

— Когда Франция станет нашей, — вмешался Кассон, — у нас будут неогра…

— Я беру наличными, — прервал его англичанин. — Половину — вперед, половину — после завершения операции.

— Сколько? — спросил Родин.

— Полмиллиона.

Родин взглянул на Монклера, тот скривился.

— Это большие деньги, полмиллиона новых франков…

— Долларов, — поправил англичанин.

— Долларов? — Монклер даже подпрыгнул. — Вы сошли с ума?

— Отнюдь, — спокойно возразил англича-

нин. — Я — лучший специалист и, следовательно, самый дорогой.

— Мы можем найти и подешевле, — буркнул Кассон.

— Да, можете, — бесстрастно согласился англичанин, — но они возьмут половину суммы и исчезнут, а потом станут объяснять, почему задание оказалось невыполнимым. Лучшим надо и платить соответственно. Я стою полмиллиона долларов. Учитывая, что вы рассчитываете получить Францию, вы слишком дешево цените вашу страну.

Родин, не принимавший участия в этой словесной перепалке, не мог не признать правоты англичанина.

— Touche. Но дело в том, месье, что у нас нет полумиллиона долларов наличными.

— Мне это известно, — ответил англичанин. — Если Вы хотите, чтобы я выполнил ваше задание, деньги придется добыть. Я обойдусь без этой работы, вы понимаете? Последнее дело обеспечило мне несколько лет безбедной жизни. Но меня привлекает идея отхода от дел. За такую цену я готов пойти на риск. Ваши друзья получат еще более крупный куш — целую страну. Однако риск их отпугивает. Мне очень жаль, но, если денег

у вас нет, вам придется готовить новые планы покушений самостоятельно, а потом наблюдать, как власти раскрывают их один за другим.

Он привстал, одновременно вдавив окурок в пепельницу. Поднялся и Родин.

— Сядьте, месье. Деньги мы достанем. — Оба сели.

— Хорошо, — кивнул англичанин, — но я должен поставить условия.

— Какие же?

— Вы обратились к постороннему человеку прежде всего потому, что в вашей организации постоянно идет утечка информации. Сколько человек знает, что вы в принципе решили нанять профессионала и конкретно меня?

— Только мы трое. Я пришел к этой мысли в день расстрела Бастьена-Тири. Все справки я наводил лично. Об этом никто не знает.

— Продолжим в том же духе. Протоколы встреч, записи, досье нужно уничтожить. Вся информация будет храниться в ваших головах. Учитывая февральское похищение Арго, я буду считать себя свободным от принятых обязательств, если полиция схватит кого-либо из вас троих. Вы должны находиться в каком-нибудь безопасном месте и под усиленной охраной до завершения операции.

Согласны?

— Конечно. Что еще?

— Планированием и осуществлением операции буду заниматься я. Один. Подробностей не узнает никто, даже вы. Короче, я исчезну. Вы не услышите и не увидите меня. У вас есть мой адрес и телефон в Лондоне, но я съеду с квартиры, как только завершу подготовку. В любом случае связываться со мной по этому адресу можно лишь при чрезвычайной необходимости. Если ее нет, никаких контактов. Я оставлю вам название моего банка в Швейцарии. Как только мне сообщат, что двести пятьдесят тысяч долларов переведены на мой счет, я начну действовать. Спешки я не люблю, но не стану и тянуть. Согласны?

— Да. Но наше подполье может, помочь вам, например, сообщать важные сведения. Некоторые из наших людей, занимают большие посты.

Англичанин задумался.

— Хорошо. Отправьте мне по почте один телефонный номер, лучше в Париже, чтобы я мог позвонить туда из любого уголка Франции. Я не буду сообщать о моем местопребывании, но буду звонить, чтобы получить последние сведения о мерах безопасности, принимаемых охраной президента. И человек на другом конце провода

не должен знать о том, что я делаю во Франции. Скажите ему, что я выполняю ваше задание и нуждаюсь в его помощи. Чем меньше ему будет известно, тем лучше. Он должен иметь действительно важные сведения, а не шелуху, которую печатают в газетах.

— Очень хорошо. Вы хотите работать один, без помощников и прикрытия. А как насчет поддельных документов? У нас есть два прекрасных специалиста.

— Я знаю, где взять документы. Благодарю.

— У нас во Франции разветвленная организация, — подал голос Кассон. — Такая же, как движение Сопротивления во время немецкой оккупации. Она целиком в вашем распоряжении.

— Нет, благодарю вас. Предпочитаю остаться в полной неизвестности. Никто не должен знать о моем существовании. Это мое самое сильное оружие.

— Но если что-то пойдет не так, вам придется бежать…

— Если что-то случится, то только по вашей вине. Я буду действовать самостоятельно. Ваше подполье, месье Кассон, не должно знать обо мне в силу тех же причин, по которым я оказался в этой комнате: в его рядах полным-полно агентов

службы безопасности.

Кассон побагровел от гнева. Монклер мрачно смотрел в окно, размышляя, где взять полмиллиона долларов. Родин не отрывал глаз от англичанина.

— Успокойтесь, Андре. Месье желает работать в одиночку. Пусть будет так. Это его право. Если б ему требовалось то внимание, что мы уделяли нашим снайперам, думаю, мы не согласились бы заплатить ему полмиллиона.

— А я хотел бы знать, как за короткий срок достать столько денег, — пробурчал Монклер.

— Ограбьте пяток-другой банков, — предложил англичанин.

— Во всяком случае, это наша забота, — вмешался Родин. — Прежде чем наш гость уедет в Лондон, есть ли у кого вопросы?

— А что помешает вам взять четверть миллиона долларов и скрыться? — спросил Кассон.

— Я же сказал, господа, что подумываю об отходе от дел. Я не хочу, чтобы армия ваших головорезов охотилась за мной. Тогда мне пришлось бы тратить на охрану больше, чем я сумел заработать. И что я буду делать, когда деньги кончатся?

— А что помешает нам, — не отставал Кассон, — отказаться от своих слов и не заплатить

вам второй половины запрошенной суммы после того, как вы выполните наше поручение?

— Причина та же, — ответил англичанин. — В этом случае мне придется поработать на себя. И тогда в прицеле моего ружья окажетесь вы, господа. Однако я думаю, что до этого не дойдет, не так ли?

— Ну, раз с этим все ясно, — вновь вмешался Родин, — не будем больше задерживать нашего гостя. О… еще один вопрос. Мы понимаем, что вы хотите сохранить анонимность, но нам надо как-то вас называть. Может, мы что-нибудь придумаем?

Думал англичанин недолго.

— Раз уж речь идет об охоте, как насчет Шакала?

Родин кивнул.

— Отлично. Мне нравится ваш выбор.

Он проводил англичанина до двери и открыл ее. Из ниши выступил Виктор. Впервые за вечер Родин улыбнулся и протянул руку наемному убийце.

— Мы постараемся связаться с вами как можно быстрее. А пока начинайте подготовку, чтобы не терять времени попусту. Хорошо? До свидания, месье Шакал.

Англичанин быстро спустился по ступенькам. Ночь он провел в гостинице аэропорта и первым же утренним рейсом улетел в Лондон.

* * *

А в комнате номер 64 пансиона Клейста Родин выслушивал жалобы и вопросы Кассона и Монклера, накопившиеся за три часа беседы с англичанином.

— Полмиллиона долларов, — вновь и вновь повторял Монклер. — Где мы возьмем полмиллиона долларов?

— Мы можем последовать совету Шакала и ограбить несколько банков, — ответил Родин.

— Мне не понравился этот человек, — стоял на своем Кассон. — Он работает один, без помощников. Такие люди опасны. Не знаешь, чего от них ждать.

Но Родин быстро закрыл дискуссию.

— Послушайте, мы нашли человека, который согласился убить президента Франции. Я немного разбираюсь в людях. Если кто-то на это способен, так это он. Теперь дело за нами. Пройдем нашу часть пути, чтобы он мог приступить к делу.

Глава 3

Во второй половине июня и в июле 1963 года по Франции прокатилась беспрецедентная волна ограблений банков, ювелирных магазинов, почтовых отделений. Такого не бывало ни до, ни после. Подробности этого разгула преступности уже принадлежат истории.

Чуть ли не каждый день в разных концах страны в банки врывались люди, вооруженные пистолетами, обрезами, автоматами. Ювелирные магазины грабили так часто, что прибывшие полицейские не успевали опросить перепуганных и зачастую избитых ювелиров и продавцов, как их вызывали на место аналогичного происшествия.

В двух банках застрелили клерков, когда те попытались оказать сопротивление, и в конце июля на помощь полиции пришлось послать войска республиканской безопасности, известные каждому французу, как КРС, специальные отряды, предназначенные для разгона демонстраций и подавления мятежей. Они получили на вооружение автоматические карабины, и вскоре посетители банков привыкли к тому, что, направляясь к кассирам, они проходили мимо

одного-двух охранников в синей форме КРС с заряженными автоматическими карабинами в руках.

В ответ на жалобы банкиров и ювелиров полиция участила ночные проверки банков, но пользы это не принесло, так как грабители не были профессионалами, вскрывающими по ночам стальные сейфы, но бандитами в масках, вооруженными и готовыми в любой момент нажать на курок.

Самыми опасными стали дневные часы, когда в любом банке или ювелирном магазине Франции могли появиться два или три человека в масках, с оружием наготове и криком «Деньги на стол!» нарушить заведенный распорядок дня.

В конце июля полиции удалось ранить, а потом захватить трех грабителей. Один оказался мелким воришкой, двое других — дезертирами из бывших колониальных частей. Эти признали, что связаны с ОАС. Несмотря на длительные допросы, ни один не смог объяснить, чем вызвана эта «банковская» война. Они лишь получили указание от главаря банды ограбить определенный банк или ювелирный магазин. Полиция пришла к выводу, что пленники не знают, какова общая цель этих ограблений. Мелкая сошка, они выполняли лишь

то, что им поручали. За это их брали в долю.

Властям Франции не потребовалось много времени, чтобы осознать, что за волной ограблений стоит ОАС, которой по какой-то причине срочно потребовались деньги. Но только в первой половине августа, и совсем из другого источника, они узнали, чем вызвана эта внезапная охота за деньгами и драгоценностями.

Участившиеся за две последние недели июня нападения на банки и другие места хранения денег и драгоценностей вызвали бурные протесты и привели к тому, что этими делами занялся комиссар Морис Бувье, многоопытный руководитель бригады сыскной полиции. В своем кабинете в доме 36 по набережной д'Орфевр он подсчитал, что общая сумма захваченных денег и драгоценностей, с учетом их перепродажи, к концу июля перевалила за два миллиона новых франков, или 400 тысяч долларов. За вычетом расходов на подготовку налетов и оплату услуг бандитов сумма оставалась весьма приличная, и комиссар ломал голову над ее предназначением.

В конце июня на стол генерала Гибо, директора СДЭКЭ, легло донесение начальника римского бюро. В нем отмечалось, что три главаря ОАС, Марк Родин, Рене Монклер и Андре Кассон, посе-

лились в отеле неподалеку от улицы Кондотти. Несмотря на высокую стоимость номеров, они сняли верхний этаж для себя, а расположенный под ним — для своих телохранителей. День и ночь охрану несли восемь бывших солдат Иностранного легиона, отъявленных головорезов. Родин, Монклер и Кассон не покидали верхнего этажа. Поначалу казалось, что они собрались на секретное совещание, но дни шли за днями и стало ясно, что они просто боятся стать жертвами похищения, не желая разделить участь Антуана Арго. Генерал Гибо мрачно усмехнулся при мысли о том, что его агенты перепугали до смерти трех руководителей террористической организации, и отправил донесение в соответствующее дело. Несмотря на все еще сохраняющуюся напряженность в отношениях между министерствами иностранных дел Франции и ФРГ из-за нарушения суверенитета ФРГ в отделе «Эден-Вольф» в феврале текущего года, Гибо был доволен действиями Отдела противодействия. Не испортило настроения и известие об особых мерах предосторожности, на которые пошли руководители ОАС. Но знакомство с досье Родина породило сомнения. Он не мог не спросить себя, а почему поддался панике такой бывалый боец? Опыт

работы в СДЭКЭ и знание реалий политики и дипломатии убеждали в том, что едва ли ему удастся получить разрешение на еще одну подобную операцию. Истинная причина, побудившая оасовцев позаботиться о себе, открылась гораздо позднее.

* * *

Конец июня и первую половину июля Шакал провел в Лондоне. Вернувшись из Австрии, он начал подбирать материалы о де Голле, а также его собственные работы. Визит в местную библиотеку позволил ему составить обширную библиографию. Затем, пользуясь вымышленной фамилией, он отправил письма со списком интересующих его публикаций в различные книжные магазины, указав обратным адресом Прейд-стрит, Паддингтон, и получил все книги по почте. Их он читал до глубокой ночи, знакомясь с жизненным путем хозяина Елисейского дворца, от детских лет до последнего времени. Львиная доля информации не имела практической ценности, но некоторые подмеченные авторами особенности характера де Голля он заносил в блокнот. Наиболее познавательным для него стал третий том мемуаров генерала «Острие меча», в

котором де Голль особенно ярко выразил личное отношение к жизни, стране и своей судьбе.

Жадно поглощая страницу за страницей, Шакал методично продумывал будущую операцию, запасая в памяти те сведения, которые впоследствии могли бы понадобиться ему.

Но хотя произведения де Голля и книги, написанные самыми близкими к нему людьми, позволили Шакалу составить полное представление о гордом и надменном президенте Франции, он не мог ответить на главный вопрос, занимавший его с тех пор, как 15 июня в Вене он согласился на предложение Родина. Заканчивалась первая неделя июля, а он еще не решил, где, когда и как будет выполнено задание ОАС. Наконец он отправился в читальный зал Британского музея и, записавшись, как обычно, под вымышленной фамилией, начал просматривать подшивки ежедневной французской газеты «Фигаро».

Точно не известно, когда Шакал пришел к искомому ответу, но можно предположить, что в течение трех дней после 7 июля. За эти три дня, вдохновленный идеей, на которую навела его колонка светской хроники в номерах за 1962 год, Шакал просмотрел старые подшивки за все годы президентства де Голля. Теперь он точно знал,

в какой день и час, независимо от погоды или самочувствия, невзирая на опасность, Шарль де Голль выйдет к людям. На этом закончился этап сбора информации. Шакал перешел к непосредственной подготовке покушения.

Долгие часы провел он, лежа на спине, уставившись в выкрашенный в кремовый цвет потолок спальни в своей квартире, до мельчайших подробностей продумывая каждый шаг.

Рассмотрев и отвергнув по меньшей мере дюжину вариантов, Шакал решил, «как» он это сделает, основываясь на принятых ранее «где» и «когда».

Ни на минуту не забывал он о том, что в 1963 году ни одного из лидеров западного мира не охраняли так тщательно и умело, как генерала де Голля, президента Франции. Убить его — и дальнейшие события это подтвердили — оказалось значительно труднее, чем Джона Ф. Кеннеди, президента США. Хотя англичанин этого и не знал, но французские эксперты получили возможность ознакомиться с мерами обеспечения безопасности президента Кеннеди и сочли их несостоятельными. И убийство президента Кеннеди в Далласе в ноябре 1963 года доказало их правоту. Ибо де Голль ушел в отставку по истече-

нии срока полномочий[3] и умер в своей постели. Так что Шакал прекрасно понимал, что ему противостоит едва ли не лучшая в мире служба безопасности, вся полиция Франции постоянно настороже в ожидании возможного покушения, а организация, на которую он работает, до предела насыщена доносчиками. К положительным сторонам он относил собственную анонимность и нежелание его жертвы сотрудничать с охраняющими его людьми.

В избранный день гордость, упрямство и абсолютное пренебрежение опасностью выведет президента Франции из-под защитного колпака, как бы велик ни был риск.

* * *

Самолет авиакомпании SAS, прилетевший из Копенгагена, зарулил на стоянку перед зданием лондонского аэропорта, проехал чуть вперед и остановился. Взвыли и стихли двигатели. Подкатил трап, и пассажиры двинулись по ступенькам, прощаясь с улыбающейся стюардессой на верхней площадке трапа. На смотровой тер-

[3] Примечания: 3

Де Голль ушел с поста президента в апреле 1969 г. после поражения на референдуме.

расе высокий блондин сдвинул солнцезащитные очки на лоб и поднес к глазам бинокль. Оптика приблизила к нему шестую за утро цепочку пассажиров. На залитой теплыми лучами солнца террасе толпились встречающие. Им хотелось как можно скорее заметить тех, кого они ждали, так что поведение блондина никого не удивило.

Когда восьмой по счету пассажир показался из двери и выпрямился, блондин на террасе весь подобрался и не отводил от него взгляда, пока тот спускался по трапу. Датчанин, пастор, в костюме с высоким жестким воротником. Лет под пятьдесят, но лицо моложавое, седые волосы, не длинные, но и не короткие, зачесанные назад. Рост выше среднего, широкоплеч, физически крепок. В общем, такого же телосложения, как и наблюдавший за ним блондин.

Пассажиров ждали проверка документов и таможенный контроль, так что Шакал неторопливо убрал бинокль в футляр, футляр положил в брифкейс, закрыл его и прошел в главный зал. Пятнадцать минут спустя датский пастор появился из таможни с чемоданом и саквояжем в руках. Похоже, никто его не встречал, и первым делом он направился к окошечку «Барклейс бэнк», чтобы поменять деньги.

* * *

Давая объяснения датской полиции, когда его допрашивали шесть недель спустя, он заявил, что не заметил светловолосого молодого англичанина, стоящего позади него в очереди к окошечку и спокойно изучавшего лицо пастора из-под черных очков. По крайней мере, пастор не помнил такого человека. Когда он вышел из здания аэропорта, чтобы сесть в автобус авиакомпании ВЕД, доставивший его на автовокзал Кромвель-роуд, англичанин с брифкейсом шел в нескольких шагах позади него, так что скорее всего они ехали в одном автобусе.

На автовокзале датчанину пришлось подождать, пока его чемодан снимут с багажного прицепа, затем он направился к стоянке такси. Шакал в это время прошел на служебную автостоянку, где он оставил свой автомобиль, спортивную модель с открытым верхом. Положив брифкейс на пассажирское сидение, он сел за руль, завел двигатель и объехал автовокзал слева. Отсюда он мог видеть длинный ряд такси, ожидающих пассажиров. Датчанин сел в третье от головы такси. Выехав на Кромвель-роуд, такси свернуло к Найтсбридж. Спортивный автомо-

биль покатил следом.

Водитель такси высадил ничего не подозревающего священника около небольшого, но комфортабельного отеля на Хаф Мун-стрит, в это время спортивный автомобиль проехал мимо и остановился на Керзон-стрит. Шакал убрал брифкейс в багажник, купил дневной выпуск газеты «Ивнинг Стандард» в киоске на Шеферд Маркет и через пять минут уже сидел в вестибюле отеля. Ему пришлось подождать еще двадцать пять минут, прежде чем датчанин спустился вниз и отдал ключ от номера портье. Тот повесил его на крючок. Ключ качался несколько секунд, и мужчина, удобно расположившийся в кресле, очевидно, в ожидании приятеля, чуть опустил газету, когда датчанин проследовал в ресторан, и заметил номер ключа: 47. Вскоре портье отошел на минутку, чтобы проверить заказ на билеты в театр для одного из гостей, и мужчина в черных очках, никем не замеченный, поднялся по лестнице.

Слюдяная полоска шириной в два дюйма оказалась, недостаточно жесткой, чтобы открыть довольно тугой замок номера 47, но, усиленная тонким стальным лезвием, справилась с пружиной, и дверь распахнулась. Пастор ушел лишь пе-

рекусить, поэтому оставил паспорт на столике у кровати. Тридцать секунд спустя Шакал вернулся в коридор, оставив нетронутой пачку туристских чеков в бумажнике пастора. Он рассчитывал, что администрация отеля, увидев, что ничего не украдено, попытается убедить священника, что тот потерял паспорт где-то еще до приезда в отель. Так оно и вышло. Обнаружив пропажу паспорта, датчанин обратился к управляющему. Они вместе еще раз осмотрели номер, и управляющий, подчеркнув, что все вещи, включая туристские чеки, на месте, постарался втолковать недоумевающему пастору, что нет нужды вызывать в отель полицию, так как паспорт, скорее всего, потерян где-то по пути. Датчанин, человек по натуре добрый и неуверенно чувствующий себя в чужой стране, согласился, что такое могло случиться, хотя прекрасно помнил, как клал паспорт на столик у кровати. На следующий день, обратившись в датское генеральное консульство, он получил временный документ, с которым и вернулся в Копенгаген через две недели. Сотрудник генерального консульства, выписавший документ, зафиксировал потерю паспорта, выданного в Копенгагене пастору Перу Иенсену, и больше не думал об этом. Временный

документ пастор получил 14 июля.

* * *

Через два дня аналогичная история произошла с американским студентом из Сиракуз, штат Нью-Йорк. По прибытии в лондонский аэропорт он показал свой паспорт кассиру «Американ экспресс», обменивая первый из туристских чеков на наличные. Деньги он положил во внутренний карман пиджака, паспорт — в бумажник на молнии, а тот — в сумку. Чуть позже, пытаясь привлечь внимание носильщика, он поставил сумку на пол и взмахнул рукой, а когда хотел поднять сумку, она исчезла. Носильщик не стал выслушивать претензии студента, но отвел того к стойке «Пан Американ», куда вызвали полицейского. Студента пригласили в полицейский участок, где тот объяснил, что с ним произошло.

Когда отпала вероятность того, что сумку взяли по ошибке, происшедшее классифицировали, как кражу, и оформили соответствующий протокол.

После извинений и выражения сочувствия молодому, атлетически сложенному американцу рассказали, какие усилия предпринимаются полицией аэропорта ради того, чтобы обезопасить пассажиров от мелких воров и карманников.

А американец признал, что такой же случай произошел с его приятелем на Грэнд Сентрал в Нью-Йорке.

Сообщение о краже вкупе с описанием сумки и ее содержимого поступило во все подразделения лондонской полиции. Но проходила неделя за неделей, следов сумки и паспорта не обнаруживалось, и о них больше никто не вспоминал.

А Марти Шульберг отправился в свое посольство на Гросвенер Сквэа, заявил о краже паспорта, и ему также выдали временный документ, по которому он улетел в Штаты, проведя месяц в Шотландии. Посольство зарегистрировало потерю паспорта, уведомило об этом Государственный департамент в Вашингтоне, и этот маленький эпизод канул в Лету.

Никто не мог подсчитать, сколько пассажиров прошли перед биноклем Шакала. Несмотря на разницу в возрасте, те двое, что лишились паспорта, многим напоминали друг друга: рост за шесть футов, широкоплечие, стройные, с синими глазами. А в чертах лиц проглядывало неуловимое сходство с Шакалом, который их и ограбил. Седовласый пастор Иенсен, сорока восьми лет, надевал очки в золотой оправе, только беря в руки книгу или газету. Марти Шульберг, двадцати

пяти лет, с каштановыми волосами, постоянно носил очки в тяжелой роговой оправе.

Эти лица Шакал рассматривал долго, положив паспорта перед собой в своей квартире на Саут Одли-стрит. Целый день ушел у него на посещения магазинов театральных принадлежностей, оптики и мужской одежды в Вест-Энде, специализирующемся на американцах и получающем большую часть товаров из Нью-Йорка: были куплены синие контактные линзы без диоптрий, две пары очков с золотой и черной роговой оправами, тенниска и трусы, белые брюки и небесно-синяя ветровка с молнией впереди и шерстяными воротником и манжетами в красно-белую полоску, все сшитое в Нью-Йорке, а также белая рубашка священника, накрахмаленный высокий жесткий воротник и черная манишка. С трех последних предметов одежды он аккуратно срезал ярлыки с названием фирмы-изготовителя.

День он закончил походом в торговый центр в Челси, где продавались мужские парики и средства для ухода за волосами. Там он купил составы для окраски волос под седину и в каштановый цвет и получил подробные указания, как добиться наилучшего эффекта в минимально короткий срок. Он также приобрел маленькие кисточки

для нанесения краски на волосы. Если не считать торгового центра и магазина американской одежды, везде он покупал не более одной вещи.

* * *

На следующий день, 18 июля, «Фигаро» поместила маленькую заметку, в которой сообщалось, что в Париже от сердечного приступа по пути в госпиталь скончался Ипполит Дюпуи, заместитель командира бригады сыскной полиции. Его преемником был назначен комиссар Клод Лебель, начальник отдела убийств. Шакал, просматривающий все ежедневные французские газеты, продаваемые в Лондоне, прочитал эту заметку, обратив внимание на слово «сыскная» в заголовке, но ничего интересного для себя в ней не нашел.

Еще до начала дежурств в лондонском аэропорту Шакал решил, что будет проводить операцию под вымышленным именем. Тем более что приобретение фальшивого английского паспорта не составляло никакого труда. Шакалу не пришлось идти на какие-либо ухищрения. Тем же способом добывали документы большинство наемников, контрабандистов и прочих любителей беспрепятственных путешествий из страны в страну.

Сев в машину, он отправился в Темз Вэллью, поглядывая на маленькие деревушки. Почти в каждой из них за крохотной церквушкой пряталось ухоженное кладбище. На третьем по счету кладбище, которые посетил Шакал, он нашел подходящую могилу. В ней покоился Александр Даггэн, умерший в 1931 году двух с половиной лет от роду. Если б он не умер, то в июле 1963 года был бы на несколько месяцев старше Шакала. Старенький викарий с радостью согласился помочь, когда гость объяснил, что он — генеалогист-любитель, пытающийся составить родословное древо Даггэнов. Ему сообщили, что в этой деревне жила семья Даггэнов. И он подумал, не найдутся ли в церковных книгах интересующие его материалы.

Викарий, и так сама доброта, стал еще радушнее, когда Шакал восторженно отозвался об архитектуре церкви и пожертвовал несколько фунтов на ее реставрацию. Оба Даггэна, муж и жена, умерли в последние семь лет и их похоронили рядом с сыном Александром. Листая страницы, на которых регистрировались рождения, свадьбы и смерти за 1929 год, Шакал нашел нужную ему запись: «Александр Джеймс Квентин Даггэн, родился 3 апреля 1929 года, приход Святого Марка,

Сэмбуэн Фишли».

От всей души поблагодарив викария, он уехал. В Лондоне он прямиком направился в Центральный отдел записей актов гражданского состояния, где один из клерков без лишних вопросов принял у него визитную карточку, свидетельствующую о том, что он — партнер адвокатской конторы в Маркет Дрейтон, Уорпшир. Не вызвала подозрений клерка и причина визита достопочтенного адвоката: розыски внуков недавно почившего клиента фирмы, которым досталось наследство. Одного из внуков звали Александр Джеймс Квентин Даггэн и родился он в Сэмбуэн Фишли, в приходе Святого Марка, 3 апреля 1929 года.

Подавляющему большинству чиновников Британии, более всего нравится вежливое, чуть просительное обращение, и клерк, с которым говорил Шакал, не был исключением из общего правила. Он скоро выяснил, что место и время рождения указаны правильно, но ребенок умер в ноябре 1931 года в результате несчастного случая на дороге. За шесть шиллингов Шакал получил копии свидетельств о рождении и смерти. По пути домой он заглянул в отделение министерства труда, где ему выдали бланк заявления на выдачу паспорта, в магазине игрушек купил за пятна-

дцать шиллингов детский полиграфический набор, а на почте уплатил один фунт пошлины.

Вернувшись в квартиру, он заполнил бланк заявления на имя Даггэна, указав его точный возраст, дату и место рождения, но свои внешние данные, рост, цвет волос и глаз. В графе «профессия» он написал просто: «бизнесмен». Далее последовали полные имена родителей Даггэна, позаимствованные из его свидетельства о рождении. В поручители Шакал взял преподобного Джеймса Элдерли, викария прихода Святого Марка в деревне Сэмбуэн Фишли, с которым мило побеседовал утром. Он запомнил имя и фамилию викария, выгравированные на табличке у церковных ворот. Подделав его подпись. Шакал сложил из букв полиграфического набора печать:

ЦЕРКОВЬ ПРИХОДА СВЯТОГО МАРКА
СЭМБУЭН ФИШЛИ

И вдавил ее в бланк заявления рядом с фамилией викария. Копию свидетельства о рождении, заполненный бланк и марку пошлины он послал в паспортный стол на Петти Фрэнс, копию свидетельства о смерти уничтожил. Новенький паспорт прибыл по почте на Прейд-стрит через

четыре дня, когда Шакал читал утренний выпуск «Фигаро». Паспорт он забрал после ленча, а во второй половине дня запер квартиру, поехал в лондонский аэропорт и купил билет до Копенгагена, как обычно, расплатившись наличными, не прибегая к чековой книжке. Под вторым дном его чемодана, в отделении по толщине не больше журнала, обнаружить которое мог лишь весьма тщательный досмотр, лежали две тысячи фунтов, которые днем раньше он забрал из личного сейфа в хранилище адвокатской конторы в Холборне.

Шакал не собирался задерживаться в Копенгагене. Прямо в аэропорту он взял билет на самолет, вылетающий на следующий день в Брюссель. Магазины датской столицы уже закрылись, поэтому он снял номер в отеле «д'Англетер», пообедал в ресторане «Семь стран», погулял в парке Тиволи, где немного пофлиртовал с двумя белокурыми датчанками, и лег спать в час ночи.

Днем он купил серый костюм в одном из лучших магазинов мужской одежды Копенгагена, пару недорогих черных ботинок, носки, нижнее белье и три белые рубашки, все датского производства. Рубашки он приобрел лишь для того, чтобы срезать с них нашивки с названием датской фирмы и перенести на рубашку, воротник

и манишку, купленные в Лондоне под предлогом того, что он — студент теологии, готовящийся к посвящению в духовный сан.

Последней его покупкой стала книга на датском языке об известных церквах и кафедральных соборах Франции. После ленча в ресторане у озера в парке Тиволи Шакал вернулся в отель, собрал вещи, расплатился по счету и в три часа пятнадцать минут пополудни вылетел в Брюссель.

Глава 4

Почему человек со столь несомненными достоинствами, как Поль Гуссен, в зрелом возрасте сбился с пути истинного, осталось загадкой для его немногих друзей, гораздо более многочисленных покупателей и бельгийской полиции. За тридцать лет безупречной работы на «Фабрик Насьональ» он приобрел репутацию никогда не ошибающегося специалиста, причем в той области техники, где точность ценится превыше всего. И его честность никогда не ставилась под сомнение. За эти годы он также стал едва ли не лучшим экспертом по широкому спектру вооружений, выпускаемых компанией, от миниатюрного женского автоматического пистолета до орудий больших калибров.

И во время войны он не уронил своего достоинства, хотя и продолжал работать на той же фабрике после прихода нацистов. Проведенное после войны расследование показало, что он участвовал в движении Сопротивления, помогая переправлять сбитых английских и американских летчиков в Англию и организуя акты саботажа в цехах, отчего орудия, изготовленные

в Льеже, или не обеспечивали нужной точности, или разрывались на пятидесятом выстреле, калеча и убивая немецких артиллеристов. Все эти сведения адвокаты-защитники буквально клещами вытянули из скромного месье Гуссена и с триумфом представили суду. На присяжных произвело впечатление и чистосердечное признание подсудимого в сознательном умолчании о своем участии в борьбе с нацизмом, потому что ему претили послевоенные награды и медали.

В начале пятидесятых годов, когда на Гуссена пало подозрение в присвоении крупной суммы при весьма выгодной для компании сделке по продаже партии оружия, он уже был начальником отдела, и его руководители громче всех уверяли полицию, что она вышла не на того человека.

Даже на суде директор выступил в его защиту. Но судья пришел к выводу, что предательство доверия компании тем более достойно порицания, и приговорил Гуссена к десяти годам. Апелляционный суд снизил срок до пяти лет. За примерное поведение его выпустили через три с половиной года.

Жена развелась с ним и увезла детей. Прежняя жизнь в окруженном клумбами домике в пред-

местье Льежа осталась в прошлом. Так же как и карьера на «Фабрик насьональ». Он снял маленькую квартирку в Брюсселе, затем приобрел дом. Источником его растущего благосостояния стала незаконная торговля оружием, которое покупала у него половина подпольных движений Западной Европы.

В начале шестидесятых годов его называли не иначе как Оружейник. Любой бельгиец мог зайти в спортивный или оружейный магазин и купить револьвер, автоматический пистолет или ружье, представив удостоверение личности, подтверждающее бельгийское гражданство. Гуссен никогда не покупал оружия на свое имя, ибо каждая продажа фиксировалась в магазине, с указанием фамилии и номера удостоверения покупателя. Он пользовался документами других людей, украденными или поддельными.

Он поддерживал тесные связи с одним из лучших карманников города, который, если не отбывал очередной срок в тюрьме, виртуозно вытаскивал бумажники из любых карманов. За украденные документы Гуссен платил наличными. Работал на него и неудачник-фальшивомонетчик, попавшийся в конце сороковых годов на крупной партии французских банкнот,

пропустив букву «u» в словосочетании «Banque de France» (тогда он был молод). Отсидев срок, он переключился на изготовление поддельных документов, где достиг куда больших успехов. В последнее время, когда к Гуссену обращался клиент, жаждущий получить оружие, в оружейный магазин с поддельным удостоверением личности отправлялся безработный, недавно выпущенный из тюрьмы мелкий воришка или актер, отдыхающий между появлениями на сцене.

Из работавших на него людей только карманник и фальшивомонетчик знали, кто он такой. Клиенты Гуссена, схваченные полицией, оберегая его, никогда не признавались, каким путем попало к ним оружие, понимая, что им еще не раз придется обращаться к нему.

Поэтому, хотя бельгийская полиция была осведомлена о некоторых сторонах его деятельности, она не могла поймать Гуссена с поличным или получить свидетельские показания, достаточные для того, чтобы выйти с ними в суд и добиться обвинительного приговора. Знали в полиции и о маленькой, но превосходно оборудованной мастерской, размещенной в бывшем гараже, и, хотя полицейские неоднократно наведывались туда, они обнаруживали лишь разнообразные

приспособления для изготовления медальонов и сувениров в виде уменьшенных копий памятников Брюсселя. Один из таких сувениров месье Гуссен подарил старшему инспектору в знак уважения к службе охраны правопорядка.

И утром 21 июля 1963 года Гуссен нисколько не нервничал, ожидая приезда англичанина, рекомендованного ему по телефону постоянным покупателем, бывшим наемником из Катанги. Он воевал в Африке с 1960 по 1962 год, а теперь занимался поддержанием порядка в борделях бельгийской столицы.

* * *

Гость прибыл в полдень, как и обещал, и месье Гуссен провел его в свой маленький кабинет.

— Не могли бы вы снять очки? — спросил он, когда англичанин сел, и, видя, что тот колеблется, добавил: — Видите ли, я думаю, будет лучше, если мы будем, насколько возможно, доверять друг другу, хотя бы на период нашего сотрудничества. Выпьете пива?

Мужчина, Александр Даггэн по паспорту, снял очки и вопросительно посмотрел на маленького оружейника, разливающего по кружкам пиво. Затем месье Гуссен сел за стол, отпил пива и

спросил:

— Так чем я могу быть вам полезен, месье?

— Как я понимаю, Луи предупредил вас о моем приезде?

— Конечно, — месье Гуссен кивнул. — Иначе бы вы тут не сидели.

— Он сказал вам, чем я занимаюсь?

— Нет. Мне известно лишь, что он знает вас по Катанге и готов поручиться за вас. Вам нужно ружье, и вы готовы заплатить наличными, стерлингами.

Англичанин медленно кивнул.

— Ну раз я знаю, что делаете вы, будет справедливо, если я расскажу вам о себе. Мне нужно особое ружье. Я… э… специализируюсь в устранении людей, у которых есть влиятельные и богатые враги. Вам, очевидно, ясно, что эти люди также богаты и влиятельны. Выполнить задания нелегко. Эти люди могут нанять охрану. Требуется тщательная подготовка, и обычным ружьем здесь не обойтись. Одним из таких дел я сейчас занимаюсь. И приехал к вам за ружьем.

Гуссен отпил пива, кивнул.

— Прекрасно, прекрасно. Вы, — как и я, профессионал. Я чувствую, что вы приготовили мне сложную задачку. Так о каком ружье пойдет

речь?

— Тип ружья не имеет значения. Важны ограничения, которые накладываются порученным мне делом. Они определяют конструкцию ружья.

Глаза Гуссена блеснули от удовольствия.

— Изумительно, — промурлыкал он. — Ружье, изготовленное для одного человека, который будет стрелять по одной цели в определенное время и в определенном месте, причем второго такого случая не представится. Вы поступили правильно, обратившись ко мне. Я принимаю ваш вызов, месье. Я рад, что вы пришли.

Профессиональный энтузиазм бельгийца вызвал у англичанина легкую улыбку.

— Я тоже, месье.

— А теперь скажите мне, что это за ограничения.

— Главное из них — размеры. Не длина, но габариты рабочего механизма. Казенная часть и патронник не должны быть больше, чем… — он поднял правую руку и подушечкой среднего пальца коснулся ногтя большого. Получилась буква «о» диаметром менее двух с половиной дюймов. — Это означает, что ружье будет без магазина, так как газовая камера не впишется в такой диаметр. По той же причине не подойдет

громоздкий пружинный механизм. Мне представляется, это должно быть ружье с затвором.

Месье Гуссен кивал, уставившись в потолок. Он обдумывал слова гостя, мысленно представляя себе, каким же будет ружье со столь малым поперечным сечением.

— Продолжайте, продолжайте, — пробормотал он.

— С другой стороны, оно не должно иметь затвора с рукояткой, торчащей в сторону, как у маузера или «Ли энфильда». Затвор должен скользить назад, к плечу, зажатый указательным и большим пальцами при установке патрона в казенник. Не нужно мне и кольца под спусковым крючком, а сам крючок должен быть съемным, чтобы я мог установить его непосредственно перед выстрелом.

— Почему? — спросил бельгиец.

— Потому что весь механизм при хранении и переносе должен размещаться в цилиндрическом контейнере и этот контейнер не должен привлекать внимания. Отсюда указанный мною предельный поперечный размер. Можно сделать съемный спусковой крючок?

— Вне всякого сомнения. Можно спроектировать ружье на один патрон в стволе, которое

переламывается пополам и заряжается, как дробовик. Тем самым мы избавимся от затвора, но появится шарнир, так что выигрыша в размерах может и не быть. Возможно, придется начинать с нуля, начертить чертеж и изготовить казенную часть и патронник зацело, из одного куска металла. Непростая задача для маленькой мастерской, но выполнимая.

— Сколько на это уйдет времени? — спросил англичанин.

Бельгиец пожал плечами.

— Боюсь, несколько месяцев.

— Ждать так долго я не могу.

— В таком случае придется купить готовое ружье и модифицировать его в соответствии с вашими требованиями. Пожалуйста, продолжайте.

— Хорошо. Ружье должно быть легким. Большой калибр не нужен, пуля сделает свое дело. Ствол нужно укоротить до двенадцати дюймов.

— Какое расстояние до цели?

— Я еще не уверен, но, вероятно, не более чем сто тридцать метров.

— Вы будете стрелять в голову или грудь?

— Скорее всего, в голову. Возможно, я выстрелю в грудь, но в голову вернее.

— Вернее, если попадете, — кивнул бельгиец, —

но в грудь попасть легче. Во всяком случае, когда стреляешь из легкого ружья с расстояния в сто тридцать метров с возможными препятствиями на линии огня. Я полагаю, — добавил он, — ваша неуверенность в выборе указывает на то, что вы опасаетесь, как бы кто-нибудь не оказался между вами и целью?

— Да, это возможно.

— Сможете ли вы выстрелить второй раз, учитывая, что вам потребуется несколько секунд, чтобы вынуть гильзу, закрыть затвор и вновь прицелиться?

— Почти наверняка мне это не удастся. Возможно, у меня будет секунда, если я воспользуюсь глушителем, а первая пуля пройдет мимо и ее никто не заметит. Но даже если я попаду в висок, глушитель понадобится, чтобы обеспечить мой отход. Пройдет две-три минуты, прежде чем кто-нибудь поймет, откуда стреляли.

Бельгиец продолжал кивать, теперь уже глядя в стол.

— В этом случае вам лучше взять разрывные пули. Вы получите их вместе с ружьем. Вы знаете, о чем я говорю?

Англичанин кивнул.

— Глицерин или ртуть?

— О, я думаю, ртуть. Она компактнее и чище. Есть ли другие особенности в конструкции вашего ружья?

— Есть. Для уменьшения поперечного сечения нужно убрать деревянную ложу под стволом. Вместе с прикладом. Для стрельбы будет использоваться треугольный каркас из верхнего и нижнего подкосов и плечевого упора, который должен разбираться на три отдельные части. И последнее, понадобятся глушитель и телескопический прицел. Они также должны быть съемными.

Бельгиец надолго задумался, изредка поднося к губам кружку с пивом, пока не осушил ее до дна. Англичанин начал проявлять нетерпение.

— Ну, вы сможете это сделать?

Месье Гуссен, казалось, вернулся из мира грез. На его лице появилась извиняющаяся улыбка.

— Пожалуйста, простите меня. Это очень сложный заказ. Но я смогу его выполнить. Я еще никогда не подводил клиента. Образно говоря, вы собрались на охоту, причем по пути вам предстоит пройти многие проверки и никто не должен догадаться о наличии у вас соответствующего снаряжения. Охота предполагает наличие охотничьего ружья, его вы и получите. Не та-

кое маленькое, как двадцать второго калибра, с коим охотятся на кроликов и зайцев. Но и не такое большое, как «ремингтон 300», ибо мы не впишемся в указанные вами размеры. Я уже представляю себе, что это будет за ружье, его можно купить в некоторых спортивных магазинах Брюсселя. Дорогое ружье, высокой точности, и при этом легкое и небольшого поперечного сечения. С ним охотятся на косуль и других маленьких оленей, но с разрывными пулями оно годится и на более крупную дичь. Скажите мне, этот… э… джентльмен будет идти быстро, медленно или стоять на месте?

— Стоять на месте.

— Тогда никаких проблем. Каркас из трех разборных частей и съемный крючок — чисто механическая работа. Я сам могу укоротить ствол на восемь дюймов и подготовить его для установки глушителя. Правда, с укорочением ствола падает точность стрельбы. Жаль, жаль. Вы — снайпер?

Англичанин кивнул.

— Ну, тогда вы без труда поразите неподвижную цель со ста тридцати метров. Глушитель я изготовлю сам. Он прост по конструкции, но готовый купить трудно, особенно для ружей, не предназначенных для обычной охоты. Далее,

месье, вы упомянули о цилиндрических контейнерах для переноски ружья в разобранном виде. Какими они должны быть?

Англичанин встал. Подошел к столу, как гора навис над маленьким бельгийцем, сунул руку во внутренний карман, и на мгновение искорка страха мелькнула в глазах месье Гуссена. Впервые он заметил, что, какое бы выражение ни появлялось на лице гостя, глаза его жили отдельной жизнью, затуманенные серой дымкой. Но англичанин достал из кармана карандаш. Повернул к себе блокнот Гуссена и быстро нарисовал четкий эскиз.

— Узнаете, что это? — спросил он, возвращая блокнот оружейнику.

— Конечно, — ответил бельгиец, коротко взглянув на эскиз.

— Хорошо. Вся конструкция состоит из тонких алюминиевых труб, соединенных между собой винтами или на резьбе. В этой, — он коснулся эскиза, — будет один из подкосов приклада, здесь — второй. Обе трубки составят верхнюю секцию. Вот это — плечевой упор ружья. Это единственный элемент, который входит в обе конструкции.

— Тут, — англичанин коснулся другого ме-

ста, — в трубе наибольшего диаметра разместится казенная часть ружья с затвором. Она должна соединяться со стволом без разъема. Раз у нас есть телескопический прицел, мушка не нужна, поэтому этот узел должен свободно выскользнуть из контейнера после съема верхней секции. В этих двух секциях, здесь и здесь, будут телескопический прицел и глушитель. Наконец, пули. Их надо уложить в маленький набалдашник внизу. В собранном виде эта штука должна выглядеть так, словно используется только по прямому назначению. После разборки она распадется на семь элементов: пули, глушитель, телескопический прицел, ствол с рабочим механизмом, два подкоса и плечевой упор, образующие приклад, из которых можно быстро собрать настоящее ружье. Понятно?

Еще десять — пятнадцать секунд бельгиец смотрел на эскиз, затем встал и протянул англичанину руку.

— Месье, — в его голосе слышалось нескрываемое уважение, — это гениальная идея. Обнаружить такое ружье невозможно. И какое изящное решение. Я выполню ваш заказ.

Лицо англичанина осталось бесстрастным.

— Хорошо. Теперь о времени. Ружье потребует-

ся мне через четырнадцать дней. Вы успеете?

— Да. Ружье я приобрету в течение трех дней. За неделю я его доработаю. Телескопический прицел я куплю без труда. Выбор, надеюсь, вы предоставите мне, тем более что теперь я знаю, с какого расстояния придется стрелять. А уж вы откалибруете его. Я изготовлю глушитель, пули, контейнеры… Да, это можно делать параллельно. Однако будет лучше, если вы приедете за день-два, на случай, если в последний момент возникнут какие-то вопросы. Вы сможете вернуться через двенадцать дней?

— Да, в любое время между восьмым и четырнадцатым днем. Но четырнадцать дней крайний срок. Четвертого августа я должен быть в Лондоне.

— Вы получите готовое ружье утром четвертого августа, если подъедете ко мне первого августа для увязки последних деталей, месье.

— Хорошо. Теперь поговорим о ваших расходах и вознаграждении, — англичанин взглянул на оружейника. — Во сколько мне обойдется это ружье?

Месье Гуссен задумался.

— За такую работу, с учетом использования имеющегося здесь оборудования и моих специ-

альных знаний, я должен попросить одну тысячу фунтов стерлингов. Я понимаю, что обычно за одно ружье платят меньше. Но это ружье особое. Я уверен, что во всей Европе справиться с этой работой могу только я. Как и вы, месье, в своей области я — король. А за лучшее надо и платить соответственно. Кроме того, стоимость покупного ружья, пуль, телескопического прицела, различных материалов… положим на все еще двести фунтов.

— Идет, — англичанин не стал спорить.

Сунул руку во внутренний карман и достал несколько пачек пятифунтовых банкнот, по двадцать штук в каждой. Пять пачек он положил на стол.

— В знак моих честных намерений я сразу заплачу вам пятьсот фунтов как аванс и на расходы. Остальные семьсот я привезу через одиннадцать дней. Вас это устроит?

— Месье, — бельгиец быстренько убрал деньги, — до чего же приятно иметь дело не только с профессионалом, но и с джентльменом.

— Далее, — продолжил гость, словно не услышал комплимента. — Вы не будете искать встреч с Луи и спрашивать его или кого-то еще, кто я такой и откуда. Не стоит интересоваться и тем, на

кого я работаю или против кого. В случае, если вы предпримете такую попытку, я наверняка узнаю об этом. И тогда вы умрете. Если по моему возвращению сюда полиция расставит мне ловушку, вас будет ждать тот же конец. Понятно?

Месье Гуссен сжался. В глубине его души шевельнулся страх. Он часто имел дело с бандитами, приходившими к нему за ружьем особой конструкции, а то и просто за короткоствольным кольтом. Грубыми, жестокими, ни в грош не ставящими человеческую жизнь. Безжалостность чувствовалась и в этом визитере с другой стороны Ла-Манша, который собирался убить важную и хорошо охраняемую персону. Не главаря какой-то банды, но известного человека, возможно политика. Подумав, он решил, что громкие протесты и уверения в лояльности не лучший способ защиты.

— Месье, — ровным голосом ответил бельгиец, — я не хочу ничего о вас знать. На ружье, которое вы получите, не будет заводского клейма. Видите ли, для меня более важно, чтобы ниточка от вас никоим образом не потянулась ко мне, поэтому я не испытываю никакого желания узнать о вас больше, чем мне известно на сегодняшний день. До свидания, месье.

* * *

Выйдя на яркий солнечный свет. Шакал поймал такси в двух кварталах от дома месье Гуссена, которое отвезло его в центр города, к отелю «Амиго».

Шакал предполагал, что для приобретения оружия в магазинах Гуссен должен получать от кого-то поддельные документы, но решил, что лучше найти другого специалиста, не связанного с оружейником. И вновь ему помог Луи, с которым он воевал в Катанге. Впрочем, тому просьба англичанина не доставила особых хлопот. Брюссель издавна являлся центром изготовления поддельных документов, и многие иностранцы предпочитали обращаться к услугам местных умельцев. В начале шестидесятых годов Брюссель являлся также оперативной базой наемников, во всяком случае, до ухода из Конго французских, южноафриканских и английских отрядов. С падением Катанги более трехсот безработных «военных советников» бывшего режима Чомбе отирались в барах Брюсселя, многие с несколькими паспортами на разные фамилии.

Шакал нашел нужного ему человека в баре неподалеку от рю Ньев, после того как Луи до-

говорился о встрече. Он представился, и вдвоем они заняли угловую кабинку. Шакал вытащил из кармана водительское удостоверение, выданное ему лондонским муниципалитетом двумя годами раньше и действительное еще несколько месяцев.

— Оно принадлежит человеку, который умер. Так как мне запрещено садиться за руль в Британии, необходимо заменить первую страницу, чтобы в новой было указано мое собственное имя.

И положил перед бельгийцем паспорт на фамилию Даггэн. Бельгиец посмотрел на паспорт, отметил его новизну, паспорт выдали лишь три дня назад, вопросительно взглянул на англичанина, затем раскрыл водительское удостоверение.

— Никаких проблем, месье. Английские чиновники — истинные джентльмены. Они, похоже, не представляют, что официальные документы могут быть подделаны, поэтому ограничиваются минимальными мерами предосторожности. Эту бумажку, — он поддел ногтем маленький листок, приклеенный к первой странице, с номером водительского удостоверения и полным именем владельца, — можно напечатать с помощью детского полиграфического набора. И водяные

знаки — сущий пустяк. Это все, что вам нужно?

— Нет. Я хочу, чтобы вы изготовили мне еще два документа.

— Понятно. А то мне уже показалось странным ваше желание обратиться ко мне по столь простому делу. В вашем Лондоне есть люди, которые справятся с этим за несколько часов. Что это за документы?

Шакал подробно объяснил, что ему нужно. Бельгиец задумался. Достал пачку сигарет, предложил англичанину и, когда тот отказался, закурил сам.

— Дело непростое. Французское удостоверение личности — не проблема. Его можно достать. Как вы понимаете, надо работать с оригиналом, чтобы добиться наилучшего результата. Но вот второй… Должен признать, я ни разу такого не видел. Весьма необычная просьба.

Он подождал, пока официант по знаку Шакала вновь наполнил кружки. И продолжил, когда тот отошел.

— Теперь фотография. Тут тоже есть сложности. Вы сказали о различиях в возрасте, цвете и длине волос. Большинство из тех, кто желает получить поддельный документ, хочет, чтобы в нем присутствовала его собственная фотография

с чужими именем и фамилией. Тут же придется использовать фотографию человека, который выглядит совсем не так, как вы сейчас.

Он выпил полкружки, не отрывая глаз от англичанина.

— Для выполнения вашей просьбы придется найти мужчину соответственного возраста, внешне отдаленно напоминающего вас, во всяком случае, лицом и головой, подстричь ему волосы до указанной вами длины. Полученная фотография будет вклеена в документы. И вам придется гримироваться под внешность этого человека, а не наоборот. Вы меня понимаете?

— Конечно, — ответил Шакал.

— На это уйдет время. Как долго вы намерены оставаться в Брюсселе?

— Я скоро уеду, но вернусь первого августа и пробуду здесь три дня. Четвертого я должен быть в Лондоне.

Бельгиец задумался, глядя на лежащий перед ним паспорт. Наконец он закрыл паспорт и передал его англичанину, предварительно записав на листке бумаги: «Александр Джеймс Квентин Даггэн». Листок и водительское удостоверение он убрал в карман.

— Ладно, я все сделаю. Но мне нужна ваша хо-

рошая фотография в фас и профиль. Кроме того, возможны дополнительные расходы... придется обратиться к коллеге во Франции, связанному с карманниками, для того чтобы добыть комплект интересующих вас карточек. Сначала я, конечно, поспрашиваю в Брюсселе, но нельзя исключить вероятности того, что ничего здесь не найду.

— Сколько? — прервал его англичанин.

— Двадцать тысяч бельгийских франков.

Шакал мысленно перевел их в фунты.

— Примерно сто пятьдесят фунтов стерлингов. Хорошо. Я заплачу вам сто фунтов сейчас, а остальные пятьдесят — по получении документов.

Бельгиец встал.

— Тогда займемся фотографиями. У меня своя студия.

Такси доставило их к дому, примерно в миле от бара, на первом этаже которого размещалась фотографическая студия. Вывеска гласила, что указанное заведение специализируется на паспортных фотокарточках, которые клиент может получить в течение получаса. В витрине красовались, вероятно, лучшие образцы творчества владельца студии: портреты двух глупо улыбающихся девушек, отвратительно отрету-

шированные, фотография супружеской пары, ставящая под удар весь институт семьи, и двух младенцев. Бельгиец подошел к двери, отомкнул замок и пригласил гостя войти.

Фотографирование заняло два часа, причем мастерство бельгийца не шло ни в какое сравнение с достижениями автора витринных портретов. В большом сундуке в углу оказались дорогие фотокамеры и сложное световое оборудование, а также краски для волос, парики, очки с разнообразными оправами и набор театральной косметики.

По ходу съемки бельгийцу пришла в голову блестящая идея, исключающая поиски старика, внешне похожего на Шакала. Поработав с полчаса над лицом англичанина, он нырнул в сундук и вытащил парик серо-стального цвета, «под ежик».

— Ваши волосы, если выкрасить их в этот цвет и подрезать до такой длины, будут похожи на этот парик?

Шакал взял парик, внимательно осмотрел его.

— Мы можем попробовать. Поглядим, как он будет выглядеть на фотографии.

Идея бельгийца удалась. Он шесть раз снял Шакала и полчаса спустя вернулся из темной

комнаты с еще мокрыми фотоснимками.

Положил их на стол. На Шакала глянуло лицо старого, уставшего от жизни мужчины. Посеревшая кожа, черные мешки под глазами. Без бороды и усов, но седые волосы указывали, что ему уже за пятьдесят, причем здоровье он успел потерять раньше.

— Я думаю, пойдет, — после долгой паузы прервал молчание бельгиец.

— Дело в том, — заметил Шакал, — что вы полчаса накладывали на меня грим, чтобы достичь такого эффекта. Да еще парик. Я не смогу проделать все это сам. И вы фотографировали со специальным освещением, а предъявлять документы, о которых я вас попросил, мне придется под открытым небом.

— Тут вы неправы, — возразил бельгиец, — Абсолютного сходства и не требуется. Представим себе ход мыслей человека, проверяющего документы. Сначала он смотрит на лицо, живое лицо, потом спрашивает документ. Он уже запомнил образ того, кто стоит перед ним. Это влияет на его суждение. Он ищет общие черты, а не наоборот. Во-вторых, это фотография двадцать пять на двадцать сантиметров. На документе она будет три на четыре. В-третьих, полной идентичности

следует избегать. Если удостоверение выдано несколько лет назад, человек не может не измениться. На фотографии у вас полосатая рубашка с расстегнутым воротником. Старайтесь не надевать именно эту рубашку, да и вообще рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. Носите галстук, шарф, свитер под горло. И последнее, добиться такой внешности не так-то легко. Начнем с волос. Вы должны подстричься «под ежик» до того, как предъявите кому-либо новый документ. Волосы надо покрасить под седину, причем седины должно стать больше, чем на фотографии, но никак не меньше. Чтобы усилить впечатление старости и дряхлости, отрастите трехдневную щетину. А потом побрейтесь опасной бритвой, но побрейтесь небрежно, с двумя-тремя порезами. Пожилым людям это свойственно. А самое важное — цвет лица. Чтобы вызвать жалость и сочувствие, оно должно быть серым и усталым. Вы можете достать несколько кусочков кордита?[4]

Шакал с восхищением слушал фотографа, хотя, как обычно, на его лице не отражалось никаких эмоций. Второй раз за день он встречался с профессионалом, досконально знающим свое дело.

---

[4] Примечания: 4
Кордит — бездымный порох.

После выполнения работы нужно поблагодарить Луи, напомнил он себе.

— Полагаю, что да, — осторожно ответил он.

— Два или три кусочка кордита, пережеванные и проглоченные, через двадцать пять-тридцать минут вызовут тошноту, дискомфорт, но ничуть не вредны для организма. Кожа тут же сереет, на лице выступает пот. Мы использовали этот трюк в армии, чтобы сказаться больными и избежать длинных и утомительных маршей.

— Благодарю за информацию. Но вернемся к документам. Вы сможете изготовить их вовремя?

— С технической точки зрения вне всяких сомнений. Единственная загвоздка — достать второй французский документ. С этим надо спешить. Но я думаю, что в начале августа они будут готовы. Вы… э… упомянули о задатке, чтобы покрыть расходы…

Шакал вытащил из кармана пачку из двадцати пятифунтовых банкнот и протянул бельгийцу.

— Как я вас найду? — спросил он.

— Так же как и сегодня.

— Слишком рискованно. Человек, который связывался с вами, может уехать из города. Тогда мне не удастся вас найти.

Бельгиец задумался.

— Я буду ждать вас в баре, где мы встретились, с шести до семи вечера, в первые три дня августа. Если вы не появитесь, я буду считать, что сделка не состоялась.

Англичанин снял парик, вытер лицо полотенцем, смоченным в жидкости для удаления грима. Затем он надел галстук и пиджак и повернулся к бельгийцу.

— Я хочу прояснить некоторые аспекты наших отношений, — дружелюбие исчезло из его голоса, а глаза стали мрачными, как туман над Ла-Маншем. — Изготовив нужные мне документы, вы придете в бар, как и обещали. Вы вернете мне водительское удостоверение и листок, который вы вырвете из него. А также все негативы и фотоснимки, сделанные вами. Вы также забудете фамилии Даггэн и настоящего владельца водительского удостоверения. Фамилию на французских документах вы подберете сами, возьмите одну из самых распространенных во Франции. Отдав мне документы, вы забудете и ее. Вы никому не скажете об этом заказе. Нарушив хоть одно условие, вы умрете. Это понятно?

Несколько мгновений бельгиец, не мигая, смотрел на него. За время, проведенное в студии, он уже успел убедить себя, что англичанин — обыч-

ный клиент, который хочет водить автомобиль в Англии и по каким-то личным целям прикинуться стариком во Франции. Может, для того, чтобы контрабандой переправить наркотики или алмазы из тихого рыбного порта Бретани в Англию.

— Я вас понял, месье.

Выйдя на улицу, англичанин отошел на приличное расстояние от фотостудии, прежде чем поймал такси. В «Амиго» он приехал уже за полночь, заказал в номер холодного цыпленка и бутылку мозельского, поужинал, помыл голову, чтобы избавиться от последних остатков грима, и лег спать.

Утром следующего дня, 22 июля, он выписался из отеля и поездом «Брабант экспресс» отправился в Париж.

* * *

Тем же утром глава Отдела противодействия сидел за рабочим столом и изучал два листа бумаги, копии донесений агентов других подразделений СДЭКЭ. В верхнем углу каждого из них значился список начальников отделов, которым направлялась копия документа. Против его фамилии темнела маленькая галочка. Обе бумаги поступили в одно утро и при нормальном поло-

жении дел полковник Роллан мельком глянул бы на них, содержащаяся в документах информация осела бы в его необъятной памяти, а они сами ушла бы в разные дела. Но полковника заинтересовала фамилия, упомянутая в донесениях.

Первое содержало краткий обзор информации, полученной бюро R3 (Западная Европа) от постоянного резидента в Риме. В нем сообщалось, что Родин, Монклер и Кассон все еще сидят на верхнем этаже отеля и их по-прежнему охраняют восемь человек. Они ни разу не выходили из здания с тех пор, как поселились там 18 июня. R3 направило в Рим дополнительных агентов, чтобы держать отель под круглосуточным наблюдением. Инструкции из Парижа оставались неизменными: следить, но не предпринимать активных действий. У главарей ОАС, засевших в отеле, установился определенный порядок общения с внешним миром (см. депешу римского резидента R3 от 30 июня). Курьером являлся Виктор Ковальски.

Полковник Роллан раскрыл толстую папку, лежащую на столе справа от него, рядом с гильзой от 105-миллиметрового снаряда, выполняющей роль пепельницы и до половины наполненной окурками. Его глаза пробежали депешу R3 от 30

июня, остановившись на искомом абзаце.

Каждый день, указывалось в нем, один из охранников покидал отель и отправлялся на главный почтамт Рима. Там одна из ячеек «до востребования» была зарезервирована на фамилию Пуатье. ОАС не взяла отдельный ящик с ключом, вероятно, из опасения, что его вскроют. Вся корреспонденция для главарей ОАС адресовалась Пуатье и оставлялась у дежурного клерка. Попытка агента R3 подкупить его провалилась. Клерк доложил начальству, и его заменил непосредственный руководитель. Существовала возможность досмотра почты Пуатье итальянской тайной полицией, но инструкции, полученные из Парижа, запрещали сотрудничество с итальянцами. Подкуп почтового клерка не удался, но продолжался поиск выхода на документацию оасовцев. Каждый день корреспонденция, поступающая ночью на почтамт, передавалась охраннику, в котором опознали Виктора Ковальски, в прошлом капрала Иностранного легиона, служившего в Индокитае под началом Родина. Ковальски предъявлял поддельные документы на фамилию Пуатье или письмо, подтверждающее его право на получение корреспонденции. Если Ковальски хотел отправить письма, он ждал

у почтового ящика в главном зале, опускал их за пять минут до выемки почты, а затем дожидался, пока всю корреспонденцию, вынутую из ящика, не уносили на сортировку. Попытки вмешаться в процесс отправки или получения корреспонденции ОАС связаны с применением насилия, что запрещено Парижем. Иногда Ковальски звонит по междугородному телефону, но узнать номер, по которому он звонит, или подслушать разговор не удалось.

Полковник Роллан закрыл дело и взял второе из поступивших в то утро донесений. Полиция Метца сообщала о задержании в баре в ходе обычного рейда по проверке документов мужчины, который в завязавшейся драке чуть не убил двух полицейских. Позднее в полицейском участке по отпечаткам пальцев его опознали как дезертира Иностранного легиона, Шандора Ковача, венгра по национальности, покинувшего Будапешт в 1956 году. Как следовало из справки парижской полиции, известного оасовского головореза, разыскиваемого в связи с убийствами полицейских в Алжире в 1961 году. По этим же делам разыскивался и бывший капрал Иностранного легиона Виктор Ковальски.

Роллан нажал кнопку внутренней связи и,

подождав, пока в динамике раздастся: «Слушаю, мой полковник», приказал:

— Принесите мне личное дело Виктора Ковальски. Немедленно.

Дело принесли из архива через десять минут, и полковник еще час изучал его, раз за разом возвращаясь к одному и тому же абзацу. А когда многие парижане спешили на ленч, созвал небольшое совещание, пригласив в кабинет личного секретаря, графолога из отдела документации, расположенного тремя этажами ниже, — и двух здоровяков из своей преторианской гвардии.

— Господа, — объявил он, — с помощью одного человека, хотя сейчас его нет среди нас и едва ли он добровольно согласится выполнить нашу просьбу, мы должны составить, написать и отправить письмо.

Глава 5

Поезд Шакала прибыл на Северный вокзал перед ленчем, и на такси он поехал в небольшой, но очень уютный отель на улице де Сюрен, отходящей от площади Мадлен. Хотя по классу этот отель уступал «Д'Англетеру» в Копенгагене или «Амиго» в Брюсселе, у англичанина были причины на то, чтобы остановиться в более скромных апартаментах. Во-первых, он намеревался пробыть в Париже более длительное время. Во-вторых, по сравнению с Копенгагеном и Брюсселем возрастала вероятность встречи с кем-то из тех, кто знал его в Лондоне под настоящей фамилией. На улице он чувствовал себя увереннее в черных очках, мешающих опознать его, к тому же они выглядели вполне естественно в ярком солнечном свете бульваров. Куда большей опасности подвергался он в фойе или коридорах отеля. Менее всего хотел он услышать: «О, как я рад вас видеть», — с последующим упоминанием его настоящей фамилии в присутствии портье, записавшим его в книгу регистрации под фамилией Даггэн.

Находясь в Париже, Шакал старался не привле-

кать внимания. Жил тихо, завтракал в номере. В гастрономическом магазине на противоположной стороне улицы он купил банку английского мармелада и попросил горничную, чтобы мармелад приносили ему на завтрак вместо каждодневного джема из черной смородины.

Вежливый с обслуживающим персоналом, при встречах он произносил лишь несколько слов по-французски с резким английским акцентом и улыбался, когда обращались к нему. На вопросы администрации он неизменно отвечал, что всем доволен и не имеет никаких претензий.

— Месье Даггэн, — как-то сказала портье хозяйка отеля, — чрезвычайно любезен, настоящий джентльмен, — и портье полностью с ней согласился.

Днем Шакал уходил из отеля, как и все туристы. Он сразу же купил карту Парижа и, сверяясь с маленькой записной книжкой, отметил на ней места, где хотел бы побывать. Туда он и отправлялся каждое утро, отдавая должное архитектурным достоинствам одних и исторической известности других.

Три дня он кружил вокруг Триумфальной арки или сидел на террасе кафе, разглядывая монумент и верхние этажи и крыши домов, окружающих

площадь Звезды. Всякий, кто следовал бы за ним в те дни (никто об этом и не помышлял), не мог бы не отметить, что у месье Османа[5] появился еще один тонкий ценитель. Да и кто мог подумать, что элегантный английский турист, потягивая кофе и любуясь величественными зданиями, прикидывает в уме границы сектора обстрела, расстояния от верхних этажей до Вечного огня, мерцающего под Аркой, и шансы спуститься незамеченным по пожарной лестнице, чтобы раствориться в толпе.

Проведя три дня на площади Звезды, он посетил кладбище мучеников французского Сопротивления в Монвалерьен. Шакал прибыл туда с букетом цветов, и служитель, тронутый уважением, проявленным англичанином к его соотечественникам, участникам Сопротивления, оказал ему особое внимание. Служитель не замечал, что взгляд гостя постоянно скользит от входных ворот к высоким стенам тюрьмы, мешающим обзору двора с верхних этажей соседних домов. Два часа спустя он уехал, отблагодарив служителя щедрыми, но не чрезмерными чаевыми.

Он побывал на площади Инвалидов с возвыша-

---

[5] Примечания: 5
Жорж Осман, префект Парижа, известный градостроитель XIX в.

ющимся на ее южной границе отелем Инвалидов, где находятся могила Наполеона и храм славы французского оружия. Особенно привлекла его западная часть огромной площади, и он все утро просидел в кафе на углу между улицей Фабер и миниатюрной площадью Сантьяго дю Чили. С шестого или седьмого этажа поднимающегося над его головой дома номер 146 по улице Гренель, пересекающейся с улицей Фабер под углом в девяносто градусов, в поле зрения снайпера, рассчитал он, попадут парк Инвалидов, большая часть площади Инвалидов, две или три улицы. Хорошее место для наблюдения, но не для убийства. Во-первых, расстояние от верхних этажей до усыпанной гравием дорожки, ведущей от Дома инвалидов к площадке, где останавливаются машины, превышало двести метров. Во-вторых, на линии огня оказывались ветки высоких лип, растущих на площади Сантьяго, с которых голуби роняли помет на плечи безмолвной статуи Вобана.[6] Вздохнув, Шакал расплатился и ушел.

День он провел в окрестностях кафедрального собора Нотр-Дам. Здесь, в лабиринтах Иль де ла Сите, были лестницы черного хода, аллеи и

---

[6] Примечания: 6
Вобан, Себастьян Ле Претр, де (1633–1709) — маршал Франции.

переулки, но расстояние от дверей кафедрального собора до машин, подкатывающих к самым ступеням, составляло несколько метров, а крыши площади дю Парви находились слишком далеко, в то время как крыши крошечной площади Шарлемана — слишком близко, не говоря уж об их доступности для агентов службы безопасности.

Местом его последнего визита стала площадь на южном конце улицы Рен. Он появился там 28 июля. Когда-то она называлась площадь Рен и была переименована пришедшими к власти голлистами в площадь 18 июня 1940 года. Глаза Шакала задержались на недавно повешенной табличке с новым названием. Ему вспомнились строчки, прочитанные им прошлым месяцем. 18 июня 1940 года — день, когда одинокий, но гордый изгнанник взял в Лондоне микрофон, чтобы сказать французам, что, проиграв битву, они не проиграли войну.

Что-то в этой площади с громадой вокзала Монпарнас на ее южной стороне, с которым у парижан военного поколения связано столько воспоминаний, приковало взгляд наемного убийцы. Неторопливо оглядывал он залитое асфальтом пространство, рассеченное потоками транспорта, выплескивающегося с бульвара

Монпарнас, улиц д'Одесса и Рен. Он смотрел на высокие, с узкими фронтонами дома на каждой стороне улицы Рен. Затем взглянул на железнодорожные пути и вокзал, перед которым кишели частные автомобили и такси, привозящие и увозящие тысячи пассажиров. К зиме от старого здания осталась бы только тень. В 1964 году после открытия нового вокзала, построенного в пятистах ярдах, его собирались снести.

Шакал отвернулся от железнодорожных путей и вновь сосредоточил внимание на улице Рен. Он стоял лицом к площади 18 июня 1940 года, убежденный, что президент Франции выйдет на нее в определенный день. Существовала вероятность, что де Голль появится и в других местах, которые Шакал посетил в последнюю неделю, но здесь, он это чувствовал, появление президента неизбежно. Скоро не станет вокзала Монпарнас, его колонны переплавят на изгороди окраин, а привокзальная площадь, видевшая унижение Берлина, превратится в еще один кафетерий для чиновников. Но прежде чем это случится, мужчина в кепи с двумя золотыми звездами однажды придет сюда. А расстояние от верхнего этажа углового дома на западной стороне улицы Рен до центра привокзальной площади составляло

примерно 130 метров.

Оба угловых дома на улице Рен, там, где она выходила на площадь, идеально подходили для целей Шакала. Первые три дома, расположенные вдоль улицы, также могли служить «окопом», но сектор огня в этом случае значительно сужался. Следующие дома не годились вовсе. Мог он стрелять и с первых трех домов бульвара Монпарнас, протянувшегося с востока на запад. С последующим удалением сектор огня становился слишком узким. Других зданий, доминирующих над привокзальной площадью, не было, за исключением самого вокзала. Но воспользоваться окнами служебных помещений вокзала он не мог, потому что они наверняка будут контролироваться агентами службы безопасности. Шакал решил поначалу изучить три первых дома на западной стороне улицы Рен и направился к кафе на восточном углу улицы, «Кафе герцогини Анны».

Сев на террасе в нескольких футах от мчащихся машин, он пил кофе и смотрел на высившиеся перед ним дома. Он провел в кафе три часа. На ленч Шакал перебрался в «Анси Брассери Альзасьен», откуда его взору предстали восточные фасады. После ленча он прогулялся по улице, приглядываясь к подъездам интересующих его

жилых домов.

Затем направился на бульвар Монпарнас. Оказалось, что дома, которые он отметил для себя, построенные несколько позже, заняты под конторы.

На следующий день он вернулся, пересек улицу, сел на лавочку под деревьями и, вроде бы читая газету, осмотрел верхние этажи. Каменные фасады завершались парапетом, бегущим под крутыми, выложенными черной черепицей крышами, прорезанными окнами мансард. Раньше там жили слуги, теперь — стесненные в средствах пенсионеры. Эти крыши и, возможно, мансарды в тот день наверняка будут под наблюдением. Нельзя исключать того, что агенты службы безопасности окажутся на крышах, в тени печных труб, наводя полевые бинокли на соседние крыши. Но верхние этажи, непосредственно под чердаками, с высоким потолком, позволяли держать под наблюдением привокзальную площадь, самому оставаясь невидимым в темноте комнаты. А открытое окно в жаркое парижское лето едва ли вызовет подозрения.

Но чем дальше человек отходил от окна, тем уже становился сектор обстрела. По этой причине Шакал посчитал неприемлемыми третьи по

счету дома на каждой стороне улицы Рен. Теперь он мог выбирать из четырех домов. Он полагал, что стрелять придется во второй половине дня, когда солнце покатится к западу, но будет еще достаточно высоко и его лучи будут освещать окна на восточной стороне улицы. Так его выбор сузился до двух домов на западной стороне. Для проверки собственной правоты Шакал подождал до четырех часов 29 июля и заметил, что на верхние этажи западной стороны падали лишь косые лучи, в то время как солнце яростно било в окна на востоке.

Днем позже Шакал заметил консьержку. Уже третий день он сидел или в уличном кафе, или на скамье в нескольких футах от подъездов интересующих его жилых домов. По тротуару шли и шли прохожие, а консьержка спокойно вязала у двери своего подъезда. Однажды к ней подошел поболтать официант близлежащего кафе. Он назвал консьержку «мадам Берта». Стоял теплый день, солнце, еще не достигшее зенита, освещало улицу, в тени оставалась лишь узкая полоска у дома.

Старушка щебетала: «Добрый день, месье» — людям, которые выходили или входили в подъезд, и по доброжелательному: «Здравствуйте,

мадам Берта», каждый раз раздававшемуся в ответ, Шакал, сидевший в двадцати футах от нее, понял, что консьержка пользуется всеобщим уважением. Добрая женщина, с неиссякаемым состраданием к тем, кому не повезло в этом жестоком мире. Чуть позже у подъезда появился кот, и мадам Берта исчезла на несколько минут, чтобы вернуться с блюдечком молока.

Около четырех часов мадам Берта собрала вязанье, убрала спицы и нитки в один из просторных карманов передника и, шаркая, отправилась в булочную. Шакал тут же встал со скамьи и вошел в подъезд. Лестницу он предпочел лифту и взлетел по ступенькам.

Лестница обвивала шахту, и на каждом витке в тыльной части дома ступени прерывались маленькой площадкой. От каждой второй из этих площадок коридор вел к пожарной лестнице. Между пятым и шестым этажами Шакал открыл дверь в конце коридора и посмотрел вниз. Пожарная лестница спускалась во внутренний двор, куда выходили двери черного хода и других домов, образующих замкнутый квадрат. В дальнем конце двора на север уходил узкий проулок.

Шакал осторожно прикрыл дверь, задвинул засов и поднялся на шестой этаж. Отсюда более

узкая лестница шла на чердак. Две двери на площадке вели в квартиры с окнами, выходящими во двор, две другие — в квартиры с окнами на улицу. Эти окна он так пристально изучал из кафе и со скамейки. Из них открывался вид на улицу Рен и привокзальную площадь.

На табличках, укрепленных рядом с кнопками звонков, Шакал прочитал «Мадемуазель Беранже» и «Месье и мадам Шарье». Он прислушался, но из квартир не доносилось ни звука. Осмотрел замки: в обоих квартирах врезаны в толщу двери. Дерево толстое, а язычки замков скорее всего металлические пластины, столь любимые французами. Понадобятся ключи, отметил он про себя, которые наверняка есть в каморке мадам Берты.

Вниз Шакал спустился также по лестнице, пробыв в подъезде менее пяти минут. Консьержка уже вернулась. Ее силуэт виднелся сквозь матовое стекло двери ее комнатки.

Выйдя из подъезда, Шакал повернул налево от площади, миновал два жилых дома, почту, расположенную на углу улиц Рен и Литр, свернул на последнюю. Стена здания почты, выходящая на улицу Литр, обрывалась узким проулком. Шакал остановился, чтобы закурить, одновременно глядя в проулок. Дверь черного хода почтового

отделения, затем залитый солнцем двор, в дальнем конце которого Шакал различил нижние перекладины пожарной лестницы дома, из которого он только что вышел. Теперь он знал, как скрыться с места преступления.

Прошагав по улице Литр, он вновь повернул налево, на улицу Вожирар, и по ней вышел на бульвар Монпарнас. Он уже стоял на углу, оглядываясь в поисках свободного такси, когда на перекресток на мотоцикле выехал полицейский, поставил мотоцикл на возвышение и начал регулировать движение транспорта. Резкими свистками ему удалось остановить поток машин, выезжающих с улицы Вожирар и направляющихся по бульвару Монпарнас к вокзалу. Машины, движущиеся по бульвару в противоположном направлении, он прижимал к тротуару. Едва он добился нужного результата, со стороны перекрестка Дюрок донесся вой сирен. Шакал увидел, как в пятистах ярдах от него с бульвара Инвалидов на перекресток вырулил кортеж и повернул на бульвар Монпарнас.

Впереди ехали два мотоциклиста, затянутые в черную кожу, в белых шлемах, на рулях сверкали мигалки. За мотоциклами, в затылок друг другу, мчались акулообразные «ситроены DS 19». Поли-

цейский на возвышении вытянулся в струнку, левой рукой указывая в сторону проспекта Мэн, а правую прижимая к груди, ладонью вниз, показывая, что никто не должен мешать движению кортежа.

Мотоциклы, затем лимузины свернули на проспект Мэн. На заднем сиденье первого из них, позади водителя и личного адъютанта, глядя прямо перед собой, сидел мужчина в темно-сером костюме. Перед Шакалом промелькнула гордо поднятая голова и безошибочно узнаваемый нос. В следующий раз, молча пообещал Шакал вслед удаляющемуся лимузину, я увижу твое лицо через перекрестье оптического прицела. Затем он остановил такси и попросил отвезти его в отель.

* * *

У станции метро «Дюрок» в президентский кортеж вглядывался еще один человек. Женщина поднялась из метро и уже ступила на мостовую, когда ее остановил свисток полицейского. Секундами позже мотоциклы, а следом и лимузины свернули с бульвара Инвалидов на бульвар Монпарнас. Женщина тоже увидела знаменитый профиль, и ее глаза вспыхнули яростью. Машины уже уехали, а она все смотрела им вслед, пока не

почувствовала на себе взгляд полицейского. И торопливо перебежала улицу.

Жаклин Дюма, и без того красивая, знала, как подать себя во всем блеске, ибо работала косметичкой в дорогом салоне за Елисейскими полями. Вечером 30 июля она спешила в свою маленькую квартирку рядом с площадью Бретой, чтобы подготовиться к свиданию. Она знала, что несколько часов спустя будет лежать в объятиях любовника, которого ненавидела, и хотела, чтобы он нашел ее неотразимой.

Тремя годами раньше больше всего на свете она ждала следующего свидания. Выросла Жаклин в дружной семье, отец работал в банке, мать вела домашнее хозяйство, Жаклин училась на курсах косметичек, а Жан-Клод служил в армии. Жили они в Ле Везине, не в самой лучшей части, но в хорошем доме.

Осенью 1959 года, когда она и родители завтракали, почтальон принес телеграмму из министерства вооруженных сил. Министр, выражая безмерное сожаление, сообщал господину и мадам Арман Дюма о смерти в Алжире их сына, Жана-Клода, рядового Первой колониальной воздушно-десантной бригады. И обещал, что в ближайшее время им будут пересланы личные

вещи убитого.

Мир Жаклин рухнул. Жизнь казалась бессмысленной, ей претили и спокойствие дома в Ле Везине и болтовня ее сокурсниц об обаянии Ива Монтана или последнем сумасшедшем танце, завезенном из Америки. Le Rock. Да и как жить дальше, если ее маленький Жан-Клод, любимый младший братишка, такой ранимый и нежный, ненавидевший насилие и войну, мечтавший только о том, чтобы его оставили в покое с его книгами, еще совсем мальчик, которого она так баловала, застрелен насмерть в какой-то богом забытой пустыне Алжира. Жаклин начала ненавидеть грязных трусливых арабов, погубивших ее брата.

Затем появился Франсуа. В одно воскресное утро он возник на пороге, когда ее родители уехали в гости к родственникам. Стоял декабрь, улицу и сад завалило снегом. И загорелое лицо Франсуа особенно выделялось на фоне бледности горожан. Он спросил, нельзя ли ему поговорить с мадемуазель Жаклин. Она ответила: «Это я» — и спросила, что ему нужно. Он пояснил, что командовал взводом, в котором служил Жан-Клод Дюма, ее брат, и привез от него письмо. Жаклин пригласила его в дом.

Жан-Клод написал письмо за две недели до смерти, и оно лежало во внутреннем кармане его гимнастерки, когда их патруль, преследовавший банду феллахов, вырезавших семью поселенца, напоролся на батальон регулярных войск Фронта национального освобождения. В жестокой схватке на заре пуля пробила Жану-Клоду легкое. Перед смертью он отдал письмо командиру взвода.

Прочитав письмо, Жаклин всплакнула. В нем не было ничего особенного, обычный треп о казармах в Константине, курсе боевой подготовки, дисциплине. Остальное она узнала от Франсуа: четырехмильное отступление с наседающими с флангов повстанцами, радиограммы с просьбами о поддержке с воздуха, появление в восемь утра истребителей-бомбардировщиков, ревущие двигатели, взрывы ракет. И ее брат, добровольно вступивший в бригаду, выполнявшую самые сложные задания командования, чтобы доказать, что он — мужчина, и принявший смерть, не уронив чести.

Франсуа понял ее состояние. Четыре года войны выжгли его дотла, превратив в профессионального солдата. Но он нашел теплые слова для сестры его погибшего однополчанина. Этим он понравился Жаклин, и она приняла его предложение

пообедать в Париже. Кроме того, она боялась, что родители вернутся и застанут его в доме. Она не хотела, чтобы они услышали рассказ о смерти Жана-Клода, ибо и мать, и отец за два прошедших месяца сумели заглушить боль потери и кое-как вернуться к привычному образу жизни. За обедом она упросила лейтенанта не встречаться с ними.

Приезд Франсуа разжег ее любопытство. Она хотела узнать как можно больше о войне в Алжире, о происходящих там событиях и причинах, их породивших, о маневрах политиков. В январе 1959 года де Голль из премьер-министра стал президентом, ворвавшись в Елисейский дворец на волне патриотизма, пообещав избирателям, что быстро закончит войну, оставив Алжир французским. От Франсуа она впервые услышала, что человека, которого боготворил ее отец, называют предателем Франции.

Отпуск Франсуа они провели вместе, встречаясь каждый день. В декабре же она закончила курсы, и ее взяли на работу в салон. Он рассказал, как предали французскую армию, о секретных переговорах правительства с находящимся в тюрьме Ахмедом Бен Беллой, лидером ФНО, о готовящейся передаче власти в Алжире арабам. Франсуа уехал на войну во второй половине

января. Потом Жаклин ездила к нему в Марсель, куда он вырвался на одну короткую неделю. Она ждала Франсуа, для нее он олицетворял доброту, честь, мужество. Она ждала осень и зиму 1960 года. Днем и вечером его фотография стояла на столице у кровати, а по ночам Жаклин прижимала ее к животу и так засыпала.

Последний раз они виделись весной 1961 года. Когда они гуляли по бульварам, он — в военной форме, она — в своем лучшем платье, ей казалось, что Франсуа — самый сильный, самый красивый мужчина в городе. Одна из работающих с ней девушек увидела их, и на следующий день весь салон только и говорил о красавце десантнике Жаклин. Ее на работе не было: она взяла отпуск, чтобы не расставаться с ним ни днем ни ночью.

Франсуа нервничал. Назревали какие-то события. Переговоры с ФНО стали достоянием общественности. Армия, настоящая армия, обещал он, скоро положит этому конец. Алжир должен остаться французским, в это свято верили и двадцатисемилетний, закаленный в сражениях офицер, и очаровательная двадцатитрехлетняя мать его будущего ребенка.

Франсуа не узнал о ребенке. В марте 1961 года он вернулся в Алжир, а 21 апреля некоторые

части французской армии подняли мятеж. Первая десантная бригада восстала целиком, за исключением горстки новобранцев. Бои между мятежниками и верными правительству войсками продолжались недолго. Франсуа погиб в перестрелке в начале мая.

После апрельского мятежа Жаклин не получала писем из Алжира, и лишь в июле ей сообщили о гибели Франсуа. Она сняла дешевую квартирку на окраине Парижа и попыталась отравиться газом. Ее спасли, потому что в стенах было много щелей и утечку газа быстро обнаружили, но ребенка она потеряла. Родители увезли Жаклин с собой в ежегодный августовский отпуск, и к возвращению в Ле Везине она вроде бы пришла в себя. А в декабре уже активно работала в подпольной ячейке ОАС.

Мотивы ее были просты: Жан-Клод, после него Франсуа. За них надо отомстить любой ценой, не жалея ни себя, ни других. Ничего иного она не желала. Жаловалась она лишь на то, что задания ей поручались самые простые: передать устное сообщение, отнести записку, иногда брусок пластиковой взрывчатки, засунутый в половину батона в ее сумочке. Она считала, что способна на большее. Даже легавые на углах, обыскивающие

прохожих после очередного взрыва бомбы в кафе или кинотеатре, пропускали ее, стоило ей лишь надуть губки или взметнуть густые ресницы.

После Пети-Кламар один из участников покушения провел три ночи в ее квартире у площади Бретой. Это был звездный час Жаклин, но потом он ушел. Месяцем позже его поймали, но он не выдал ее. Может, забыл. Командир ее ячейки, однако, приказал ей приостановить на несколько месяцев всякие контакты с ОАС, пока активность полиции не пойдет на спад. В январе 1963 года она вновь начала носить записки.

Так продолжалось до июля, когда к ней пришел незнакомый мужчина. Его сопровождал командир ячейки, державшийся с подчеркнутой почтительностью к гостю. Тот не представился. Готова она выполнить особое поручение Организации? Конечно. Может быть, опасное, наверняка малоприятное? Неважно.

Три дня спустя ей показали мужчину, вышедшего из подъезда многоквартирного жилого дома. Они сидели в кабине автомобиля. Ей сказали, кто он такой и где работает. И что от нее требуется.

В середине июля они встретились, вроде бы случайно, когда она села рядом с ним в ресторане и,

застенчиво улыбнувшись, попросила передать ей соль. Он попытался заговорить с ней, но Жаклин вела себя очень сдержанно. Тактика оказалась правильной. Ее скромность заинтересовала мужчину. Незаметно разговор становился все оживленнее, мужчина его вел, Жаклин следовала за ним. За полмесяца у них завязался роман.

Она достаточно разбиралась в мужчинах, чтобы судить о своем новом кавалере. Тот привык к легким победам, многоопытным женщинам. Она же играла робость, даже целомудрие, лишь изредка намекая, что в глубине ее души теплится страсть, которую надо разжечь. Рыба клюнула на приманку. Для мужчины, не знавшего ни в чем отказа, победа над Жаклин стала вопросом чести.

В конце июля командир ячейки предупредил, что скоро ей придется отдаться этому человеку. 29 июля его жена и двое детей уехали в загородный домик в долине Луары, а он сам, из-за неотложной работы, остался в городе. Едва за женой и детьми закрылась дверь, он уже звонил в салон и настоял, что он и Жаклин пообедают следующим вечером в его квартире. Вдвоем.

Поднявшись к себе, Жаклин взглянула на часы. До встречи оставалось еще три часа. Она приняла

душ, вытерлась полотенцем перед большим, в рост человека, зеркалом на задней стороне дверцы шкафа, приподняла руками полные груди с розовыми сосками, не чувствуя той радости, которую испытывала, предвкушая, что скоро их будут ласкать ладони Франсуа.

Она думала о предстоящей ночи, и к горлу подкатывала тошнота. Она поклялась, что пройдет через все, не откажет ему ни в чем. Из ящика комода она достала фотографию Франсуа, всмотрелась в его ироническую полуулыбку, которая появлялась на его лице, когда она летела по платформе ему навстречу. Каштановые волосы, желтовато-коричневая форма, скрывающая мускулистое тело, стальные крылья, знак принадлежности к воздушно-десантным войскам, холодящие раскрасневшуюся щеку. Они остались с ней — на бумаге. Жаклин легла на кровать и подняла фотографию Франсуа над собой, чтобы он смотрел на нее сверху вниз, как всегда в час любви, шепотом спрашивая: «Ну, малышка, ты готова?» И она отвечала: «Да, да, ты же знаешь…» А затем…

* * *

В последний день месяца Шакал отправился на рынок и долго ходил от одного ларька, торгующего подержанными вещами, к другому. Он купил замусоленный черный берет, пару стоптанных башмаков, мятые брюки и, после долгих поисков, длинное пальто, перешитое из армейской шинели. Он предпочел бы более тонкий материал, но во французской армии в разгаре лета шинели не носят, поэтому и шьют их из шерстяной байки. Но его вполне устроила длина: значительно ниже колен, даже при его росте.

Уже направляясь к выходу, он заметил лоток, заваленный старыми медалями, и купил целую коллекцию, вкупе с буклетом, подробно описывающим, за какие сражения или подвиги полагается та или иная награда. Перекусив в «Куини» на улице Руаяль, Шакал вернулся в отель, расплатился по счету и собрал вещи. Новые покупки легли на дно двух роскошных чемоданов. Из коллекции медалей он, с помощью буклета, отобрал Военную медаль «За храбрость в бою», медаль Освобождения, а также пять медалей, которыми награждались те, кто воевал в рядах «Свободной Франции» во Второй мировой войне:

за участие в сражениях при Бир Хакейме, в Тунисе, Ливии, за высадку в Нормандии и марш на Париж Второй бронетанковой дивизии Филипа Леклерка.

Остальные медали, а также буклет он по отдельности выбросил в мусорные урны на бульваре Малешерб. Портье уведомил его, что очень удобный экспресс «Северная звезда» до Брюсселя отходит от Северного вокзала в четверть шестого. На нем Шакал и уехал, отлично пообедал в вагоне-ресторане и прибыл в Брюссель в последние часы июля.

Глава 6

Письмо для Виктора Ковальски прибыло в Рим на следующее утро. Здоровяк капрал шел по фойе отеля, вернувшись после ежедневного посещения почты, когда его позвал один из коридорных.

— Signor, per favore![7]

Ковальски повернулся. Итальянца он не узнал, но не нашел в этом ничего исключительного. Он их просто не замечал, и все они были для него на одно лицо. Темноглазый юноша подал ему письмо.

— Eina lettera, signer. Per un Signor Kowalski… non cognosco questo signor… E forse un fransese…[8]

Ковальски не понял ни слова, но ему хватило ума разобрать собственную фамилию, хотя и в исковерканном виде. Он выхватил письмо из руки незнакомца и уставился на написанные корявым почерком адрес и фамилию. В отеле он зарегистрировался под вымышленным именем.

---

[7] Примечания: 7

Синьор, одну минуту! (*итал.*)

[8] Примечания: 8

Письмо, синьор. Для синьора Ковальски… он не значится среди постояльцев… Письмо из Франции… (*итал.*)

Читать Ковальски не любил и, естественно, не мог знать о том, что пятью днями раньше одна парижская газета сообщила на первой полосе о том, что три главаря ОАС окопались на верхнем этаже отеля в Риме.

Поэтому он полагал, что никто не мог знать о его местопребывании. Однако письмо заинтриговало его. Он их получал редко, и, как для большинства простого люда, прибытие письма являлось важным событием. Теперь он понял, что итальянец, смотревший на него преданными глазами спаниеля, словно он, Ковальски, мог разрешить его проблему, обратился к портье и ему сказали, что в этом отеле Ковальски не проживает.

Ковальски взглянул на посланца.

— Bon, je vais demander.[9]

Итальянец по-прежнему не отрывал от него глаз.

— Demander, demander,[10] — повторил Ковальски, указав вверх.

Итальянец просиял:

— Ah, si. Domandare. Prego, Signor. Tante

---

[9] Примечания: 9
Хорошо, я сейчас спрошу (*фр.*)

[10] Примечания: 10
Спрошу, спрошу (*фр.*)

grazie…[11]

Ковальски уже двинулся к лифту, а итальянец все продолжал благодарить его. Когда двери раскрылись на восьмом этаже, на Ковальски глянуло дуло автоматического пистолета. Охранник осмотрел кабину, убедился, что Ковальски один, поставил пистолет на предохранитель и убрал в карман. Подниматься на восьмой этаж имел право лишь Ковальски. По заведенному порядку охранник доставал пистолет, если сигнальные огоньки над дверью указывали, что лифт не остановился на седьмом этаже.

Второй охранник стоял в конце коридора, у запасного выхода, третий — у лестницы. И внутренняя, и пожарная лестницы были заминированы, хотя администрация отеля об этом не знала. Электрическая цепь, ведущая к детонаторам, прерывалась рубильником, установленным на столе в коридоре.

Четвертый охранник дневной смены дежурил на крыше над девятым этажом, где жили главари ОАС. В случае внезапного нападения им на помощь пришли бы еще три человека, отстоявшие ночную вахту и днем отсыпающиеся в своих ком-

---

[11] Примечания: 11

А, понятно. Спросите. Спасибо, синьор. Премного благодарен… (*итал.*)

натах на восьмом этаже. Для того, чтобы перейти от сна к делу, им хватило бы нескольких секунд. Сигналом общей тревоги являлся подъем лифта на девятый этаж. Такое и произошло однажды, совершенно случайно, когда коридорный с подносом напитков в руках нажал кнопку «9». Его быстро отучили от подобных ошибок.

Охранник позвонил наверх, чтобы сообщить о прибытии почты, затем указал Ковальски на лестницу. Бывший капрал засунул письмо, адресованное ему, в карман. Корреспонденция для Родина и его коллег находилась в стальном ящичке, прикованном к левой руке Ковальски. Ключи от наручника и от ящика Родин держал при себе. Три минуты спустя подполковник отомкнул оба замка, и Ковальски спустился в свою комнату. Он мог спать до полудня, когда начиналась его смена у лифта.

В комнате он наконец-то прочел письмо, начав с подписи. К его удивлению, оно пришло от Ковача, которого он не видел с год. И если Ковальски читал с трудом, то Ковач писал, как курица лапой. Ковальски пришлось чуть ли не расшифровывать письмо. К счастью, оно было коротким.

Ковач начал с того, что приятель прочел ему вслух газетную статью о Родине, Монклере и

Кассоне, живущих под охраной в этом римском отеле. Он предположил, что с ними будет и его давний друг Ковальски, поэтому он и направляет туда свое письмо.

Далее речь шла о теперешней жизни во Франции, частых проверках документов, поступающих приказах о нападениях на банки и ювелирные магазины. Ковач написал, что участвовал в четырех налетах, жаловался, что чуть ли не всю добычу приходится отдавать.

В последнем абзаце говорилось о том, что несколькими неделями раньше Ковач встретил Мишеля, а тот говорил с Жожо, который сказал, что у маленькой Сильвии какая-то болезнь, кажется люка, что-то такое с кровью, но он, Ковач, надеется, что она скоро выздоровеет и Виктор может не волноваться.

Но Виктор волновался. Его очень встревожила болезнь маленькой Сильвии. За тридцать шесть прожитых лет сердце Виктора превратилось едва ли не в камень и крайне редко отзывалось на чью-то боль. Ему было двенадцать, когда немцы захватили Польшу. Еще через год его родителей увезли в черном фургоне. Он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, чем занимается его сестра в большом отеле за кафедральным

собором, куда часто наведывались немецкие офицеры. Родители пытались протестовать, обратились в военную комендатуру, и больше их не видели. Ковальски ушел в партизаны. Первого немца он убил в пятнадцать лет. В семнадцать пришли русские, но Виктор счел за благо покинуть Польшу. Через Чехословакию он добрался до Австрии и попал в лагерь для перемещенных лиц, высокий, худой, говоривший только по-польски и ослабевший от голода. Его приняли за обычного беженца, которого война занесла на чужбину. На американской еде он быстро окреп. Весной 1946 года, вместе с другим поляком, знавшим французский, Виктор удрал из лагеря. Они двинулись на юг, сначала в Италию, потом во Францию. В Марселе он ограбил магазин, убил хозяина, заставшего его на месте преступления, и снова ударился в бега. Его спутник расстался с ним, указав, что теперь Виктору осталась одна дорога — в Иностранный легион. Ковальски вступил в Легион на следующее утро и оказался в Сиди-Бель-Аббес до начала полицейского расследования. Разрушенный войной Марсель по-прежнему служил перевалочной базой для поступающего из Америки продовольствия, и грабежи магазинов, торгующих заморскими

товарами, случались часто. Через неделю полиция закрыла дело, не утруждая себя особыми розысками. Ковальски узнал об этом, уже будучи легионером.

Ему было девятнадцать, и поначалу бывалые солдаты называли его petit bonhomme.[12] Потом он показал им, что умеет убивать, и его стали звать Ковальски.

Шесть лет в Индокитае лишили его последних человеческих чувств, а затем Ковальски послали в Алжир. Он постоянно воевал, лишь однажды его направили на учебную базу близ Марселя для прохождения шестимесячного курса специальной подготовки. Там он встретил Жюли, миниатюрную, порочную подавальщицу из портового бара, у которой возникла ссора с ее сутенером. От удара Ковальски тот пролетел шесть метров и потом оставался без сознания десять часов. Сломанная челюсть в конце концов срослась, но он уже не мог выговаривать многих букв.

Жюли понравился здоровяк легионер, и на несколько месяцев он стал ее защитником, по вечерам провожая девушку домой, в чердачную каморку во Вью Пор. Страсти в их отношениях,

---

[12] Примечания: 12
Мальчуган (*фр.*)

особенно с ее стороны, было много, любви — чуть, и стало еще меньше, когда она поняла, что беременна. Ребенок, заявила она Ковальски, его, и он поверил, потому что хотел поверить. Она также сказала, что ей ребенок не нужен и она знает старуху, которая поможет избавиться от него. Ковальски поколотил ее и пригрозил, что убьет, если она это сделает. Через три месяца он должен был вернуться в Алжир. За это время он подружился с другим поляком, экс-легионером Джозефом Гржибовски, все звали его Жожо. Тот потерял ногу в Индокитае и, вернувшись во Францию, сошелся с веселой вдовой. У нее был лоток на колесиках, который она возила вдоль платформы, предлагая пассажирам прибывающих поездов пирожки и бутерброды. После их свадьбы в 1953 году они работали вдвоем. Жожо брал деньги и отсчитывал сдачу, его жена раздавала бутерброды и пирожки. Свободные вечера Жожо проводил в барах, где собирались легионеры из близлежащих казарм. Большей частью новобранцы, вступившие в Легион после того, как его отправили во Францию, но однажды он наткнулся на Ковальски.

Именно к Жожо обратился Ковальски за советом. Жожо согласился, что ребенка надо

сохранить. Они оба когда-то были католиками.

— Она хочет избавиться от ребенка, — вздохнул Виктор.

— Шлюха, — покачал головой Жожо.

— Корова, — кивнул Ковальски.

Они выпили еще, задумчиво глядя в зеркало за стойкой.

— Нечестно по отношению к ребенку, — заявил Виктор.

— Нечестно. — подтвердил Жожо.

— У меня никогда не было ребенка, — после долгой паузы вымолвил Виктор.

— У меня тоже, хотя я женат и все такое, — ответил Жожо.

Где-то за полночь, вдрызг пьяные, они нашли верное решение и отметили свой успех еще бутылкой вина. Проснувшись, Жожо вспомнил о своем обещании, но прошло еще три дня, прежде чем он решился сказать об этом жене. К его изумлению, мадам отнеслась к этой идее весьма благосклонно.

В должный срок Виктор отправился в Алжир и попал к майору Родину, тогда командиру батальона. В Марселе Жожо и его жена кнутом и пряником держали в узде беременную Жюли. К отъезду Виктора она была уже на пятом месяце,

так что об аборте не могло быть и речи, о чем Жожо и сказал сутенеру со сломанной челюстью, вновь замаячившему на горизонте. Этот тип уже понял, что с легионерами лучше не связываться, даже с одноногими ветеранами, поэтому, обругав последними словами свой прежний источник дохода, он отправился искать счастья в другое место.

В конце 1955 года Жюли родила девочку, голубоглазую и золотоволосую. Жожо и его жена оформили необходимые документы на удочерение. Жюли их подписала. После официального утверждения документов Жюли вернулась к прежнему образу жизни, а в семье Жожо появилась дочка, которую назвали Сильвией. Письмом они известили об этом Виктора, немало его обрадовав. Однако о том, что у него растет дочь, он никому не говорил. Потому что у него отнимали все, что ему принадлежало, если об этом становилось известно.

Тем не менее три года спустя, — перед длительной боевой операцией в горных районах Алжира, капеллан предложил Ковальски написать завещание. Такая мысль не приходила тому в голову. Да и что он мог завещать, если жалованье он тратил в барах и борделях во время редких

отпусков, а его вещи являлись собственностью Легиона. Но капеллан заверил его, что в нынешнем регионе завещание вполне уместно, и с его помощью Ковальски изложил свою волю, оставив все принадлежащее ему имущество дочери Джозефа Гржибовски, проживающего в Марселе. Вероятно, копия этого документа попала в досье Ковальски, хранившееся в архивах министерства вооруженных сил. Когда служба безопасности заинтересовалась Ковальски в связи с актами терроризма, совершенными в 1961 году в Константине, это досье, наряду со многими другими, извлекли на свет и отправили полковнику Роллану, начальнику Отдела противодействия, в Порт де Лилья. Агент посетил семью Гржибовски, и история выплыла наружу. Ковальски ничего этого не знал.

Дочь он видел дважды, в 1957 году, когда получил пулю в бедро и лечился в Марселе, и в 1960-м, когда сопровождал подполковника Родина, вызванного в суд в качестве свидетеля. Первый раз малышке было два года, второй — четыре с половиной. Ковальски приезжал с грудой подарков для Жожо и его жены и с игрушками для Сильвии. Они прекрасно ладили, маленькая девочка и ее похожий на медведя дядя Виктор. Но он никому

о ней не говорил, даже Родину.

И вот она заболела какой-то люка, и Ковальски все утро не находил себе места. После ленча он поднялся наверх за стальным ящиком. Родин ждал важного письма с уточнением общей суммы, захваченной в ходе многочисленных грабежей, и хотел, чтобы Ковальски сходил на почту еще раз.

— Что такое люка? — неожиданно спросил бывший капрал.

Родин, закреплявший наручник на его левой руке, поднял голову.

— Понятия не имею.

— Это болезнь крови, — пояснил Ковальски.

В дальнем углу Кассон оторвался от иллюстрированного журнала.

— Наверное, вы имеете в виду лейкемию.

— А что это, месье?

— Это рак, — ответил Кассон. — Рак крови.

Ковальски взглянул на Родина. Он не доверял штатским.

— Его могут лечить, мой полковник?

— Нет, Ковальски, это смертельная болезнь. Лечения не существует. А зачем тебе это?

— Так, — промямлил Ковальски. — Где-то прочел.

И он ушел. Если Родин и удивился, что его телохранитель, никогда не читавший ничего, кроме приказов, нашел в книге странное слово, то не подал виду и скоро забыл о таком пустяке. Ибо с дневной почтой поступило долгожданное письмо, в котором сообщалось о наличии 250 тысяч долларов на счету ОАС в швейцарском банке.

Родин тут же сел писать поручение о переводе означенной суммы на счет наемного убийцы. О второй половине он не волновался. После устранения де Голля промышленники и банкиры правого толка, ранее, в период наибольшей популярности, финансировавшие ОАС, сами принесут деньги. Те же самые люди, которые несколькими неделями раньше жаловались на «недостаточные успехи патриотических сил» и видевшие в этом угрозу возвращению уже вложенных средств, будут спорить за честь поддержать солдат, готовящихся стать новыми властителями Франции.

Он закончил писать к вечеру, но Кассон, прочитав инструкции Родина о немедленном переводе денег, высказал свои возражения. Мы обещали англичанину, напомнил Кассон, номер телефона, по которому он будет получать самую свежую и точную информацию о передвижениях де Гол-

ля, а также о любых изменениях в заведенном порядке охраны президента. Эта информация может оказаться жизненно важной для наемного убийцы. Уведомляя его о переводе денег на этом этапе, развивал свою мысль Кассон, мы толкаем его на поспешные действия. Разумеется, место и время покушения Шакал выбирает сам, но едва ли несколько дней задержки повлияют на его планы. А вот информация, к которой получит доступ убийца, может сыграть решающую роль, и тогда ожидаемый успех не обернется очередной, очевидно, последней неудачей.

Он, Кассон, этим утром получил донесение от руководителя парижского подполья, которому удалось внедрить агента в непосредственное окружение де Голля. Через один-два дня агент начнет поставлять самые надежные сведения о местопребывании генерала и о его предстоящих поездках и выступлениях, не объявленных заранее. Поэтому хотелось бы, чтобы Родин придержал письмо к банкирам, пока он, Кассон, не отправит Шакалу телефонный номер в Париже, по которому тот сможет получить крайне необходимую ему информацию.

Родин долго раздумывал над аргументами Кассона, но в конце концов согласился, что они

достаточно убедительны. Никто не мог знать о намерениях Шакала, так что задержка с переводом денег до направления в Лондон листка бумаги с телефонным номером, похоже, не имела никакого значения. Главари ОАС понятия не имели, что наемный убийца уже выбрал свой день и следовал тщательно разработанному плану с точностью швейцарского часового механизма.

В ту душную римскую ночь, сидя на крыше у вентиляционной шахты и привычно сжимая в руке кольт 45-го калибра, Ковальски думал о маленькой больной девочке в Марселе. Перед самым рассветом его осенило. Он вспомнил, что при последней встрече в 1960 году Жожо говорил о телефоне, который он хочет поставить в своей квартире.

* * *

В то утро, когда Ковальски получил письмо, Шакал вышел из отеля «Амиго» и на такси добрался до угла улицы, где жил месье Гуссен. Он позвонил оружейнику после завтрака, и тот пригласил господина Даггэна, так он представился бельгийцу, приехать к нему в одиннадцать часов. Из такси Шакал вылез в десять тридцать и полчаса

оглядывал улицу, сидя на лавочке в маленьком сквере с газетой в руках.

Не заметив ничего подозрительного, он позвонил в дверь ровно в одиннадцать, и Гуссен пригласил его в дом. Как только Шакал переступил порог, он запер дверь на замок и цепочку. Они прошли в небольшой кабинет.

— Есть трудности? — спросил англичанин, взглянув на явно расстроенного оружейника.

— К сожалению, да.

Лицо англичанина окаменело.

— Вы говорили, что я смогу увезти ружье четвертого августа, если приеду к вам первого.

— Совершенно верно и, уверяю вас, с ружьем все в порядке, — ответил бельгиец. — Оно готово, и, откровенно говоря, я вижу в нем одну из вершин моего творчества. Меня беспокоит вторая часть вашего заказа, изготовление которой пришлось начинать с нуля. Позвольте, я вам все покажу.

На столе лежал плоский футляр длиной в два фута, шириной в восемнадцать и высотой в четыре дюйма. Месье Гуссен снял крышку, и Шакал взглянул на содержимое футляра.

Нижняя часть напоминала готовальню с отделениями, по форме точно соответствующими

уложенным в них составным элементам ружья.

Вдоль большей стороны «готовальни» лежал ствол с казенной частью, общей длиной восемнадцать дюймов. Шакал вынул их, внимательно осмотрел. Затвор оканчивался захватом диаметром не более казенной части, в которую он устанавливался.

Англичанин взялся за захват большим и указательным пальцами правой руки и повернул его против часовой стрелки. Затвор вышел из замка и заскользил по пазу. Англичанин оттянул его назад, открыв тускло блестевший желоб для установки патрона и черную дыру в тыльной части ствола.

Он загнал затвор в казенную часть до упора и повернул по часовой стрелке.

У самого захвата в нижнюю часть затвора был аккуратно вварен диск в полдюйма толщиной и диаметром не больше дюйма. Благодаря серповидному вырыву наверху диск не мешал возвратно-поступательному движению затвора. В центре диска имелось отверстие диаметром в полдюйма, с нарезанной внутри резьбой.

— Для крепления приклада, — пояснил бельгиец.

Шакал заметил, что от деревянного прикла-

да не осталось и следа, если не считать тонких отбортовок, которыми он фиксировался под каренником. Два отверстия под винты, которые крепили приклад к ружью, были заварены и зачищены. Шакал оглядел ружье снизу. Под казенной частью оказалась узкая щель. Сквозь нее он мог видеть часть затвора с ударником. От крючка осталось лишь основание, спиленное заподлицо со стальной поверхностью ружья.

В основании срезанного спускового крючка темнело отверстие с резьбой. Месье Гуссен молча протянул Шакалу маленький, с дюйм длиной, кусочек стального прута, изогнутый и с резьбой на одном конце. Большим и указательным пальцами Шакал ввернул его в отверстие до упора. У ружья появился новый спусковой крючок.

Бельгиец потянулся к футляру и взял стальной стержень, также с резьбой на одном конце.

— Нижний подкос приклада.

Наемный убийца ввернул подкос в отверстие диска под казенной частью. Стальной стержень смотрел вниз под углом в тридцать градусов. В двух дюймах от нарезки на стержне имелась фаска, в центре которой оружейник просверлил отверстие под углом к оси стержня. Месье Гуссен протянул Шакалу второй, более короткий

стержень.

— Верхний подкос.

Шакал установил и его. Оба подкоса смотрели назад, верхний под более пологим углом, чем нижний, напоминая две стороны остроугольного треугольника, но без основания. Гуссен передал Шакалу и основание. Изогнутое, в пять или шесть дюймов длиной, с толстой подложкой из черной кожи. На концах плечевого упора, или торца приклада, виднелось по отверстию.

— Вворачивать не нужно. Просто насадите на подкосы.

Англичанин приложил упор к концам подкосов и вогнал их в отверстия. Теперь англичанин держал в руках ружье со спусковым крючком и прикладом, образованным двумя подкосами и упором. Шакал приложил ружье к плечу, левой рукой ухватил его под стволом, указательный палец правой руки лег на спусковой крючок, закрыл левый глаз, прищуренным правым взглянул вдоль ствола. Прицелился в дальнюю стену и нажал на крючок. Внутри казенника раздался глухой щелчок.

Он повернулся к бельгийцу, который держал в каждой руке по черной трубке длиной в десять дюймов.

— Глушитель, — попросил англичанин.

Взял предложенную ему трубку и оглядел свободный конец ствола, вернее, резьбу на его внешней поверхности, надел трубку широким концом на ствол и завернул до упора. Глушитель выступал над срезом ствола, как толстая сосиска. Англичанин вновь протянул руку, и месье Гуссен вложил в нее телескопический прицел.

Вдоль верхней части ствола тянулись выдолбленные в металле несколько пар пазов. В них устанавливались разжимные скобы основания прицела, обеспечивая его параллельность со стволом. Крохотные юстировочные винты с правой стороны и на прицеле позволяли регулировать положение перекрестья. Англичанин снова поднял ружье и, прищурившись, прицелился. У непосвященного могло создаться впечатление, что английский джентльмен, подтянутый и элегантный, подбирает себе новое спортивное ружье в магазине на Пикадилли. Но россыпь странного вида деталей стала не спортивным ружьем, но мощным, дальнобойным, абсолютно бесшумным орудием убийства. Шакал положил ружье на стол. Повернулся к бельгийцу и кивнул, удовлетворенный результатом проверки.

— Хорошо, очень хорошо. Я поздравляю вас.

Прекрасная работа.

Месье Гуссен просиял.

— Остается вывести прицел на ноль и попрактиковаться в стрельбе. У вас есть патроны?

Бельгиец открыл ящик стола и достал распечатанную коробочку с сотней патронов. Шести патронов не хватало.

— Это вам на пристрелку. А шесть пуль я переделал в разрывные, — пояснил оружейник.

Шакал высыпал на ладонь пригоршню патронов и осмотрел их. Какими маленькими казались пули по сравнению с той задачей, которую должна была решить одна из них, но он заметил, что патрон длиннее, чем требует калибр, а дополнительный объем взрывчатого вещества придавал пуле очень высокую скорость, соответственно повышая точность и убойную силу. Вершинки пуль заостренные, в то время как у охотничьих пуль они тупые. Свинец покрыт мельхиором. То есть он держал в руке патроны для спортивных соревнований того же калибра, что и охотничьи.

— Где настоящие пули? — спросил англичанин.

Месье Гуссен вновь полез в ящик и вытащил бумажный кулек.

— Обычно я храню их в очень надежном месте,

но сегодня принес сюда, зная о вашем приезде.

Он развернул кулек и высыпал его содержимое на лист белой бумаги. На первый взгляд патроны ничем не отличались от тех, что англичанин минуту назад держал в руке, а теперь положил обратно в картонную коробку. Он взял один из шести патронов и пристально рассмотрел его.

Оружейник аккуратно зачистил мельхиор у самого кончика пули, обнажив свинец. Острый кончик он притупил и просверлил в образовавшейся площадке глухое отверстие глубиной в четверть дюйма. В отверстие залил капельку ртути и закупорил его расплавленным свинцом. Когда свинец затвердел, напильником и шкуркой придал верхней части пули первозданную форму.

Шакал знал о существовании таких пуль, хотя ни разу не пользовался ими. Слишком сложные для изготовления кустарным способом, запрещенные Женевской конвенцией, пули взрывались, как гранаты, попадая в тело человека. При выстреле каплю ртути прижимало к глухому торцу отверстия, как пассажира автомобиля прижимает к сиденью при резком ускорении. При попадании в мышцу, хрящ или кость происходило мгновенное торможение

пули. Капля же ртути по инерции продолжала лететь вперед с прежней скоростью и вышибала свинцовую пробку. Свинец летел во все стороны, как пальцы раскрывшегося кулака или лепестки распустившегося цветка, разрывая мышцы, нервы, сухожилия на площади с чайное блюдце. Попадая в голову, такая пуля не пробивала ее насквозь, но превращала мозг в пульпу.

Наемный убийца осторожно положил патрон на лист бумаги. Оружейник вопросительно смотрел на него, ожидая решения.

— Мне они подойдут. Вы просто кудесник, месье Гуссен. Так какие у вас трудности?

— Дело в контейнере, месье. Трубки. Изготовить их оказалось сложнее, чем я предполагал. Сначала я использовал алюминий, как вы и советовали. Но, пожалуйста, поймите меня, прежде всего я занимался ружьем. Поэтому приступил к контейнеру лишь несколько дней назад. Я надеялся, что легко справлюсь с порученным делом, имея немалый опыт и хорошо оборудованную мастерскую. Для того, чтобы сделать трубки как можно меньшего диаметра, я купил очень тонкий металл. Как выяснилось, слишком тонкий. Когда я разрезал его на куски, он прогибался, как бумага при малейшем нажатии. Для того,

чтобы выдержать внутренние размеры, достаточные для размещения казенной части ружья, и обеспечить прочность контейнера при использовании алюминия, мне пришлось бы сделать неестественно толстую трубу. Поэтому я решил заменить алюминий на нержавеющую сталь. Это единственный выход. Она выглядит как алюминий, но чуть тяжелее. Более прочная, то есть стенка будет тоньше. На ней можно накатать резьбу, и она не прогнется. Конечно, обработка стали сложнее, требует больше времени. Я начал вчера…

— Хорошо, — прервал его англичанин. — Вижу, что вы приняли логичное решение. Мой заказ должен быть выполнен на высшем уровне. Когда?

Бельгиец пожал плечами.

— Трудно сказать. У меня есть все необходимые материалы, если не возникнет чего-то непредвиденного. В чем я сомневаюсь. Я уверен, что с техническими проблемами я справлюсь. Пять дней, шесть. Максимум через неделю.

Англичанин ничем не выразил неудовольствия. Лицо оставалось бесстрастным, глаза не отрывались от бельгийца. Когда тот замолчал, англичанин заговорил не сразу, что-то прики-

дывая в уме.

— Хорошо. Эта задержка приведет к изменению моих планов. Но, возможно, не столь серьезному, как я думал при нашей последней встрече. В определенной степени это зависит и от телефонного разговора, который должен состояться у меня сегодня. Так или иначе, мне все равно нужно привыкнуть к ружью, а попрактиковаться в стрельбе я могу и в Бельгии. Но мне понадобятся ружье и обычные пули плюс одна из препарированных вами. А также тихое и укромное местечко, где мне никто не помешает. Где я смогу опробовать ружье в условиях строгой секретности? Расстояние до цели должно быть от ста тридцати до ста пятидесяти метров.

Месье Гуссен ответил тут же:

— В Арденнском лесу. Там можно ходить несколько часов и не встретить ни единой души. Вы можете обернуться за день. Сегодня четверг, завтра начинается уик-энд и в лесах будет много отдыхающих. Я предложил бы поехать в понедельник, пятого. А во вторник, в крайнем случае в среду, я надеюсь закончить работу.

Англичанин согласно кивнул:

— Хорошо. Пожалуй, я возьму ружье и патроны прямо сейчас. И свяжусь с вами во вторник или в

среду на следующей неделе.

Бельгиец было запротестовал, но покупатель прочитал его мысли.

— Я должен вам еще семьсот фунтов стерлингов. Вот пятьсот, — он выложил на стол пять пачек пятифунтовых банкнот. — Остальные двести при окончательном расчете.

— Благодарю, месье, — оружейник убрал деньги в карман.

Деталь за деталью, он разобрал ружье и положил их в соответственные углубления футляра, обшитые зеленым сукном. Единственную разрывную пулю, которую просил англичанин, он завернул в полоску бумаги и засунул ее между тряпок и щеток для чистки ружья. Закрыв футляр, оружейник протянул его и коробку с патронами англичанину. Тот убрал коробку в карман, а футляр взял в руку.

Месье Гуссен проводил Шакала до дверей.

Вернувшись в отель к ленчу, Шакал первым делом убрал футляр с ружьем в шкаф, запер его, а ключ положил в карман.

Около часу дня он неторопливо вошел в здание главного почтамта и попросил соединить его с Цюрихом по указанному им номеру. Цюрих дали через полчаса, и прошло еще пять минут,

прежде чем герр Мейер взял трубку. Англичанин представился, назвав свой счет и фамилию.

Герр Мейер извинился и вернулся к телефону через две минуты. Из его тона исчезли осторожность и сдержанность. Клиенты, вклады которых в долларах и швейцарских франках постоянно увеличивались, требовали особого отношения. Мужчина из Брюсселя задал один вопрос, и вновь швейцарский банкир, извинившись, положил трубку, чтобы взять ее спустя тридцать секунд. Вероятно, досье клиента уже перекочевало из сейфа к нему на стол.

— Нет, мой господин, — раздалось в телефонной кабинке в Брюсселе. — Мы получили ваше инструктивное письмо, обязующее нас незамедлительно сообщить вам о поступлении платежей на ваш счет, но за указанный период поступлений не было.

— Я звоню вам, герр Мейер, лишь потому, что уехал из Лондона две недели назад и ваше письмо могло прийти в мое отсутствие.

— Нет, мы вам не писали. Как только вам придут деньги, вы сразу же узнаете об этом.

В потоке наилучших пожеланий герра Мейера Шакал положил трубку, заплатил и покинул почтамт.

В самом начале седьмого он пришел на встречу с другим бельгийцем, специалистом по подделке документов. Тот уже сидел в баре, и Шакал, заметив свободную кабинку, кивком головы предложил бельгийцу присоединиться к нему. Едва он сел и закурил, как бельгиец занял место напротив него.

— Закончили? — спросил англичанин.

— Да, все готово. Очень хорошая работа, я это гарантирую.

Англичанин протянул руку:

— Покажите.

Бельгиец также закурил и отрицательно покачал головой.

— Пожалуйста, поймите, месье, тут слишком людное место. К тому же, их лучше смотреть при хорошем освещении, особенно французские документы. Они в студии.

Шакал одарил его ледяным взглядом, затем кивнул:

— Ладно. Пойдемте и посмотрим на них без свидетелей.

Несколько минут спустя они вышли из бара, поймали такси и доехали до угла улицы, на которой располагалась фотостудия. Стоял теплый, ясный вечер, и, хотя узкая улочка утопала в тени,

англичанин не снял темных очков, чтобы не быть узнанным. По пути им встретился лишь один старик, согнутый артритом и не отрывающий глаз от земли.

Бельгиец открыл дверь своим ключом. В приемной царил глубокий полумрак, словно за окном была ночь. Лишь редкие полоски серого света просачивались между фотографиями, развешенными на стекле. Англичанин различил очертания стула и стола. Сквозь бархатные портьеры бельгиец провел его в студию и включил верхний свет.

Из внутреннего кармана он достал конверт из плотной бумаги и выложил его содержимое на маленький столик красного дерева. Затем поднял столик и перенес его под свисающую с потолка люстру.

— Пожалуйста, месье, — он широко улыбнулся и указал на три документа, лежащих на столе.

Англичанин поднял первый и вгляделся в него. Его водительское удостоверение с новым листком, вклеенным на первой странице. Листок информировал читателя, что мистер Александр Джеймс Квентин Даггэн из Лондона, округ W.I., имеет право управлять транспортными средствами категорий 1, 1а, 2, 3, 11, 12 и 13 с 10 декабря

1960 по 9 декабря 1963 года включительно. Выше значился номер удостоверения, естественно, вымышленный, и слова «Муниципалитет Лондона» и «Закон о дорожном движении 1960 г.». Затем «Водительское удостоверение» и «Пошлина 15 шил., уплачена».

Превосходная подделка, отметил Шакал.

Вторым он взял французское удостоверение личности, выданное Андре Мартину, пятидесяти трех лет от роду, родившемуся в Кольмаре и проживающему в Париже. С фотографии в уголке удостоверения на него смотрел он сам, постаревший на двадцать лет, с волосами серо-стального цвета, подстриженными «под ежик», всклокоченными и спутанными. Само удостоверение было в пятнах, мятое, документ работающего человека.

К третьей подделке он отнесся с наибольшим вниманием. Фотография чуть отличалась от вклеенной в удостоверение личности, ибо даты выдачи этих документов разнились на три месяца. Хотя на самом деле его фотографировали в один и тот же день, на третьем документе рубашка стала более темной, а на подбородке появилась щетина. Умелое ретуширование позволило добиться такого эффекта, создавая впечатление, что подателя документов фотографировали в

разных местах и в разной одежде. В обоих случаях бельгиец продемонстрировал незаурядное мастерство. Шакал поднял голову и убрал документы в карман.

— Очень хорошо. Как раз то, что мне нужно. Поздравляю вас. Насколько я помню, вам причитается еще пятьдесят фунтов.

— Совершенно верно, месье.

Англичанин вытащил тонкую пачку из десяти пятифунтовых банкнот, но не спешил положить их на стол.

— Но это еще не все, не так ли?

Бельгиец безуспешно попытался придать лицу недоуменное выражение.

— Месье?

— Подлинный вкладыш водительского удостоверения. Я же говорил, что вы должны вернуть его мне.

Не вызывало сомнений, что бельгиец играет. Его брови изумленно взмыли вверх, словно он только что вспомнил об этом. Он повернулся, прошелся по комнате, склонив голову, словно в глубоком раздумье, заложив руки за спину. Затем взглянул на англичанина:

— Я подумал, что нам следует поговорить об этом листке бумаги, месье.

— Да? — бесстрастный тон англичанина не выдавал его чувств.

Так же как лицо и глаза, затуманенные, словно погруженные в себя.

— Дело в том, месье, что подлинника первой страницы водительского удостоверения с вашим, как я понимаю, настоящим именем здесь нет. О, пожалуйста, пожалуйста… — он словно хотел успокоить тревогу англичанина, которой тот ни в коей мере не выказывал, — он в очень надежном месте. В моем личном сейфе в банке, который не может открыть никто, кроме меня. Видите ли, месье, в моем деле необходимо принимать меры предосторожности, гарантировать, если хотите, собственную безопасность.

— Так чего вы хотите?

— Я надеялся, дорогой сэр, что вы, возможно, согласитесь обговорить условия обмена этого клочка бумаги на сумму, несколько большую ста пятидесяти фунтов, которые уже упоминались в этой комнате.

Англичанин тихо вздохнул, словно удивленный способностью своего собеседника так усложнять собственное пребывание в этом бренном мире. Ничем более он не показал, что предложение бельгийца заинтересовало его.

— Так что вы на это скажете? — вкрадчиво спросил бельгиец.

— Мне уже приходилось иметь дело с шантажистами, — ровным голосом заметил англичанин.

Бельгиец ужаснулся:

— Ах, месье, умоляю вас. Шантажист? Я? Речь идет совсем не о шантаже, ибо это повторяющийся процесс. Я предлагаю простой разовый обмен. Все имеющиеся у меня материалы на определенную сумму денег. В конце концов, в моем сейфе лежат оригинал первой страницы вашего водительского удостоверения, проявленные фотопластины, негативы ваших фотографий и, к сожалению… — он изобразил на лице сожаление, — еще одна ваша фотография, когда я заснял вас без грима. Я уверен, что эти документы, попав в руки английских и французских властей, могут доставить вам определенные неудобства. Вы же, очевидно, из тех людей, кто готов заплатить, чтобы избежать этих неудобств…

— Сколько?

— Тысячу фунтов, месье.

Англичанин обдумал предложение, кивнул, словно этот вопрос имеет для него чисто теоретическое значение.

— Имеющиеся у вас документы стоят этих де-

нег, — признал он.

Бельгиец торжествующе улыбнулся:

— Рад это слышать, месье.

— Но платить я не буду, — продолжил англичанин.

Глаза бельгийца сузились.

— Но почему? Я не понимаю. Вы сами сказали, что они стоят тысячи фунтов. Это обычная сделка. Мы всегда платим за то, что нам нужно.

— На то есть причины, — ответил Шакал. — Первая, у меня нет доказательств того, что с негативов не сняты копии, так что за вашим первым требованием денег, возможно, последуют и другие. И второе, может статься, что вы отдали документы вашему приятелю, который, когда вы обратитесь к нему, скажет, что забыл, куда он их задевал, и его память сможет освежить лишь еще одна тысяча фунтов.

Бельгиец облегченно вздохнул:

— Если это все, что вас тревожит, то ваши опасения напрасны. В моих интересах не отдавать эти документы кому бы то ни было, потому что этот человек может потребовать деньги с меня. Мне нет смысла втягивать в это дело кого-то еще, повторяю, они в моем банковском сейфе. Что же касается повторного требования денег, то и

в этом я не вижу никакого смысла. Фотокопия водительского удостоверения едва ли произведет впечатление на английские власти. И даже если вас поймают с поддельными правами это, возможно, причинит вам некоторые неприятности, но едва ли вы будете платить, чтобы избежать их. Если же говорить о французских документах, то полиция Франции может арестовать вас, если узнает, что некий англичанин хочет появиться на территории их страны под именем Андре Мартина. Но если я снова обращусь к вам за деньгами, вы, скорее всего, выбросите эти документы и закажете новые. И уже не будете бояться, что вас разоблачат во Франции, как Андре Мартина, так как Мартин просто исчезнет.

— Почему я не могу сделать это сейчас? — спросил Шакал. — Ведь новые документы обойдутся мне не дороже ста пятидесяти фунтов.

Бельгиец развел руками:

— Я делаю ставку на то, что в создавшейся ситуации время для вас стоит денег. Я думаю, что документы Андре Мартина и мое молчание нужны вам на непродолжительный период. Изготовление новых документов займет куда больше времени, и сами они будут худшего качества. К этим документам не придерешься. Поэтому вам

нужны моя работа и мое молчание. Документы у вас в кармане. Мое молчание стоит тысячу фунтов.

— Очень хорошо, вы изложили вашу позицию. Но с чего вы взяли, что у меня есть тысяча фунтов здесь, в Бельгии?

Бельгиец терпеливо улыбнулся. Казалось, он знал все ответы и не видел ничего зазорного в том, чтобы растолковать их своему капризному приятелю.

— Месье, вы — английский джентльмен. Это же ясно, как божий день. И тем не менее, вы хотите сойти за француза-рабочего средних лет. По-французски вы говорите бегло и с едва уловимым акцентом. Поэтому я указал, что Андре Мартин родился в Кольмаре. Эльзасцы, знаете ли, говорят по-французски точно так же. Вас примут во Франции как Андре Мартина Совершенного. Кому придет в голову обыскивать такого старика, как Мартин? Поэтому вы будете иметь при себе что-то ценное. К примеру, наркотики. Они входят в моду в определенных английских кругах. А Марсель славится их изготовлением. Или алмазы? Я не знаю. Но дело, которым вы занимаетесь, наверняка прибыльное. Английские господа не будут тратить время, чтобы лазить по карманам

на ипподромах. Пожалуйста, месье, давайте не будем дурить друг другу голову. Вы позвоните вашим друзьям в Лондон и попросите перевести нужную сумму в один из банков Брюсселя. А завтра мы обменяем деньги на имеющиеся у меня материалы и разойдемся в разные стороны.

Англичанин печально покивал, словно сожалея о допущенных в прошлом ошибках. Внезапно он поднял голову и улыбнулся бельгийцу. Впервые тот увидел улыбку Шакала и испытал огромное облегчение. Он уже не сомневался, что сопротивление сломлено. Англичанин признавал, что другого выхода нет. И бельгиец мысленно уже поздравил себя с успехом.

— Очень хорошо, — вновь кивнул англичанин, — ваша взяла. Тысяча фунтов будет у меня завтра днем. Но при одном условии.

— Условии? — бельгиец вновь насторожился.

— Мы встретимся в другом месте.

— А чем вам не нравится эта студия? — удивился бельгиец. — Здесь тихо, спокойно…

— С моей точки зрения, ваша студия абсолютно неприемлема. Вы вот сказали мне, что тайком сфотографировали меня. Я не хочу, чтобы нашу маленькую церемонию обмена прервал тихий щелчок камеры, с которой в укромном месте

спрячется ваш приятель.

Бельгиец рассмеялся:

— Мой дорогой, вам нечего бояться. Это моя студия очень неприметная, и никто не приходит сюда без приглашения. В моем положении надо быть осмотрительным. Здесь я делаю фотографии, весьма популярные среди туристов, но едва ли я мог бы заниматься этим в фотостудии на Главной площади.

Он поднял левую руку, сложил большой и указательный пальцы буквой «О» и несколько раз ввел и вывел из образовавшегося колечка вытянутый указательный палец левой руки, имитируя половой акт.

Глаза англичанина блеснули. Он широко улыбнулся, затем засмеялся. Рассмеялся и бельгиец. Шакал хлопнул фотографа по предплечьям, затем его пальцы сжали бицепсы бельгийца. Тот еще смеялся, когда колено англичанина с размаху врезалось ему между ног.

Голова бельгийца дернулась вперед, руки инстинктивно потянулись к размозженной мошонке, смех перешел в хрип, стон. Он упал на колени, сжался в комок.

Шакал обошел его со спины. Правой рукой обхватил шею бельгийца, а левой схватил за

волосы и резко дернул назад, вверх и в сторону.

Негромкий треск ломающегося позвоночника в тишине студии прозвучал, как пистолетный выстрел. Тело бельгийца дернулось в последний раз и обмякло, как тряпичная кукла. Еще мгновение Шакал держал его на руках, а затем отпустил. Тело соскользнуло на пол, с неестественно повернутой головой, руками, зажатыми между ног, все еще сжимающими половые органы, выглядывающим изо рта кончиком языка, открытыми глазами, уставившимися в выцветший линолеум.

Шакал подошел к двери, убедился, что портьеры плотно задернуты, затем вернулся к телу, перевернул его и ощупал карманы. Ключи он нашел в левом кармане брюк и направился к большому сундуку, из которого бельгиец доставал парики и гримировальные принадлежности. С четвертой попытки он подобрал нужный ключ, откинул крышку, вывалил на пол содержимое сундука.

Освободив сундук, убийца подхватил тело бельгийца, подтащил к сундуку и перевалил через стенку. Тело еще оставалось мягким, податливым, и Шакалу без труда удалось разместить его на дне сундука. Трупное окостенение наступало на несколько часов позже. Затем Шакал начал

заполнять сундук. Парики, женское белье и прочие мелкие предметы он рассовал между телом и конечностями. Сверху легли подносы с кисточками и тюбиками. Затем баночки с кремами, два пеньюара, свитера, джинсы, черные пояса с чулками заполнили сундук доверху, полностью скрыв тело. После легкого нажима крышка закрылась, замок защелкнулся.

Все баночки и тюбики англичанин брал тряпкой, которую он бросил в сундук, перед тем как закрыть крышку. Собственным носовым платком вытер замок и крышку, убрал в карман пачку пятифунтовых банкнот, все еще лежавшую на столе, вытер его и перенес на прежнее место у стены. Затем погасил свет и сел на один из стульев в ожидании наступления темноты. Минут через пять он достал пачку сигарет, выложил оставшиеся десять штук в боковой карман пиджака и закурил, используя пустую пачку, как пепельницу. В нее же он аккуратно затушил и окурок.

Он не питал иллюзий в отношении того, что исчезновение бельгийца так и останется незамеченным, но подумал, что для человека, ведущего подобный образ жизни, нередки отлучки из города. Если его друзья и вспомнят о нем, то посчитают, что он отбыл в длительную команди-

ровку. Какое-то время спустя начнутся поиски, сначала в них примут участие люди, связанные с изготовлением поддельных документов и порнографических открыток. Кто-то, возможно, придет в студию, но едва ли сунется в нее, обнаружив, что дверь на замке. А тому, кто проникнет в помещение, придется взломать сундук и вытащить все вещи, чтобы отыскать под ними тело.

Если нашедший тело будет принадлежать к преступному миру, он не сообщит в полицию о своей находке, придя к выводу, что фотографа устранил главарь какой-то банды. Ни один маньяк-покупатель порнографии не стал бы прятать тело после импульсивного убийства. Но, вероятно, полиция все-таки узнает о покойнике. Опубликует в газетах фотографию бельгийца, и бармен, возможно, вспомнит, что вечером 1 августа тот отбыл из бара в компании высокого блондина в клетчатом костюме и черных очках. Но наверняка пройдет не один месяц, прежде чем кто-то сообразит перетряхнуть банковский сейф фотографа, даже зарегистрированный на его собственное имя.

Он не разговаривал с барменом и заказывал официанту пиво две недели назад. Официант должен обладать феноменальной памятью, что-

бы вспомнить его легкий иностранный акцент. Полиция попытается найти высокого блондина, но, даже если ей удастся выяснить, что его зовут Александр Даггэн, след далеко не сразу приведет к Шакалу. Короче, по меньшей мере месяц он мог ни о чем не беспокоиться, и это его вполне устраивало. Бельгийца он убил походя, как раздавил бы таракана. Шакал расслабился, выкурил вторую сигарету и выглянул наружу. Время близилось к десяти, и узкую улочку окутали густые сумерки. Он вышел из студии, запер дверь. На улице ему никто не встретился. В полумиле от студии он бросил связку ключей в канализационный колодец и услышал, как она шлепнулась в воду, пролетев несколько футов. Вернувшись в отель, он поужинал и лег спать.

Следующее утро Шакал провел в магазинах одной из рабочих окраин Брюсселя. Он купил ботинки на толстой подошве, длинные шерстяные носки, брюки из плотной хлопчатобумажной ткани, шерстяную клетчатую рубашку, ранец-рюкзак. Приобрел он также несколько кусков тонкой губчатой резины, хозяйственную сумку, моток шпагата, охотничий нож, две кисточки для рисования, по тюбику розовой и коричневой краски. Собрался было купить большую дыню на

открытом ларьке, но передумал из опасения, что к уик-энду она начнет подгнивать.

В отеле, воспользовавшись новым водительским удостоверением, выписанным на ту же фамилию, что и паспорт, он взял машину напрокат и попросил старшего портье снять ему номер с ванной или душем на уик-энд где-нибудь на морском побережье. Несмотря на наплыв отдыхающих, портье нашел ему комнату в небольшом отеле с видом на живописный рыбный порт Зебрюгге и пожелал хорошего отдыха у моря.

Глава 7

Пока Шакал ходил по магазинам Брюсселя, Виктор Ковальски пытался объяснить, что ему нужно, в справочной международной телефонной связи на главном почтамте Рима.

Итальянского он не знал, поэтому прибегнул к помощи клерков, и в конце концов выяснилось, что один из них немного говорит по-французски. Ковальски терпеливо объяснил, что хочет позвонить человеку, живущему в Марселе, но не знает номера телефона. Да, фамилия и адрес ему известны. Фамилия Гржибовски озадачила итальянца, и он попросил записать ее на листке бумаги. Ковальски выполнил его просьбу, но итальянец, не в силах поверить, что чья-то фамилия может начинаться с буквосочетания «Grzyb…», продиктовал ее телефонисту на станции международной связи, как «Crib…», подумав, что написанная Ковальски буква «Z» на самом деле — «i». Джозеф Грибовски не значился в телефонном справочнике Марселя, о чем и сообщил итальянцу телефонист, а тот в свою очередь уведомил об этом Ковальски.

Но, будучи человеком ответственным и, к то-

му же, имея дело с иностранцем, клерк еще раз повторил фамилию, чтобы убедиться, правильно ли он ее понял.

— Il n'existe pas, monsieur. Voyons: jay, air, e-e-e…[13]

— Non, jay, air, zed…[14] — прервал его Ковальски.

На лице клерка отразилось недоумение.

— Excusez moi, mousieur. Jay, air, zed? Jay, air, zed, eegree, bay?.[15]

— Oui,[16] — настаивал Ковальски. — G-R-Z-Y-B-O-W-S-K-I.

Итальянец пожал плечами и вновь потянулся к телефону. Десять минут спустя Ковальски получил номер Жожо, а через полчаса дозвонился до него. Помехи искажали голос бывшего легионера на другом конце провода, и он не сразу подтвердил плохие новости, которые принесло письмо Ковача. Да, он рад звонку Ковальски, он сам ищет

---

[13] Примечания: 13
Его не существует, месье. Посмотрим: жи, эр, и-и-и…

[14] Примечания: 14
Нет, жи, ар, зед.

[15] Примечания: 15
Извините, месье. Жи, эр, зэед? Жи, эр, зед, игрек, би?

[16] Примечания: 16
Да.

его уже три месяца.

К сожалению, да, маленькая Сильвия заболела. Она худела, бледнела, и, когда доктор поставил диагноз, ее уже пришлось уложить в постель. Она в соседней комнате. Нет, они живут в другой квартире, большего размера. Что? Адрес? Жожо медленно продиктовал его, а Ковальски, с высунутым от напряжения языком, записал на листке бумаги.

— Сколько времени дают ей лекари? — проревел он в трубку.

Ему пришлось трижды повторить вопрос, прежде чем Жожо понял его смысл. Последовала долгая пауза.

— Алле? Алле?

— Неделю, может, две или три, — ответил, наконец, Жожо.

Не веря услышанному, Ковальски смотрел на трубку. Затем повесил ее на рычаг и вышел из кабинки. Расплатившись за телефонный разговор, он забрал почту, сложил ее в стальной ящик, прикованный к его левому запястью, защелкнул его на замок и вернулся в отель. Впервые за многие годы он не знал, как ему поступить и к кому обратиться за советом.

В своей квартире в Марселе, той самой, в ко-

торой он всегда и жил, Жожо опустил трубку, услышав гудки отбоя. Рядом сидели два агента Отдела противодействия с «кольтами» в руках. Один держал на мушке Жожо, второй — его жену.

— Мерзавцы, — прошипел Жожо. — Подонки.

— Он едет? — спросил корсиканец.

— Он не сказал. Просто повесил трубку, — ответил поляк.

Корсиканец сверлил его взглядом.

— Он должен приехать. Таков приказ.

— Ну, вы меня слышали. Я сказал все, что вы хотели. Должно быть, он потрясен известием. Он повесил трубку. Я не мог воспрепятствовать ему.

— Лучше ему приехать, для твоего же блага, Жожо, — повторил корсиканец.

— Он приедет, — вздохнул Жожо. — Если сможет, то приедет. Ради девочки.

— Хорошо. Будем считать, что задание ты выполнил.

— Если так, убирайтесь отсюда, — вскричал Жожо. — Оставьте нас.

Корсиканец встал с пистолетом в руке. Второй агент по-прежнему сидел, глядя на женщину.

— Мы уйдем, но вместе с вами. Нам не нужно, чтобы вы кому-то рассказывали о нашей встрече или перезвонили в Рим, не так ли, Жожо?

— Куда вы нас повезете?

— Устроим вас на отдых. В новом отеле в горах. Много солнца и свежего воздуха. Пойдет тебе на пользу, Жожо.

— Надолго?

— Вы пробудете там сколько потребуется.

Поляк посмотрел в окно, на живописную панораму переплетения улочек и рыбных рядов Старого порта.

— Сейчас разгар туристского сезона. Каждый день приходят полные поезда. В августе мы зарабатываем больше, чем за всю зиму. Вы разорите нас.

Корсиканец рассмеялся, словно Жожо отпустил забавную шутку.

— Думай о выгодах, а не о потерях, Жожо. В конце концов, ты делаешь это ради Франции, твоей новой родины.

Поляк развернулся к нему:

— Плевать я хотел на политику. Мне все равно, кто стоит у власти, а кто рвется к ней, круша все и вся. Но я встречался с такими, как вы. Всю жизнь мне приходилось иметь с ними дело. Вы служили бы и Гитлеру, и Муссолини, и ОАС, если б вас это устроило. Правители могут меняться, но такие подонки, как вы, остаются всегда, — он

уже кричал и, хромая, двинулся на корсиканца, на черный глазок пистолетного дула.

— Жожо, — взвизгнула его жена. — Я прошу тебя… оставь его в покое.

Поляк остановился и взглянул на жену, словно только сейчас вспомнил о ее присутствии. Перевел взгляд с одного агента на второго. Они все смотрели на него, жена — умоляюще, корсиканцы — бесстрастно. Они привыкли к подобным вспышкам, которые едва ли могли что-то изменить. Старший из агентов кивнул в сторону спальни.

— Собирайтесь. Сначала ты, потом — жена.

— А как же Сильвия? Она придет из школы в четыре. И никого не застанет, — вмешалась женщина.

Корсиканец не спускал глаз с Жожо.

— Мы заберем ее по пути. Все уже обговорено. Директору сказали, что умирает бабушка и вся семья собирается у ее смертного одра. Ваш отъезд не вызовет подозрений. А теперь пошевеливайтесь.

Жожо пожал плечами, еще раз взглянул на жену и захромал в спальню. Корсиканец последовал за ним. Женщина осталась сидеть на софе, комкая в руках носовой платочек. Какое-то время спустя она подняла голову и посмотрела на второго

агента, более молодого по возрасту.

— Что… что они с ним сделают?

— С Ковальски?

— С Виктором.

— Кое-кто хочет с ним побеседовать. Вот и все.

Часом позже большой «ситроен» уже мчался к маленькому, хорошо охраняемому отелю. Семья Жожо расположилась на заднем сиденье, агенты сидели впереди.

* * *

Шакал провел уик-энд у моря. В субботу, купив плавки, он загорал на пляже Зебрюгге, несколько раз окунулся в Северное море, потом погулял по портовому городку и прошелся вдоль мола, где когда-то сражались и умирали английские солдаты и матросы. Некоторые из стариков, что сидели на моле и удили рыбу, могли бы рассказать Шакалу, спроси он их о событиях сорокашестилетней давности, но такого желания у него не возникло. В тот день Англию представляли лишь несколько семей, разбросанных по пляжу, наслаждающихся теплым солнцем и наблюдающих за детьми, плещущимися в прибое.

В воскресенье утром он собрал чемоданы, сел в машину и устроил себе экскурсию по Фландрии.

Походил по узким улочкам Гента и Брюгге, на ленч заглянул в ресторан «Сайфон» в Дамме, где на открытом огне жарили бесподобные биф-штексы, а во второй половине дня взял курс на Брюссель. Прежде чем отойти ко сну, он попросил, чтобы рано утром ему принесли в номер завтрак и корзинку с ленчем, ибо он собирался поехать в Арденны и посетить могилу старшего брата, убитого в сражении за Балж между Бастонью и Мальмеди. Портье, предельно внимательный, заверил Шакала, что в точности выполнит его указания.

* * *

В Риме для Виктора Ковальски уик-энд прошел не так спокойно. Он регулярно заступал на вахту у лифта и лестницы на восьмом этаже или на крыше в ночь. В свободные часы спал он мало, главным образом лежал на кровати, курил и пил красное вино, которое закупалось для экс-ле-гионеров в больших, с галлон, бутылях. Кислое итальянское вино не идет ни в какое сравнение с алжирским, думал он, но лучше что-то, чем ничего.

Как обычно, Ковальски потребовалось много времени, чтобы самостоятельно найти решение

вставшей перед ним проблемы, но к понедельнику он составил план дальнейших действий.

Уехать он намеревался ненадолго, на день, может, два, это зависело от расписания авиарейсов. Поступить иначе он не мог. А потом собирался все объяснить патрону. Виктор не сомневался, что патрон его поймет, хотя и чертовски рассердится. Его подмывало рассказать обо всем Родину, попросить отпуск на сорок восемь часов, но он чувствовал, что полковник, хотя и прекрасный командир, принимающий близко к сердцу заботы своих солдат, не разрешит ему уехать. Полковник не поймет, что для него Сильвия, а Ковальски знал, что не сможет этого объяснить. Он ничего не мог объяснить на словах. В понедельник утром Виктор тяжело вздохнул, готовясь заступить на вахту. Ему не давала покоя мысль, что впервые за время службы в Иностранном легионе он решился уйти в самоволку.

* * *

Шакал поднялся одновременно с Ковальски и начал готовиться к поездке. Принял душ, побрился, позавтракал. Достал из шкафа футляр с разобранным ружьем, завернул каждый компонент в несколько слоев губчатой резины и

перевязал свертки бечевкой. Затем сложил их на дно рюкзака. Туда же легли тюбики с краской, кисточки, брюки из плотной ткани, клетчатая рубашка-ковбойка, носки, башмаки. Сетчатая сумка-авоська уместилась в одном наружном кармане, коробка с патронами — в другом.

Шакал надел полосатую рубашку, черный галстук, серый костюм, черные туфли итальянского производства. Спустился к машине на автомобильную стоянку при отеле, запер рюкзак в багажник, вернулся в фойе, взял корзинку с ленчем, кивнул портье, который пожелал ему счастливого пути, и к девяти часам уже выехал из Брюсселя по автостраде E40 на Намюр.

Равнина уже купалась в лучах солнца, обещавших жаркий день. Дорожная карта подсказала ему, что до Бастони девяносто четыре мили, и он добавил еще пяток на поиски уединенного местечка в лесах и холмах к югу от городка. Подсчитал, что до полудня без труда одолеет сотню миль, и вдавил в пол педаль газа.

Прежде чем солнце достигло зенита, Шакал проехал Намюр и Марш, приближаясь к Бастони. В маленьком городке, превращенном в руины

в 1944 году пушками «королевских тигров»,[17] он свернул на юг. Леса становились гуще, дорога петляла в тени высоких буков и вязов, и все реже полосы солнечного света падали на асфальт.

В пяти милях от города Шакал нашел узкий проселок, ведущий в лес. Еще через милю от него отходил второй. Шакал свернул на него, проехал с десяток ярдов и остановил машину в густом подлеске. Выкурил сигарету, прислушиваясь к бульканью воды в остывающем двигателе, шуму ветра в вершинах деревьев, далекому воркованию голубя.

Не спеша вылез из кабины, открыл багажник, вытащил рюкзак. Снял безукоризненно сшитый серый костюм и положил на заднее сиденье. Надел брюки из плотной хлопчатобумажной ткани. Поменял рубашку и галстук на клетчатую ковбойку, дорогие туфли — на башмаки с толстой подошвой и длинные шерстяные носки, в которые заправил брючины.

Один за другим он развернул компоненты ружья и собрал его. Глушитель и оптический прицел положил в карманы брюк. Двадцать патронов из коробки высыпал в левый нагруд-

---

[17] Примечания: 17

Имеется в виду контрнаступление немецких войск в Арденнах в 1944 г.

ный карман рубашки, единственную разрывную пулю, завернутую в бумагу, осторожно опустил в правый.

Оставив собранное ружье на капоте, вновь вернулся к багажнику и достал дыню, купленную прошлым вечером на брюссельском рынке. Закрыл багажник, положил дыню в рюкзак, где остались лишь тюбики с краской, кисточки да охотничий нож, запер машину и ушел в лес. Часы показывали начало первого.

Через десять минут он нашел длинную узкую поляну. Положив ружье под деревом, он отсчитал сто пятьдесят шагов, затем нашел другое дерево, от которого мог видеть место, где осталось ружье. Выложив содержимое рюкзака на землю, он снял колпачки с обоих тюбиков и начал раскрашивать продолговатую дыню. Верхняя и нижняя части из зеленых стали коричневыми, кольцевая поверхность между ними — розовой. На еще влажной краске указательным пальцем он начертил пару глаз, нос, усы и рот.

Вонзив нож в вершину дыни, чтобы не смазать краску пальцами, Шакал опустил ее в сумку-авоську. Благодаря редкому плетению из тонкой нитки она ни в коей мере не закрывала ни контура дыни, ни нанесенного на ней рисунка.

Затем он глубоко вогнал нож в дерево на высоте семи футов от земли и повесил авоську на рукоять ножа. На фоне зеленого ствола розово-коричневая дыня напоминала парящую в воздухе человеческую голову. Отступив на пару шагов, Шакал придирчиво оглядел результат своих трудов и остался доволен увиденным.

Он навернул колпачки на тюбики с краской и зашвырнул их в лес. Кисточки втоптал в землю. Подхватил рюкзак и направился к ружью.

Установил глушитель и телескопический прицел. Оттянул затвор и вложил в казенник первый патрон. Повернулся к висящей в дальнем конце поляны дыне и прильнул к окуляру. И удивился, какая она большая и четкая. Казалось, он смотрит на голову человека с расстояния не более тридцати ярдов. Он различал нити авоськи, а также нанесенные пальцем разводы, имитирующие основные черты лица.

Шакал чуть изменил стойку, опершись спиной о дерево для большей устойчивости, и вновь прицелился. Две перпендикулярные волосинки перекрещивались не в самом центре, поэтому правой рукой он начал вращать юстировочные винты до тех пор, пока они не разделили поле окуляра на четыре равных сегмента. Лишь после

этого, поймав в перекрестье середину дыни, он нажал на спусковой крючок.

Отдача оказалась слабее, чем он ожидал, а благодаря глушителю хлопок выстрела едва ли донесется до другой стороны тихой улочки. С ружьем в руке он пересек поляну и осмотрел дыню. В правой верхней части пуля содрала кожицу плода, задела веревку и впилась в ствол. Он вернулся на прежнее место и выстрелил вновь, не меняя положения перекрестья прицела.

Итог оказался тем же, но пуля прошла на полдюйма ниже. Шакал выстрелил четырежды, не касаясь юстировочных винтов, пока не убедился, что целится верно, но прицел смещен вверх и чуть вправо. Затем он повернул винты.

Следующая пуля попала в нижнюю левую половину. Он пересек поляну и внимательно оглядел дырку, аккурат в левом уголке нарисованного им рта. Еще три раза он стрелял с тем же положением перекрестья, и все пули легли в ту же зону. Тогда он чуть отвернул винты в обратном направлении.

Девятый выстрел пришелся в лоб, куда он и метил. Снова Шакал подошел к дыне, но на этот раз достал из кармана мел и обвел зоны попадания пуль, в верхней правой части, у левого уголка рта

и в центре лба.

Затем он поразил каждый глаз, переносицу, верхнюю губу и подбородок. Повернув дыню «в профиль», последние шесть пуль он послал в висок, ухо, шею, щеку, челюсть и затылок, и лишь одна из них на самую малость отклонилась от цели.

Закончив пристрелку и отметив положение юстировочных винтов, Шакал достал из кармана тюбик быстросхватывающего клея и выдавил вязкую жидкость на головки винтов, бакелитовую наружную поверхность прицела. За полчаса, пока он выкурил две сигареты, клей затвердел, и теперь положение перекрестья обеспечивало точность стрельбы с расстояния 130 метров.

Из другого нагрудного кармана Шакал достал разрывную пулю, снял обертку и вставил ее в казенник. Тщательно прицелился в центр дыни и выстрелил.

Едва голубоватый дымок слетел с торца глушителя, Шакал прислонил ружье к дереву и направился к висящей на рукояти ножа сумке-авоське. Двадцать первых пуль проделали в дыне разве что дырочки. Последняя разнесла ее вдребезги. Косточки и сок выплеснулись на ствол, куски, выдавленные сквозь ячеи, разбросало

по траве. Ошметки скопились в нижней части авоськи.

Шакал снял авоську с рукояти ножа и закинул в кусты. Выдернул нож из дерева и убрал в чехол. В который уж раз пересек поляну, подхватил ружье и зашагал к машине.

Разобрал ружье, аккуратно завернул каждый компонент в губчатую резину, перевязал и уложил в рюкзак. За ружьем последовали башмаки, носки, ковбойка и брюки. Он вновь, облачился в городской наряд. Положил рюкзак в багажник, закрыл его и принялся за ленч.

Закусив, Шакал выехал на шоссе и повернул налево, к Бастони, Маршу, Намюру и Брюсселю. Приехав в отель чуть позже шести, он отнес рюкзак в свой номер, затем спустился вниз, рассчитался за взятую напрокат машину. Прежде чем принять душ перед обедом, он целый час чистил ружье и смазывал движущиеся части, а затем разложил все компоненты по соответствующим отделениям футляра и убрал его в шкаф, заперев дверцу на ключ. Ночью он выбросил рюкзак, моток шпагата и губчатую резину в мусорный ящик, а двадцать одну использованную гильзу — в канал.

* * *

Утром того же понедельника, 5 августа, Виктор Ковальски, придя на главный почтамт, опять обратился к помощи клерка, понимающего по-французски. На этот раз он хотел, чтобы клерк позвонил в справочную службу авиакомпании «Алиталия» и узнал, когда на этой неделе можно улететь из Рима в Марсель и вернуться обратно. Оказалось, что на сегодняшний рейс он уже опоздал, так как до вылета оставался час и он не добрался бы до аэропорта. Следующий прямой рейс только в среду, сообщили ему. Нет, самолеты других авиакомпаний не летают из Рима в Марсель. Но, может, синьора интересуют непрямые рейсы? Нет? Тогда тот, что в среду? Да, вылет в 11.15, посадка в аэропорту Марселя вскоре после полудня. Обратный рейс на следующий день. Один билет? Туда и обратно? Конечно. Фамилия? Ковальски назвал фамилию, указанную во французском удостоверении личности, лежащем в его кармане. В пределах стран, входящих в «Общий рынок», международные паспорта не требовались.

Его попросили подойти к стойке «Алиталии» в аэропорту Фьюмичино за час до вылета. После

того, как клерк положил трубку, Ковальски забрал поступившую корреспонденцию, сложил ее в стальной ящик и вернулся в отель.

* * *

На следующее утро Шакал последний раз встретился с месье Гуссеном. Он позвонил тому после завтрака, и оружейник радостно объявил, что все готово. Не сможет ли месье Даггэн зайти к нему в одиннадцать часов? И пусть не забудет все необходимое для окончательной подгонки.

Шакал вновь прибыл на полчаса раньше, футляр с компонентами ружья лежал внутри дешевого фибрового чемодана, который он купил часом раньше в комиссионном магазине. Тридцать минут он оглядывал улицу, прежде чем подойти к двери и позвонить. Когда месье Гуссен впустил его в дом, он сразу же прошел в кабинет. Оружейник присоединился к нему, предварительно заперев входную дверь на замок и цепочку. Затворил он и дверь кабинета.

— Новых сложностей не возникло? — спросил англичанин.

— Нет, теперь, я думаю, все позади, — из стола бельгиец достал несколько рулонов мешковины и развернул их.

Внутри оказались стальные трубки. Отполированные, по внешнему виду они ничем не отличались от алюминиевых. Затем он протянул руку к футляру. Шакал открыл его и передвинул поближе.

Оружейник начал укладывать компоненты ружья в трубки. Они идеально подходили друг к другу.

— Как прошла пристрелка? — осведомился он по ходу работы.

— Очень хорошо.

Опуская в соответствующую трубку телескопический прицел, Гуссе заметил, что юстировочные винты залиты застывшим клеем.

— Я сожалею, что головки винтов такие маленькие, но иначе нам не удалось бы разместить прицел в трубке нужного диаметра, — и прицел исчез в стальном цилиндре.

Все пять компонентов ружья разместились в контейнерах, на столе остались только спусковой крючок и пять разрывных пуль.

— А теперь спрячем и остальное.

Гуссен взял плечевой упор и показал Шакалу бритвенный разрез в коже. Крючок он засунул в щель и заклеил ее черной изоляционной лентой. Вынул из ящика стола резиновый цилиндр диа-

метром в полтора и толщиной в два дюйма. Из одного торца выступал стальной штырь с резьбой на наружной поверхности.

— Сюда наворачивается нижняя трубка, — пояснил оружейник.

Вокруг стального штыря виднелись пять глухих отверстий. В каждое он вставил по патрону. Над черным торцом виднелись лишь медные верхушки капсулей.

— Если резиновый набалдашник поставить на место, пули скроются под трубкой. К тому же резина снимает последние сомнения в том, что вся конструкция может использоваться для чего-то еще, помимо прямого назначения. — Англичанин молчал. — Что вы на это скажете? — в голосе бельгийца сквозила озабоченность.

Не говоря ни слова, англичанин взял трубки и внимательно осмотрел их. Потряс, но не услышал ни звука: разделенные двумя слоями байки, металлические поверхности не соприкасались друг с другом. В самой длинной, в двадцать дюймов, разместились казенная часть ружья и ствол. В остальных, длиной примерно с фут, два подкоса приклада, верхний и нижний, глушитель и телескопический прицел. Кроме трубок, на столе лежали плечевой упор со спрятанным в набивке

спусковым крючком и резиновый набалдашник с пулями. Охотничье ружье, вернее, ружье убийцы, перестало существовать.

— Превосходно, — изрек наконец англичанин. — Именно то, что я и хотел.

Бельгиец просиял. Мастер в своем деле, он, как всякий другой человек, не был чужд лести и понимал, что перед ним специалист высшей квалификации, пусть и в несколько иной области.

Каждую трубку с компонентом ружья Шакал завернул в мешковину и уложил в фибровый чемодан. Добавив к ним плечевой упор и резиновый набалдашник, он опустил крышку и передал бельгийцу пустой футляр.

— Мне он больше не понадобится. Ружье останется в чемодане, пока не придет случай воспользоваться им, — он вытащил из кармана оставшиеся двести фунтов и положил их на стол. — Я думаю, мы в расчете, месье Гуссен?

Бельгиец убрал деньги.

— Да, месье, если только я не могу сделать для вас что-нибудь еще.

— Только одно, — ответил англичанин. — Пожалуйста, не забывайте наш разговор, состоявшийся здесь полмесяца назад, о пользе молчания.

— Я помню о нем, месье, — заверил его бель-

гиец.

Гуссена вновь охватил страх. Не попытается ли этот невозмутимый убийца покончить с ним прямо сейчас, чтобы гарантировать его молчание? Скорее всего, нет. Расследование выведет полицию на след высокого англичанина до того, как тому представится возможность пустить в дело ружье, лежащее в чемодане. Англичанин словно прочитал мысли оружейника и позволил себе улыбнуться.

— Вы можете не волноваться. Я не собираюсь причинять вам вреда. Кроме того, я полагаю, что такой умный человек, как вы, наверняка принял меры предосторожности на тот случай, если кто-то из клиентов попытается его убить. Возможно, вам позвонят в течение часа. И, если трубку не снимут, сюда приедет один из ваших приятелей. А может, у адвоката оставлено письмо, которое нужно вскрыть после вашей смерти. Так что мне ваше убийство принесет только лишние хлопоты.

Месье Гуссен даже вздрогнул. У адвоката действительно хранилось письмо, которое тот вскрыл бы в случае его смерти. В нем указывалось, что полиция должна заглянуть под определенный камень в саду за домом. Под камнем

лежала жестяная коробка со списком клиентов, приезжавших к нему в этот день. Список менялся каждое утро. И сегодня в нем значился только один человек, высокий, не стесненный в средствах англичанин по фамилии Даггэн. По роду деятельности Гуссену приходилось страховать себя от неожиданностей.

Шакал спокойно смотрел на него.

— Я так и думал. Сейчас вы в полной безопасности. Но я убью вас, будьте уверены, если вы расскажете кому-либо о моих визитах сюда или о приобретенном у вас ружье. Вы должны забыть обо мне, как только я переступлю порог вашего дома.

— Полностью с вами согласен, месье. Это обычные деловые отношения со всеми моими клиентами. Должен сказать, того же я ожидаю и от вас. Поэтому серийный номер на стволе ружья, которое вы получили от меня, вытравлен кислотой. Я не хочу отвечать на вопросы полиции.

Англичанин вновь улыбнулся.

— Тогда мы понимаем друг друга. Прощайте, месье Гуссен.

Минутой позже за ним закрылась дверь, и бельгиец, который много знал о ружьях и вооруженных преступниках, но совсем ничего о

Шакале, облегченно вздохнул и удалился в кабинет, чтобы пересчитать деньги. Шакал не хотел, чтобы его видели в отеле с дешевым фибровым чемоданом, и, поймав такси, поехал на железнодорожный вокзал, где и оставил чемодан в камере хранения, положив квитанцию во внутреннее отделение бумажника.

На ленч он зашел в один из близлежащих ресторанов, отметив шампанским завершение подготовительного этапа во Франции и Бельгии, затем прошелся до «Амиго», собрал вещи и заплатил по счету. Отель он покинул в том же безукоризненно сшитом клетчатом костюме, черных очках и с двумя дорогими кожаными чемоданами, которые коридорный поставил в багажник такси. Он стал беднее на 1600 фунтов, но ружье, упакованное в неприметный чемоданчик, дожидалось его в камере хранения, а три поддельных документа лежали во внутреннем кармане пиджака.

Самолет из Брюсселя в Лондон вылетел в начале пятого. В таможне лондонского аэропорта один из его чемоданов подвергся досмотру, но в нем, естественно, не нашли ничего предосудительного. В семь часов вечера Шакал уже принимал душ в своей квартире, перед тем как пойти пообедать

в Вест-Энд.

Глава 8

К сожалению, в среду Ковальски не поручили звонить кому-либо с главпочтамта, иначе он опоздал бы на самолет. И почта ждала его в ячейке на имя Пуатье. Он получил пять конвертов, запер их в стальной ящик, прикованный к его левому запястью, и поспешил в отель. К половине десятого Родин разомкнул наручник и отпустил Ковальски отдыхать. Его следующее дежурство начиналось в семь вечера.

В комнату Ковальски заглянул лишь затем, чтобы взять кольт (Родин не разрешал ему ходить с пистолетом по улицам) и сунуть его в кобуру под левой рукой. Если бы он носил подогнанный по фигуре пиджак, выпирающая кобура была бы заметна за сотню шагов, но его костюмы, словно сшитые никудышным портным, висели на нем мешком, несмотря на его габариты. Он захватил с собой катушку лейкопластыря и берет, купленный днем раньше, а также пачку итальянских и французских банкнот, жалованье за прошедшие месяцы, и закрыл за собой дверь.

У лифта охранник в упор взглянул на него.

— Теперь они хотят, чтобы я позвонил, — Ко-

вальски указал на девятый этаж.

Охранник ничего не ответил, но не сводил с него глаз, пока не прибыл лифт и Ковальски не вошел в кабину. Несколько секунд спустя он уже выходил из отеля, на ходу надевая черные очки.

В кафе напротив мужчина, читавший иллюстрированный журнал, чуть опустил его, чтобы лучше видеть Ковальски сквозь солнцезащитные очки. Поляк огляделся в поисках такси и направился к углу квартала. Мужчина с журналом покинул кафе и подошел к мостовой. Маленький «фиат» выскользнул из длинного ряда припаркованных вдоль тротуара машин и остановился напротив мужчины. Тот влез в кабину, и «фиат» пополз вслед за Ковальски.

На углу поляк поймал такси.

— Фьюмичино, — бросил он водителю.

И в аэропорту агент СДЭКЭ не спускал с него глаз. Ковальски нашел стойку «Алиталии», заплатил за билеты, заверил девушку, что ни чемоданов, ни ручной клади у него нет, и услышал в ответ, что посадка на рейс Рим — Марсель, время вылета 11.15, начнется через час и пять минут.

Чтобы скоротать время, экс-легионер отправился в кафетерий, взял чашечку кофе, сел лицом к огромным стеклянным панелям, выходящим на

летное поле, и смотрел, как взлетают и садятся самолеты. Он любил аэропорты, хотя и не понимал, каким образом самолетам удается оторваться от земли. Большую часть жизни рев авиационных моторов означал для него приближение немецких «мессершмиттов», русских «штурмовиков», американских «летающих крепостей». Потом их сменили самолеты воздушной поддержки «B-26» или «скайрайдеры» в Индокитае, «мистери» и «фуги» в Алжире. Теперь, в гражданском аэропорту, ему нравилось наблюдать, как самолеты, словно большие серебристые птицы, плавно приближаются к земле, на мгновение зависая над посадочной полосой, как раз перед самым касанием. Застенчивый по натуре, он, однако, наслаждался суетой аэропортов. Возможно, размышлял он, если б его жизнь сложилась иначе, он работал бы в одном из них.

Мысли его вернулись к Сильвии, и густые брови озабоченно сошлись у переносицы. Это несправедливо, сказал он себе, что она должна умереть, а эти мерзавцы, засевшие в Париже, будут жить. Полковник Родин рассказывал ему о них, о том, как они предали Францию, опозорили армию, уничтожили Легион и оставили народы Индокитая и Алжира на милость террористов. От

полковника Родина он не слышал ни слова лжи.

Объявили его рейс, и через стеклянные двери Ковальски вышел на залитое солнцем летное поле. Самолет стоял в сотне ярдов от здания аэропорта. С галереи два агента полковника Роллана наблюдали, как Ковальски поднялся по трапу, в черном берете и с заклеенной пластырем щекой. Один из них подтолкнул другого и усмехнулся. Едва самолет оторвался от земли, взяв курс на Марсель, они двинулись к выходу. По пути один задержался у телефона-автомата, набрал римский номер, представился по имени и доложил: «Он улетел. „Алиталия“ четыре-пять-один. Посадка в Маринане[18] в двенадцать десять. Ciao».

Десять минут спустя донесение поступило в Париж, еще через десять минут его приняли в Марселе.

Самолет «Алиталия» разворачивался над бухтой невероятно синей воды, заходя на посадку в аэропорту Маринан. Миловидная стюардесса-итальянка прошла по проходу между креслами, проверяя, застегнуты ли ремни, и села в последнем ряду. Она обратила внимание на пассажира, сидевшего перед ней, который, прильнув к окну,

---

[18] Примечания: 18
Аэропорт Марселя.

не отрывал взгляда от купающейся в солнечных лучах дельты Роны, словно никогда не видел ее раньше.

Это был крупный мужчина, не понимающий по-итальянски и говоривший по-французски с сильным акцентом, похоже, выходец из стран Восточной Европы. Черный берет, черные коротко стриженные волосы, черные очки, которые он ни разу не снял. Кусок пластыря на полщеки. Наверное, он сильно порезался, когда брился, подумала стюардесса.

Самолет приземлился точно по расписанию, подрулил к зданию аэропорта, и пассажиры направились в зал таможенного досмотра. Когда они один за другим проходили через стеклянные двери, низенький лысоватый мужчина, стоявший рядом с полицейским, проверяющим паспорта, легонько подтолкнул его.

— Вон тот здоровяк, черный берет, лейкопластырь на щеке, — отошел ко второму проверяющему и повторил то же самое.

Пассажиры разделились на две цепочки, чтобы пройти паспортный контроль. Два полицейских стояли за турникетами лицом друг к другу на расстоянии в десять футов, а пассажиры шли между ними, предъявляя паспорт или удостоверение

личности и посадочную карточку. Синяя форма полицейских указывала на то, что они служат в ДСТ,[19] управлении, ответственном за поддержание порядка на территории Франции и проверку приезжающих иностранцев и возвращающихся французов.

Когда подошла очередь Ковальски, полицейский едва удостоил его взглядом. Поставил печать на желтую посадочную карточку, бегло просмотрел удостоверение личности и взмахом руки предложил ему пройти. Довольный столь удачным исходом проверки документов, Ковальски направился к таможенникам, с которыми уже успел побеседовать лысоватый мужчина, скрывшийся за матовой дверью кабинета начальника таможни.

— Месье, ваш багаж, — обратился к Ковальски старший таможенник, указав на ленту конвейера, у которого ожидали чемоданы другие пассажиры.

— У меня нет багажа, — ответил Ковальски, нависнув над таможенником.

— Нет багажа? Ну, может, у вас есть вещи, облагаемые пошлиной?

---

[19] Примечания: 19

Дирексьон де ла Сюрвеянс дю Территуар, одно из пяти управлений Сюрте Насьональ.

— Нет, у меня ничего нет.

— Очень хорошо, проходите, месье, — таможенник указал на дверь, ведущую к стоянке такси.

Ковальски кивнул и вышел в солнечный свет. Сорить деньгами он не привык, поэтому предпочел отправиться в город не на такси, а на автобусе.

Едва он скрылся из виду, несколько таможенников окружили своего старшего коллегу.

— Интересно, зачем он им нужен? — спросил один.

— Похоже, крепкий парень.

— Едва ли он останется таким, пройдя через их руки, — заметил третий, кивнув в сторону кабинета, в который зашел лысоватый.

— Хватит болтать, пора и за работу, — отрезал старший таможенник. — Сегодня мы уже послужили Франции.

— Вернее, Le Grand Шарлю, — поправил его кто-то из таможенников и, когда они разошлись, добавил тихим шепотом: — Черт бы его побрал.

* * *

Автобус остановился у марсельского отделения «Эйр Франс» в центре города. Солнце пекло даже сильнее, чем в Риме. Август в Марселе, имея

несомненные достоинства, не вдохновлял на физические упражнения. Жара накрыла город, как эпидемия тяжелой болезни, проникая во все поры, высасывая силу, энергию, отбивая все желания, кроме одного: лежать в прохладной комнате с опущенными жалюзи и работающим на полную мощь вентилятором.

Затихла даже Канебьер, всегда оживленная главная улица Марселя, с наступлением темноты превращающаяся в реку огней и веселья. Редкие прохожие и машины медленно двигались по ней, словно в потоке патоки. Ковальски потребовалось полчаса, чтобы найти такси. Большинство водителей предпочло вздремнуть где-нибудь в парке под сенью деревьев.

Следуя по адресу, полученному от Жожо, они выехали на шоссе, ведущее в Касиз. На пересечении с проспектом Освобождения Ковальски попросил водителя остановить машину, сказав, что дойдет пешком. Вырвавшееся у того «как угодно» наилучшим образом показало, что он думает об иностранцах, желающих пройти несколько ярдов по такой жаре, имея в своем распоряжении машину.

Ковальски подождал, пока такси развернется и скроется из виду. Официант уличного кафе под-

сказал ему, как найти переулок, указанный на листе бумаги. Дом, похоже, построили недавно, и Ковальски подумал, что чета Жожо неплохо зарабатывает на пирожках и бутербродах, которые они развозили по платформе. А может, у них теперь стационарный киоск, о котором мадам Жожо мечтала с давних пор. Во всяком случае, их материальное положение значительно улучшилось. Да и Сильвии лучше расти здесь, чем рядом с портом. При мысли о дочери он остановился, как вкопанный. Что там говорил Жожо по телефону? Неделя? Может, две? Это невозможно.

По ступенькам он влетел в подъезд, на мгновение задержался перед двойным рядом почтовых ящиков. Гржибовски, значилось на одном из них, квартира 23. Второй этаж, подумал Ковальски и решил подняться по лестнице.

Дверь квартиры 23 ничем не отличалась от прочих. Звонок с кнопкой, маленькая белая табличка под ним со словом «Гржибовски». Он нажал на кнопку. Дверь приоткрылась, и толстая палка ударила ему в лоб.

Удар рассек кожу, но череп выдержал. Распахнулись двери квартир 22 и 24, и из них выскочили люди. Все это заняло не более полсекунды, но и этого времени хватило, чтобы Ковальски озверел.

Соображал поляк медленно, но дрался превосходно.

В узком коридоре его масса и сила не давали никаких преимуществ. Из-за его роста конец палки не набрал максимальной скорости, снизив тем самым мощь удара. Хотя кровь заливала глаза, он сумел разглядеть, что перед ним двое мужчин и по двое с каждой стороны. Чтобы драться, ему требовался простор, и он рванулся в квартиру 23.

Мужчина, стоявший перед ним, отлетел назад, руки остальных тянулись к его шее, пиджаку. Оказавшись в комнате, он выхватил «кольт» и один раз выстрелил в дверной проем. В момент выстрела что-то тяжелое ударило его по руке, бросив ее вниз.

Пуля раздробила коленную чашечку одному из нападающих, и тот рухнул с громким воплем. От второго удара по запястью пальцы онемели и пистолет выпал у него из руки. Секундой позже все пятеро навалились на него. Потом доктор подсчитал, что Ковальски не менее двадцати раз ударили по голове дубинками, налитыми свинцом, прежде чем он потерял сознание. Ему порвали левое ухо, сломали нос, лицо превратилось в кровавую маску.

Дважды Ковальски почти дотягивался до писто-

лета, пока чья-то нога не отбросила его в дальний угол. Когда его все-таки свалили на пол, на ногах осталось только трое нападавших.

Наконец огромное тело застыло, и лишь струйка крови из рваной раны на лбу показывала, что Ковальски еще жив. Трое агентов стояли над ним, тяжело дыша, обливаясь потом. Мужчина с простреленным коленом, обхватив его красными от крови руками, привалился к стене у двери. Лицо его побледнело, с посеревших от боли губ непрерывным потоком срывались ругательства. Второй стоял на коленях, медленно раскачиваясь взад-вперед, прижимая руки к паху. Третий лежал на ковре лицом вниз рядом с поляком. На его левом виске, куда со всего размаху угодил кулак Ковальски, наливался синяк.

Борьба продолжалась лишь три минуты.

Командир группы перевернул Ковальски на спину, приподнял веко левого глаза. Затем подошел к телефонному аппарату, стоящему на подоконнике, и набрал местный номер.

Он все еще тяжело дышал. Трубку на другом конце провода сняли сразу же.

— Мы его взяли… — доложил старший агент. — Сопротивлялся? Еще как сопротивлялся… Он выстрелил один раз, угодил в коленную чашечку

Грини. Капетти остался без яиц, а Виссар отключился… Что?.. Да, поляк жив, как приказывали… Иначе он не вывел бы из строя троих… Да, ему тоже досталось. Нет, он без сознания. Послушайте, нам не нужен «черный ворон», пришлите лучше пару машин «скорой помощи». И побыстрее.

Он швырнул трубку на рычаг. По всей комнате валялась разломанная мебель. Теперь она годилась разве что на дрова. Они-то думали, что поляк отступит к лестнице, и не позаботились о том, чтобы вынести мебель. Он сам пострадал от этого. Кресло, которое бросил поляк одной рукой, угодило ему в грудь, и каждый вздох причинял боль. Чертов поляк, подумал он, эти мерзавцы из управления не предупредили, с кем придется иметь дело.

Через пятнадцать минут к дому подъехали две машины «скорой помощи». Врач поднялся на второй этаж. Ковальски он осматривал пять минут. Затем закатал ему рукав и сделал укол. Санитары положили поляка на носилки и, сгибаясь под тяжестью тела, двинулись к лифту. Врач повернулся к раненому корсиканцу, привалившемуся к стене в луже крови.

Он решительно отвел руки корсиканца от колена, взглянул на рану и присвистнул.

— Ясно. Морфий и госпиталь. Я сделаю вам укол, и вы забудетесь. Это все, чем я могу вам сейчас помочь. А после операции вам, по всей видимости, придется менять профессию.

Грини ответил новыми ругательствами.

Виссар уже сидел, обхватив голову руками, но еще не пришел в себя. Капетти стоял у стены, его рвало. Двое агентов взяли его под руки и вывели из комнаты. Он еле передвигал ноги. Командир группы помог подняться Виссару. Санитары второй машины «скорой помощи» унесли Грини.

С порога командир шестерки агентов в последний раз оглядел комнату. Врач стоял рядом.

— Как после смерча, а?

— Местное отделение наведет порядок, — ответил корсиканец. — Это их квартира.

С этими словами он захлопнул дверь. Затем поочередно закрыл квартиры 22 и 24. Там обстановка осталась нетронутой.

— Соседей нет? — спросил врач.

— Нет. Мы сняли целый этаж.

Врач, а следом за ним и корсиканец, поддерживающий Виссара, спустились к машинам.

Двенадцать часов спустя, проехав полстраны, Ковальски оказался в подземной камере, похожей на древнюю крепость тюрьмы в окрестностях

Парижа. Выкрашенные в белый цвет стены, в пятнах, с нацарапанными ругательствами и молитвами. Жарко, тесно, устоявшийся запах карболки, мочи и пота. Поляк лежал лицом вверх на узкой железной койке с ножками, вмурованными в бетонный пол. Тонкий матрац, свернутое одеяло под головой, никакого постельного белья. Толстые ремни охватывали его лодыжки, бедра, запястья. Еще один — грудь. Он все еще не пришел в сознание, дышал глубоко и неровно.

С лица Ковальски смыли кровь, рваную рану на лбу и ухо зашили, из ноздри сломанного носа торчал кончик свернутого в трубочку пластыря, сквозь приоткрытые губы виднелись корешки двух сломанных передних зубов. Лицо представляло собой сплошной синяк.

Несмотря на густые черные волосы, покрывающие грудь, плечи и живот, синяки проглядывали и на теле — результат ударов кулаками, ногами, дубинками. На правой руке белела повязка.

Мужчина в белом халате закончил осмотр, выпрямился и убрал стетоскоп в саквояж. Повернулся и кивнул второму мужчине, стоящему сзади. Тот постучал в дверь. Она распахнулась, и мужчины вышли в коридор. Тюремщик закрыл дверь и задвинул два огромных стальных засова.

— Он что, попал под грузовик? — спросил врач, пока они шли по коридору.

— Шесть человек едва справились с ним, — ответил полковник Роллан.

— Ну, они потрудились на славу. Едва не убили его. Если б он от природы не был здоров как бык…

— Другого выхода не было. Он уложил троих.

— Прямо-таки сражение.

— Совершенно верно. Так что с ним?

— Возможно, трещина в правой руке, без рентгена сказать трудно, оторванное левое ухо, рваная рана на лбу, сломанный нос. Многочисленные порезы и синяки, слабое внутреннее кровотечение, которое может усилиться, а может и прекратиться. У него феноменальное здоровье, во всяком случае, было. Меня беспокоит голова. Сотрясение мозга, это несомненно, не знаю только, легкое или сильное. Череп цел, но в этом нет вины ваших людей. Просто у него череп, как из слоновой кости. Но сотрясение мозга может привести к необратимым последствиям, если его не оставить в покое.

— Мне нужно задать ему кое-какие вопросы, — полковник разглядывал кончик сигареты.

Они остановились. Тюремный лазарет находил-

ся в одной стороне, лестница из подземелья — в другой. Во взгляде, брошенном тюремным врачом на главу Отдела противодействия, чувствовалась неприязнь.

— Это тюрьма. И в ней, естественно, находятся люди, посягнувшие на безопасность государства. По всей тюрьме, кроме этого коридора, — он имел в виду коридор, из которого они только что вышли, — выполняется любое мое указание, если речь идет о здоровье заключенных. Там — ваша вотчина. Мне ясно дали понять, что происходящее в том коридоре меня не касается и я не имею права ни во что вмешиваться. Но я должен заявить следующее. Если вы начнете «задавать вопросы» этому человеку до того, как он поправится, используя ваши методы, он умрет или станет полным идиотом.

Полковник Роллан спокойно выслушал доктора.

— Как скоро он придет в себя? — спросил он, когда тот закончил.

Врач пожал плечами.

— Точного ответа дать не могу. Может, завтра, может, через много дней. Даже если сознание вернется к нему, его нельзя допрашивать с медицинской точки зрения по меньшей мере две

недели. Подчеркиваю, по меньшей мере. И это при условии, что у него легкое сотрясение мозга.

— Есть же специальные лекарства, — вставил полковник.

— Да, есть. Но я не собираюсь выписывать их. Скорее всего, вы достанете их и без меня, наверняка достанете. Но от меня вы их не получите. В любом случае, едва ли вы сможете узнать у него что-то важное. Разум его помутнен, речь будет бессмысленной. Психотропные средства могут окончательно свести его с ума. Полагаю, пройдет неделя, прежде чем он откроет глаза. Вам остается только ждать.

Он повернулся и зашагал к тюремному лазарету. Но врач ошибся. Ковальски открыл глаза через три дня, 10 августа. В тот же день состоялся его первый и единственный допрос.

* * *

После возвращения из Брюсселя Шакал три дня посвятил подготовке к отъезду во Францию.

С новым водительским удостоверением, выданным Александру Джеймсу Квентину Даггэну, он съездил в Фэнам Хауз, офис «Отэмэбил асошиэйшн», и получил международное водительское удостоверение на то же имя.

Купил в комиссионном магазине, специализирующемся на товарах для туристов и путешественников, три кожаных чемодана. В первый уложил одежду, которая в случае необходимости позволяла ему сойти за пастора Пера Иенсена из Копенгагена. Перед тем, как уложить вещи в чемодан, он спорол метки датской фирмы с трех рубашек, купленных в Копенгагене, и заменил ими английские ярлычки на рубашке, высоком воротнике и манишке, приобретенных в Лондоне. В чемодан легли также ботинки, носки, нижнее белье и темно-серый костюм, который в один миг обратили бы Шакала в пастора Иенсена. В тот же чемодан он сложил наряд американского студента Марти Шульберга: туфли из мягкой кожи, носки, джинсы, футболки и ветровку.

Взрезав подкладку чемодана, он всунул между двумя слоями кожи боковой стенки паспорта обоих иностранцев. К одежде добавились датская книга о французских кафедральных соборах, две пары очков, для датчанина и американца, соответственно в золотой и роговой оправах, два комплекта контактных линз, аккуратно завернутых в папиросную бумагу, краски для волос и кисточки.

Во второй чемодан попали ботинки, носки,

рубашка и брюки французского производства, которые он купил в Париже, вместе с длиннополой шинелью и черным беретом. За подкладку этого чемодана Шакал засунул документы Андре Мартина, француза средних лет. В чемодане осталось еще достаточно места для стальных трубок, в которых находились компоненты ружья и патроны.

В третий, чуть меньший по размерам чемодан он сложил вещи Александра Даггэна: туфли, нижнее белье, рубашки, галстуки, шейные шарфы, три элегантных костюма. За подкладкой он спрятал несколько тонких пачек десятифунтовых банкнот, всего тысячу фунтов, которые снял со своего банковского счета по приезде в Лондон.

Каждый чемодан он тщательно запер, а ключи закрепил на общем кольце. Серый костюм, вычищенный и выглаженный, висел в шкафу. Во внутреннем нагрудном кармане лежали паспорт, водительские удостоверения, английское и международное, и бумажник с сотней фунтов стерлингов.

Кроме трех чемоданов он намеревался взять с собой маленький саквояж, куда положил бритвенные принадлежности, пижаму, губку и полотенце, а также последние приобретения —

подвязку для протеза из тканой ленты, мешочек с двумя фунтами гипса, несколько рулонов бинта, полдюжины катушек лейкопластыря, три пачки ваты и большие ножницы с притупленными, но мощными лезвиями. Саквояж он решил носить с собой, так как по опыту знал, что таможенники в любом аэропорту менее всего обращают внимание на ручную кладь и обычно досматривают чемоданы.

Купив все необходимое и уложив вещи, Шакал завершил этап подготовки. В душе он надеялся, что ему не придется превращаться ни в пастора Иенсена, ни в Марти Шульберга. Однако хотел иметь свободу маневра на тот случай. если полиция все-таки заинтересуется Александром Даггэном.

Андре Мартин, в отличие от датчанина и американца, играл в его плане наиважнейшую роль. Поэтому чемодан с вещами студента и пастора мог навсегда остаться в камере хранения после завершения операции. В то же время он мог воспользоваться документами одного из них, чтобы покинуть Францию. Андре Мартин и ружье также не представляли для него никакой ценности после выполнения задания. Так что, въезжая во Францию с тремя чемоданами и саквояжем, он

рассчитывал, что при возвращении его багаж полегчает на два чемодана.

Теперь оставалось дождаться лишь двух листков бумаги. Одного — с номером телефона в Париже, по которому он мог получать достоверную информацию, касающуюся состояния боеготовности охраны президента. Второго — с уведомлением о поступлении 250 тысяч долларов на его банковский счет, подписанным герром Мейером из Цюриха.

Чтобы не тратить время попусту, он учился ходить, прихрамывая на одну ногу. Два дня спустя он добился нужного эффекта: со стороны могло показаться, что у него действительно сломана нога или повреждена коленная чашечка.

Первое письмо прибыло утром 9 августа. На конверте стоял римский штемпель. Шакал прочел:

> «Ваш друг будет ждать по телефону Молитор 5901. Представьтесь словами: „Говорит Шакал“. Вам ответят: „Говорит Вальми“. Удачи».

Письмо из Цюриха поступило через два дня, утром 11 августа. Он широко улыбнулся, вглядываясь в указанные в тексте цифры. Теперь он

богат, если, конечно, останется в живых, а в успехе он не сомневался. Все продумано до мелочей, он полагался на трезвый расчет, а не на случай. А после завершения операции ему причитались еще 250 тысяч.

По телефону он заказал билеты на самолет, вылетающий утром 12 августа.

* * *

Тишину подвала нарушало лишь тяжелое, но ровное дыхание пятерых мужчин, сидящих за столом, и хрипы шестого, привязанного к массивному дубовому креслу, стоящему перед ними. Темнота не позволяла судить ни о размерах подвала, ни о цвете его стен. Единственное пятно света вырывало из тьмы кресло и заключенного. Свет падал от обычной настольной лампы, какой пользуются при чтении, но здесь она была куда большей мощности и яркости, добавляя немало тепла к удушающей жаре подвала. Лампа крепилась к левому углу стола так, что свет бил в глаза мужчины, находящегося в шести футах от нее.

Отсвет падал и на поверхность стола, выхватывая кончики пальцев, кисть руки, запястье, сигарету с поднимающимся к потолку дымком.

Столь яркий свет не позволял сидящему в крес-

ле что-либо увидеть. Поэтому он не знал, сколько человек и кто именно его допрашивает. Он мог разглядеть их, лишь отойдя в сторону.

Но подняться с кресла он не мог. Широкие ремни с толстыми подкладками держали крепко. Ноги были привязаны к передним ножкам кресла, руки — к подлокотникам. Еще один ремень охватывал талию, второй — массивную волосатую грудь. Подкладки ремней пропитались потом. От каждой из четырех ножек кресла уходил в пол L-образный стальной кронштейн.

Стол, за которым сидели мужчины, отличался от обычного узкой щелью, окантованной медью. С одной стороны на окантовке была выгравирована шкала с цифрами. Из щели выступал медный стержень с бакелитовой рукоятью на конце. Стержень мог перемещаться по щели. Тут же был и выключатель. Рука одного из мужчин лежала рядом со стержнем. Черные волосы на ней стояли дыбом.

Два провода отходили вниз, один — от выключателя, другой — от регулятора тока, к маленькому трансформатору на полу. От него толстый, в черной изоляции кабель тянулся к большой розетке в стене.

В дальнем конце подвала, позади ведущих до-

прос, за деревянным столом, спиной к ним, сидел еще один мужчина. На стоящем перед ним магнитофоне над словом «включен» горел зеленый огонек, но кассеты с пленкой не вращались.

Казалось, что тишину подвала можно пощупать. Рубашки мужчин прилипли к разгоряченным телам. Воняло потом, металлом, мочой, блевотиной. Но всю эту вонь забивал еще один, более сильный, безошибочно узнаваемый запах страха и боли.

Наконец мужчина в центре заговорил:

— Мой дорогой Виктор. Вы все равно расскажете нам обо всем. Возможно, не сейчас, но расскажете. Вы — храбрый человек. Мы это знаем. Мы отдаем должное вашему мужеству. Но даже вам не выдержать. Почему не начать прямо сейчас? Вы думаете, полковник Родин не позволил бы вам открыть рот, окажись он в этом подвале? Наоборот, он приказал бы вам говорить. Он в курсе современных методов допроса. Он рассказал бы все сам, чтобы не причинять вам новых страданий. Вам хорошо известно, что в конце концов язык развязывается у всех. Не так ли, Виктор? Вам приходилось видеть, как они начинали говорить? Никто не может молчать, молчать и молчать. Расскажите нам все, и вас

уложат в постель. Вы будете спать, сколько захотите. Никто не посмеет потревожить вас…

Мужчина в кресле поднял разбитое лицо, блестящее от пота. Глаза оставались закрытыми то ли из-за огромных синяков, то ли из-за яркого света. Лицо смотрело в сторону стола и темноты за ним, рот раскрылся, но вместо слов с губ сорвалась маленькая струйка блевотины и стекла в лужу, образовавшуюся у него между ног. И одновременно всклокоченные волосы качнулись из стороны в сторону.

Ведущий допрос продолжил:

— Виктор, дорогой. Ваша стойкость просто удивительна. Мы это признаем. Вы уже побили все рекорды. Но даже вам не удастся выстоять. Нам спешить некуда, Виктор. Если потребуется, мы будем держать вас здесь в течение дней, недель. Не будет ни сна, ни забытья. Теперь это возможно. Есть специальные лекарства. Допросы третьей степени канули в Лету, может, это и к лучшему. Так почему вы молчите? Мы понимаем, что такое боль. Но эти маленькие «крокодильчики»,[20] они не понимают. Они ничего не понимают, Виктор… Скажите нам, что они делают в этом отеле в Ри-

---

[20] Примечания: 20
Разжимные электрические контакты.

ме? Чего они ждут?

Упавшая на грудь громадная голова медленно качнулась справа налево, словно заплывшие глаза поочередно рассматривали маленькие медные «крокодильчики», вцепившиеся в соски, и еще один, побольше, на головке полового члена.

Руки говорившего, освещенные лампой, лежали перед ним, тонкие, белые, спокойные. Он подождал еще несколько секунд. Затем одна рука отделилась от другой, большой палец спрятался в ладонь, а четыре остальных, широко растопыренных подушечками коснулись стола.

Мужчина, сидевший с края, у электрического выключателя, перевел стержень от цифры два к цифре четыре и указательным и большим пальцами взялся за выключатель.

Растопыренные пальцы собрались в кулак, большой поднялся вверх, а затем, совершив полуоборот, указал в стол, давая команду: «Пошел!» Мужчина с края замкнул электрическую цепь.

Маленькие металлические «крокодильчики», соединенные проводами с выключателем, ожили, едва слышно зажужжав. Гигантское тело в кресле поднялось в воздух, словно его подбросила сзади невидимая рука. Кожаные ремни, казалось, впились не только в кожу, но и в кости. Глаза,

до того полностью скрытые в распухших веках, вылезли из орбит, уставившись в потолок над головой. Рот раскрылся, и демонический крик вырвался из легких.

Виктор Ковальски сломался в четыре часа десять минут пополудни, и тут же закрутились магнитофонные кассеты.

Когда он начал говорить, вернее, бормотать что-то бессвязное, перемежаемое воплями и всхлипываниями, спокойный голос мужчины в центре раз за разом выводил Ковальски на интересующие их события.

— Почему они там, Виктор… в том отеле… Родин, Монклер и Кассон… чего они боятся… где они были, Виктор… с кем виделись… почему они никого не принимают… расскажи нам, Виктор… почему Рим… что было до Рима… почему Вена, Виктор… где в Вене… в каком отеле… почему они там оказались, Виктор…

Ковальски смолк навсегда через пятьдесят минут, но и его последние слова, сорвавшиеся с губ перед тем, как он потерял сознание, попали на магнитофонную ленту. Мужчина в центре еще две-три минуты продолжал задавать вопросы, прежде чем понял, что ответов больше не будет. Он дал знак своим подчиненным. Допрос

окончился.

Кассету с записью сняли с магнитофона и на машине доставили из тюремного подвала вблизи Парижа в штаб-квартиру Отдела противодействия.

Солнечный день, согревший мостовые Парижа, перешел в золотые сумерки. В девять часов зажглись фонари. Вдоль берегов Сены, рука об руку, прогуливались парочки, неторопливо, словно смакуя никогда не повторяющийся коктейль полумрака, любви и юности. В открытых кафе у воды царило веселье, звенели бокалы, слышались приветствия и шутки, извинения и комплименты, завязывались знакомства и возникали размолвки. Велика магия Сены в августовский вечер. Даже туристов прощали за то, что они приехали в Париж вместе с их долларами.

Шум веселья не проникал в маленький кабинет в здании неподалеку от Порт де Лилья. Трое мужчин сидели вокруг магнитофона с медленно вращающимися кассетами. Они работали. Один ведал переключателями, то включая магнитофон, то перематывая пленку назад и пуская вновь, следуя командам второго мужчины. Тот, в наушниках, пытался выискать в какофонии звуков слова, имеющие хоть какой-то смысл.

Зажав сигарету в зубах, со слезящимися от поднимающегося вверх табачного дыма глазами, он давал знак оператору, что хочет прослушать вновь тот или иной кусок. Иногда он полдюжины раз прокручивал один и тот же десятисекундный отрезок. Затем диктовал услышанное.

Третий мужчина, молодой блондин, сидел за пишущей машинкой и печатал под диктовку. Вопросы, заданные в подвале, разбирались легко, слышались ясно и четко. Ответы были куда более бессвязными. Блондин печатал текст, как интервью. Каждый вопрос начинался с красной строки и с заглавной буквы «В». Ответ шел строкой ниже и начинался с заглавной буквы «О». В ответах слова часто разделялись многоточиями, так как в этих местах уловить смысл услышанного не представлялось возможным.

Они закончили около полуночи. Несмотря на открытое окно, воздух посинел от сигаретного дыма. Они встали, потянулись, разминая застывшие от долгого сидения мышцы. Тот, что нажимал на клавиши магнитофона, снял телефонную трубку, попросил соединить его с городом, набрал номер. Мужчина в наушниках снял их и перекрутил пленку назад. Блондин вынул из машинки последний лист, вытащил

копирку и начал раскладывать стопку листов по экземплярам. Первый предназначался полковнику Роллану, второй — в дело, третий — для размножения, если Роллан счел бы необходимым ознакомить с протоколом допроса руководителей других подразделении СДЭКЭ.

Полковника Роллана нашли в ресторане, где он обедал с друзьями. Как обычно, элегантный холостяк был остроумен и галантен и его комплименты присутствующим дамам оценивались по достоинству если не мужьями, то их женами. Когда официант попросил его к телефону, он извинился и вышел из-за стола. Взяв трубку, полковник коротко представился: «Роллан» — и подождал, пока человек на другом конце провода назовет себя и скажет пароль.

Роллан сделал то же самое, вставив в первое предложение заранее оговоренное слово. Подслушавший этот разговор узнал бы, что машина полковника, находящаяся в ремонте, починена и полковник может забрать ее в любое удобное для него время. Роллан поблагодарил человека, сообщившего приятную новость, и положил трубку. Он вернулся к столу, но через пять минут распрощался с друзьями, сославшись на то, что завтра у него трудный день и он должен выспаться. И

спустя десять минут один в машине мчался по еще оживленным улицам к более тихому Порт де Лилья. В начале второго он вошел в кабинет, снял превосходно сшитый пиджак, попросил ночного дежурного принести кофе и позвал своего помощника.

Первый экземпляр показаний Ковальски и чашечку кофе принесли одновременно. Он быстро пробежал все двадцать шесть страниц, пытаясь выхватить главное из того, что сказал едва пришедший в себя легионер. Где-то в середине он зацепился за несколько фраз, заставивших его нахмуриться, но, не задерживаясь на них, дочитал досье до конца.

Второй раз он читал не спеша, более внимательно, обдумывая каждый абзац. Затем взял со стола черную ручку и, читая текст в третий раз, вычеркнул слова и предложения, касающиеся Сильвии, ее болезни, Индокитая, Алжира, Жожо, Ковача, корсиканских мерзавцев, Легиона. Все это он знал, и его это не интересовало.

Кроме Сильвии, иногда упоминалась какая-то Жюли. Раньше Роллан о ней не слышал, но вычеркнул и ее. После этого протокол допроса сократился до шести страниц. Теперь предстояло понять, что же удалось вырвать из Ковальски.

Рим, три главаря ОАС в Риме. Ничего нового. Но почему они в Риме? Этот вопрос задавался восемь раз. Ответы практически не отличались. Они не хотят, чтобы их похитили, как Арго в феврале. Естественно, не хотят, подумал Роллан. Неужели он напрасно потратил время, организовав захват Ковальски? Одно слово легионер произнес, вернее, пробормотал дважды, отвечая на этот заданный восемь раз вопрос. Секрет. Или это прилагательное? Но в их пребывании в Риме не было ничего секретного. Значит, существительное. Какой секрет?

Роллан в десятый раз дочитал текст до конца, вновь вернулся к первой странице. Три оасовца в Риме. Они там, потому что не хотят, чтобы их похитили. Они не хотят, чтобы их похитили, потому что знают секрет.

Роллан иронически улыбнулся. Он не хуже генерала Гибо понимал, что не страх заставил Родина прятаться за спины телохранителей.

Значит, им известен секрет. Какой секрет? Похоже, связанный с каким-то событием в Вене. Столица Австрии упоминалась трижды, хотя сначала Роллан подумал, что Ковальски говорит

о Вьене,[21] городке в двадцати километрах к югу от Лиона. Но, возможно, все-таки Вена, а не французский провинциальный городок.

Они встречались в Вене. Затем приехали в Рим и поселились в отеле под охраной, чтобы исключить похищение и последующий допрос, на котором придется выдать секрет. Секрет как-то связан с Веной.

В последовательности событий зияли прорехи. Заполнить их уже не удастся, в три часа ночи ему сообщили, что второго допроса не будет: Ковальски умер. Или из показаний можно выудить что-то еще?

И Роллан начал выписывать слова, вроде бы выпадающие из текста. Клейст, человек по фамилии Клейст. Ковальски, поляк по национальности, произнес это слово правильно, и Роллан, помнящий немецкий с военных лет, записал его как полагается, в отличие от дешифровщика, допустившего ошибку. Но человек ли? А может, место? Он позвонил на коммутатор и попросил найти в телефонном справочнике жителя Вены по фамилии Клейст или место под таким же названием. Ответ поступил через десять минут.

---

[21] Примечания: 21

Вена (Vienna) и Вьен (Vienne) по-французски произносятся практически одинаково.

Клейсты занимали в справочнике две колонки, все личные телефоны. Кроме того, в справочнике значились частная школа Эвальда Клейста для мальчиков и пансион Клейста на Брукнералле.

Роллан записал оба, но подчеркнул пансион Клейста. Затем продолжил чтение.

Несколько раз Ковальски упоминал какого-то иностранца, к которому питал смешанные чувства. Иногда характеризовал его, как «bon», то есть хороший, в других случаях, как «facheur», то есть зануда. В пять утра полковник Роллан приказал принести ему кассету и магнитофон и целый час вслушивался в звучащие с пленки голоса. Выключив магнитофон, он коротко выругался и, взяв ручку, внес в текст несколько изменений.

Ковальски сказал, что иностранец «blond», блондин, а не «bon». А слово, сорвавшееся с разбитых губ и записанное как «facheur», в действительности являлось совсем другим словом — «faucheur»,[22] то есть убийца.

Дальнейшее уже не составляло особого труда. Слово «шакал», которое Роллан ранее вычеркивал отовсюду, полагая, что Ковальски называет так людей, схвативших и допрашивавших его,

---

[22] Примечания: 22
По произношению эти слова очень близки: фашер и фошёр.

приобрело иной смысл. Оно стало кодовым именем убийцы со светлыми волосами, иностранца, с которым три главаря ОАС встретились в пансионе Клейста в Вене за несколько дней до того, как поселиться в Риме под усиленной охраной.

Теперь Роллан мог объяснить, чем вызвана волна ограблений банков и ювелирных магазинов, сотрясающая Францию в последние восемь недель. Услуги блондина стоили денег. И не вызывало сомнений, какое задание получил он от ОАС, раз речь шла о миллионах франков. Ради пустяка блондина звать бы не стали.

В семь утра Роллан позвонил дежурному и продиктовал срочную депешу в венское отделение СДЭКЭ, нарушив тем самым внутриведомственную договоренность о том, что все дела в Вене ведет бюро R3 (Западная Европа). Затем велел принести все копии протокола допроса Ковальски и запер их в сейф. И сел писать донесение, адресованное только одному человеку, с пометкой «Прочесть лично».

В донесении он коротко упомянул об операции, проведенной по его инициативе, результатом которой стало пленение Ковальски; о приезде экс-легионера в Марсель, куда его заманили ложным известием о болезни близкого ему человека,

о действиях агентов Отдела противодействия, допросе и полученном признании. Он также отметил, что в схватке с экс-легионером два агента стали калеками, а он сам, чувствуя, что уйти не удастся, попытался покончить с собой и его пришлось срочно госпитализировать. Именно там, на смертном одре, он во всем и признался.

Далее следовало само признание и пояснения Роллана. Покончив с этим, он помедлил, прежде чем перейти к последнему абзацу, оглядел крыши домов, позолоченных восходящим солнцем. Роллан пользовался репутацией человека — и он знал об этом — который ничего не преувеличивает и никогда не сгущает краски. Поэтому он и задумался, прежде чем вновь склониться над листом бумаги.

> «В настоящее время продолжается поиск доказательств существования этого заговора. Однако если расследование подтвердит, что вышесказанное соответствует действительности, приведенный выше план покушения представляет собой, с моей точки зрения, наиболее опасную идею, выношенную террористами в стремлении уничтожить президента

Франции. Если таковой план имеется и наемник-иностранец, о котором мы ничего не знаем, кроме кодового имени Шакал, действительно получил задание убить президента Франции и сейчас ведет подготовку покушения, мой долг информировать вас, что, по моему убеждению, положение критическое. Нация в опасности».

Полковник Роллан сам отпечатал донесение, чего не бывало ранее, заклеил конверт, приложил к нему личную печать, надписал адрес и поставил вверху гриф наивысшей степени секретности. Затем сжег черновики и смыл пепел водой в маленькой раковине в углу кабинета.

Вымыл руки и лицо. Вытираясь полотенцем, глянул в зеркало над раковиной. Лицо, которое он увидел, к его великому сожалению, теряло былую привлекательность. Худощавое, столь энергичное в юности и столь импонирующее женщинам в более зрелые годы, оно становилось все более усталым, утомленным. Слишком многое он испытал, слишком много узнал о тех низостях, на кои способен человек в борьбе с себе подобными за выживание. Обманы, хитрости,

необходимость посылать людей на смерть или на убийство, на пытки в подвалах или на добывание нужных сведений теми же пытками, раньше времени состарили главу Отдела противодействия. И сейчас он выглядел не на пятьдесят четыре, а на все шестьдесят лет. Глубокие складки от носа к уголкам рта, темные метки под глазами, совершенно белые виски, недавно еще чуть тронутые сединой.

В конце года, сказал он себе, я обязательно должен вырваться из этой круговерти. Лицо печально глянуло на него. Неверие или смирение с неизбежным? Может, лицо знало лучше, чем разум? Уйти после стольких лет просто невозможно. И придется тянуть этот воз до конца своих дней. Сопротивление, тайная полиция, служба безопасности и, наконец, Отдел противодействия. Сколько людей, сколько крови, говорил он лицу в зеркале. И все ради Франции. А помнит ли об этом Франция? Лицо смотрело на него из зеркала и молчало. Потому что они оба знали ответ.

Полковник Роллан вызвал к себе мотоциклиста-посыльного. Попросил принести в кабинет яичницу, рогалики, масло и кофе, на этот раз большую чашку с молоком, а также две таблетки аспирина, чтобы снять головную боль от бессон-

ной ночи. Он отдал посыльному запечатанный конверт, приказав отвезти его по указанному адресу. Намазал рогалик маслом, съел его вместе с яичницей и с чашкой кофе подошел к окну, обращенному к центру Парижа. Вдали он мог различить шпили Нотр-Дам и, в жарком утреннем мареве, повисшем над Сеной, вершину Эйфелевой башни. Рабочий день, 11 августа, уже вступил в свои права, часы показывали начало десятого, и многие, возможно, успели ругнуть мотоциклиста в черном комбинезоне, в реве сирены лавирующего между автомобилями. Мчался он в Министерство внутренних дел.

Удастся ли предотвратить угрозу, о которой говорится в депеше, лежащей сейчас в кармане мотоциклиста? — думал полковник Роллан. От этого будет зависеть, сохранит ли он работу, с которой собирался уйти на пенсию в конце года.

Глава 9

Тем же утром, но чуть позже министр внутренних дел Франции сидел за своим столом и мрачно обозревал в окно залитый солнцем круглый двор и украшенные гербами Франции кованые ворота, выходящие на площадь Бово, куда вливались потоки транспорта с Фобур Сен-Оноре и проспекта Мариньи и обтекали полицейского, регулирующего их движение с возвышения в центре площади.

С двух других магистралей, проспекта Мироменил и улицы Соссэ, машины врывались на площадь по свистку регулировщика, пересекали ее и исчезали среди домов. А он, казалось, играл с пятью транспортными потоками, как матадор играет с быком, спокойно, уверенно, с достоинством и мастерством. Роже Фрей завидовал решительности, с которой регулировщик выполнял порученное ему дело.

У ворот министерства два жандарма также наблюдали, как их коллега в центре площади ловко управляется с полчищами машин. За их спинами висели автоматы, и они смотрели на мир сквозь решетку двойных ворот, защищенные

от потусторонней суеты, уверенные в том, что жалованье, карьера, место работы под теплым августовским солнцем всегда останутся при них. Министр завидовал и им, простоте их жизни и незатейливости честолюбивых замыслов.

Шуршание переворачиваемой страницы заставило его повернуться лицом к столу. Мужчина, сидящий перед ним, почтительно положил папку на стол. Оба молча смотрели друг на друга, тишину нарушало лишь тиканье часов на каминной полке напротив двери да приглушенный шум транспорта на площади Бово.

— Так что вы об этом думаете?

Комиссар Жак Дюкре, возглавляющий службу личной охраны президента Франции, считался одним из лучших экспертов в вопросах безопасности, особенно в защите от покушений. По праву занимал он этот пост, и не случайно все шесть попыток убить президента Франции провалились: либо покушение оканчивалось неудачей, либо его удавалось предотвратить на стадии подготовки.

— Роллан прав, — голос Дюкре звучал ровно, бесстрастно, уверенно. — Если написанное им верно, этот план исключительно опасен. Все архивы правоохранительных служб Франции,

вся сеть агентов и осведомителей, внедренных в ОАС, бессильны перед иностранцем, человеком со стороны, работающим в одиночку, без помощников. А если он еще и профессионал… Как и указал Роллан, — Дюкре вновь взял папку, открыл последнюю страницу и прочел вслух: — «…план представляет собой наиболее опасную идею, выношенную террористами в стремлении уничтожить президента Франции».

Роже Фрей пробежался пальцами по серо-стальным коротко стриженным волосам и вновь повернулся к окну. Министр был не из тех, кто легко впадает в панику, но утром 11 августа он перепугался не на шутку. Долгие годы являясь убежденным сторонником Шарля де Голля, он частенько удачно скрывал под внешней интеллигентностью и любезностью твердость характера, приведшую его в министерское кресло. Яркие синие глаза, способные не только лучиться теплом, но и метать ледяные молнии, широкие плечи и грудь, красивое, но жестокое лицо, притягивающее восхищенные взгляды женщин, жаждущих близости с власть имущими, не были просто фасадом.

В былые годы, когда голлисты боролись с американской неприязнью, английским безразличием,

честолюбием приверженцев генерала Жиро, нетерпимостью коммунистов, он не прятался за чужие спины, всегда находясь на передней линии огня. В конце концов им удалось победить, и дважды за восемнадцать лет человек, за которым они шли, занимал высший пост во Франции. В последние два года развернулось новое сражение, на этот раз с теми, кто дважды возвращал генерала к власти, — с армией. Лишь несколько минут назад министр полагал, что битва подходит к концу, а враг разбит и обессилен.

Теперь он знал, что борьба не закончена. Тощий фанатик в Риме придумал коварный план, и смерть одного человека могла привести к разрушению всего здания. В некоторых странах государственные институты обладали достаточной стабильностью, чтобы пережить смерть президента или отречение короля от престола. Это подтвердила Англия двадцать восемь лет назад и Америка в конце этого 1963 года. Но Роже Фрей здраво судил о текущем состоянии государственной машины Франции. Смерть президента, он в этом не сомневался, стала бы прологом к путчу и гражданской войне.

— Что ж, — он все еще смотрел на залитый солнцем двор, — ему нужно сказать.

Полицейский промолчал. Одно из преимуществ специалиста состоит в том, что он должен заниматься своим делом, перекладывая принятие решений на плечи тех, кому за это платят. В добровольцы он не рвался. Во всяком случае, в этой ситуации. Министр снова развернул кресло.

— Хорошо. Благодарю, комиссар. Тогда я попытаюсь сегодня же встретиться с президентом и ввести его в курс дела. — В голосе слышалась решительность. Пришло время действовать. — Я думаю, мне не нужно просить вас никому не говорить о нашей беседе, пока мне не представится возможность обсудить создавшееся положение с президентом. А он решит, как нам поступить.

Комиссар Дюкре встал и вышел из кабинета, спустился вниз, вышел из ворот и через сотню метров свернул в другие ворота Елисейского дворца. Оставшись один, министр пододвинул к себе папку и еще раз перечитал донесение начальника Отдела противодействия. Он не сомневался в правильности вывода Роллана, да и Дюкре присоединился к мнению полковника. Опасность налицо, серьезная опасность, избежать ее не представлялось возможным, следовательно, президент должен знать о готовящемся покушении на его жизнь.

Неохотно нажал он кнопку на аппарате внутренней связи и сказал в тут же зажужжавший микрофон: «Соедините меня с Елисейским дворцом».

Минуту спустя зазвонил красный телефон. Министр снял трубку, подождал.

— Господина Фоккара, пожалуйста. — Еще пауза, и на другом конце провода послышался обманчиво приторный голос одного из самых могущественных людей Франции.

Роже Фрей коротко объяснил, что ему нужно и почему.

— Как можно скорее, Жак… Да, я понимаю, что вы должны посмотреть, какой у него распорядок дня. Я подожду. Пожалуйста, сразу же перезвоните мне.

Фоккар позвонил через сорок минут. Фрея ждали в четыре часа, сразу же после полуденного отдыха президента. Министр хотел было запротестовать, ибо дело с которым он шел к президенту, не терпело отлагательств, но передумал. Как и все приближенные президента, он знал, что перечить сладкоголосому личному помощнику де Голля нежелательно. Как-никак, он в любой момент имел доступ к президенту Франции, а кроме того, вел специальную картотеку, в которую соби-

рал информацию о многих высокопоставленных чиновниках, в том числе и компрометирующую, которая в нужный ему момент могла оказаться на столе президента.

* * *

В тот же день, без двадцати четыре, Шакал вышел из ресторана «Каннингэм» на Керзон-стрит после отменного, хотя и очень дорогого ленча. Фирменным знаком ресторана считались блюда из морских моллюсков и крабов, и в их приготовлении тамошние повара не знали равных. В конце концов, размышлял Шакал, сворачивая на Саут Одли-стрит, когда я еще вернусь в столицу, так что у меня есть повод пошиковать.

* * *

В это же время черный «DS19» выехал из ворот министерства внутренних дел на площадь Бово. Полицейский в центре площади, предупрежденный криком коллег у чугунных ворот, остановил транспорт, затем вытянулся, отдавая честь.

Проехав сотню метров, «ситроен» свернул к портику из серого камня, построенному перед Елисейским дворцом. Здесь несущие вахту

жандармы, также предупрежденные, задержав проезжающие машины, обеспечили ему возможность разворота к удивительно узкой арке. Под приветствия двух республиканских гвардейцев, в белых перчатках, с карабинами в руках стоящих с обеих сторон арки, министр въехал в передний двор.

Перегораживающая дорогу цепь остановила «ситроен», и дежурный инспектор, один из сотрудников Дюкре, заглянул в кабину, кивнув министру. Тот кивнул в ответ. По знаку инспектора цепь упала на землю, «ситроен» переехал через нее. В сотне ярдов высился фасад дворца. Робер, водитель, описал полукруг против часовой стрелки и остановил автомобиль у шести гранитных ступеней, ведущих к парадному входу.

Дверь открыл один из двух привратников, одетых в черные сюртуки. Министр вышел из машины и взбежал по ступенькам. У дверей его приветствовал старший привратник и пригласил за собой. В вестибюле они на мгновение задержались под громадной люстрой, свисающей с потолка на позолоченной цепи: привратник позвонил по телефону, стоящему на мраморном столике слева от двери. Положив трубку, он повернулся к министру, коротко улыбнулся

и неторопливо повел его по устланной ковром левой лестнице. Они поднялись на широкую площадку, доминирующую над вестибюлем, и снова остановились у двери в левой стене. Привратник тихонько постучал. Изнутри донеслось приглушенное: «Войдите». Привратник открыл дверь и отступил в сторону, пропуская министра в Salon des Ordonnances.[23] Едва министр вошел, дверь беззвучно закрылась, и привратник так же неторопливо спустился в вестибюль.

Через высокие, от пола до потолка, окна в дальней стене зала врывались яркие лучи солнца. Одно из них было открыто, и из дворцового парка доносилось воркование дикого голубя. Пышная листва буков и лип полностью скрывала находящиеся в пятистах ярдах от окон Елисейские поля, а шум проезжающих там машин не заглушал даже голубиного воркования. Попадая в выходящие на юг залы Елисейского дворца, Роже Фрей, родившийся и выросший в городе, всегда представлял себе, что находится в каком-нибудь замке, затерянном среди лесов. Президент, он знал, обожал сельскую местность.

В тот день обязанности личного секретаря

---

[23] Примечания: 23
Зал королевских указов.

исполнял полковник Тесьер. Он поднялся из-за стола.

— Господин министр…

— Полковник, — месье Фрей кивнул в сторону закрытых дверей с позолоченными рукоятками. — Меня ждут?

— Конечно, господин министр, — Тесьер пересек зал, постучал, открыл одну из половинок и застыл на пороге.

— Министр внутренних дел, господин президент.

Ему что-то ответили, Тесьер отступил назад, улыбнулся министру, и Роже Фрей прошел мимо него в кабинет Шарля де Голля.

Каждый раз, попадая сюда, он ловил себя на мысли, что кабинет как нельзя лучше подходит его нынешнему хозяину. Три высоких окна, таких же, как в зале, выходили в сад. Одно было открыто, и сквозь него также доносилось голубиное воркование.

Где-то там, под липами и буками, затаились мужчины с автоматами наизготовку, из которых с двадцати шагов они могли попасть в середину пикового туза. Но горе тому, кто оказывался замеченным из окон первого этажа. Меры безопасности приводили президента в ярость,

словно они мешали его уединению. Дюкре выпало нести тяжкий крест. Нет более сложного дела, как охранять человека, который почитал оскорбительными для себя любые формы его защиты.

Слева, у стены с застекленными книжными полками, стоял стол в стиле Людовика XV, а на нем часы, сработанные при Людовике XIV. Пол устилал старинный ковер, сотканный на королевской ковровой фабрике в Шайо в 1615 году. Эта фабрика, как однажды объяснили президенту, раньше выпускала мыло, поэтому такое название закрепилось за изготовляемыми там коврами.

Не было в кабинете ничего вычурного, но обстановка дышала чувством собственного достоинства, отличалась изысканностью вкуса, более того, подчеркивала величие Франции. Все это Роже Фрей в полной мере относил и к мужчине, поднявшемуся из-за стола, чтобы приветствовать его с присущей ему вежливостью.

Министр вспомнил, что Гарольд Кинг, старейшина британских журналистов и единственный из живущих в Париже англосаксов, близкий друг Шарля де Голля, как-то заметил в разговоре с ним, что своими манерами президент скорее принадлежит к восемнадцатому, чем двадцатому веку. И с тех пор, встречаясь с главой государства, Роже

Фрей пытался представить себе, как будут выглядеть те же жесты, если обрядить высокую фигуру в шелк и парчу. Он видел, что слова Кинга не лишены оснований, но цельный образ ускользал от него. Возможно потому, что он не мог забыть тех редких случаев, когда величественный старик, чем-нибудь весьма рассерженный, начинал говорить с членами кабинета министров или с кем-то из приближенных грубым языком солдатских казарм. Вопросы безопасности и досада президента всегда шли рука об руку. Подумав о документе, лежащем у него в брифкейсе, и о требованиях, которые он собирался выставить де Голлю, Фрей едва не повернул назад.

— Мой дорогой Фрей.

Де Голль, в неизменном темно-сером костюме обошел стол, протягивая руку.

— Господин президент, — Фрей почтительно пожал руку де Голля.

По крайней мере, Старик в хорошем настроении, подумал Фрей. Его подвели к одному из двух стульев с высокими спинками, обитых декоративной тканью времен Первой империи, которые стояли перед столом. Шарль де Голль, сыграв роль хозяина, вернулся за стол, сел, откинулся назад, положил руки на полированную

поверхность, ладонями вниз.

— Мне передали, мой дорогой Фрей, что вы хотите видеть меня по срочному делу. Так что вы можете мне сказать?

Роже Фрей глубоко вздохнул и начал. Скупо, без лишних слов он объяснил, что привело его в Елисейский дворец, ибо де Голль не любил длинных речей, кроме собственных, да и те произносил только на публике. В личных беседах он ценил краткость, в чем быстро убедились его наиболее красноречивые приближенные.

Фрей говорил, а мужчина по другую сторону стола отклонялся все дальше назад, лицо его бледнело, а во взгляде появилось изумление, словно слуга, которому он полностью доверял, внезапно принес в кабинет что-то мерзкое и противное. Роже Фрей, однако, знал, что с пяти футов его лицо для президента — расплывчатое белое пятно, так как тот стеснялся своей близорукости и надевал очки, только когда читал.

Министр внутренних дел закончил монолог, уложившись в минуту с небольшим, не забыв сослаться на мнения Роллана и Дюкре.

— Донесение Роллана у меня с собой.

Не говоря ни слова, де Голль протянул руку. Месье Фрей вытащил папку из брифкейса и передал

президенту.

Из нагрудного кармана Шарль де Голль достал очки, надел их, раскрыл папку и углубился в чтение. Голубь перестал ворковать, будто понимая важность момента. Роже Фрей смотрел на деревья, затем перевел взгляд на бронзовую настольную лампу, прекрасное творение Фламбо де Вермея эпохи Реставрации, переделанную под электрическое освещение. За пять лет президентства де Голля она горела не одну тысячу часов: генерал нередко засиживался допоздна за государственными документами.

Де Голль читал быстро. Донесение Роллана он проглотил за три минуты, закрыл папку, сложил на ней руки, посмотрел на министра внутренних дел:

— Ну, мой дорогой Фрей, чего вы от меня хотите?

Вновь Роже Фрей глубоко вздохнул и изложил меры, которые он хотел бы предпринять. Дважды он вставил фразу: «…по моему мнению, господин президент, это необходимо, чтобы предотвратить угрозу». На тридцать третьей секунде он сказал: «…в интересах Франции».

На этом президент прервал его речь, зычный голос повторил последние слова так, как не мог

их произнести ни один француз.

— Интересы Франции, мой дорогой Фрей, заключаются в том, что президент Франции не будет прятаться, испугавшись какого-то жалкого наемника, — он подождал, пока кабинет наполнится презрением к незнакомому убийце, — к тому же, иностранца.

Роже Фрей понял, что проиграл. Генерал не вышел из себя, чего опасался министр. Он заговорил ясно и четко, чтобы его пожелания ни в коем разе не могли быть истолкованы иначе. Отдельные фразы через открытое окно долетали до полковника Тесьера.

— Франция не может согласиться… достоинство и величие, принесенные в жертву жалким угрозам какого-то… какого-то Шакала.

Две минуты спустя Роже Фрей вышел из кабинета. Кивнул полковнику Тесьеру, направился к двери, по лестнице спустился в вестибюль.

«Вот идет человек, озадаченный очень серьезной проблемой, — подумал старший привратник, провожая министра по гранитным ступеням к ожидающему „ситроену“. — Интересно, что же такое сказал ему Старик?»

Но так как он был старшим привратником, лицо его оставалось каменным, как и фасад дворца,

в котором он служил двадцать лет.

* * *

— Нет, так нельзя. Президент высказался по этому поводу совершенно определенно.

Роже Фрей отвернулся от окна и взглянул на человека к которому обращался. По возвращении из Елисейского дворца он сразу же вызвал главу министерского аппарата Александра Сангинетти, корсиканца, еще одного яростного фанатика-голлиста. Занимаясь в последние два года по поручению министра укреплением и реорганизацией органов охраны правопорядка, Сангинетти приобрел известность и неоднозначную репутацию. Французы воспринимали его по-разному, в зависимости от социальной принадлежности и политических симпатий.

Крайне левые ненавидели и боялись его за решительность, с которой он без всяких колебаний объявлял мобилизацию КРС, и жестокость, проявляемую этими полувоенными формированиями численностью в 45 тысяч человек при разгоне уличных демонстраций как левых, так и правых.

Коммунисты называли его фашистом, хотя многие из его методов поддержания общественного порядка напоминали те, что были в ходу в

рабочем раю за железным занавесом. Ненавидели его и правые экстремисты, приводя те же аргументы о подавлении демократии и гражданских свобод, но более всего за ту безжалостную эффективность предложенных им мер, которые позволили предотвратить полный развал системы охраны правопорядка, что могло бы ускорить правый переворот, нацеленный якобы на восстановление того самого порядка.

И общественность в большинстве своем недолюбливала Сангинетти, так как драконовские декреты, выходящие из его кабинета, приводили к осложняющим всем жизнь заграждениям на улицах и проверкам документов на перекрестках. А газеты пестрели фотографиями молодых демонстрантов, избитых в кровь и брошенных на землю громилами из КРС. Пресса уже окрестила его «господином Анти-ОАС» и, если не считать нескольких проголлистских изданий, нещадно критиковала. А он, казалось, и не замечал всеобщей недоброжелательности. Единственный бог, которому он поклонялся, восседал в Елисейском дворце, а он, Александр Сангинетти, в рамках созданной им религии, почитал себя главой Курии.

Сангинетти потряс папкой с донесением Ролана:

— Это же невозможно. Невозможно. Почему он так себя ведет? Мы должны охранять его жизнь, а он не позволяет нам выполнять свой долг. Я мог бы схватить этого человека, этого Шакала. Но вы говорите, что мы не должны принимать никаких контрмер. Что же нам делать? Просто ждать удара? Сидеть сложа руки и ждать?

Министр вздохнул. Другой реакции он не ожидал.

И сел за стол.

— Александр, послушайте. Во-первых, на текущий момент у нас нет еще полной уверенности в том, что Роллан прав. Это его анализ бессвязной речи какого-то Ковальски, который уже умер. Возможно, Роллан ошибся. В Вене ведется расследование. Я связывался с Гибо, он рассчитывает получить результаты сегодня вечером. Но надо признать, начинать уже сейчас национальную охоту за иностранцем, известным нам лишь по кодовому имени, мягко говоря, преждевременно. Тут я не могу не согласиться с президентом. Кроме того, есть его рекомендации, нет, его официальные распоряжения. Я повторю их, чтобы потом у нас не возникло недоразумений. Абсолютная секретность, никаких облав в масштабе всей страны, никто, кроме ограниченной группы по-

священных, ничего не должен знать. Президент чувствует, что, если этот секрет станет достоянием общественности, у прессы будет большой праздник, в других странах вдоволь посмеются над нами, а любые дополнительные меры предосторожности будут истолкованы внутри страны и за рубежом однозначно: президент Франции прячется от одного человека, к тому же иностранца. Этого, я повторяю, он не потерпит. Более того, — министр усилил свои слова, направив на Сангинетти указующий перст, — он ясно дал понять, если пресса даже заикнется о том, что в министерстве внутренних дел что-то затевается, покатятся головы. Поверьте мне, дорогой, я никогда не видел его столь непреклонным.

— Но программу его появлений на публике необходимо изменить, — твердо заявил Сангинетти. — Никаких выступлений, пока мы не поймаем этого человека. Он должен понимать…

— Все останется по-прежнему. Изменений не будет ни на час, ни на минуту. Мы должны действовать в обстановке строжайшей секретности.

Впервые после раскрытия февральского заговора в Военной академии и ареста его участников Александр Сангинеттн почувствовал, что снова оказался в начале пути. В последние два месяца,

несмотря на многочисленные ограбления банков и ювелирных магазинов, он начал тешить себя надеждой, что худшее уже позади. Видя быстрый развал ОАС под совместными ударами агентов Отдела противодействия изнутри и подразделений полиции и КРС снаружи, он истолковал этот всплеск преступности как агонию Секретной армии, стремление ее главарей награбить побольше для безбедной жизни в изгнании.

Но последняя страница донесения начальника Отдела противодействия показала, что анонимность наемного убийцы сводила на нет любые усилия агентов Роллана, хотя некоторые из них заняли весьма важные посты в ОАС. Только три человека, засевшие в римском отеле, знали, кто он такой. Сангинетти отдавал себе отчет и в том, что бесполезными оказались все архивы и досье, заведенные на сторонников ОАС: Шакал был иностранцем.

— Если нам не разрешают действовать, то что же нам делать?

— Я не говорил, что нам не разрешают действовать, — возразил Фрей. — Я сказал, что нам не разрешают действовать открыто. Необходимо обеспечить полную секретность операции. Впрочем, путь у нас один. В глубокой тайне установить

личность убийцы, выследить его, где бы он ни был, во Франции или за рубежом, и уничтожить без малейшего колебания.

* * *

— …и уничтожить без малейшего колебания. Иного, господа, нам не дано.

Роже Фрей оглядел собравшихся в зале заседаний министерства внутренних дел. Четырнадцать человек, включая его самого.

Министр сидел во главе стола. Справа от него — Александр Сангинетти, слева — префект полиции, командующий полицейскими силами Парижа.

За Сангинетти расположились генерал Гибо, начальник СДЭКЭ, полковник Роллан, возглавляющий Отдел противодействия, автор донесения, копии которого лежали перед каждым из присутствующих, комиссар Дюкре из службы охраны президента и Сен-Клер де Вийобон, полковник ВВС, сотрудник аппарата Елисейского дворца, убежденный голлист, хотя в окружении президента бытовало мнение, что свою карьеру он любит ничуть не меньше.

Слева от Мориса Папона, префекта полиции, сидели Морис Гримо, генеральный директор

Сюрте Насьональ, а за ним — пять начальников управлений, составляющих Сюрте.

Хотя романисты часто пишут о том, как Сюрте Насьональ раскрывает преступление за преступлением, на самом деле это не так. Сюрте — немногочисленный координирующий орган, руководящий деятельностью пяти управлений, которые и ведут борьбу с преступностью. Сюрте занимается только административной работой, так же как и Интерпол, функции которого не всегда верно трактуются в книгах. В штате Сюрте нет ни одного детектива.

Рядом с Морисом Гримо сидел Макс Ферне, директор Полис Жюдисер (ПЖ), которому подчинялась вся полиция Франции. Помимо огромного управления на набережной Орфевр, значительно превосходящего по численности персонал Сюрте, занимающей дом 4 по улице Соссэ, за углом от министерства внутренних дел, в Полис Жюдисер входят семнадцать региональных штаб-квартир, по одной в каждом из семнадцати полицейских районов Франции. Региональные штаб-квартиры руководят подразделениями городской полиции. Всего их 453: 74 центральных комиссариата, 253 окружных комиссариата и 126 полицейских постов. Вся сеть охватывает две тысячи городов

и деревень Франции. В сельской местности и на автострадах закон и порядок обеспечивают Жандармери Насьональ и дорожная полиция, Жандарм Мобиль. Во многих районах для большей эффективности жандармы и полицейские работают в одном здании. В 1963 году под командой Макса Ферне в Полис Жюдисер состояло более 20 тысяч человек.

Сидевшие по левую руку от Ферне четыре человека возглавляли следующие управления Сюрте: Бюро де Секюрите Пюблик (БСП), Рансенман Женере (РЖ), Дирексьон де ла Сюрвеянс дю Территуар (ДСТ) и Корп Репюбликен де Секгорите (КРС).

Первое из них, БСП, занималось главным образом защитой домов, коммуникаций, дорог и прочей государственной собственности от саботажа и диверсий. Второе, РЖ, или Центральное архивное управление, являлось банком памяти остальных четырех. Гигантские хранилища вобрали в себя 4 миллиона 500 тысяч досье на тех, кто попал в поле зрения полицейских сил Франции с момента их сформирования. Досье занимали полки, длина которых составляла пять или шесть миль, классифицированные как по алфавиту, так и по видам правонарушений. Досье

заводились как на преступников, так и на подозреваемых. Сохранялись фамилии свидетелей на суде и подсудимых, признанных невиновными. Даже не имея компьютеров, архивариусы гордились тем, что за несколько минут могли найти подробности дела десятилетней давности, связанного с поджогом дома в маленькой деревне, или имена свидетелей малозначительного судебного процесса, которому в свое время даже не нашлось места в газете.

Помимо досье, в РЖ хранились все отпечатки пальцев, когда-либо снятые во Франции, включая те, что так и не были идентифицированы. Сюда же стекались и регистрационные бланки, общее число которых достигало 10 миллионов 500 тысяч, в том числе въездные карточки, которые заполнял каждый турист, ступая на территорию Франции, и гостевые карточки, заполняемые теми, кто останавливался во французских отелях вне Парижа. Из-за нехватки помещений эти карточки уничтожались после относительно коротких сроков хранения, чтобы освободить место для новых, поступающих каждый день.

Из регистрационных бланков, заполняемых во Франции, в РЖ не поступали только гостевые карточки из отелей Парижа. Их отправляли в

префектуру полиции на бульваре Палэ.

ДСТ, руководитель которого сидел через два стула от Ферне, ведает вопросами контрразведки, а также несет охрану аэровокзалов, морских портов и границ. Прежде чем оказаться в архиве, въездные карточки прибывающих во Францию проверяются сотрудниками ДСТ на контрольно-пропускных пунктах, чтобы не допустить в страну нежелательных лиц.

Последним сидел командир КРС, полувоенных формирований общей численностью 45 тысяч человек, которые в последние два года активно использовались Сангинетти, снискав себе недобрую славу.

Командир КРС сидел на углу, в пол-оборота к министру. Между ним и Сен-Клером в торце стола стоял еще один стул. Его занимал крупный мужчина, куривший трубку, дым которой явно раздражал утонченного полковника. Это был комиссар Морис Бувье, возглавлявший бригаду сыскной полиции ПЖ. Макс Ферне привел его с собой по просьбе министра.

— Такова сложившаяся ситуация, господа, — подвел итог министр. — Вы все прочитали донесение полковника Роллана, что лежит перед вами. А теперь вы услышали от меня об условиях,

которые выставил президент, руководствуясь заботой о достоинстве Франции. Мы обязаны их выполнить и предотвратить при этом попытку покушения на его жизнь. Я повторяюсь, но поиск убийцы должен проводиться в строжайшей тайне. Нет нужды напоминать, что, кроме присутствующих, вы ни с кем не должны обсуждать подробности операции, если только мы не сочтем необходимым расширить наш круг. Я собрал вас всех у себя, так как мне представляется, что, какой бы путь мы ни избрали, рано или поздно нам придется задействовать все управления, и вы, их руководители, должны осознать важность и срочность этого дела. Заниматься им должны вы сами, ничего не перекладывая на подчиненных, за исключением поручений, не раскрывающих сути операции.

Министр вновь выдержал паузу. Кто-то из сидящих за столом кивнул, другие смотрели на оратора или на копию донесения Роллана. Лишь комиссар Бувье в дальнем конце стола разглядывал потолок, выпуская из уголка рта клубы дыма. Полковник авиации морщился при каждом выдохе комиссара.

— Сейчас мне хотелось бы услышать ваши предложения. Полковник Роллан, вам удалось

что-нибудь выяснить в Вене?

Начальник Отдела противодействия оторвался от своего же донесения, искоса взглянул на генерала, возглавляющего СДЭКЭ, но не увидел ни поощряющего кивка, ни нахмуренных бровей.

Генерал Гибо, помня о том, что провел полдня, успокаивая начальника бюро R3, венское отделение которого использовал Роллан для получения нужной информации, смотрел прямо перед собой.

— Да. Сегодня утром и днем наши агенты посетили пансион Клейста на Брукнералле. Они принесли с собой фотографии Марка Родина, Рене Монклера и Андре Кассона. Переправить им фотографию Виктора Ковальски, которой не было в венском отделении, мы не успели. Портье заявил, что он узнает по крайней мере двоих, но не помнит, когда они останавливались в пансионе. За деньги он согласился просмотреть книгу регистрации за период с 12 по 18 июня, то есть перед тем, как три главаря ОАС поселились в Риме. Тут он вспомнил, что на одной фотографии изображен герр Шульц. Под этой фамилией Марк Родин снял комнату в пансионе 15 июня. Портье добавил, что днем у него была деловая встреча, а утром следующего дня он уехал. Шульц при-

был в сопровождении мрачного вида здоровяка, поэтому портье его и запомнил. Утром к нему приехали двое мужчин, с которыми он совещался до позднего вечера. Возможно, Кассон и Монклер. Полной уверенности у портье нет, но вроде бы он видел одного из тех, кто изображен на двух других фотографиях. Портье говорит, что они все время оставались в комнате, лишь однажды Шульц и этот гигант, как он назвал Ковальски, отлучились на полчаса. Они не заказывали еду в номер и сами не спускались в ресторан.

— Их посетил пятый мужчина? — нетерпеливо спросил Сангинетти.

Роллан, однако, продолжил доклад в той же неторопливой манере:

— Вечером к ним приехал еще один мужчина. Портье обратил на него внимание, потому что тот, войдя в вестибюль, быстро направился к лестнице. Портье даже не успел рассмотреть его, но решил, что это кто-то из постояльцев, не сдавших ключ. Он заметил лишь нижнюю часть пальто. Несколько секунд спустя мужчина вернулся. Портье уверен, что это был тот самый мужчина, потому что запомнил пальто. Мужчина попросил портье соединить его с комнатой Шульца, номер 64. Произнес несколько слов по-французски, по-

ложил трубку и вновь поднялся по ступенькам. Провел наверху какое-то время, затем ушел, не сказав портье ни слова. Шульц и трое других остались в отеле на ночь и уехали после завтрака. О ночном госте портье смог сказать следующее: высокий, неопределенного возраста, черты лица правильные, но глаза и скулы скрывали большие черные очки, бегло говорит по-французски, светлые, довольно длинные волосы зачесаны назад.

— Нельзя ли привезти сюда этого человека, чтобы он помог нам составить фоторобот блондина? — спросил Папон, префект полиции.

Роллан покачал головой.

— Мои… наши агенты выдавали себя за австрийских детективов. К счастью, один из них мог сойти за венца. Но этот маскарад нельзя продолжать до бесконечности. Портье пришлось допросить прямо в пансионе.

— Но мы должны получить более точные приметы, — подал голос глава архивного управления. — Никаких фамилий не упоминалось?

— Нет, — покачал головой Роллан. — Я пересказал вам все, что удалось выяснить в ходе трехчасового допроса. Каждый вопрос задавался неоднократно. Больше он ничего не вспомнил. Не так уж мало, даже без фоторобота.

— Нельзя ли выкрасть его, как Арго, чтобы он помог составить фоторобот здесь, в Париже? — осведомился полковник Сен-Клер.

— Нет, — вмешался министр, — это отпадает. Министерство иностранных дел ФРГ до сих пор в ярости из-за похищения Арго. Такое допустимо только один раз, но не более того.

— Но едва ли исчезновение портье наделает столько шума, как похищение Арго. — поддержал полковника начальник ДСТ.

— А есть ли в этом смысл? — подал голос Макс Ферне. — От фоторобота человека в очках на поллица едва ли будет прок. Да и как можно ручаться за память портье, который видел этого мужчину не более двадцати секунд два месяца назад? Скорее всего, такой фоторобот уведет нас в сторону.

— Значит, кроме Ковальски, который уже умер и рассказал все, что знал, а знал он самую малость, осталось только четыре человека, кому известно, кто такой Шакал, — вставил комиссар Дюкре. — Один из них — он сам, остальные трое находятся в римском отеле. Нельзя ли попытаться вытащить кого-нибудь из троих сюда?

Вновь министр покачал головой:

— На этот счет я получил самые четкие указания. Никаких похищений. Итальянское пра-

вительство обезумеет, если такое произойдет в нескольких ярдах от улицы Кондотти. Кроме того, я сомневаюсь в практической осуществимости вашего предложения. Генерал?

Генерал Гибо оглядел присутствующих:

— Согласно донесениям моих агентов, ведущих постоянное наблюдение за отелем, Родин и оба его прихвостня столь надежно защищены, что похищение едва ли возможно. При них восемь отборных экс-легионеров, семь, если Ковальски еще не нашли замену. Лифт, лестницы, включая и пожарную, крыша охраняются. Чтобы взять одного из них живым, придется применить оружие, не только пистолеты, но гранаты со слезоточивым газом и автоматы. Даже если мы справимся с охраной, шансы вывезти пленника во Францию, до границы которой пятьсот миль, с разъяренными итальянцами на хвосте близки к нулю. У нас есть превосходные, возможно, лучшие в мире специалисты по подобным делам. Они пришли к выводу, что, по существу, это будет боевая операция командос.

В комнате повисла тишина.

— Ну, господа, есть еще предложения? — настаивал министр.

— Шакала нужно найти. Это совершенно оче-

видно, — ответил Сен-Клер.

Некоторые из присутствующих обменялись взглядами, кое у кого удивленно поднялись брови.

— Разумеется, очевидно, — пробормотал министр. — Мы и пытаемся найти путь, который позволит нам это сделать, с учетом выставленных условий, и, исходя из этого, мы должны решить, какое из управлений, главы которых здесь присутствуют, наиболее подготовлено для выполнения этого весьма непростого задания.

— Даже если вам не удастся найти такое управление, — важно заявил Сен-Клер, — у президента всегда есть последняя надежда — его личная охрана и аппарат. Мы выполним свой долг, заверяю вас в этом.

Некоторые сидящие за столом профессионалы даже закрыли глаза. Комиссар Дюкре бросил на полковника убийственный взгляд.

— Разве он не знает, что Старик не слушает? — прошептал Гибо Роллану, не разжимая губ.

Роже Фрей поднял глаза на представителя Елисейского дворца и ответной речью доказал, что он не зря занимает министерское кресло.

— Полковник Сен-Клер абсолютно прав, — промурлыкал он. — Мы все должны выполнять свой

долг. И я уверен, что полковник полностью отдает себе отчет в том, что кто-то из нас, беря на себя ответственность за предотвращение покушения и не справившись с этим или даже воспользовавшись методами, которые, вопреки желанию президента, привлекут к этой операции внимание общественности, рискует тем, что все кары обрушатся на него.

Полковник побледнел, в его глазах мелькнула тревога.

— Нам всем известны те ограниченные возможности, которыми располагает служба охраны президента, — добавил Дюкре. — Мы несем дежурство в непосредственной близости от него. Проведение такого расследования помешает нам выполнять наши прямые обязанности.

Никто ему не возразил, ибо все понимали, что Дюкре прав. Но никто и не хотел, чтобы выбор министра пал на кого-то из них.

Роже Фрей оглядел стол и остановил свой взор на комиссаре Бувье, дымящем как паровоз.

— А что вы об этом думаете, Бувье? Вы еще не выступали, не так ли?

Детектив вынул трубку изо рта, выпустив последний клуб дыма в лицо повернувшемуся к нему полковнику Сен-Клеру. Заговорил не спеша,

словно излагая простые и очевидные истины:

— Мне представляется, господин министр, что СДЭКЭ не может найти этого человека через своих агентов в ОАС, потому что в ОАС не знают, кто он такой. И Отдел противодействия не может уничтожить его, потому что не знает, кого надо уничтожать. ДСТ не может остановить его на границе, потому что не знает, кого останавливать. РЖ не может дать нам необходимую информацию, потому что понятия не имеет, какие документы нам нужны. Полиция не может арестовать его, потому что не представляет, кого арестовывать. КРС не может устроить на него облаву, потому что нельзя ловить незнамо кого. Вся структура сил безопасности Франции бессильна перед человеком, у которого нет фамилии. Поэтому мне кажется, что наша первейшая задача, без решения которой все наши усилия будут тщетны, дать этому человеку фамилию. За фамилией последует лицо, за лицом — паспорт, за паспортом — арест. А выяснить фамилию, причем в условиях строжайшей секретности, может только детектив.

И замолчал, сунув чубук меж зубов. Сидящие за столом медленно переварили его слова. И не нашли изъяна в логике его рассуждений. Санги-

нетти даже кивнул.

— И кто, комиссар, лучший детектив Франции? — спросил министр.

Бувье задумался на несколько секунд, не выпуская трубки изо рта.

— Лучший детектив Франции, господа, мой заместитель, комиссар Клод Лебель.

— Пригласите его сюда, — приказал министр внутренних дел.

Часть вторая
Анатомия охоты

Глава 10

Час спустя Клод Лебель вышел из зала заседаний, ошеломленный и озадаченный. Пятьдесят минут он слушал министра внутренних дел, который ввел его в курс дела и разъяснил, что от него требуется.

Пришедшему комиссару пришлось втиснуться между командиром КРС и своим начальником, комиссаром Бувье. В полной тишине, под взглядами четырнадцати человек, он прочитал донесение Роллана.

Едва он положил документ на стол, в его душе зародилась тревога. Зачем его позвали? И тут же заговорил министр. От него не требовалось консультации или совета. Ему просто поручили новое дело, оговорив условия работы. Он сам подбирает людей, получает доступ к любой необходимой ему информации, все ресурсы государственных учреждений, главы которых сидят за этим столом, передаются в его полное распоряжение. Ему предоставляется неограниченный денежный кредит.

Несколько раз упоминалось требование президента о сохранении тайны. Лебель слушал

с упавшим сердцем. Они просят, нет, требуют невозможного. С чего начинать расследование? Преступление еще не совершено. Зацепиться не за что. Свидетелей нет, кроме троих, допросить которых нельзя. Есть только имя, кодовое имя, и весь мир, открытый для поисков.

Клод Лебель знал, что считается хорошим полицейским. Он всегда был таковым, неторопливый, аккуратный, методичный, не чурающийся кропотливой работы. Но иногда на него нисходило вдохновение, превращая хорошего полицейского в превосходного детектива. Но он не забывал о том, что в работе полиции девяносто процентов усилий затрачивается на рутинные, зачастую бесполезные расспросы, проверки и перепроверки, методичное плетение паутины из отдельных частей, пока части не станут целым, а целое — сетью, которая накроет преступника. И судебный процесс не только попадет на страницы газет, но и завершится обвинительным приговором.

В ПЖ его считали трудягой, он ненавидел рекламу и не устраивал пресс-конференции, столь любимые некоторыми из его коллег, делающих карьеру журналистскими перьями. Он же уверенно поднимался по служебной лестнице, находя преступников и добиваясь их осуждения. Когда

три года назад освободилось место начальника Отдела убийств, даже другие претенденты на эту должность признали, что Лебель получил ее по заслугам. У него был прекрасный послужной список, и за три года он ни разу не арестовал человека без достаточных на то оснований, хотя однажды суд оправдал обвиняемого по формальным причинам.

Как глава Отдела убийств, он стал чаще попадаться на глаза Морису Бувье, начальнику Бригады сыскной полиции, придерживающегося тех же старомодных методов, что и Лебель. Поэтому, когда несколько недель назад внезапно скончался Ипполит Дюпуи, именно по рекомендации Бувье Клод Лебель занял место усопшего. Злые языки в ПЖ поговаривали, что Бувье, отягощенный административной работой, искал заместителя, который бы скромно вел дела, оставляя славу начальнику. Но, возможно, они просто завидовали.

После заседания все копии донесения Роллана министр запер в сейф. Лишь Лебель получил в свое распоряжение копию Бувье. К министру он обратился с единственной просьбой: разрешить ему, строго конфиденциально, связаться с руководителями полицейских служб некоторых

европейских стран, в архивах которых могли храниться сведения о профессиональных убийцах. Без сотрудничества с ними, указал он, невозможно начинать поиски.

Сангинетти спросил, можно ли рассчитывать на то, что эти люди будут держать язык за зубами. Лебель ответил, что лично знает всех, к кому хочет обратиться, его запрос будет неофициальным и не попадет ни в какие бумаги. И добавил, что подобные контакты между высшими чинами полиции западноевропейских стран скорее правило, чем исключение. После некоторых колебаний министр признал, что просьба уместна, и разрешение было получено.

И теперь он стоял в холле, ожидая Бувье. Участники заседания проходили мимо, кто сухо кивал, кто сочувственно улыбался. Едва ли не последним, в зале остались только о чем-то тихо беседующие Бувье и Макс Ферне, вышел аристократического вида полковник. Лебель запомнил его имя, когда ему представляли сидевших за столом, Сен-Клер да Вийобон. Он остановился перед низкорослым толстячком-комиссаром и оглядел его с плохо скрываемой неприязнью.

— Я надеюсь, комиссар, что вы успешно завершите ваше расследование, и достаточно

быстро. Мы во дворце будем пристально следить за прогрессом в ваших действиях. Если же вы не сможете найти бандита, я гарантирую вам, ждите… неприятностей.

Полковник повернулся и зашагал к лестнице. Лебель промолчал и лишь несколько раз быстро мигнул.

Одной из составляющих успеха Клода Лебеля в раскрытии преступлений, чем он занимался чуть ли не двадцать лет, с тех пор как юным детективом вступил в Нормандии в полицию Четвертой республики, являлась его способность расположить к себе людей. Простой люд, робкий и смиренный, обычно пугающийся от одного вида полицейского, делился с ним своими мыслями и подозрениями. Причина заключалась в том, что он казался им таким же беспомощным, раздавленным и растоптанным этим жестоким миром, как и они сами.

Ему недоставало могучей фигуры Бувье, традиционного символа власти и закона. Не умел он сыпать учеными словечками, как детективы нового поколения, зачастую доводившие свидетелей до слез. Но Лебель не жалел об этом.

Он хорошо усвоил, что большинство преступлений в любом обществе совершается или против

маленького человека, или на его глазах: лавочника, продавца, почтальона, банковского клерка, коммивояжера. И он знал, что эти люди всегда поделятся с ним тем, что им известно.

Этому, возможно, способствовала его внешность. Небольшого роста, он более всего напоминал карикатурный образ мужа, находящегося под каблуком у жены, что и соответствовало действительности, хотя никто на службе об этом не подозревал.

Одевался он безвкусно, ходил в мятом костюме и макинтоше. Разговаривал с людьми мягко, даже с извиняющимися нотками, и его вопросы, обращенные к свидетелю, по тону столь резко отличались от задававшихся тому при первой встрече с законом, что он сразу проникался доверием к детективу и видел в нем защиту от грубости его подчиненных.

Помимо умения добиваться расположения свидетелей, Клод Лебель обладал и другими достоинствами, иначе он не возглавил бы Отдел убийств самой мощной уголовной полиции Европы. А всего он проработал на набережной Орфевр после реорганизации Полис Жюдисер десять лет. За обликом простачка скрывался острый ум и твердая решимость доводить начатое дело до

конца. Ему не раз угрожали главари различных банд. Им казалось, что быстрое помаргивание, которым Лебель отвечал на их слова, указывало на то, что он внял предупреждению. Лишь потом, очутившись в тюремной камере, им приходилось признать, что они недооценили эти добрые карие глаза и усы щеточкой.

Дважды ему пришлось нарушить покой богатых и влиятельных людей. Первый раз, когда крупный промышленник решил засадить за решетку младшего бухгалтера, который не так посмотрел на аудитора, обвинив его в хищении денег. Второй, когда один из столпов светского общества убеждал его закрыть дело молодой актрисы, умершей от чрезмерной дозы наркотиков.

В первом случае расследование дел промышленника выявило куда более крупные финансовые нарушения, не имеющие никакого отношения к младшему бухгалтеру, и промышленник счел за благо выехать в Швейцарию, едва ему представилась такая возможность. Во втором — светский лев на долгий срок перешел на государственное довольствие, чтобы на досуге поразмыслить над тем, что организация сбыта наркотиков никого не доводит до добра, даже

тех, кто живет в особняках на проспекте Виктора Гюго.

И на слова полковника Сен-Клера Клод Лебель отреагировал миганием нашкодившего школьника и молчанием.

Наконец из зала вышли Бувье и Макс Ферне. Последний пожелал ему удачи, пожал руку и быстро сбежал по ступеням. Бувье обнял Лебеля за плечи.

— Да, дорогой Клод, такие вот дела. Это я предложил, чтобы ПЖ взяла расследование в свои руки. Иного выхода я не вижу. Остальные до конца света ходили бы кругами. Пойдем поговорим в машине, — и он увлек Лебеля к ожидающему внизу «ситроену».

Часы показывали девять пятнадцать, и лиловые сумерки окутали город. С проспекта Мариньи машина выехала на площадь Клемансо. Лебель повернулся направо, глянул на залитые светом Елисейские поля, великолепие которых в летнюю ночь никогда не оставляло его равнодушным с тех пор, как десять лет назад он приехал в Париж из провинции.

— Вы должны сдать все текущие дела. Полностью развяжите себе руки. Я передам их Малькосту и Фавье. Вам нужен новый кабинет

для работы?

— Нет, я предпочел бы остаться в прежнем.

— Хорошо. С этого момента он становится штаб-квартирой операции «Найти Шакала». Больше ничего? Точно? А может, вам нужен помощник?

— Да. Карон, — Лебель назвал одного из молодых детективов, с которым работал в Отделе убийств. Став заместителем Бувье, он взял его в свой штат.

— Хорошо. Карон ваш. Кто-нибудь еще?

— Нет, благодарю. Но Карон должен знать обо всем.

Бувье задумался.

— Пожалуй, что да. Они не должны рассчитывать на чудо. Помощник вам необходим. Но ничего не говорите ему час или два. Я позвоню Фрею и попрошу официального разрешения. Но только Карон. Иначе через два дня репортеры пронюхают о наших делах.

— Только Карон, — кивнул Лебель.

— Отлично. И последнее. Перед тем, как мы разошлись, Сангинетти предложил, чтобы все присутствующие через регулярные интервалы получали информацию о ходе расследования. Фрей согласился. Ферне и я пытались возражать, но нас не поддержали. Так что теперь каждый

вечер вы будете докладывать нам о сделанном за день. Ровно в десять.

— О боже, — вырвалось у Лебеля.

— Теоретически, — с иронией продолжил Бувье, — эти встречи нужны, чтобы мы могли помочь вам советом и делом. Не волнуйтесь, Клод, мы с Ферне вам поможем, если волки начнут клацать зубами.

— И так каждый день? — спросил Лебель.

— Боюсь, что да. С этим-то ладно, мы не знаем, сколько нам отпущено времени. Вы должны поймать убийцу до того, как он доберется до Le grand Шарля. Мы не знаем, есть ли у него план и в чем его суть. Он может ударить завтра, а может и через месяц. Придется трудиться не покладая рук, пока мы не поймаем его, по крайней мере, не уясним, кто он такой и где находится. А уж потом им, я думаю, займется Отдел противодействия.

— Бандиты, — пробормотал Лебель.

— Несомненно, — легко согласился Бувье, — но у них есть свои плюсы. От того, что происходит сегодня, волосы встают дыбом. Мало нам разгула обычной преступности, так появляется преступность политическая. И решать некоторые вопросы просто необходимо. Они их и решают. А мы, мы постараемся найти этого Шакала, а?

Машина свернула на набережную Орфевр, въехала в ворота дома 36. Десять минут спустя Клод Лебель поднялся в свой кабинет. Подошел к окну, открыл его, поглядел на набережную Гранд Огюстен на левом берегу. Хотя его отделяла от набережной узкая полоска Сены, огибающей в этом месте Иль де ла Сите, он видел людей, сидящих за ресторанными столиками, слышал смех и звяканье бутылок с вином о стаканы.

Будь у него другой характер, он мог бы подумать о том, что власть, данная ему в последние пятьдесят минут, превратила его в самого могущественного полицейского Европы. Что никто, кроме президента и министра внутренних дел, не мог наложить вето на его приказы. Что он мог мобилизовать армию, если б удалось сделать это в глубокой тайне. Ему могло бы прийти в голову, что обретенное им могущество прежде всего зависит от успеха порученного ему дела. Если оно завершится удачно, его увенчают лавровым венком победителя, если нет, сотрут в порошок, как и предупреждал Сен-Клер де Вийобон.

Но в силу своего характера он думал совсем о другом: как объяснить по телефону Амелии, что он не знает, когда придет домой.

В дверь постучали.

Инспекторы Малькост и Фавье пришли, чтобы забрать четыре досье, над которыми он работал, когда его вызвали в Министерство внутренних дел. Полчаса он провел с Малькостом, которому передал два из них, полчаса — с Фавье, получившим два оставшихся.

Когда они отбыли, Лебель тяжело вздохнул. В дверь снова постучали. На этот раз — Люсьен Карон.

— Мне только что позвонил комиссар Бувье, — начал он, — И велел явиться к вам.

— Совершенно верно. До последующего распоряжения с меня сняли всю текучку к поручили провести весьма необычное расследование. Вы назначены моим помощником.

Он не стал говорить Карону, что теперь молодой инспектор будет его правой рукой. Зазвонил телефон, Лебель снял трубку, послушал, положил ее на рычаг.

— Это Бувье. Мне разрешено рассказать вам обо всем. Для начала прочтите вот это.

Пока Карон, сидя перед Лебелем, читал донесение Роллана, тот собрал все оставшиеся на столе папки и отдельные листы бумаги и уложил их на полки. Его кабинет ничем не напоминал мозговой центр крупнейшей в истории Франции

охоты на человека, но кабинеты полицейских еще никого не впечатляли.

Комната двенадцать на четырнадцать футов, два окна в южной стене, выходящие на Латинский квартал у бульвара Сен-Мишель. В одно из них, открытое, вплывали звуки парижской ночи и теплый воздух. Два стола, Лебеля, который сидел спиной к окнам, и секретаря, у восточной стены. Дверь напротив окон.

Помимо двух столов и стульев за ними, еще один стул с высокой спинкой, кресло у двери, шесть серых картотечных шкафов, стоящих впритык друг к другу у западной стены, на них — своды законов и книги по юриспруденции. Полки для книг между окнами, забитые альманахами и журналами.

О доме напоминали фотографии на столе Лебеля: полной, решительного вида женщины, мадам Амелии Лебель, двух детей, девчушки в очках в железной оправе и мальчика с такими же добрыми глазами, как у отца.

Карон закрыл папку и посмотрел на Лебеля:

— Дерьмо.

— Скорее, большая куча дерьма, — ответил Лебель, который редко позволял себе подобные выражения.

Большинство старших комиссаров получали прозвища у своих сотрудников вроде Патрона или Старика. Клод Лебель, возможно потому, что никогда не пил больше одной рюмки ликера, не курил, не ругался и более всего напоминал молодым детективам их школьных учителей, удостоился у них звания Профессор. Если б не его успехи в раскрытии преступлений, он мог стать всеобщим посмешищем.

— Тем не менее, — продолжил Лебель, — дозвольте мне ввести вас в курс дела. Другого случая может и не представиться.

Тридцать минут он рассказывал Карону о событиях прошедшего дня, от визита Роже Фрея к президенту до заседания в министерстве, своем срочном вызове туда по рекомендации Бувье и принятом решении, согласно которому этот кабинет становился штаб-квартирой охоты на Шакала. Карон слушал, не прерывая комиссара.

— Мой бог, — покачал он головой, когда Лебель закончил, — они загнали вас в угол. — В его взгляде смешались сочувствие и тревога. — Мой комиссар, они поручили вам это дело, потому что за него не брался никто другой. Вы знаете, что они с вами сделают, если вы не поймаете этого человека?

Лебель кивнул:

— Да, Люсьен, знаю. Но что я могу? Мне поручили эту работу. Остается только выполнять приказ.

— Но с чего мы начнем?

— Мы начнем с осознания того, что никогда еще двое полицейских во Франции не получали таких полномочий. Воспользуемся этим. Для начала садитесь за тот стол. Возьмите блокнот и запишите следующее. Моего секретаря перевести в другое место или отправить в оплачиваемый отпуск. Никто не должен знать, чем мы занимаемся. Вы становитесь моим помощником и секретарем одновременно. Возьмите на складе раскладушку, простыни, подушки, умывальные и бритвенные принадлежности. Пусть пришлют и установят кофеварку, из столовой принесите сахар и молоко. Нам придется пить много кофе. Пойдите на коммутатор и скажите им, что десять номеров и один телефонист должны постоянно находиться в нашем распоряжении. Если возникнут возражения, сошлитесь на Бувье. Если от меня поступят другие просьбы, касающиеся технического оснащения, идите к начальнику соответствующего отдела и называйте мою фамилию. К счастью, все указания из этого кабинета

будут выполняться в первую очередь. Подготовьте за моей подписью служебную записку всем начальникам управлений, присутствовавшим на совещании у министра. Отметьте в ней, что вы — мой единственный помощник и имеете право получить у них то, о чем я попросил бы сам, если б не был занят. Записали?

Карон поставил точку после последней фразы и поднял голову:

— Да, шеф, все это я успею сделать еще сегодня. С чего мне начинать?

— С коммутатора. Мне нужен хороший телефонист, лучший из тех, кто у них есть. Позвоните начальнику административного отдела домой, вновь сошлитесь на Бувье.

— Хорошо. Что они должны сделать для нас в первую очередь?

— Я хочу, чтобы они связали вас с руководителями Отделов убийств полицейских управлений семи стран. Практически всех я знаю лично по совещаниям в Интерполе. Если я не знаком с начальником, то наверняка встречался с заместителем. Так что свяжитесь с одним их них. Теперь страны: США, вам нужен начальник Офис оф Дэместик Интеллидженс (ОДИ) в Вашингтоне; Британия, заместитель комиссара по вопросам

преступности, Скотленд-ярд; Бельгия, Голландия, Италия, Западная Германия, Южная Африка. Разыщите их дома или на работе. Когда вы их найдете, договоритесь с каждым о телефонном разговоре из пункта связи Интерпола. Я хочу поговорить со всеми между семью и десятью часами утра. Интервал между разговорами — двадцать минут. Говорить мы должны тет-а-тет, нас никто не должен подслушивать, придется воспользоваться УВЧ-диапазоном. Объясните им: все, что я собираюсь сказать, предназначено лишь для их ушей и очень важно не только для Франции, но и для других стран. К шести утра список должен быть у меня. Укажите последовательность и точное время каждого разговора.

Карон, слегка ошалевший, вновь поднял голову. Он исписал уже несколько страниц.

— Хорошо, шеф, я все понял. Пожалуй, пора приниматься за работу, — и он потянулся к телефону.

Клод Лебель вышел из кабинета и направился к лестнице.

В этот самый момент часы на Нотр-Дам пробили полночь. Франция вступила в утро 12 августа.

Глава 11

Полковник Рауль Сен-Клер де Вийобон приехал домой перед самой полуночью. До этого он потратил три часа, готовя отчет о вечернем заседании в министерстве внутренних дел, чтобы генеральный секретарь Елисейского дворца мог прочитать его уже утром.

Отчет он писал с особой тщательностью, разорвал два первых варианта и остановился лишь на третьем, который сам и перепечатал. Трата времени на столь неквалифицированный труд раздражала его, да и печатать он не умел, но машинистка не должна знать, о чем шла речь на совещании. Этот аспект, естественно, нашел отражение в отчете. Кроме того, он надеялся, что генеральный секретарь, найдя отчет у себя на столе в столь ранний час, обязательно отметит его оперативность. А уж при удаче отчет тем же утром мог оказаться и у президента, что также не пошло бы ему во вред.

Пристальное внимание он уделил подбору ключевых фраз. Ему хотелось создать впечатление, что автор отчета с определенным скепсисом относится к решению передать столь важное рас-

следование, от которого зависела безопасность главы государства, в руки какого-то комиссара полиции, привыкшего иметь дело с мелкими преступниками, невеликого ума и таланта.

Но прямого недоверия он не высказывал, ибо Лебель мог и найти наемного убийцу. Если бы комиссару это не удалось, Сен-Клер мог ударить себя в грудь и заявить, что с самого начала предполагал подобный исход. Более того, ему не понравился и Лебель. Обыкновенный маленький человечек, решил он про себя. Но написал: «…безусловно, с безупречным послужным списком».

Размышляя над первыми двумя вариантами, он пришел к выводу, что в данный момент ему едва ли выгодно высказывать резко отрицательное отношение к назначению Лебеля, так как этим он противопоставил бы себя остальным участникам совещания. К тому же для несогласия требовались конкретные причины. С другой стороны, он решил пристально следить за ходом расследования, чтобы, представляя секретариат президента, первым указать на допущенные упущения, если таковые будут иметь место.

Он как раз думал о том, как получать информацию о действиях Лебеля, когда позвонил Сангинетти. Он сообщил, что министр принял

решение ежедневно, в десять вечера, проводить совещание, на котором Лебель будет докладывать обо всем, что удалось сделать за день. Новость обрадовала Сен-Клера. Стоявшая перед ним проблема разрешилась сама собой. За день он мог подготовить важные вопросы, имеющие прямое отношение к расследованию, и, задав их, по крайней мере показать остальным, что секретариат президента не забывает о серьезности ситуации и ищет скорейший выход из создавшегося положения.

Лично он считал, что шансы убийцы, если таковой и существует на самом деле, невелики. Президента окружал мощнейший заслон, о чем он знал не понаслышке, так как часть его работы в секретариате состояла в организации публичных выступлений президента и определении маршрутов следования туда и обратно. Он не верил, что какой-то иностранец сможет преодолеть окружающие президента оборонительные редуты.

Он открыл входную дверь квартиры и услышал голос своей новой любовницы, донесшийся из спальни.

— Это ты, дорогой?

— Да, малышка. Разумеется, это я. Тебе оди-

ноко?

Она выбежала из спальни в отделанной кружевами прозрачной черной ночной рубашке, не доходящей до колен. На фоне дверного проема в рассеянном свете лампы на столике у кровати четко вырисовывались контуры ее фигуры. Как обычно, при взгляде на новую любовницу Рауля Сен-Клера охватило чувство глубокой удовлетворенности. Еще бы, такая женщина принадлежит ему и так крепко его любит.

Она бросилась ему на грудь, поцеловала в губы. Сен-Клер также попытался обнять ее, не выпуская из рук брифкейса и вечерней газеты.

— Иди ложись, — улыбнулся он, едва Жаклин оторвалась от него. — Сейчас я приду к тебе, — и легонько шлепнул ее по попке.

Женщина вернулась в спальню, бросилась на кровать, разметав ноги, заложив руки за голову, выпятив грудь.

Сен-Клер, войдя следом, с удовольствием оглядел ее. Она сладострастно улыбнулась в ответ.

За полмесяца их сожительства Жаклин поняла, что ее партнера можно возбудить только откровенной вульгарностью и похотливостью. Она ненавидела Сен-Клера ничуть не меньше, чем в день их первой встречи, но успела узнать, что

недостаток потенции он восполнял красноречием, особенно рассуждениями о важности той роли, которую он играет в делах Елисейского дворца.

— Скорей, — прошептала она. — Я тебя хочу.

Сен-Клер радостно улыбнулся, снял туфли, поставил их у вешалки. Повесил пиджак, выложил содержимое карманов на туалетный столик, снял брюки. Его длинные тощие ноги торчали из-под подола рубашки, словно белые вязальные спицы.

— Что тебя так задержало? — спросила Жаклин. — Я ждала целую вечность.

Сен-Клер важно покачал головой.

— Ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать.

— У, какой ты злой, — она повернулась на бок, лицом от него.

Развязывая узел галстука, он не отрывал глаз от каштановых волос, рассыпавшихся по плечам, полных бедер, которые уже не скрывала задравшаяся ночная рубашка. За пять минут он умылся, принял душ, надел шелковую, с монограммой, пижаму.

Вытянулся на кровати рядом с любовницей, его рука легла на талию, поднялась на бедро,

соскользнула к теплой ягодице.

— В чем дело, а?

— Ни в чем.

— Я думал, ты ждала меня.

— Ты ничего не объясняешь. Я не могу позвонить тебе на работу. Я сижу здесь час за часом и волнуюсь, не случилось ли чего с тобой. Ты никогда не приходил так поздно, не предупредив меня заранее.

Жаклин перекатилась на спину и посмотрела на него. Приподнявшись на локте, он сунул руку под ночную рубашку начал гладить одну из ее грудей.

— Послушай, дорогая, я был занят. У нас там в некотором роде кризис, поэтому пришлось кое-что уладить, прежде чем я смог уйти. Я бы позвонил, но в кабинете всегда полно людей. Некоторые знают, что моя жена уехала отдыхать. Им покажется странным, что я звоню домой через коммутатор.

— Едва ли могло произойти что-то столь значительное, чтобы ты не предупредил меня о своей задержке, дорогой. Я волновалась всю ночь.

— Ну, теперь волноваться не о чем.

Она засмеялась, подняла руку, привлекла его к себе. Дыхание полковника участилось, он начал

целовать Жаклин, его рука переходила от одного соска к другому.

— Похоже, ОАС все еще охотится за президентом. Сегодня раскрыт новый заговор. Им и пришлось заниматься. Поэтому я задержался.

Жаклин приподняла голову:

— Не говори глупостей, дорогой, с ними давно покончено.

— Как бы не так. Теперь они наняли иностранца, профессионального убийцу, чтобы он застрелил президента. А-а-а, не кусайся.

Полчаса спустя Рауль Сен-Клер де Вийобон крепко спал, лежа на боку и чуть похрапывая. Рядом с ним его любовница вглядывалась в темный потолок, чуть подсвеченный там, где уличные огни прорывались сквозь щелку между портьерами.

Она все еще не могла прийти в себя от услышанного. Жаклин, естественно, понятия не имела о существовании нового плана покушения на де Голля, но могла оценить важность признания Ковальски.

Жаклин подождала до двух часов ночи, перелезла через полковника, радуясь, что он не из тех, кто любит спать, обняв любовницу. Сен-Клер все так же ровно похрапывал.

Выйдя из спальни, она плотно закрыла дверь, пересекла гостиную, прошла в холл, закрыла и вторую дверь. С телефона в холле набрала номер. Несколько минут спустя ей ответил сонный голос. Говорила она две минуты, получила ответ, что на другом конце провода ее поняли, и положила трубку. Минуту спустя она уже лежала в постели, пытаясь заснуть.

* * *

В ту же ночь звонки из Парижа разбудили или оторвали от дел начальников отделов убийств пяти европейских стран, Америки и Южной Африки. В Западной Европе, как и в Париже, была глубокая ночь. В Вашингтон Карой дозвонился в девять вечера по местному времени, и начальник отдела Дэместик Интеллидженс обедал дома с друзьями. Карону удалось связаться с ним после третьей попытки, и по ходу разговора в трубке слышался смех гостей и звон бокалов. Американец с пониманием отнесся к просьбе Карона и согласился подъехать в пункт связи в ФБР в десять минут второго по местному времени, чтобы поговорить с комиссаром Лебелем, который будет звонить ему из Интерпола в десять минут восьмого по парижскому времени.

Начальники соответствующих отделов Бельгии, Италии, Западной Германии и Голландии, будучи добропорядочными семьянинами, крепко спали. Звонки вытаскивали их из постелей, и после нескольких минут объяснений с Кароном каждый из них согласился прийти в пункт связи в точно оговоренное время, чтобы переговорить с комиссаром Лебелем по вопросу первостепенной важности.

Ван Райе из Южной Африки уехал в инспекторскую поездку, поэтому Карон связался с его помощником, Андерсоном.

Мистеру Энтони Моллинсону, заместителю комиссара по борьбе с преступностью, Скотленд-ярд, Карон позвонил домой, в Бексли, уже около четырех утра. Тот застонал, отгоняя настойчивую трель телефона на столике у кровати, но она не умолкала, и он снял трубку, пробурчав: «Моллинсон».

— Мистер Энтони Моллинсон? — спросил неэнакомый голос.

— Слушаю, — он взглянул на часы и мысленно выругался.

— Говорит инспектор Люсьен Карон из французской Сюрте Насьональ. Я звоню по просьбе комиссара Клода Лебеля.

Говорил Карон с заметным акцентом, но ясно и четко. Моллинсон нахмурился. Неужели этот француз не мог подождать до утра?

— Да?

— Как я понимаю, вы знакомы с комиссаром Лебелем?

Моллинсон задумался. Лебель? О да, такой маленький, был начальником Отдела убийств в ПЖ. Внешне ничего особенного, но преступления раскрывает быстро. Очень помог, когда два года назад убили английского туриста. Им бы досталось от прессы, если б убийцу не нашли чуть ли не на следующий день.

— Да, я знаю комиссара, Лебеля, — ответил он. — В чем дело?

Рядом с ним, потревоженная разговором, что-то недовольно пробурчала его жена Лили.

— Комиссар Лебель ведет очень важное расследование, требующее к тому же предельной деликатности. Я — его помощник. Дело необычное. Комиссар хотел бы позвонить вам в пункт связи Скотленд-ярда сегодня в девять утра. Вы можете подойти туда в это время?

Моллинсон вновь задумался.

— Вам просто требуется наша помощь? — спросил он.

В этом случае они могли бы воспользоваться обычными каналами связи. В девять утра в Скотленд-ярде самый «час пик».

— Нет, мистер Моллинсон. Это личная просьба комиссара Лебеля, который рассчитывает на ваше содействие. Она не имеет никакого отношения к Скотленд-ярду. И комиссар хотел бы обойтись без официального запроса.

Моллинсон обдумал его слова. Человек осторожный, он не хотел ввязываться в тайные операции полиции другой страны. Если же речь шла о совершенном преступлении или о преступнике, бежавшем в Британию… Но почему такая секретность? Тем не менее, Лебель просил помощи у королевской полиции, а для чего она нужна, если не помогать коллегам.

— Хорошо. Я поговорю с ним. В девять часов.

— Премного вам благодарен, мистер Моллинсон.

— Спокойной ночи. — Моллинсон положил трубку, перевел стрелку будильника с семи на половину седьмого и тут же уснул.

* * *

В ночном Париже в маленькой захламленной холостяцкой квартире учитель средних лет вы-

шагивал из угла в угол. Книги, газеты, журналы, рукописи лежали на столе, стульях, кушетке, даже на покрывале узкой кровати, стоящей в нише в дальнем конце комнаты. В другой нише находилась раковина, заваленная грязной посудой.

Обуревающие учителя мысли не имели никакого отношения к окружающему беспорядку. С тех пор, как он потерял директорский пост в лицее Сиди-бель-Аббес, вместе с прекрасным домом и двумя слугами, и переехал в Париж, в его квартире всегда царил полный разгром. Думал он совсем о другом.

Когда же заря зарделась над восточными предместьями Парижа, он сел и взял одну из газет. Вновь открыл статью на странице иностранных новостей под заголовком: «Главари ОАС окопались в римском отеле». Прочитав ее еще раз, он наконец решился, накинул легкий макинтош, защищающий от утренней прохлады, и выбежал из квартиры.

Поймал такси и попросил отвезти его на Северный вокзал. Хотя таксист высадил его на привокзальной площади, он направился в другую сторону, как только такси скрылось из виду, и вошел в одно из круглосуточно работающих кафе.

Взял чашечку кофе и металлический жетон для телефона-автомата. Оставив кофе на стойке, прошел в глубину кафе, к телефонной будке. Справочная служба соединила его с международной справочной службой, и через пятьдесят секунд он покинул кафе, получив номер отеля в Риме.

В другом кафе, в сотне метров от первого, он узнал в Справочной службе, где находится ближайшее отделение связи, откуда он может прямо сейчас позвонить в Италию. Как он и ожидал, оно находилось рядом с вокзалом.

В почтовом отделении он дал оператору нужный ему номер, не называя отеля, и провел тревожные двадцать минут, ожидая, пока его соединят.

— Я хочу поговорить с синьором Пуатье, — сказал он снявшему трубку итальянцу.

— Signor Che?[24] — переспросил итальянец.

— Il signor francese[25] Пуатье. Пуатье.

— Che?[26] — повторил голос.

— Francese, francese… — настаивал парижанин.

---

[24] Примечания: 24
Каким синьором? (*итал.*)

[25] Примечания: 25
С французом (*итал.*)

[26] Примечания: 26
С кем? (*итал.*)

— Ah, si, il signor francese. Un momento, per favore…[27]

В трубке защелкало, затем усталый голос ответил по-французски:

— Да?

— Слушайте внимательно. У меня нет времени. Возьмите карандаш и запишите, что я скажу, — затараторил парижанин. — От Вальми — Пуатье. Шакал раскрыт. Повторяю. Шакал раскрыт. Ковальски арестован. «Пел» перед смертью. Записали?

— Да, — ответил голос. — Я передам кому следует.

Вальми положил трубку, заплатил и торопливо покинул почтовое отделение. Еще минута, и он смешался с потоком пассажиров, выходящих из здания вокзала. Солнце поднялось над горизонтом, согревая мостовые и прохладный утренний воздух. Еще пахло кофе и свежевыпеченным хлебом, но оставалось лишь полчаса, чтобы им на смену пришли запахи выхлопных газов, человеческого пота, табачного дыма. Не прошло и двух минут, как Вальми растворился в толпе, когда к почтовому отделению подъехала машина

---

[27] Примечания: 27

А, я понял, синьора француза. Одну минуту, пожалуйста… (*итал.*)

и два сотрудника ДСТ вбежали в помещение. Они попытались выяснить, как выглядел звонивший в Рим мужчина, но оператор не смог сказать им ничего определенного.

* * *

В Риме в 7.55 легионер, несший ночную вахту у лифта на восьмом этаже, потряс Марка Родина за плечо. Тот проснулся мгновенно, приподнялся, схватился за пистолет под подушкой. Но расслабился и что-то пробурчал, увидев знакомое лицо. Взглянул на часы на столике у кровати и понял, что и так спал слишком долго. Годы в тропиках приучили его вставать гораздо раньше, а тут августовское солнце уже поднялось над крышами. Но недели бездействия, вечера за картами с Монклером и Кассоном, молодое красное вино, отсутствие физической нагрузки сбили ему режим.

— Донесение, мой полковник. Кто-то только что позвонил, похоже, очень торопился.

Легионер протянул лист бумаги, вырванный из блокнота, на котором записал слова Вальми. Прочитав их, Родин выпрыгнул из постели, обернул вокруг талии хлопчатобумажный саронг, еще одна привычка, приобретенная в Индокитае,

перечитал записку.

— Хорошо. Свободен. — Легионер вышел из комнаты и спустился на восьмой этаж.

Родин несколько секунд ругался про себя, скомкав записку в кулаке. Чертов, чертов, чертов, чертов Ковальски.

Первые два дня после исчезновения Ковальски он думал, что тот просто дезертировал. В последнее время такое случалось, ибо в рядах ОАС крепло убеждение, что дальнейшая борьба обречена на провал и убить Шарля де Голля и свергнуть существующее правительство уже не удастся. Он всегда думал, что Ковальски будет верен до последнего. Но вот доказательство того, что он, неизвестно по какой причине, вернулся во Францию, а может, его схватили здесь, в Италии, и переправили через границу. А там он заговорил, разумеется, под пыткой.

Родин искренне скорбел о погибшем телохранителе. Его репутация солдата и боевого офицера зиждилась на той огромной заботе, которой он окружал своих подчиненных. Подобное отношение ценилось в действующей армии куда больше, чем может представить себе любой военный историк. Теперь Ковальски мертв, и Родин не питал никаких иллюзий относительно того, каким был

его конец.

И сейчас он пытался вспомнить, что мог сказать Ковальски. Встреча в Вене, название пансиона. Три руководителя ОАС, собравшиеся вместе. Скорее всего, для СДЭКЭ это не новости. Но откуда он узнал о Шакале? Он не подслушивал под дверью, это несомненно. Он мог сказать о высоком блондине, иностранце, приехавшем позже. Это ничего не значило. Иностранец мог оказаться торговцем оружием или финансистом. Фамилии не упоминались. Но Вальми прямо назвал Шакала его кодовым именем. Как? Откуда его узнал Ковальски?

И тут Родин вспомнил сцену прощания. Он стоит в дверях с англичанином. Виктор — в нескольких футах от него, рассерженный тем, что англичанин обнаружил его присутствие в нише, профессионал, перехитренный другим профессионалом, ожидающий схватки, надеющийся на нее. И что сказал он, Родин? «До свидания, месье Шакал». Ну конечно, черт побери.

Вновь и вновь думая об этом, Родин понял, что Ковальски не знал истинной фамилии наемного убийцы. Она известна только троим: ему, Монклеру и Кассону. Но Вальми все равно прав. Если признание Ковальски в руках СДЭКЭ, рас-

считывать на успех задуманного не приходится. Они знают о встрече, пансионе, возможно, уже поговорили с портье. Им известны приметы англичанина, его кодовое имя. Они, конечно, догадались о том, что понял Ковальски: этот блондин — наемный убийца. Охрана де Голля станет еще бдительнее, президент откажется от публичных выступлений, не будет покидать дворца до поимки убийцы. Все кончено. План провалился. Он должен отозвать Шакала, настоять, чтобы тот вернул деньги, за исключением расходов и вознаграждения за потраченное время и хлопоты.

И тянуть с этим нельзя. Шакала надо предупредить о прекращении операции. Как командир, Родин не мог посылать солдата в бой, заведомо зная, что поражение неизбежно.

Он позвал легионера, который теперь, после исчезновения Ковальски, каждый день получал на почте корреспонденцию и, если возникала такая необходимость, звонил по телефону, и дал ему точные инструкции.

В девять часов легионер пришел на почту и попросил соединить его с лондонским номером. Лондон дали через двадцать минут. Телефонистка пригласила легионера в кабинку. Тот взял трубку. Гудок… пауза… гудок… Большего он не

услышал.

* * *

В то же утро Шакал поднялся рано. Содержимое трех больших чемоданов он перепроверил еще вечером, перед тем как лечь спать. В саквояж осталось положить лишь умывальные и бритвенные принадлежности. Как обычно, он выпил две чашки кофе, умылся, принял душ, побрился. Собрал саквояж, закрыл его и отнес к трем чемоданам, стоящим у двери.

Приготовил себе завтрак: два яйца вкрутую, апельсиновый сок, еще чашечка кофе. Остатки молока вылил в раковину, разбил над ней два оставшихся яйца. Допил апельсиновый сок из банки, бросил ее в мусорное ведро. Отправил туда же горбушку хлеба, скорлупу от яиц, кофейную гущу, опорожнил ведро в мусоропровод. Он любил чистоту и порядок.

Затем надел тонкую шелковую водолазку, серый костюм с документами на имя Даггэна и сотней фунтов наличными во внутреннем кармане пиджака, темно-серые носки, изящные черные туфли, неизменные черные очки.

В 9.15 он подхватил чемодан и саквояж, закрыл за собой дверь и спустился вниз. Прошел по Адам

Мьюз до Саут Одли-стрит, на углу поймал такси.

— Лондонский аэропорт, здание номер два, — сказал он водителю.

Когда такси тронулось с места, у него в квартире зазвонил телефон.

* * *

Легионер вернулся в отель в десять утра и доложил Родину, что полчаса пытался дозвониться по указанному телефону, но никто не взял трубку.

— В чем дело? — спросил Кассон, когда легионер, получив разрешение, вышел из номера.

Все трое сидели в гостиной. Родин достал из кармана листок бумаги и передал Кассону.

Тот прочитал написанное и протянул листок Монклеру. Оба повернулись к Родину, ожидая объяснений. А тот молча смотрел в окно, разглядывая крыши соседних домов.

— Когда вы это получили? — спросил наконец Кассон.

— Сегодня утром.

— Вы должны его остановить, — запротестовал Монклер, — Теперь пол-Франции будет искать его.

— Пол-Франции будет искать высокого блондина-иностранца, — спокойно ответил Родин, — В

августе во Франции более миллиона иностранцев. Пока им не известны ни фамилия, ни лицо, ни паспорт. Он — профессионал, так что наверняка воспользуется поддельными документами. Им придется пройти долгий путь, чтобы найти его. Он должен позвонить Вальми, так что об опасности его предупредят.

— Если он позвонит Вальми, тот должен приказать ему выйти из игры, — заявил Монклер.

Родин покачал головой.

— Таких полномочий у Вальми нет. Ему поручено получать информацию от девушки и передавать Шакалу, если тот будет звонить. Это он сделает, но не более того.

— Но Шакал должен и сам понять, что все кончено. — настаивал Монклер. — Он обязан уехать из Франции после первого же звонка Вальми.

— Теоретически да, — согласился Родин. — Если он уедет, то вернет нам деньги. Но ставки велики для всех, включая и его самого. Все зависит от того, насколько он уверен в своем плане.

— Вы думаете, у него есть шанс? — спросил Кассон. — Даже после того, что произошло?

— Честно говоря, нет. Но он — профессионал. Как мы. У нас особый ход мыслей. Не так-то легко отказаться от операции, продуманной до

мелочей.

— Тогда, ради бога, отзовите, его, — присоединился к Монклеру Кассон.

— Не могу. Я бы хотел, но не могу. Он уехал. Приступил к осуществлению своего плана. Он сам поставил такие условия. Мы не должны знать, где он и что намерен делать. Я даже не могу позвонить Вальми и приказать ему передать Шакалу, что операция отменяется. Такой звонок может выдать Вальми полиции. Теперь Шакала не остановить. Слишком поздно.

Глава 12

Комиссар Клод Лебель вернулся в кабинет около шести утра. Карон, с осунувшимся от усталости лицом, сидел за столом, в рубашке с закатанными рукавами.

Перед ним лежало несколько густо исписанных листов. В кабинете произошли заметные изменения. На картотечных шкафах булькала кофеварка, распространяя нежный аромат свежесваренного кофе. Там же стояли бумажные стаканчики, банка концентрированного молока и пакет с сахарным песком. Все это принесли ночью из столовой на первом этаже.

В углу между двумя столами появилась раскладушка, уже застеленная, покрытая сверху грубым одеялом. Пустая проволочная корзинка для мусора переместилась к креслу у двери.

Во все еще открытое окно выплывал дымок от сигареты Карона. На востоке занималась заря.

Лебель обошел свой стол и плюхнулся на стул. Хотя он не спал только двадцать четыре часа, выглядел таким же усталым, как Карон.

— Ничего, — бросил он. — Мы просмотрели архивы за десять лет. Единственный политический

убийца-иностранец, пытавшийся действовать в нашей стране, Дегуэльдр, и он уже умер. Кроме того, он был связан с ОАС и у нас есть его досье. Можно предположить, что Родин выбрал человека, не имеющего никакого отношения к ОАС, и поступил совершенно правильно. Четверо убийц по контрактам, не считая своих, доморощенных. Трое сидят в наших тюрьмах, четвертый сейчас где-то в Африке. Но это обычные бандиты, не тот калибр, чтобы стрелять в президента Франции. Я говорил с Баргероном из архивного управления, и сейчас они перепроверяют все документы, но подозреваю, о нашем человеке им ничего не известно. Иначе Родин не нанял бы его.

Карон закурил новую сигарету, выпустил струю дыма, вздохнул.

— Значит, все-таки придется начать с других стран?

— Совершенно верно. Где-то его готовили, где-то он уже работал. Он не может считаться одним из лучших, если за ним не тянется цепочка удачных покушений. Пусть не на президентов, но на людей известных, во всяком случае, не главарей банд. То есть где-то его должны заметить. Наверняка. Так о чем вы договорились?

Карон взял один из листков со столбиком фа-

милий. Против каждой стояло время.

— Все семеро готовы поговорить с вами. Вы начнете с начальника Дэместик Интеллидженс, ФБР, в десять минут восьмого. В Вашингтоне это десять минут второго. Я записал его первым, чтобы разговор не пришелся на глубокую ночь. Брюссель — в половине восьмого, Амстердам — без четверти восемь, Бонн — в восемь десять, Йоханнесбург — в восемь тридцать и Скотленд-ярд — ровно в девять, Рим — в половине десятого.

— В каждом случае начальник Отдела убийств?

— Или занимающий аналогичную должность. В Скотленд-ярде это мистер Энтони Моллинсон, заместитель комиссара по борьбе с преступностью. Похоже, в структуре полиции метрополии нет Отдела убийств. Ван Райса из Южной Африки я не нашел, так что вы будете говорить с его заместителем, Андерсеном.

Лебель кивнул:

— Это хорошо. Андерсон меня устроит. Когда-то мы с ним работали по одному делу. Теперь о языке. Трое говорят по-английски. Я полагаю, только бельгиец знает французский. Остальные наверняка могут изъясняться на английском,

если возникнет такая необходимость.

— Немец, Дитрих, говорит по-французски, — вставил Карон.

— Хорошо, тогда с двумя я переговорю сам, на французском. А с остальными пятью буду использовать вас как переводчика. Пожалуй, нам пора идти.

Без десяти семь полицейская машина высадила двух детективов у зеленой двери неприметного домика на маленькой улице Поль Валери, в котором находилась штаб-квартира Интерпола.

Следующие три часа Лебель и Карон провели в подземном коммуникационном центре, ведя переговоры с ведущими специалистами по борьбе с преступностью семи стран. Сложная система антенн на крыше посылала сигналы сверхвысокой частоты, которые, отразившись от ионизированного слоя атмосферы Земли, долетали до таких же антенн на трех континентах.

Подобранный диапазон частот и специальные устройства обеспечивали тайну разговора. Пока детективы беседовали, весь мир пил утреннюю чашечку кофе или стопочку на ночь.

Каждый разговор начинался одинаково.

— Нет, комиссар, пока я не могу обращаться по официальным каналам с просьбой о вашем

содействии… Разумеется, я действую с разрешения руководства. Просто на текущий момент мы еще не уверены, то ли начата практическая подготовка, то ли это беспочвенный слух… Пока мы основываемся на недостаточно проверенной информации… Ну, мы ищем человека, о котором знаем крайне мало, лишь самые общие внешние данные, нам не известна даже его фамилия…

Всякий раз он говорил, что их интересует высокий блондин. Все его зарубежные коллеги спрашивали, почему потребовалась их помощь, о каком преступлении идет речь. После этого вопроса в парижском узле связи повисала напряженная тишина.

— Скажем так, кем бы ни был этот мужчина, у него есть характерная особенность: он — профессиональный наемный убийца самого высокого класса… Нет, не гангстер, но политический убийца, успешно выполнивший не одно поручение. Нас интересует, не значится ли такой человек в ваших архивах, даже если он никогда не работал в вашей стране. А может, вы о ком-то вспомните.

Теперь уже долго молчала другая сторона. И голоса звучали спокойнее, с ноткой озабоченности. Лебель нисколько не сомневался, что его собеседники сразу же догадаются, на что он намекает, но

не может сказать. Профессионального убийцу, да еще одного из лучших в мире, во Францию могла привлечь только одна цель.

Ответы он получил одинаковые. Да, разумеется, мы просмотрим архивы. Я постараюсь позвонить еще сегодня. Счастливо, Клод, желаю удачи.

В последний раз выключив микрофон, Лебель подумал о том, сколько пройдет времени, прежде чем министры иностранных дел, а то и премьер-министры семи стран узнают о происходящем. Вероятно, немного. Даже полицейский в таких случаях должен ставить в известность политиков. Но он полагал, что министры не скажут лишнего. Несмотря на различия в политических убеждениях, сильные мира сего скованы прочной цепью. Все они принадлежали к одному клубу, клубу власть имущих. Они сплачивались против общих врагов, и кто мог быть для них большим врагом, чем наемный убийца? И тем не менее, Лебель отдавал себе отчет, что на его карьере будет поставлен крест, если кто-то из них сообщит прессе о французском запросе.

Более всего его тревожили англичане. Моллинсону он доверял полностью. Но понимал, что тот должен обратиться в более высокие инстанции. Лишь семь месяцев назад Шарль де Голль грубо

отказал Британии, когда та обратилась с просьбой о вступлении в «Общий рынок». И после пресс-конференции генерала 23 января министерство иностранных дел Британии развернуло столь откровенную антидеголлевскую кампанию, что это заметил даже такой аполитичный человек, как Лебель. Не захотят ли они воспользоваться подвернувшейся возможностью поквитаться со Стариком?

Лебель еще раз взглянул на умолкший динамик. Карон тихо сидел рядом.

— Пошли, — маленький комиссар поднялся и направился к двери. — Давай-ка позавтракаем и попробуем немного поспать. Делать нам пока больше нечего.

* * *

Заместитель комиссара Энтони Моллинсон положил микрофон и, нахмурившись, покинул пункт связи, даже не ответив на приветствие молодого полисмена, заступившего на утреннюю вахту. Он все еще хмурился, когда вошел в кабинет, просторный, но скромно обставленный, выходящий окнами на Темзу.

Цель проводимого Лебелем расследования и его мотивы трактовались однозначно. Французская

полиция получила сигнал, что первоклассный наемный убийца вышел на охоту, и, естественно, обеспокоилась. Как и предчувствовал Лебель, не требовалось большого ума, чтобы догадаться, что во Франции августа 1963 года в перекрестье оптического прицела наемного убийцы такого класса мог попасть только один человек. Опытный полицейский, Моллинсон сразу понял, в каком сложном положении оказался Лебель.

— Бедняга, — вырвалось у него.

Он стоял у окна и смотрел на неторопливо текущие вдоль набережной воды Темзы.

— Сэр? — переспросил личный помощник (ЛП), вошедший следом, чтобы положить утреннюю почту на стол орехового дерева.

— Ничего, — Моллинсон не отрывал взгляда от реки, пока ЛП не вернулся в приемную.

Но какие бы чувства ни испытывал он к Лебелю, пытающемуся защитить своего президента, не афишируя операции по поиску и захвату наемного убийцы, у него тоже были начальники. Рано или поздно он должен сообщить им о просьбе Лебеля. Через полчаса, ровно в десять, начиналось ежедневное совещание руководителей Скотленд-ярда. Стоит ли упомянуть там о разговоре с Лебелем? Пожалуй, что нет. Достаточно написать

служебную записку комиссару, изложив суть просьбы Лебеля. А уж потом объяснить, почему вопрос не был вынесен на утреннее совещание. И он не видел большой беды в том, чтобы получить информацию, никому не говоря зачем она ему понадобилась.

Моллинсон сел за стол и нажал клавишу аппарата внутренней связи.

— Сэр? — раздался в динамике голос ЛП, находящегося в соседней комнате.

— Не могли бы вы зайти ко мне на минуту, Джон?

Молодой детектив-инспектор в темно-сером костюме вошел с блокнотом в руках.

— Джон, я хочу, чтобы вы сходили в Центральный архив. Обратитесь непосредственно к старшему суперинтенданту Маркхэму. Скажите ему, что это моя личная просьба, но сейчас я не могу сказать, чем она обусловлена. Попросите его подобрать материалы по всем живущим в нашей стране профессиональным убийцам…

— Убийцам, сэр? — ЛП взглянул на заместителя комиссара так, словно тот просил в очередной раз пересчитать всех живущих в Британии марсиан.

— Да, убийцам. Но только не тем бандитам, что стреляют друг в друга из-за угла. Нет, Джон, мне

нужны политические убийцы, люди или человек, который может убить хорошо охраняемого политика или государственного деятеля за деньги.

— Похоже, это клиенты Особого отделения, сэр.

— Да, я знаю. Я хочу передать это дело в Особое отделение. Но сначала мы должны провести обычную проверку. О, и ответ мне нужен к полудню. Хорошо?

— Да, сэр. Я сейчас же этим займусь.

Пятнадцать минут спустя заместитель комиссара Моллинсон занял свое место на утреннем совещании.

Вернувшись в кабинет, он просмотрел утреннюю почту, сдвинул ее на угол стола и попросил ЛП принести пишущую машинку. Оставшись один, он начал печатать служебную записку комиссару полиции метрополии. В ней он упомянул о ночном телефонном звонке ему домой, утреннем разговоре по каналу связи Интерпола, изложил суть просьбы Лебеля. Не напечатав внизу своей фамилии, он вытащил листы из каретки, запер их в ящик стола и занялся обычными делами.

Около двенадцати часов дня ЛП постучал и вошел в кабинет:

— Суперинтендант Маркхэм только что позво-

нил из Центрального архива. Они не нашли ни одного человека, который мог бы вам подойти. Семнадцать убийц по контрактам, сэр. Десять сидят в тюрьме, семь — пока на свободе. Но все они работают на большие банды в Лондоне или других крупных городах. Супер говорит, что никто из них не станет стрелять в заезжего политика. Он также предложил обратиться в Особое отделение.

— Хорошо, Джон, благодарю вас. Это все, что мне требовалось.

Отпустив ЛП, Моллинсон достал незаконченную служебную записку, вновь вставил ее в пишущую машинку и допечатал еще один абзац.

> «На мой запрос Центральный архив ответил, что, по имеющимся в их распоряжении материалам, человек, нужный комиссару Лебелю, не проходит. После этого я счел необходимым обратиться с тем же запросом к заместителю комиссара, начальнику Особого отделения».

Он подписал служебную записку, отделил первые три экземпляра, копирку бросил в корзинку для секретных бумаг, содержимое которых в конце дня собиралось и уничтожалось.

Первый экземпляр он положил в конверт и адресовал комиссару. Второй надписал «В дело секретной документации» и убрал в стенной сейф. Третий сложил и сунул в карман.

Затем взял блокнот и написал:

«Кому: Комиссару Клоду Лебелю, заместителю генерального директора Полис Жюдисер. Париж.

От кого: Заместитель комиссара Энтони Моллинсон, отделение по борьбе с преступностью, Скотленд-ярд, Лондон.

Содержание: Проведенная по вашему запросу проверка архивных материалов не выявила нужного вам человека точка Ваш запрос передан в Особое отделение для дальнейшей проверки точка Любая полезная информация будет передана вам без промедления точка Моллинсон.

Время отправления……12.8.63».

Часы показывали половину первого, Моллинсон взял трубку и, когда телефонистка ответила, попросил соединить его с заместителем комиссара Никсоном, начальником Особого отделения.

— Алек? Добрый день. Тони Моллинсон. Можешь уделить мне минутку?.. Я бы с удовольстви-

ем, но не могу. Худею. На ленч только сэндвич и ничего более… Нет, я бы хотел переговорить с тобой до ленча… Отлично, уже иду.

В приемной он положил конверт, адресованный комиссару, на стол ЛП.

— Я иду к Диксону из О.О. Отнесите это комиссару, хорошо, Джон? Лично. И отправьте эту телеграмму по указанному адресу. Отпечатайте ее сами, как полагается.

— Да, сэр. — Моллинсон постоял у стола, пока детектив-инспектор читал телеграмму Лебелю.

Когда он закончил, его брови поползли вверх.

— Джон…

— Сэр?

— Пожалуйста, не распространяйтесь об этом.

— Да, сэр.

— Это очень важно.

— Никому не скажу ни слова, сэр.

Моллинсон коротко улыбнулся и вышел в коридор. ЛП вновь пробежал глазами телеграмму, вспомнил, с каким поручением посылали его в Центральный архив, все понял и прошептал: «Черт побери».

Моллинсон провел у Диксона двадцать минут и испортил тому предстоящий ленч. Передал ему последний экземпляр служебной записки

комиссару. Уходя, уже взявшись за ручку двери, он повернулся к начальнику Особого отделения.

— Извини, Алек, но это действительно по твоему ведомству. Лично я думаю, что птиц такого полета в нашей стране нет. Так что, возможно, следует просто просмотреть архивы и отправить Лебелю телекс, что мы ничем не можем ему помочь. Откровенно говоря, положение у него незавидное.

Заместитель комиссара Диксон, которому, среди прочего, приходилось следить за теми психами Британии, что могли додуматься до покушения на приезжего политика, не говоря уж о многочисленных озлобленных и эксцентричных иностранцах, поселившихся в метрополии, острее, чем другие, чувствовал ситуацию, в которой оказался Лебель. Защищать своих и чужих государственных деятелей от неуравновешенных фанатиков трудно, но, по крайней мере, он мог надеяться, что любители не смогут взять верх над его закаленными в боях профессионалами.

Еще сложнее, думал он, уберечь главу государства от покушений организации бывших военных, но французским силам безопасности удалось раздавить ОАС. Как профессионал, Диксон восхищался их победой. Но наемный

убийца — совсем другое дело. К счастью, таких специалистов — единицы, и он в общем-то не сомневался, что среди лиц, взятых на заметку Особым отделением, нет англичанина, отвечающего параметрам, указанным Лебелем.

После ухода Моллинсона Диксон прочитал копию служебной записки комиссару. Вызвал своего ЛП.

— Пожалуйста, передайте детективу-суперинтенданту Томасу, что я хотел бы увидеть его у себя… — он взглянул на часы, прикидывая, сколько продлится значительно укороченный ленч, — ровно в два.

* * *

Самолет, на котором летел Шакал, приземлился в Национальном аэропорту Брюсселя в самом начале первого. Три чемодана он оставил в автоматической камере хранения главного здания аэропорта, взяв с собой лишь саквояж с личными вещами, пакетом гипса, пачками ваты и бинтами. Такси доставило его на вокзал, и он сразу прошел в камеру хранения.

Фибровый чемодан дожидался на той самой полке, куда служитель поставил его неделю назад. Шакал отдал квитанцию, получив взамен

чемодан.

Неподалеку от железнодорожного вокзала он нашел маленький и порядком запущенный отель, из тех, что можно отыскать в окрестностях вокзалов любой страны мира, где не задают гостям вопросов и верят любой лжи.

Шакал снял номер на ночь, заплатив бельгийскими франками, которые поменял в аэропорту. Чемодан он захватил с собой. Заперев дверь на ключ, налил в раковину холодной воды, достал пакет гипса, бинты и принялся за работу.

После того, как он закончил, ему пришлось подождать, пока высохнет гипсовая повязка. Это время Шакал сидел, положив «сломанную» ногу на стул, курил и разглядывал крыши соседних домов. Иногда он надавливал на гипс большим пальцем, каждый раз приходя к выводу, что надо еще немного подождать.

Фибровый чемодан, в котором хранилось ружье, опустел. Остатки бинтов и несколько унций гипса Шакал убрал в саквояж, на случай ремонта гипсовой повязки. Когда она окончательно затвердела, он сунул чемодан под кровать, убедился, что не оставил в номере ничего лишнего, выбросил окурки в окно и захромал к двери.

Спустившись по лестнице, он с облегчением

отметил, что портье сидит в комнатке. Так как подошло время ленча, Шакал решил, что тот перекусывает. Впрочем, открытая дверь позволяла портье видеть всех, кто проходил мимо конторки.

Бросив взгляд на входную дверь и убедившись, что никто не собирается войти в отель, Шакал прижал саквояж к груди и, согнувшись в три погибели, пересек фойе. Из-за летней жары входную дверь держали открытой и, переступив порог, он смог выпрямиться, находясь вне поля зрения портье.

Хромая, он сошел по ступенькам на тротуар и добрел до угла, где поймал такси, доставившее его обратно в аэропорт. Там он обратился к девушке за стойкой итальянской авиакомпании «Алиталия». Девушка мило улыбнулась, взяв его паспорт:

— Чем я могу вам помочь?

— Полагаю, у вас есть билет до Милана, заказанный два дня назад на фамилию Даггэн.

Девушка проверила список заказов на дневной рейс до Милана. До отлета оставалось полтора часа.

— Да, есть, — она просияла. — Мистер Даггэн. Билет заказан, но не оплачен. Вы хотите запла-

тить за него?

Шакал заплатил наличными, получил билет. Девушка напомнила ему, что посадку объявят за полчаса до вылета. С помощью участливого носильщика, который сочувственно покачал головой, увидев его загипсованную ногу, Шакал извлек чемоданы из автоматической камеры хранения и перенес их к стойке «Алиталии», прошел таможенный досмотр, ограничившийся проверкой паспорта, и за оставшееся время успел поесть в ресторане, примыкавшем к залу ожидания.

Экипаж отнесся к Шакалу с предельной заботой. Ему помогли залезть в автобус, доставивший пассажиров к самолету, подняться по трапу. Миловидная итальянская стюардесса широко улыбнулась ему. Она проследила, чтобы он сел в одно из «купе» в центральном салоне, где кресла стояли лицом друг к другу. Тут больше места для ног, пояснила она.

И остальные пассажиры старались не задевать загипсованную ногу, занимая свои места. А Шакал бодро улыбался полулежа в кресле.

В 4.15 самолет оторвался от земли и, набирая высоту, взял курс на юг, на Милан.

* * *

Суперинтендант Брин Томас вышел из кабинета заместителя комиссара около трех часов дня, чувствуя себя глубоко несчастным. Затянувшаяся простуда, да и новое, только что полученное задание окончательно испортили ему настроение.

Понедельник не зря называют тяжелым днем. Сначала он узнал, что его агент потерял из виду советского представителя на проходящей в Лондоне конференции, за которым должен был следить. Потом получил служебную записку от отдела MI-5 с вежливой просьбой держаться подальше от советской делегации, так как с точки зрения MI-5 именно они должны вести наблюдение за русскими.

А уж венцом стала беседа с заместителем комиссара. Любой полицейский, Особого отделения или нет, едва ли назовет более непривлекательное занятие, чем поиски наемного убийцы. А тут ему даже не дали фамилии.

— Фамилии нет, так что придется поработать, — наставлял его Диксон. — Попытайтесь найти ответ к завтрашнему дню.

— Поработать, — фыркнул Томас, входя в свой кабинет.

Хотя список подозреваемых наверняка будет коротким, ему и его сотрудникам предстояло перелопатить груду документов, все материалы о политических смутьянах, не только осужденных, но и подозреваемых в участии в беспорядках. Все они требовали проверки, хотя Диксон и указал, что нужный ему человек — профессиональный убийца, а не один из тех мотыльков, что залетают в Британию и портят жизнь Особому отделению в преддверье и во время визитов иностранных государственных деятелей.

Он позвонил двум детективам-инспекторам, которые, как он знал, занимались не слишком срочными делами, и приказал явиться к нему, отложив их на потом. Говорил он с ними кратко, не вдаваясь в подробности, объяснил, что они должны искать. Не было нужды связывать подозрения французской полиции относительно того, что такой человек намерен убить генерала де Голля, с просмотром архивов Особого отделения Скотленд-ярда.

Все трое очистили столы от бумаг и принялись за работу.

* * *

Самолет Шакала приземлился в аэропорту Милана точно по расписанию, в шесть вечера с минутами. Сверхзаботливая стюардесса помогла ему спуститься по трапу, другая, такая же внимательная, добраться до главного здания. И в ходе таможенного досмотра выяснилось, что он не напрасно изъял компоненты ружья из чемодана и нашел более неприметное место для их транспортировки. Проверка паспорта заняла не более минуты, но когда лента конвейера вынесла чемоданы пассажиров, впервые угроза разоблачения нависла над Шакалом.

Он кликнул носильщика, который положил все три чемодана на скамью для досмотра. Дохромав до скамьи, Шакал поставил рядом с ними саквояж. Тут же к нему подошел таможенник:

— Синьор, это ваш багаж?

— Да, три чемодана и саквояж.

— У вас есть вещи, подлежащие обложению пошлиной?

— Нет, ничего нет.

— Вы прилетели по делам, синьор?

— Нет, я собирался отдохнуть, но уж так получилось, что отдых придется сочетать с выздоров-

лением. Я хочу поехать на озера.

Лицо таможенника осталось бесстрастным.

— Могу я взглянуть на ваш паспорт?

Получив от Шакала паспорт, итальянец внимательно просмотрел его, затем вернул, не сказав ни слова.

— Пожалуйста, откройте этот чемодан.

Он указал на один из трех больших чемоданов. Шакал вытащил кольцо с ключами, выбрал нужный и открыл чемодан. Носильщик положил его на бок. К счастью, в нем находились вещи датского пастора и американского студента. Просматривая содержимое чемодана, таможенник не придал особого значения темно-серому костюму, белью, белой рубашке, туфлям, черным ботинкам, ветровке и носкам. Не заинтересовала его и датская книга. Суперобложку украшали фотография кафедрального собора в Шартре и название хоть и написанное по-датски, но вполне могущее сойти и за английское. Он не заметил аккуратно зашитого надреза на подкладке, чего не случилось бы при тщательном досмотре. Но таможенник лишь мельком проглядывал вещи, хотя его отношение мгновенно бы изменилось, найди он что-нибудь подозрительное. Компоненты снайперского ружья находились лишь в трех

футах от него, но у таможенника не возникло и мысли, что гипсовая повязка наложена на здоровую ногу. Он закрыл крышку и знаком дал понять Шакалу, что чемодан можно запирать. Затем пометил мелом все вещи приезжего. Выполнив свой долг, итальянец широко улыбнулся:

— Благодарю, синьор. Счастливого вам отдыха.

Носильщик нашел такси, получил щедрые чаевые, и скоро Шакал уже ехал в Милан по забитой машинами автостраде. Он попросил отвезти его на Центральный вокзал.

Там он подозвал другого носильщика и захромал следом за ним в камеру хранения. В такси он переложил стальные ножницы из саквояжа в карман брюк. В камеру хранения он сдал два чемодана и саквояж, оставив при себе чемодан с французской армейской шинелью, единственный, не заполненный до отказа.

Отпустив носильщика, он сам добрался до туалета. Оказалось, что единственная кабинка в левом ряду писсуаров занята. Шакал поставил чемодан на пол и, склонившись над раковиной, тщательно мыл руки, ожидая, когда она освободится. Затем закрылся в кабинке.

Минут десять пальцами и ножницами освобождал ногу от гипса и подложенной под него

ваты. Надел шелковый носок и туфлю, которые крепились к внутренней стороне икры липкой лентой, пока нога была в гипсе. Клочья ваты и кусочки гипса он побросал в унитаз. Воду ему пришлось спускать дважды.

Шакал поставил чемодан на унитаз, открыл его и начал укладывать металлические трубки с компонентами ружья между складками шинели. Когда последняя из трубок легла в чемодан, он затянул внутренние ремни, чтобы трубки не дребезжали при переноске, закрыл чемодан, выглянул из кабинки. Лишь двое мужчин стояли у писсуаров. Шакал вышел из кабинки, резко метнулся к двери. И был на лестнице, ведущей в главный зал, прежде чем эти двое могли бы его заметить, даже если б у них и было такое желание.

Он не мог вернуться в камеру хранения здоровым человеком, совсем недавно покинув ее калекой, поэтому подозвал носильщика, объяснил, что торопится и хочет как можно быстрее поменять деньги, взять вещи из камеры хранения и поймать такси. Квитанцию он сунул в руку носильщику вместе с купюрой в тысячу лир и указал на камеру хранения, а сам направился к банковскому окошечку, чтобы поменять деньги.

Итальянец отправился за багажом. Шакал как

раз пересчитывал лиры, полученные в обмен на последние двадцать фунтов, когда он принес два чемодана и саквояж. Две минуты спустя Шакал сидел в такси, мчащемся по площади герцога д'Аосты к отелю «Континенталь».

У регистрационной стойки в великолепном вестибюле он обратился к клерку: «Я полагаю, для меня забронирован номер на фамилию Даггэн. Его заказали из Лондона по телефону два дня назад».

В восемь вечера Шакал уже наслаждался теплым душем. Два чемодана стояли в запертом шкафу. Третий, с его собственными вещами, открытый лежал на кровати. Синий костюм из тонкой шерсти, который он собирался надеть, висел на плечиках. Серый костюм Шакал отдал горничной, чтобы его почистили и выгладили к утру. Он намеревался выпить коктейль, пообедать и рано лечь спать, ибо следующий день, 13 августа, обещал немалые хлопоты.

Глава 13

— Ничего.

Второй из молодых детективов-инспекторов, сидящих в кабинете Брина Томаса, закрыл последнюю из папок и посмотрел на суперинтенданта.

Поиски его коллеги также не дали результата. Сам Томас расправился со своими папками на пять минут раньше и теперь стоял у окна, спиной к детективам, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. В отличие от кабинета заместителя комиссара Энтони Моллинсона, окна его кабинета выходили не на Темзу, а на забитую транспортом Хосферри-роуд. Чувствовал он себя отвратительно. От каждого вздоха горло резало, как ножом. Он понимал, что при такой сильной простуде не следует так много курить, но не мог отказаться от скверной привычки. Голова болела и от табачного дыма и от бесконечных телефонных разговоров, которые пришлось вести, выясняя дополнительные подробности о людях, упомянутых в многочисленных папках. И каждый раз оказывалось, что усилия потрачены напрасно. Никто из них не мог бы решиться на убийство президента Франции.

— Хорошо, — Томас повернулся к детективам. — Мы сделали все, что могли. На островах нет человека, которого мы ищем.

— Может, такой человек и есть, — заметил один из молодых детективов, — но по нашим архивам он не проходит.

— Они все здесь, будьте уверены, — огрызнулся Томас.

Мысль о том, что в его «поместье» живет неизвестный ему профессиональный убийца, вызвала у него раздражение, усугубленное простудой и головной болью.

— В конце концов, политический убийца — редкая птица, — подал голос второй инспектор. — Возможно, в нашей стране их нет. Англичанам это несвойственно, не так ли?

Томас бросил на него злобный взгляд. Он предпочитал называть проживающих в Соединенном Королевстве британцами. Говоря «англичане», инспектор как бы намекал, что убийца мог быть валлийцем, шотландцем или ирландцем.

— Хорошо, заберите папки и сдайте их в архив. Я доложу, что наши поиски ни к чему не привели. Мы сделали все, что в наших силах.

— На кого мы работали, супер? — спросил первый детектив.

— Какая разница, юноша. У кого-то возникли трудности, к счастью, не у нас.

Молодые люди собрали папки и направились к двери. Обоих ждали дома, один со дня на день мог стать отцом. Он вышел в коридор первым. Но второй детектив остановился на пороге и оглянулся:

— Супер, когда я просматривал папки, мне пришла в голову одна мысль. Если такой человек существует и он — уроженец Британии, то вполне возможно, что он не работает там, где живет. Я хочу сказать, он должен иметь базу, убежище, куда может вернуться. Вполне возможно, что в своей стране он — уважаемый гражданин.

— Как это?

— Если где-то и есть профессиональный убийца, на след которого мы пытаемся выйти, и он представляет опасность для весьма влиятельного лица, иначе расследование не проводил бы человек вашего ранга, то этот тип — личность известная. То есть за его плечами не одно выполненное задание. Его боятся, не так ли?

— Продолжайте, — кивнул Томас.

— Вот я и подумал, что он, скорее всего, будет действовать за пределами своей страны. И не попадет в поле зрения внутренних сил безопасности, возможно, Служба что-то о нем и слышала…

Томас обдумал идею инспектора, затем медленно покачал головой:

— Идите домой, юноша. Донесение я напишу сам. И забудьте о том, чем мы сегодня занимались.

Инспектор ушел, но идея прочно засела в голове Томаса. Он мог сесть за стол и написать донесение. Ничего нет. Никаких следов. В архивах полная пустота. Но допустим, запрос из Франции оправдан? Французы не просто ударились в панику, как поначалу показалось Томасу, услышав, что кто-то хочет убить их драгоценного президента? Если им действительно известно не более того, о чем они говорят, если нет прямых доказательств, что наемный убийца — англичанин, значит, они ищут его по всему миру. Конечно, велика вероятность того, что никакого убийцы нет, а если и есть, то он — выходец из страны, где политические убийства имеют давнюю историю. Но если подозрения французов небезосновательны? И этот человек окажется англичанином, хотя бы уроженцем Британии?

Томас всегда гордился репутацией Скотленд-ярда, тем более Особого отделения. Они не допустили ни одного политического убийства. Ни один из иностранных государственных деятелей,

посетивших Британию, не пострадал на ее территории. Ему лично пришлось обеспечивать охрану Ивана Серова, главы КГБ, когда тот готовил визит Хрущева и Булганина. Немало прибалтийцев и поляков хотели бы свести счеты с Серовым, но не прозвучало ни выстрела, хотя того окружала толпа телохранителей, которые, не задумываясь, пустили бы в ход оружие.

В молодости Томас отлично играл в регби, многие соперники «Глэморгана» до сих пор помнят быстрые прорывы Брина Томаса. Теперь он, конечно, не выходит на зеленое поле, но с живым интересом следит за успехами «Лондон Уолш» и в свободное от работы время частенько приходит в Старый Олений парк, чтобы поболеть за любимую команду. Он хорошо знает всех игроков, после матча обычно остается в клубе, чтобы обсудить его перипетии, и игроки всегда доброжелательно выслушивают рекомендации ветерана.

Один из них работает в министерстве иностранных дел. Так полагала вся команда, но не Томас. Он-то знал, что управление Барри Ллойда, которое взяло под свое крылышко Форин офис,[28]

---

[28] Примечания: 28
Министерство иностранных дел Великобритании (прим. ред. FB2)

не входило в его структуру. Называлось оно Сикрит Интеллидженс Сэвис,[29] или СИС, или просто Служба.

Они встретились в тихом пабе у реки между восемью и девятью вечера. Поговорили о регби, пока им не принесли пива. Но Ллойд догадался, что сотрудник Особого отделения встретился с ним не для того, чтобы обсудить проблемы сезона, до начала которого оставалось чуть ли не два месяца. После того, как они выпили за здоровье друг друга, Томас предложил пройти на террасу. Она совсем опустела: парочки из Челси и Фулхэма уже отправились обедать.

— У меня возникли некоторые затруднения, юноша, — начал Томас. — Надеюсь, вы сможете мне помочь.

— Ну… если смогу.

Томас рассказал о запросе из Парижа и безрезультатных поисках в архивах Особого отделения.

— Мне пришло в голову, что такой человек, если он существует и к тому же англичанин, не станет марать руки внутри страны. Будет работать за рубежом. И если он где-то оставил след,

---

[29] Примечания: 29
Разведывательное управление Великобритании.

Служба, возможно, заприметила его.

— Служба? — переспросил Ллойд.

— Перестаньте, Барри, к нам тоже попадает кое-какая информация, — говорил он чуть ли не шепотом. Со стороны могло показаться, что два одетых в темные костюмы бизнесмена любуются ночной рекой, неторопливо обсуждая финансовые проблемы. — Мы ведем проверку многих сотрудников министерства иностранных дел, о чем те даже не подозревают. Вы тоже в свое время попали в их число. Так что я знаю, где вы работаете.

— Понятно, — кивнул Ллойд.

— Я, конечно, могу быть просто вашим знакомым Брином Томасом, но я еще и суперинтендант Особого отделения. Так что не думайте, что ваше теперешнее занятие — тайна за семью печатями.

Ллойд разглядывал свою кружку.

— Это официальное расследование?

— Нет, пока еще нет. Лебель напрямую обратился к Моллинсону. Тот ничего не нашел в Центральном архиве и заручился нашей помощью по личной договоренности с Диксоном. Я проверил наши архивы. Все втихую, понимаете? Пресса ничего не должна знать. Скорее всего,

мы ничем не сможем помочь Лебелю. Но я хочу, чтобы мы ничего не упустили, и поэтому решил обратиться к вам.

— Тот, кого вы ищете, собирается убить де Голля?

— Судя по всему, да. Но французы не упоминали никаких имен. Очевидно, они не хотят, чтобы об их тревоге прознали газеты.

— Очевидно, — кивнул Ллойд, — но почему они не обратились к нам напрямую?

— Запрос поступил по каналу связи Интерпола. От Лебеля — Моллинсону. Возможно, у французской службы безопасности нет закрытых каналов связи с вашим ведомством.

Если Ллойд и понял намек на издавна напряженные отношения, сложившиеся между СДЭКЭ и СИС, то не подал виду.

— О чем вы думаете? — спросил Томас какое-то время спустя.

— Вспомнил об одном забавном совпадении. Вы помните дело Филби?[30] — Ллойд смотрел на реку.

— Конечно.

— В нашем управлении это все еще больная

---

[30] Примечания: 30

Филби — советский разведчик, долгие годы работавший в СИС.

мозоль. Он удрал из Бейрута. Разумеется, общественность узнала об этом позже, но в Службе сразу же начался переполох. Множество людей поменяли место работы. Иного выхода не было, он выдал агентуру арабского региона, да и некоторых других. В том числе пришлось срочно уезжать нашему главному резиденту в Карибском бассейне. Шестью месяцами раньше он работал с Филби в Бейруте, а затем его перевели в Америку. В том же месяце, в январе, диктатора Доминиканской Республики Трухильо убили на пустынном шоссе. Согласно официальной версии, с ним расправились партизаны, у него было много врагов. Наш резидент вернулся оттуда в Лондон, и какое-то время мы делили один кабинет, пока он не получил новое назначение. Он упомянул о слухе, будто бы машина Трухильо сначала остановилась, а уж затем партизаны подорвали ее и убили диктатора. А остановил машину один снайперский выстрел из ружья. Потрясающий выстрел — со ста пятидесяти ярдов по мчащейся на полной скорости машине. Пуля прошла через треугольное окошко в дверце водителя, единственное, изготовленное не из пуленепробиваемого стекала. Бронированным был и корпус. Попала водителю в горло. А уж

потом налетели партизаны. Самое странное, что, по слухам, стрелял англичанин.

Наступила долгая пауза. Оба всматривались в потемневшие воды Темзы, а перед их мысленным взором вставала безводная равнина далекого жаркого острова. Узкая полоска асфальта, одинокий лимузин, мчащийся со скоростью семидесяти миль в час. Старик в светло-коричневом мундире с золотыми галунами, тридцать лет железной рукой правивший своим королевством. Вот его вытаскивают из разбитой машины, добивают в придорожной пыли пистолетными выстрелами.

— Этот человек… о котором говорили… Как его звали?

— Не знаю. Не помню. Просто шли такие разговоры. Нам тогда хватало забот и без Карибского диктатора.

— Ваш коллега, что работал с вами, он написал отчет?

— Скорее всего. Таков порядок. Но это же слух, понимаете? Не более чем слух. Что с него возьмешь? Мы же предпочитаем иметь дело с фактами, достоверной информацией.

— Но его отчет наверняка хранится в каком-нибудь деле?

— Пожалуй, что так. Но вот достоверность. Он

услышал об этом в тамошнем баре. А чего только не наговорят после двух-трех стаканчиков рома.

— Но вы сможете заглянуть в архив? Посмотреть, нет ли у этого стрелка фамилии?

Ллойд оторвался от поручня.

— Вы поезжайте домой. Если я что-нибудь найду, обязательно позвоню.

Они вернулись в паб, поставили на стойку пустые кружки, вышли на улицу, пожали друг другу руки.

— Заранее благодарю, — сказал на прощание Томас. — Возможно, из этого ничего не выйдет. Но вдруг?

* * *

Когда Томас и Ллойд беседовали над Темзой, а Шакал допивал последние капли вина в ресторане на крыше миланского отеля, комиссар Клод Лебель принимал участие в первом ежевечернем заседании в министерстве внутренних дел Франции.

Состав остался тем же, что двадцатью четырьмя часами раньше. Министр внутренних дел во главе стола, начальники управлений — по сторонам. Клод Лебель — у противоположного торца, перед ним — маленькая папка. Коротким кивком

министр открыл заседание.

Слово взял Сангинетти. За прошедшие день и ночь каждый таможенник на всех контрольно-пропускных пограничных пунктах Франции получил указание тщательно досматривать багаж высоких, со светлыми волосами иностранцев мужского пола. Сотрудники ДСТ будут более внимательно проверять паспорта, стараясь не пропустить ни одного фальшивого документа (глава ДСТ согласно кивнул). Туристы и бизнесмены, въезжающие во Францию, наверняка заметили возросшую активность таможенников, но едва ли кто из них сможет догадаться, что особый интерес проявляется в отношении высоких блондинов. Если кто-нибудь из остроглазых репортеров захочет узнать, что происходит на границе, ему ответят, что ничего особенного, обычные выборочные проверки. Но пока пресса молчит.

Доложил Сангинетти и о результатах рассмотрения операции по похищению одного из трех главарей ОАС из римского отеля. Набережная Орсей[31] категорически против по дипломатическим мотивам (они не знают о Шакале). Того же

[31] Примечания: 31

Имеется в виду расположенное на этой набережной министерство иностранных дел Франции.

мнения и президент (он-то в курсе событий). Так что этот вариант отпадает.

Генерал Гибо сообщил, что полная проверка архивов СДЭКЭ не выявила профессионального наемного убийцы, не связанного с ОАС. Руководитель Рансенман Женерё признал, что и их поиски не только среди французов, но и иностранцев, пытавшихся совершить преступление на территории Франции, не принесли результата.

Затем выступил глава ДСТ. В половине восьмого утра был подслушан телефонный разговор между почтовым отделением у Северного вокзала и римским отелем, в котором жили три оасовца. С того момента, как они поселились в отеле, восемь недель назад, телефонисты, обслуживающие международные линии, получили указание немедленно докладывать в ДСТ, если кто-то заказал разговор по номеру этого отеля. Дежуривший в то утро оператор оказался редкостным тугодумом. Лишь соединив абонентов, он сообразил, что номер значится в его специальном списке, и тут же позвонил в местное отделение ДСТ. Однако ему хватило ума подслушать разговор. Вот что он услышал:

«От Вальми — Пуатье. Шакал раскрыт.

Повторяю. Шакал раскрыт. Ковальски арестован — „Пел“ перед смертью».

Повисла тяжелая тишина.

— Как они это узнали? — подал голос Лебель с другого конца стола.

Глаза всех присутствующих повернулись к нему. Лишь полковник Роллан, глубоко задумавшись, уставился в стену.

— Черт, — вырвалось у него, и все взгляды переместилась на начальника Отдела противодействия.

— Марсель, — коротко пояснил полковник. — Чтобы вытащить Ковальски из Рима, мы использовали приманку. Его давнего приятеля Жожо Гржибовски. У него жена и дочь. Мы держали их за городом, пока не схватили Ковальски. Затем разрешили им вернуться домой. От Ковальски я хотел узнать, что делают засевшие в отеле Родин и двое его приятелей. О Шакале тогда никто не подозревал. Так что у меня не было оснований держать в тайне захват Ковальски. В те дни. Потом, естественно, обстоятельства изменились. Должно быть, поляк Жожо предупредил агента Вальми. Извините.

— Сотрудники ДСТ взяли Вальми в почтовом

отделении? — спросил Лебель.

— Нет, мы разминулись на пару минут благодаря глупости телефониста, — ответил глава ДСТ.

— Потрясающая расхлябанность, — бросил полковник Сен-Клер, заработав несколько неодобрительных взглядов.

— Мы только нащупываем путь, большей частью в полной темноте, еще не зная, с кем бороться, — вставил генерал Гибо. — Если полковник желает взять на себя руководство операцией вместе со всей ответственностью…

Полковник из Елисейского дворца внимательно изучал лежащий перед ним лист бумаги, словно слова Гибо с прозвучавшей в них плохо скрытой угрозой относились не к нему. Он уже понял, что погорячился.

— Между прочим, — вмешался министр, — может, оно и к лучшему, раз они знают, что их план раскрыт. Теперь они наверняка должны дать задний ход.

— Министр совершенно прав, — Сен-Клер попытался замазать свой промах. — Продолжать подготовку покушения — просто безумие. Они должны отозвать Шакала.

— План не раскрыт, — охладил его пыл Лебель. Все уже забыли о его присутствии. — Мы все

еще не знаем настоящего имени Шакала. Полученное предупреждение приведет лишь к тому, что он примет дополнительные меры предосторожности. Фальшивые документы, изменение внешности…

Оптимизм, вызванный словами министра, иссяк. Роже Фрей с уважением посмотрел на маленького комиссара.

— Я думаю, господа, нам пора дать слово комиссару Лебелю. В конце концов, он возглавляет это расследование. Мы собрались здесь, чтобы помочь ему в силу наших возможностей.

Лебель рассказал о том, что ему удалось сделать с прошлого вечера. О растущей уверенности, подкрепленной проверкой французских архивов, что убийца-иностранец, если он и существует, может быть известен полиции других стран. Просьбе о проведении расследования за рубежом. Полученном разрешении. Переговорам по каналам связи Интерпола с руководителями полиции ведущих стран западного мира.

— Их ответы поступили в течение дня, — перешел он к завершающей части. — Голландия. Ничего. Италия. Несколько известных убийц по контрактам, все на службе мафии. Удалось выяснить, что ни один из них не пойдет на по-

литическое убийство кроме как по приказу, и на текущий момент никто не предлагал денег за ликвидацию иностранного политика. — Лебель поднял голову. — Я склонен думать, что это соответствует действительности. Британия. Пока ничего, но мой запрос передан в другое подразделение. Особое отделение, для дальнейшей проверки.

— Как всегда, тянут, — пробормотал Сен-Клер как бы про себя.

Лебель услышал его и вновь поднял голову:

— Они очень основательные, наши английские друзья. Не стоит недооценивать Скотленд-ярд, — и продолжил чтение: — Америка. Две кандидатуры. Один, правая рука международного торговца оружием, обосновавшегося в Майами, штат Флорида. Бывший морской пехотинец, потом агент ЦРУ в Карибском бассейне. Уволен со службы за убийство кубинского эмигранта, одного из противников Кастро, накануне вторжения в заливе Свиней. Кубинец был командиром одного из отрядов. Американца затем пригрел этот самый торговец оружием, чьими услугами пользовалось ЦРУ, вооружая кубинских эмигрантов. Считается, что последующая гибель при невыясненных обстоятельствах двух конкурентов торговца

оружием — его работа. Похоже, борьба в этой сфере идет жесточайшая. Зовут этого человека Чарльз, Чак, Арнольд. В настоящее время ФБР выясняет его местонахождение. Вторая кандидатура, предложенная ФБР, Марко Вителлино, личный телохранитель главаря нью-йоркской мафии Альберто Анастасио. Его застрелили в кресле парикмахера в октябре 1957 года. В страхе за собственную жизнь Вителлино бежал из Америки. Обосновался в Каракасе, Венесуэла. Пытался утвердиться в тамошнем преступном мире, но без особого успеха. Местные бандиты его не приняли. ФБР полагает, что он мог бы взяться за такую работу, если его устроит цена.

Полная тишина царила в зале заседаний. Четырнадцать человек слушали, не шептались, не переговаривались между собой.

— Бельгия. Один человек. Патологический убийца, еще недавно подручный Чомбе в Катанге. В 1962 году взят в плен войсками ООН, затем выслан из страны. В Бельгию вернуться не может, так как обвиняется в совершении двух убийств. Наемник, умный и хитрый. Зовут его Жюль Беренжер. Считается, что он эмигрировал в Центральную Америку. Бельгийская полиция пытается узнать, куда именно. Западная Герма-

ния. Также один человек. Ганс-Дитер Кассель. Бывший майор СС, разыскивается как военный преступник двумя странами. После войны жил в Западной Германии под вымышленной фамилией, работал по контрактам на ODESSA,[32] подпольную организацию бывших эсэсовцев. Подозревается в убийстве двух политиков-социалистов, которые вели кампанию за активизацию участия государственных учреждений в расследовании военных преступлений. Позднее его разоблачили, но он успел сбежать в Испанию, предупрежденный высоким полицейским чином, лишившимся за это должности. Сейчас предположительно живет в Мадриде.

Лебель оторвался от папки.

— Надо отметить, он староват для такой работы. Ему пятьдесят семь лет. Южная Африка. Один человек. Профессиональный наемник. Пит Шуйпер. Также один из головорезов Чомбе. Официально против него в Южной Африке не выдвинуто никаких обвинений, но он считается нежелательной персоной. Превосходно стреляет, специализируется на индивидуальных убийствах. Последний раз о нем слышали при

---

[32] Примечания: 32
Организация бывших членов СС.

высылке из Конго после воссоединения Кетанги в начале этого года. Предполагают, что он все еще где-то в Западной Африке. Особое отделение южноафриканской полиции продолжает розыск.

Лебель поднял голову. Четырнадцать человек смотрели на него.

— Конечно, все это очень неопределенно. Во-первых, я обратился к полиции лишь семи стран. Шакал может быть швейцарцем, австрийцем или кем-то еще. В трех странах мне ответили, что у них никого нет. Они могут ошибиться. Шакал может быть итальянцем, голландцем или англичанином. И даже южноафриканцем, бельгийцем, немцем или американцем, но не значиться в полицейских досье. Как знать. Мы двигаемся наугад, надеясь на удачу.

— Одни надежды не продвинут нас вперед, — бросил Сен-Клер.

— Возможно, у полковника есть конкретное предложение? — вежливо осведомился Лебель.

— Лично я чувствую, что этот человек наверняка отказался от задуманного, — холодно ответил Сен-Клер. — Теперь, когда его план раскрыт, ему никогда не добраться до президента. Сколько бы ни обещали заплатить ему Родин и его шайка, они потребуют деньги назад и отменят операцию.

— Вы чувствуете, что этот человек отказался от задуманного, — мягко заметил Лебель, — но чувство не столь уж далеко от надежды. И на текущий момент я бы предпочел продолжить расследование.

— Что сейчас делается, комиссар? — спросил министр.

— Те страны, что назвали возможных кандидатов, уже начали передавать по телексу их полные досье. Я рассчитываю, что они будут у меня к полудню завтрашнего дня. По фототелеграфу передадут и фотографии. Выясняется также местопребывание подозреваемых.

— Вы думаете, они и дальше будут молчать? — спросил Сангинетти.

— А почему бы и нет? Каждый год через нас проходят сотни конфиденциальных запросов, не отраженных ни в каких бумагах. К счастью, все страны, какой бы ни была их социальная ориентация, борются с преступностью. Поэтому нам не свойственны разногласия, характерные для политических ведомств, к примеру дипломатов. Полиция многих стран работает в тесном контакте.

— Даже если речь идет о политическом убийстве? — спросил Фрей.

— Для полицейского это тоже преступление. Поэтому я предпочел связаться с моими зарубежными коллегами, а не действовать через министерство иностранных дел. Безусловно, вышестоящее начальство моих коллег обязательно узнает о моих запросах, но едва ли мне откажут в содействии. Политический убийца вне закона во всем мире.

— Но поскольку им известно, что ведется такое расследование, они смогут догадаться, чем оно вызвано, и, возможно, уже насмехаются над нашим президентом, — не унимался Сен-Клер.

— Я не вижу оснований для подобных насмешек. Когда-нибудь и они могут оказаться в такой же ситуации, — ответил Лебель.

— Не очень-то вы разбираетесь в политике, если не понимаете, сколь обрадует некоторых известие о том, что за президентом Франции охотится наемный убийца. Президент особо подчеркивал, что эта информация не должна стать достоянием общественности.

— Она и не стала, — возразил Лебель. — О существовании убийцы знает ограниченный круг лиц, привыкших хранить государственные секреты. Если бы большинство из них выплыло наружу, половина политических деятелей лишилась бы

своих постов. Они должны знать секреты, чтобы надежно их охранять. Если б они не умели держать язык за зубами, им бы не доверили столь ответственную работу.

— Лучше сообщить нескольким лицам, что мы ищем убийцу, чем приглашать их на похороны президента, — пробурчал Бувье. — Мы боремся с ОАС два года. Президент указал, что проводимое нами расследование не должно стать темой для газетных заголовков и разговоров на всех углах.

— Господа, господа, — вмешался министр, — хватит об этом. Это я разрешил комиссару Лебелю навести справки у руководителей полиции других стран, после того... — он глянул на Сен-Клера, — как проконсультировался с президентом.

Последней фразой министр посадил полковника в лужу, к едва скрытой радости присутствующих.

— Кто еще хочет выступить? — спросил месье Фрей.

Роллан поднял руку:

— В Мадриде у нас постоянное бюро. Многие оасовцы обосновались в Испании, поэтому приходится за ними следить. Мы можем найти Касселя без помощи западногерманской полиции. Как я понимаю, наши отношения с министерством

иностранных дел ФРГ еще далеки от идеальных.

Его намек на февральское похищение Арго и последующее возмущение Бонна вызвал несколько улыбок. Фрей взглянул на Лебеля.

— Благодарю вас, — кивнул детектив. — Вы очень поможете нам, если найдете его. Пожалуй, я сказал все, могу только попросить вас оказывать мне такое же содействие, как и в прошедшие двадцать четыре часа.

— Тогда до завтра, господа, — министр поднялся, собирая бумаги. — Заседание окончено.

Выйдя из здания министерства внутренних дел, Лебель с наслаждением вдохнул теплый воздух парижской ночи. Часы ударили двенадцать раз. Наступил вторник, 13 августа.

* * *

Уже после полуночи Барри Ллойд позвонил суперинтенданту Томасу домой, в Чизуик. Томас как раз собирался выключить лампу на столике у кровати, решив, что сотрудник СИС позвонит утром.

— Я нашел копию документа, о котором мы говорили. Обычная депеша о слухе, циркулировавшем в то время на острове. С резолюцией «Ничего не предпринимать», наложенной сразу

по получении. Как я и говорил, нам тогда хватало забот.

— Упоминалось чье-либо имя? — тихо спросил Томас, чтобы не разбудить спящую рядом жену.

— Да, британского бизнесмена, который покинул остров после тех событий. Возможно, он не имеет никакого отношения к убийству Трухильо. Его зовут Чарльз Колтроп.

— Благодарю, Барри. Утром я с этим разберусь. — Томас положил трубку и уснул.

Ллойд, педантичный молодой человек, написал короткий отчет о поступившей к нему просьбе и своих действиях и передал его дежурному с пометкой «Запрос». Дежурный обратил внимание на то, что поступившая бумага имеет отношение к Парижу, и сунул ее в мешок с документацией для французского отдела министерства иностранных дел. Утром, согласно заведенному порядку, мешок лег на стол начальника отдела Франции.

Глава 14

Шакал встал, как всегда, в половине восьмого, выпил чаю, умылся, принял душ, побрился. Одевшись, он вытащил из-за подкладки чемодана тысячу фунтов, положил их во внутренний карман пиджака и спустился вниз позавтракать. В девять часов он уже вышел из отеля на улице Манзоне и отправился на поиски банков. За два часа он посетил пять, разменивая английские фунты. Двести он обменял на итальянские лиры, восемьсот — на французские франки.

Покончив с этим, он выпил в кафе чашечку кофе и перешел к следующему этапу. Спрашивая дорогу у водителей такси и официантов уличных кафе, он оказался на одной из улиц Порте Гарибальди, рабочей окраины Милана, неподалеку от станции Гарибальди. Там он нашел то, что ему требовалось: ряд закрытых гаражных боксов. За двухдневную аренду бокса с него взяли десять тысяч лир, дороже обычного, но зато сразу предоставили бокс в его распоряжение.

В местном магазинчике Шакал купил комбинезон, ножницы для резки металла, несколько ярдов тонкой стальной проволоки, паяльник и

припой. Все покупки он уложил в брезентовую сумку, приобретенную в том же магазине, и отнес ее в гараж. Заперев ворота и положив ключ в карман, он отправился на ленч в тратторию более респектабельного района.

После ленча, предварительно позвонив из траттории и договорившись о встрече, он на такси подъехал к зданию небольшой и не слишком процветающей фирмы по прокату автомобилей. Он выбрал себе подержанную спортивную двухместную модель «альфа ромео» 1962 года выпуска. Объяснил, что за ближайшие две недели, весь свой отпуск, хочет осмотреть достопримечательности Италии и вернет машину в конце указанного срока.

Его паспорт, британское и международное водительские удостоверения были в полном порядке, за час юридическая контора, которая вела дела фирмы, оформила страховку. Залог с него взяли приличный, в пересчете на фунты больше сотни, но к трем часам дня машина, с ключом в замке зажигания, была в полном его распоряжении, и владелец фирмы пожелал ему хорошего отдыха.

Еще в Лондоне он навел справки в «Отэмебил ассошиэйшн» и узнал, что при наличии водитель-

ского удостоверения, правильно оформленных документов на машину и страховочного полиса сможет без особых хлопот въехать во Францию на зарегистрированной в Италии машине, поскольку обе страны являются членами «Общего рынка».

В Итальянском автомобильном клубе на Корсо Венеция ему сообщили адрес почтенной страховой компании, специализирующейся на страховке автомобилей, на которых их владельцы отправлялись в путешествия по другим странам. Его заверили, что у этой компании имеется договоренность с крупной французской страховой фирмой и оформленная у них страховка не вызовет во Франции никаких вопросов. Дополнительно застраховав машину на поездку во Францию, Шакал на «альфе» вернулся в «Континенталь», поставил машину на стоянку, поднялся в номер и принес чемодан с компонентами ружья. К гаражу он подъехал в шестом часу.

Загнав машину на яму и заперев за собой ворота, Шакал вставил штепсель паяльника в розетку, включил яркую лампу, освещающую нижнюю часть машины, и принялся за работу. Два часа он осторожно впаивал трубки с компонентами ружья в выемку ребра жесткости в раме «альфы». Из

всех машин итальянского производства только «альфа», он это выяснил, просматривая в Лондоне автомобильные журналы, имела мощную стальную раму с глубокой выемкой в центральном ребре жесткости. Каждую трубку, в чехле из тонкой мешковины, он притянул проволокой ко дну выемки, а концы проволоки припаял к раме.

Когда он закончил, комбинезон покрывали пятна масла и грязи, а руки болели, оттого что приходилось сильно натягивать проволоку. Теперь лишь тщательный осмотр донной части машины мог обнаружить трубки, а через пару сотен километров слой грязи и пыли вообще сделал бы их неотличимыми от рамы «альфы».

Комбинезон, паяльник и остатки проволоки Шакал засунул в брезентовую сумку и спрятал ее в дальнем углу гаража под грудой замасленного тряпья. Ножницы положил в ящичек приборного щитка.

Из гаража он выехал уже в сгущающихся сумерках. Чемодан лежал в багажнике. Шакал запер ворота и поехал в отель.

Поднявшись к себе, долго стоял под душем, смывая дневную усталость, затем оделся и отправился на обед. Прежде чем пройти в бар, остановился у регистрационной стойки и попро-

сил подготовить счет, чтобы он мог расплатиться после обеда, а также принести ему чашку чаю в половине шестого утра следующего дня.

Второй обед в Милане по качеству ничуть не уступал первому. Затем Шакал расплатился по счету остатками лир и лег спать в начале двенадцатого.

* * *

Сэр Джаспер Куингли стоял у окна своего кабинета в министерстве иностранных дел и, заложив руки за спину, смотрел на ухоженный плац конной гвардии. Колонна гвардейской кавалерии в безупречном строю двигалась к Аннекс и Молл, в сторону Букингемского дворца.

Зрелище производило впечатление. Очень часто по утрам сэр Джаспер стоял у окна и наблюдал за этим великолепным спектаклем. Иногда ему казалось, что можно провести годы в посольствах разных стран ради того, чтобы вот так стоять и смотреть на проезжающих внизу конных гвардейцев, слышать ахи и охи многочисленных туристов, бряцанье оружия и иногда короткое ржание. И от гордости за свою страну плечи расправлялись сами собой, живот втягивался под полосатые брюки, подбородок вздымался кверху.

Иной раз, заслышав цоканье подков по гравию, он поднимался из-за стола, подходил к окну и ждал, пока колонна не скроется из виду, а уж затем возвращался к государственным делам. Случалось, у него щипало глаза, когда он думал о попытках перешагнуть через море и заменить звяканье шпор на топот парижских башмаков или сапожищ из Берлина.

Но в это утро его обуревали другие мысли. В это утро он кипел, как раскаленный чайник, а плотно сжатые губы и так-то узкие, совсем исчезли. Ярость сэра Джаспера Куигли то и дело прорывалась наружу. В кабинете, естественно, кроме него, никого не было.

В министерстве иностранных дел сэр Джаспер возглавлял отдел Франции, в обязанности которого входило изучение дел, замыслов, действий и, зачастую, заговоров, которые зрели в этой неспокойной стране. Результаты работы докладывались первому заместителю министра, а в особо важных случаях и самому министру иностранных дел Ее королевского величества.

Он отвечал всем требованиям, необходимым для назначения на столь ответственный пост, иначе он бы его не получил. Длинный послужной список, в котором значились одни заслуги: он

занимал дипломатические должности в разных странах, но только не во Франции. Перечень оценок политической ситуации, часто ошибочных, но никогда не расходящихся в тот момент с точкой зрения вышестоящего начальства, был предметом его гордости. Он не допускал промахов, которые стали бы достоянием общественности, не было случая, чтобы он сказал правду, когда этого не требовалось. Он никогда не отклонялся от основной политической линии, не выражал мнения, отличного от мнения руководства.

Женитьба на перезревшей дочери посла в Берлине, вскоре после этого ставшего помощником заместителя министра иностранных дел, также не повредила его карьере. Наоборот, с помощью тестя удалось замять неудачный меморандум, отправленный в 1937 году, в котором сэр Джаспер указывал, что усиленное вооружение Германии едва ли отразится на будущем Западной Европы.

Во время войны, вернувшись в Лондон, он работал в отделе Балканских стран и активно выступал за то, чтобы Британия помогала югославскому партизану Михайловичу и его четникам. Когда же тогдашний премьер-министр прислушался к совету молодого, малоизвестного капитана Фицроя Маклина, заброшенного на

территорию Югославии и принимавшего непосредственное участие в боевых действиях, и начал поддерживать коммуниста Тито, Куигли перевели во французский отдел.

Тут он проявил себя решительным сторонником генерала Жиро, обосновавшегося в Алжире. Возможно, эта политика также принесла бы плоды, но его перехитрил другой, занимавший меньшую должность генерал, создавший в Лондоне организацию, названную «Свободная Франция». Почему этот человек приглянулся Уинстону,[33] так и осталось загадкой для профессиональных дипломатов.

Впрочем, он полагал, что едва ли от кого-нибудь из этих французов был бы прок. Ни у кого не возникало и мысли, что сэру Джасперу (он получил дворянское звание в 1961 году за успехи на дипломатическом поприще) недостает компетенции, для того чтобы стать хорошим начальником отдела Франции. Он глубоко презирал и Францию, и все, так или иначе связанное с этой страной. А после пресс-конференции 23 января 1963 года, когда Шарль де Голль отверг просьбу Британии о вступлении в «Общий рынок», за что сэр Джас-

[33] Примечания: 33

Уинстон Черчилль — премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг.

пер получил двадцатиминутную выволочку у министра, презрение перешло в ненависть к французскому президенту.

В дверь постучали. Сэр Джаспер отпрянул от окна, взял со стола густо исписанный лист тонкой бумаги и сделал вид, что внимательно читает его.

— Войдите.

В кабинет вошел молодой человек, закрыл за собой дверь, приблизился к столу.

Сэр Джаспер смотрел на него поверх очков.

— А, Ллойд. Как раз читаю отчет, написанный вами прошлой ночью. Интересно, интересно. Неофициальный запрос комиссара французской полиции старшему полицейскому чину Британии. Переданный через суперинтенданта Особого отделения, который счел возможным проконсультироваться, естественно, неофициально, с младшим сотрудником Интеллидженс сервис. М-м-м?

— Да, сэр Джаспер.

Ллойд смотрел на тощую фигуру стоящего у окна дипломата, уставившегося в отчет, словно никогда не видел его раньше. Он ни в коей мере не сомневался, что сэр Джаспер уже выучил наизусть его содержание и теперь разыгрывал

известную лишь ему одному партию.

— И этот младший сотрудник находит уместным, превысив собственные полномочия и не посоветовавшись с более компетентными коллегами, помочь офицеру Особого отделения, назвав возможную кандидатуру. Причем это предположение не подкреплено ни единым доказательством того, что британский гражданин, считающийся бизнесменом, на самом деле — хладнокровный убийца. М-м-м-м-м?

К чему клонит этот старый идиот? — подумал Ллойд.

Ответ не заставил себя ждать.

— И вот что заинтриговало меня, Ллойд. Хотя этот запрос, разумеется, неофициальный, получен вчера, проходит двадцать четыре часа, прежде чем начальник отдела, наиболее озабоченного тем, что происходит во Франции, узнает о нем. Довольно странное положение дел, не правда ли?

Ллойд наконец-то понял что к чему. Внутренние интриги. Вспомнил он и о том, что сэр Джаспер — человек влиятельный, поднаторевший в борьбе за власть, порой отнимавшей у руководства куда больше сил, чем государственные дела.

— Позволю напомнить вам, сэр Джаспер, что суперинтендант Томас обратился ко мне, как вы и отметили, неофициально, в девять часов вечера. Отчет я написал в полночь.

— Да, да. Но я также обратил внимание, что ответ вы дали еще до полуночи. Теперь скажите мне, почему?

— Я чувствовал, что эта просьба, связанная лишь с поиском направления, в котором пойдет расследование, не выходит за рамки нормального межведомственного сотрудничества, — ответил Ллойд.

— Вы это чувствовали? Чувствовали? — в голосе сэра Джаспера появились резкие нотки. — Но вероятно, не учитывая нормальное сотрудничество между вашей Службой и отделом Франции, а?

— Вы держите в руке мой отчет, сэр Джаспер.

— Поздновато, сэр. Поздновато.

Ллойд решился на ответный удар. Если он и допустил ошибку, не посоветовавшись с начальством, прежде чем помочь Томасу, то оправдываться ему следовало перед собственным шефом, а не перед сэром Джаспером Куингли. А глава СИС не позволял никому, кроме себя, распекать своих сотрудников. Этим он вызывал недовольство других грандов Форин офис, но подчиненные

любили его.

— Поздновато для чего, сэр Джаспер?

Сэр Джаспер бросил на Ллойда короткий взгляд. Он не собирался попадать в ловушку, признавая, что уже невозможно помешать Томасу получить ответ на его вопрос.

— Вы понимаете, что речь идет о гражданине Британии. Нет даже намека на его вину, я уже не говорю о доказательствах. Не кажется ли вам, что, учитывая суть просьбы, это довольно странный способ объединять имя человека с возможным противозаконным родом деятельности.

— Я не думаю, что, назвав суперинтенданту Томасу имя и фамилию человека для определения одного из направлений расследования, я тем самым превратил его в преступника, о котором идет речь, сэр Джаспер.

Дипломат поджал губы, сдерживая ярость. Наглый щенок, но проницательный. С ним надо держать ухо востро. Он взял себя в руки.

— Я вижу, Ллойд. Я вижу. В свете вашего очевидного желания помочь Особому отделению, разумеется, весьма похвального, не считаете ли вы, что вам следовало с кем-либо проконсультироваться, прежде чем принимать решение?

— Вы спрашиваете, сэр Джаспер, почему я не

проконсультировался с вами?

Сэр Джаспер побагровел.

— Да, сэр, да. Именно это я и спрашиваю.

— Сэр Джаспер, при всем уважении к вам, я считаю необходимым обратить ваше внимание на то обстоятельство, что я состою в штате Службы. Если вы не согласны с моими действиями, то мне представляется, что вам более уместно излагать свои претензии моему начальству, а не мне лично.

Представляется? Представляется? Неужели этот молодой выскочка собирается учить начальника отдела Франции, что уместно, а что — нет.

— И я изложу, сэр, — рявкнул сэр Джаспер, — изложу. В самом резком тоне.

Не спрашивая разрешения, Ллойд повернулся и вышел из кабинета. Он не сомневался, что шеф учинит ему разнос, а оправдаться он мог лишь тем, что Брину Томасу требовался срочный ответ. Если же шеф решит, что тому следовало обращаться по официальным каналам, тогда он, Ллойд, окажется крайним. Но лучше выслушивать упреки от шефа, чем от Куигли. О, чертов Томас.

Однако сэр Джаспер Куигли еще не решил, жаловаться ему или нет. По существу, он был прав:

перед тем, как передать информацию о Колтропе, похороненную в архиве, Ллойду следовало посоветоваться с начальством, но не обязательно с ним. Будучи начальником отдела Франции, он лишь получал сведения, поставляемые СИС, но не входил в состав руководства Службы. Он мог пожаловаться этому сварливому гению (не его слова), управляющему СИС, и, возможно, обеспечить Ллойду хороший нагоняй, а может, и подпортить карьеру этому сосунку. Но, с другой стороны, глава СИС мог бы обрушиться на него самого за вызов офицера разведки без его разрешения. Эта мысль сразу охладила пыл сэра Джаспера. Не зря же поговаривают, что глава СИС близок к тем, кто находится на Самом Верху. Играет с ними в карты в Блейдсе, охотится в Йоркшире. И до 12 сентября только месяц. А он все еще надеется получить приглашение на королевские вечера. Лучше оставить все, как есть.

— Тем более что после драки кулаками не машут, — пробормотал он, вновь обратив взор на плац конной гвардии.

— Тем более что после драки кулаками не машут, — повторил он своему собеседнику за ленчем в клубе около часа дня. — Я полагаю, что теперь они свяжутся с французами и будут им

помогать. Надеюсь, не слишком усердно.

Ему понравилась собственная шутка, и он громко рассмеялся. К сожалению, он не предполагал, что его собеседник также близко связан с некоторыми из тех, кто находился на Самом Верху.

Почти одновременно глаз и ушей премьер-министра достигли личное послание комиссара полиции метрополии и новость, переданная собеседником сэра Джаспера. Случилось это около четырех дня, когда премьер-министр вернулся в дом номер 10 по Даунинг-стрит после заседания парламента.

Десять минут пятого в кабинете суперинтенданта Томаса зазвонил телефон.

Утро и большую часть дня Томас занимался поисками человека, о котором он не знал ничего, кроме имени и фамилии. Как обычно, разыскивая тех, кто, без всякого сомнения, побывал за границей, он начал с Паспортного стола на Петти Франс.

Томас приехал туда к открытию, в девять утра, и получил шесть фотокопий заявлений на выдачу паспорта, поступивших в свое время от шести Чарльзов Колтропов. К сожалению, у всех были разные вторые имена, то есть ему предстояло иметь дело с шестью индивидуумами. Ему также

разрешили взять с собой фотографии всех шестерых, с условием, что он перефотографирует их и сразу же вернет в архив Паспортного стола.

Одно из заявлений было заполнено после января 1961 года, то есть этот Чарльз Колтроп ранее за границу не выезжал. Если бы он находился в Доминиканской Республике под вымышленной фамилией, едва ли он фигурировал, как Колтроп, в слухах, связывающих его с убийством Трухильо. Поэтому Томас вычеркнул его из списка.

Из пяти остальных один показался ему слишком старым, к августу 1963 года ему уже стукнуло шестьдесят пять, а четверых Томас решил проверить, независимо от того, подходили ли они под описание Лебеля. Сняв с каждого подозрение в том, что он — Шакал, Томас мог с чистой совестью позвонить Лебелю.

Во всех заявлениях указывался адрес. Два Колтропа жили в Лондоне, два — в провинции. Он не мог просто позвонить, спросить мистера Чарльза Колтропа, а затем поинтересоваться, не был ли тот в Доминиканской Республике в 1961 году. Даже если кто-то из них побывал там, теперь он мог это отрицать.

Ни один из подозреваемых не назвал себя «бизнесменом», заполняя графу «Профессия».

Впрочем, это ни о чем не говорило. По слухам, его считали бизнесменом, на самом деле он мог быть и врачом, и инженером.

За утро по просьбе Томаса местная полиция нашла двух провинциальных Колтропов. Один находился на работе, собираясь на следующей неделе уехать в отпуск с семьей. Во время перерыва на ленч его отвезли домой и проверили паспорт. Визы Доминиканской Республики в нем не было. Выяснилось, что весь январь 1961 года он провел в бухгалтерии фабрики суповых концентратов, где работал последние десять лет.

Второго Колтропа нашли в отеле Блэкпула. Паспорта при нем не оказалось, но его убедили разрешить полиции города, где он жил, открыть дом ключом, взятым у соседа, выдвинуть верхний ящик стола и заглянуть в паспорт. Этот человек, мастер по ремонту пишущих машинок, также никогда не бывал в Доминиканской Республике, в январе 1961 года работал, а в отпуск ушел летом. Это удалось определить по страховому полису и табелю.

Из двух лондонских Колтропов один был зеленщиком в Кэтфорде и продавал овощи в своем магазине, когда к нему пришли двое немногословных мужчин в штатском. Он жил над

магазином, так что смог принести паспорт через пару минут. Он не только не был в Доминиканской Республике, но и не знал, где она находится.

С четвертым и последним Колтропом ситуация несколько осложнилась. Адрес, указанный в заявлении, привел агентов к многоквартирному жилому дому. Управляющий просмотрел картотеку квартиросъемщиков и выяснил, что Чарльз Колтроп съехал в декабре 1960 года, не оставив нового адреса.

Но, по крайней мере, Томас узнал его второе имя. Поиски по телефонному справочнику не дали результата, однако, воспользовавшись правами Особого отделения, Томас узнал на главном почтамте не внесенный в справочник номер Ч. Г. Колтропа, проживающего в Западном Лондоне. Инициалы совпадали с начальными буквами имен четвертого Колтропа — Чарльза Гарольда. Затем Томас позвонил в жилищный отдел муниципалитета, на территории которого был установлен телефон с означенным номером.

Да, ответили ему. Мистер Чарльз Гарольд Колтроп действительно проживает в квартире по этому адресу и является одним из избирателей округа.

Следующим шагом стало посещение квартиры.

После многочисленных звонков дверь так и осталась закрытой. Никто из соседей не мог сказать, где сейчас Колтроп. Когда патрульная машина вернулась в Скотленд-ярд, суперинтендант Томас попытался зайти с другой стороны. Он обратился в финансовое управление и попросил проверить данные по уплате налогов мистером Чарльзом Гарольдом Колтропом, проживающим по такому-то адресу. Особенно его интересовало, где тот работал в последние три года.

Вот тут-то и зазвонил телефон. Томас взял трубку, назвался, послушал несколько секунд. Затем его брови поползли вверх.

— Меня? — переспросил он. — Что, лично?.. Да, конечно, приду. Дадите мне пять минут?.. Хорошо, до встречи.

Он вышел из здания и пересек площадь Парламента, громко сморкаясь на ходу. Несмотря на теплый летний день, его простуда не отступала.

Пройдя квартал по Уайтхоллу, он свернул налево, на Даунинг-стрит, как обычно темную и мрачную, ибо солнечные лучи никогда не проникали в неприметный тупик, где располагалась резиденция премьер-министров Великобритании. Небольшая толпа зевак собралась у дома номер 10. Два дюжих полисмена следили за тем,

чтобы они не мешали череде посыльных, то и дело входивших и выходивших из дверей. Вероятно, зеваки надеялись, что в окне появится какая-нибудь важная личность.

С улицы Томас попал в маленький двор с лужком, подошел к двери черного хода дома номер 10 и нажал на кнопку звонка. Дверь тут же открыл здоровяк в форме сержанта полиции и отдал честь, узнав Томаса.

— Добрый день, сэр. Мистер Хэроуби попросил меня провести вас в его кабинет.

Позвонивший Томасу несколько минут назад Джеймс Хэроуби, симпатичный мужчина, выглядевший моложе своего сорока одного года, возглавлял службу охраны премьер-министра. Теперь он ходил в штатском, но назначению на Даунинг-стрит предшествовала блестящая карьера в полиции, где он, как и Томас, дослужился до чина суперинтенданта. Хэроуби поднялся навстречу гостю.

— Заходите, Брин. Рад вас видеть. — Он кивнул сержанту: — Благодарю, Чалмерс. — Сержант ретировался и закрыл за собой дверь.

— Что случилось? — спросил Томас.

Хэроуби удивленно взглянул на него.

— Я надеялся узнать об этом у вас. Он просто

позвонил четверть часа назад, упомянул вашу фамилию и сказал, что хочет немедленно переговорить с вами лично. Чем это вы там занимаетесь?

Томас занимался только одним делом и не предполагал, что премьер-министр так скоро узнает об этом. Но, раз П-М не пожелал довериться начальнику своей службы безопасности, то и ему не следует распускать язык.

— Да вроде бы ничем особенным, — ответил Томас.

Хэроуби снял трубку и попросил соединить его с кабинетом премьер-министра. В трубке затрещало.

— Да? — донесся голос.

— Говорит Хэроуби, премьер-министр. Суперинтендант Томас у меня… Да, сэр. Конечно, — и он положил трубку. — Прямо сейчас. Немедленно. Все-таки у вас что-то произошло. В приемной ждут два министра. Пошли.

По коридору Хэроуби провел его к обитой зеленым сукном двери в дальнем конце. Из нее как раз выходил секретарь, но, увидев их, отступил назад, оставив дверь открытой. Хэроуби пропустил Томаса первым, громко представил его: «Суперинтендант Томас, премьер-министр» — и

выскользнул из кабинета, плотно притворив дверь.

Томас остался в очень тихой, элегантно обставленной комнате, с высоким потолком, пахнущей трубочным табаком и деревом, заваленной книгами и бумагами, более похожей на кабинет университетского профессора, чем премьер-министра. Мужчина у окна обернулся.

— Добрый день, суперинтендант. Пожалуйста, присядьте.

— Добрый день, сэр. — Томас выбрал стул с высокой спинкой, стоящий перед столом, и примостился на краешке.

Никогда еще ему не приходилось видеть премьер-министра так близко, да к тому же один на один. На него смотрела пара усталых глаз, полуприкрытых тяжелыми веками. Такие глаза могли бы быть у ищейки, отмахавшей изрядное расстояние и не получившей от этого никакого удовольствия.

Премьер-министр молча обошел стол и сел. Томас, конечно, слышал разговоры о том, что здоровье премьер-министра уже не то и государственные дела все сильнее давят на его плечи. Но даже его удивила усталость и грусть сидящего перед ним человека.

— Суперинтендант Томас, мне стало известно, что вы в настоящее время ведете расследование, начатое по просьбе одного из высших чинов французской Полис Жюдисер, который позвонил вчера утром и попросил о содействии.

— Да, сэр… премьер-министр.

— И эта просьба вызвана тем, что, по сведениям сил безопасности Франции, существует вероятность, что профессиональный убийца, нанятый предположительно ОАС, взялся в ближайшем будущем выполнить во Франции заказ работодателей.

— Нам этого не говорили, премьер-министр. Нас лишь просили сообщить о тех профессиональных убийцах, которые нам известны. Зачем потребовались эти сведения, нам не объясняли.

— Тем не менее какой вывод сделали вы из этой просьбы, суперинтендант?

Томас чуть пожал плечами:

— Тот же, что и вы, премьер-министр.

— Вот именно. Не нужно быть гением, чтобы догадаться о той единственно возможной причине, побудившей французов разыскивать этих… людей. И кто, по-вашему, должен стать жертвой этого человека, если он действительно существует?

— Я полагаю, премьер-министр, они боятся, что он попытается убить президента.

— Именно. Это же не первая попытка покушения?

— Нет, сэр. Уже шесть закончились неудачно.

Премьер-министр разглядывал лежащие перед ним бумаги, словно они могли прояснить, что произойдет в мире за те последние месяцы, которые осталось ему провести в этом кабинете.

— Вам известно, суперинтендант, что в этой стране есть люди, причем занимающие важные посты, которые хотят, чтобы вы вели расследование не столь энергично, как могли бы?

Томас искренне удивился:

— Нет, сэр. — И кто только мог сказать это П-М?

— Не могли бы вы коротко доложить о состоянии дел на текущий момент?

Томас рассказал обо всем с самого начала, поиске в Центральном архиве и архиве Особого отделения, разговоре с Ллойдом, слухах относительно Колтропа и последующих розысках людей с этой фамилией.

Когда он закончил, премьер-министр встал и подошел к окну. Долго смотрел на залитый солнцем лужок во дворе, плечи у него опустились,

словно на них лежал тяжелый мешок. Томасу оставалось только гадать, о чем он думает.

Возможно, о пустынном пляже под Алжиром, где он однажды гулял, беседуя с надменным французом, который сейчас сидел в другом кабинете, в трех сотнях миль от Даунинг-стрит, управляя делами своего государства. Оба тогда были на двадцать лет моложе и еще не знали того, что произойдет за эти годы в отношениях между ними и их странами.

Тот же француз, выступая в золоченом зале Елисейского дворца восемью месяцами раньше, несколькими звонкими фразами развеял надежды премьер-министра увенчать свою политическую карьеру вступлением Британии в «Общий рынок» и уйти в отставку с чувством выполненного долга.

А может, о последних тяжелых месяцах, когда сутенер и куртизанка едва не свалили правительство Британии.[34] Старый человек, воспитанный в обществе со своими понятиями добра и зла, он верил в эти понятия и следовал им. Но мир изменился, пришли новые люди с новыми идеями,

---

[34] Примечания: 34

Имеется в виду громкий политический скандал, завершившийся отставкой военного министра Д. Профьюмо, уличенного во лжи перед Парламентом и прелюбодеянии.

а он так и остался в прошлом. Осознавал ли он, какой смысл вкладывается в эти понятия теперь? Если да, то он определенно ему не нравился.

Возможно, он уже знал, глядя на освещенную солнцем лужайку, что будет впереди. Хирургическая операция, которую больше нельзя откладывать, и вместе с ней уход с высокого поста. Еще немного, и его мир предстоит передать новым людям. Многое уже перешло к ним. Но можно ли передавать его альфонсам и проституткам, шпионам и… убийцам?

Со своего стула Томас увидел, как расправились плечи, старик повернулся к нему:

— Суперинтендант Томас, я хочу, чтобы вы знали, что генерал Шарль де Голль — мой друг. Если ему грозит опасность, если опасность исходит от гражданина этого острова, такого человека надо остановить. С этой минуты вы возьметесь за его поиски с беспрецедентной энергией. В течение часа ваше руководство получит мое личное указание о всемерном содействии вашим усилиям. У вас не будет недостатка ни в людях, ни в ресурсах. Вы получите право привлекать в свою команду кого пожелаете, вам будет разрешен доступ к любым документам всех государственных учреждений этой страны, какие только могут вам

потребоваться. Вы сможете, по моему личному распоряжению, работать в самом тесном контакте с французскими властями. И лишь когда у вас будет полная уверенность, что человек, которого хотят найти и арестовать французы, не является британским подданным и не действует с этих берегов, только тогда вы можете прекратить расследование. И лично доложите мне о результате. Если же этот Колтроп или какой-то другой человек с британским паспортом окажется тем, кого ищут французы, вы его задержите. Кто бы он ни был, его надо остановить. Я выразился достаточно ясно?

Куда уж яснее, подумал Томас. Теперь он не сомневался, что этот поток инструкций вызвала какая-то информация, дошедшая до ушей П-М. Возможно, связанная с загадочной фразой о том, что кое-кто не хочет быстрого прогресса проводимого им расследования, но полной уверенности у него не было.

— Да, сэр.

П-М кивнул, показывая, что аудиенция окончена. Томас поднялся и направился к двери.

— Э… премьер-министр?

— Да.

— Есть одна загвоздка, сэр. Я не понял, хотите

ли вы, чтобы я уже сейчас сообщил французам, что мы расследуем слух, касающийся деятельности Колтропа в Доминиканской Республике два года назад.

— У вас есть основания утверждать, что Колтроп, принимая во внимание его прошлое, подпадает под описание человека, которого ищут французы?

— Нет, премьер-министр. У нас нет ничего против любого Чарльза Колтропа, не считая слуха двухлетней давности. Мы даже не знаем, побывал ли тот Колтроп, которого мы искали весь день, в Доминиканской Республике в январе 1961 года. Если нет, мы окажемся у разбитого корыта.

Премьер-министр задумался.

— Я не хочу, чтобы вы отнимали время у ваших французских коллег предположениями, основанными на давнишних неподтвержденных слухах. Подчеркиваю, суперинтендант, неподтвержденных. Пожалуйста, продолжайте расследование. Как только вы почувствуете, что имеющейся в вашем распоряжении информации достаточно для того, чтобы говорить о причастности этого или другого Чарльза Колтропа к убийству генерала Трухильо, немедленно связывайтесь с французами и одновременно ищите этого человека, где

бы он ни был.

— Я понял, премьер-министр.

— И, если вас это не затруднит, попросите мистера Хэроуби зайти ко мне. Я сейчас же отдам необходимые указания касательно вас.

Во второй половине дня события в кабинете Томаса менялись с калейдоскопической быстротой. Вокруг него сформировалась ударная группа из шести лучших детективов Особого отделения. Одного отозвали из отпуска. Двух сняли с наблюдения за домом человека, подозреваемого в передаче секретных сведений военному атташе одной восточноевропейской страны. Еще двое вчера помогали Томасу в проверке архивов Особого отделения, когда они искали убийцу без имени. У одного из них сегодня был выходной, и он работал в саду, когда его срочно вызвали в Скотленд-ярд.

Каждого Томас ввел в курс дела, подчеркнув секретность расследования. Телефон звонил, не переставая. Уже в седьмом часу вечера в финансовом управлении раскопали налоговые декларации Чарльза Гарольда Колтропа. Один из детективов поехал за ними. Четверо «висели» на телефонах, а шестой отправился на квартиру Колтропа, чтобы опросить соседей и владельцев

местных магазинчиков. Кто-то из них мог знать, куда подевался этот Колтроп. В фотолаборатории с фотографии, присланной Колтропом вместе с заявлением на выдачу паспорта четыре года назад, сделали несколько копий и раздали детективам.

Из налоговых деклараций следовало, что прошлый год Колтроп числился безработным, а перед тем провел год за границей. Большую часть финансового 1960/61 года он работал в известной британской фирме, занимающей ведущее положение в производстве и экспорте легкого стрелкового оружия. В течение часа Томас узнал фамилию исполнительного директора фирмы и выяснил, что тот живет в пригороде Лондона. По телефону он договорился о встрече, и в сгущающихся сумерках полицейский «ягуар» пересек по мосту Темзу, взяв курс на Вирджиния Уотер.

Патрик Монсон ничем не напоминал торговца оружием. Он рассказал Томасу, что Колтроп работал в фирме меньше года. В декабре 1960 и январе 1961 года по поручению фирмы он находился в Доминиканской Республике, пытаясь продать шефу полиции Трухильо большую партию автоматов, уже не нужных британской армии.

Во взгляде Томаса сквозила неприязнь.

И плевать им, против кого используют эти

автоматы, подумал он, но голос его остался бесстрастным. Почему Колтроп так поспешно покинул Доминиканскую Республику?

Вопрос удивил Монсона. Потому что Трухильо убили. После смерти диктатора режим развалился за несколько часов. Как может отнестись новая власть к человеку, приехавшему продавать автоматы и патроны прежней власти? Естественно, у него не было иного выхода, кроме как немедленно уехать.

Томас задумался. Вроде бы логично. По словам Монсона, Колтроп сидел в кабинете начальника полиции, обсуждая детали сделки, когда поступило сообщение, что генерала убили на пустынном шоссе неподалеку от города. Начальник полиции побледнел и тут же уехал в свое поместье, где в постоянной готовности находились самолет и пилот. А вскоре толпа запрудила улицы, вылавливая сторонников бывшего диктатора. Колтропу пришлось подкупить рыбака, чтобы тот вывез его с острова.

— Почему Колтроп покинул фирму? — спросил Томас.

Его уволили, коротко ответили ему. Почему? Монсон ответил не сразу.

— Суперинтендант, в торговле оружием чрез-

вычайно острая конкуренция. Борьба, можно сказать, идет не на жизнь, а на смерть. Узнать, что предлагается на продажу и по какой цене, очень важно для тех, кто хочет сбыть аналогичный товар тому же покупателю. Скажем так, нас не в полной мере устраивала верность Колтропа интересам фирмы.

В машине, по пути в Лондон, Томас обдумал разговор с Монсоном. Объяснение, данное Колтропом относительно своего быстрого отъезда, выглядело вполне правдоподобным. Оно не подтверждало, скорее опровергало слух, переданный карибским резидентом СИС, относительно причастности Колтропа к убийству Трухильо.

С другой стороны, как следовало из слов Монсона, Колтроп не чурался двойной игры. Не мог ли он прибыть на остров в качестве представителя фирмы по производству оружия, чтобы продать партию автоматов диктаторскому режиму и одновременно выполнить задание повстанцев?

Настораживало другое: Монсон упомянул, что Колтроп не так уж разбирался в оружии, когда поступил на фирму. Снайпер же обязан быть экспертом в системах оружия. Однако он мог многому научиться, работая в фирме. Но если он не был признанным снайпером, с какой стати

партизанам обращаться к нему, чтобы он одним выстрелом остановил мчащийся лимузин Трухильо? Или они нанимали совсем другого человека? И объяснение Колтропа соответствует действительности?

Томас пожал плечами. Разговор с Монсоном не принес доказательств ни вины, ни невиновности Колтропа. Вновь у разбитого корыта, с горечью подумал он.

Но новости, ждущие его в кабинете, несколько изменили настроение Томаса. Вернулся инспектор, ездивший на квартиру Колтропа. Он нашел соседку, которая днем была на работе. Та сказала, что мистер Колтроп уехал несколько дней назад в Шотландию. На заднем сиденье машины женщина видела, как ей показалось, набор удилищ.

Удилищ? Суперинтендант Томас внезапно похолодел, несмотря на теплую летнюю ночь. Когда первый детектив закончил доклад, в кабинет вошел другой.

— Супер?

— Да?

— Мне пришла в голову одна мысль.

— Выкладывайте.

— Вы понимаете по-французски?

— Нет, а вы?

— Да, у меня мать француженка. Убийца, которого ищет ПЖ, проходит под кодовым именем Шакал, так?

— И что из этого?

— Ну, Шакал по-французски — Chacal. По буквам — C-H-A-C-A-L. Понимаете? Нужно быть тупым, как дерево, чтобы выбрать кодовое имя, пусть даже на французском, состоящее из первых трех букв его имени и его….[35]

— Святой Боже и ангелы небесные, — Томас громко чихнул и потянулся к телефону.

---

[35] Примечания: 35
Чарльз Колтроп по-английски пишется CHArles CALthrop.

Глава 15

Третье по счету заседание в министерстве внутренних дел в Париже началось чуть позже десяти: министра, возвращавшегося с дипломатического приема, задержала транспортная пробка. Сев за стол, он дал знак, что можно начинать.

Первым взял слово генерал Гибо из СДЭКЭ. Агенты мадридского бюро Секретной службы обнаружили Касселя, бывшего эсэсовца. Спокойно живет в Мадриде, на паях с другим бывшим эсэсовцем владеет процветающей фирмой и не намерен иметь никаких дел с ОАС. Мадридское бюро тем не менее подготовило досье на этого человека, учитывая, что ранее он не был связан с ОАС.

Принимая во внимание его возраст, участившиеся приступы ревматических болей, а также пристрастие к спиртному, можно с достаточной уверенностью утверждать, что Кассель — не Шакал.

Когда генерал закончил, все взгляды скрестились на Лебеле. В его докладе не было ничего утешительного. За день в ПЖ поступили депеши из трех стран, ранее предложивших возможные

кандидатуры.

Из Америки сообщили, что Чак Арнольд, работающий на торговца оружием, находится в Колумбии, пытаясь договориться с начальником штаба армии о продаже партии самоходных противотанковых орудий, снятых с вооружения в США. Он под постоянным наблюдением агентов ЦРУ в Боготе, и нет никаких признаков, что он занимается чем-то еще, помимо переговоров о продаже, несмотря на недовольство американской администрации готовящейся сделкой.

Досье Арнольда по телексу поступило в Париж вместе с досье Вителлино. Хотя обнаружить мафиози еще не удалось, едва ли он мог быть Шакалом — с ростом в пять футов четыре дюйма, непомерно широкими плечами, жгуче-черными волосами и смуглым лицом. Столь разительное несоответствие его внешности описанию Шакала, полученному от портье в венском пансионе, побудило Лебеля отмести и эту кандидатуру.

Южноафриканцы выяснили, что Пит Шуйпер в настоящее время возглавляет службу безопасности алмазодобывающей компании в одной из стран Западной Африки. В его обязанности входит охрана границ обширных территорий, отданных компании, и борьба с контрабанди-

стами и частными старателями. Он свободен в выборе средств и методов, и работодатели очень довольны его успехами. Они же подтвердили, что он, вне всякого сомнения, находится на своем посту в Западной Африке.

Бельгийская полиция выяснила местонахождение наемника из Катанги. Они обнаружили донесение посольства в одной из стран Карибского бассейна, из которого следовало, что бывшего подручного Чомбе убили в драке в Гватемале тремя месяцами раньше.

Лебель закрыл папку и поднял голову. Четырнадцать пар глаз смотрели на него, в большинстве холодно и враждебно.

— Что еще? — полковник Роллан высказал общий вопрос.

— К сожалению, это все, — ответил Лебель. — Ни одно из предположений, похоже, не подтвердилось.

— Похоже, не подтвердилось, — эхом отозвался Сен-Клер. — Вот, значит, к чему мы пришли с вашими чисто детективными методами? Ничего, похоже, не подтвердилось? — Он злобно глянул на двух детективов, Бувье и Лебеля, чувствуя, что на этот раз большинство на его стороне.

— Создается впечатление, господа, — послед-

ним словом министр объединил обоих комиссаров полиции, — что мы вернулись к тому, с чего начали. Образно говоря, оказались у разбитого корыта.

— К сожалению, это так, — согласился Лебель.

Бувье тут же вступился за своего заместителя.

— Мой коллега ищет, практически без всяких зацепок, одного из самых неуловимых людей на земле. Профессионал такого класса не афиширует род своей деятельности или местопребывание.

— Мы это понимаем, мой дорогой комиссар, — холодно заметил министр, — но дело в том…

Его прервал стук в дверь. Министр нахмурился. Он приказал не беспокоить их, разве только в экстренном случае.

— Войдите.

В дверях показался один из секретарей, робкий и испуганный.

— Извините, господин министр. Комиссара Лебеля к телефону. Звонят из Лондона, — чувствуя враждебность сидящих за столом, он добавил, выгораживая себя: — Говорят, что срочно…

Лебель поднялся:

— С вашего разрешения, господа?

Он вернулся через пять минут, встреченный той же холодностью. Очевидно, перебранка отно-

сительно дальнейших действий продолжалась и в его отсутствие. Его приход прервал желчный монолог полковника Сен-Клера. Маленький комиссар держал в руке конверт с несколькими строчками, нацарапанными на обороте.

— Я думаю, господа, у нас есть имя человека, которого мы ищем, — объявил он.

Совещание завершилось через полчаса в атмосфере всеобщей эйфории. Когда Лебель доложил о том, что сказал ему Томас, дружный вздох облегчения пронесся по кабинету. Они знали, что теперь дело найдется каждому. За полчаса они пришли к выводу, что смогут, не привлекая внимания газет, в обстановке полной секретности, прочесать Францию в поисках человека, которого зовут Чарльз Колтроп, найти его и, при необходимости, уничтожить.

Описание внешности Колтропа обещали прислать утром, но за ночь Рансеман Женере могло проверить свои архивы и найти въездную карточку этого человека, а также карточки его регистрации в отелях по всей территории Франции. Префектура полиции параллельно выяснила бы, не остановился ли он в одном из отелей Парижа.

ДСТ могло снабдить именем и приметами Колтропа все контрольно-пропускные пограничные

пункты страны, с инструкциями о немедленном задержании этого человека.

Нет особой беды и в том случае, если он еще не приехал во Францию. Его будут ждать, чтобы сразу же арестовать.

* * *

— Гнусный тип, этот Колтроп, но можно считать, что он у нас в кармане, — похвалился полковник Рауль Сен-Клер де Вийобон своей любовнице, лежа в постели.

Часы на каминной полке уже пробили двенадцать раз, когда Жаклин наконец-то выжала из него долгожданный оргазм и полковник крепко заснул. Наступило 14 августа.

* * *

После разговора с Парижем суперинтендант Томас вновь собрал шестерых инспекторов, чтобы перегруппировать свои силы. Совещание продолжалось час. Один инспектор получил задание проверить юные годы Колтропа, кто его родители, живы ли они, воспитывался он в семье или приюте, в какую ходил школу, как стрелял в организации по вневойсковой военной подготов-

ке, чем выделялся среди сверстников.

Второму поручили выяснить, что он делал после школы, как отслужил в армии, опять же как стрелял, где работал после демобилизации до того, как поступил в фирму по производству оружия, откуда его уволили, заподозрив в двойной игре.

Третий и четвертый детективы сосредоточили свое внимание на двух последних годах жизни Колтропа, после увольнения в октябре 1961 года. Где он бывал, с кем виделся, на что жил, из каких источников получал деньги. У него не было трений с полицией, и соответственно у полиции не было отпечатков его пальцев, поэтому Томас хотел, чтобы они постарались найти более позднюю фотографию Колтропа, чем та, что прилагалась к заявлению на выдачу паспорта.

Перед двумя последними детективами была поставлена задача отыскать Колтропа. Произвести обыск квартиры, выяснить, где он купил машину, когда получил права. Узнать все выходные данные автомобиля: модель, год выпуска, цвет, номерной знак. Найти гараж, где машина готовилась к поездке. Проверить регистрационные книги всех паромов, связаться со всеми авиакомпаниями и убедиться, что он не улетел

на самолете.

Все шестеро записывали каждое относящееся к ним слово суперинтенданта. Когда он закончил, они поднялись и один за другим вышли из кабинета. В коридоре двое последних переглянулись.

— Ничего себе проверочка, — заметил один.

— Самое забавное состоит в том, — ответил второй, — что старик так и не сказал нам, в чем дело. Что натворил или собирается натворить этот Колтроп.

— В одном можно не сомневаться. Такое расследование можно начать только по указанию с самого верха. Создается впечатление, что этот бедолага надумал подстрелить короля Сиама.

Потребовалось немного времени, чтобы разбудить судью и подписать у него ордер на обыск. В предрассветные часы, когда уставший Томас дремал в кресле своего кабинета, а совсем уже вымотавшийся Клод Лебель маленькими глотками пил черный кофе, два детектива Особого отделения переворачивали вверх дном квартиру Колтропа.

Оба хорошо знали свое дело. Начали они с ящиков, вываливая на простыни, а затем сортируя их содержимое. Опустошив ящики, они простучали столы и шкафы в поисках тайников. После дере-

вянной мебели пришел черед мягкой. Когда они покончили с ней, комнаты напоминали ферму индеек в День Благодарения. Один детектив занимался спальней, второй — гостиной. На кухню и ванную они набросились вместе.

После мебели, диванных подушек, постельных принадлежностей, пальто и костюмов настала очередь полов, потолков и стен. К шести утра обыск закончился. На лестничной площадке собрались соседи, поглядывая друг на друга и на закрытую дверь квартиры Колтропа. Переговаривались они шепотом, но разом замолчали, когда оба детектива вышли из квартиры.

Один нес чемодан с личными вещами и документами Колтропа. Он сел в ожидающую у подъезда патрульную машину, которая доставила его к суперинтенданту Томасу. Второй детектив начал опрашивать соседей, так как через час-другой многие из них уезжали на работу.

Томас несколько минут смотрел на вещи Колтропа, сваленные на пол. Детектив нагнулся и извлек из кучи маленькую синюю книжицу. Подошел к окну, полистал ее, освещенный лучами восходящего солнца.

— Супер, взгляните сюда, — его палец ткнулся в одну из страниц паспорта. — Видите… Republica

Dominicana, Aeroporto Ciudad Trujillo, Decembre 1960....[36] Он там побывал. Это наш человек.

Томас взял у детектива паспорт, глянул на него, затем долго смотрел в окно.

— О да, это наш человек, юноша. Но разве до вас еще не дошло, что мы держим в руках его паспорт?

— О черт... — вырвалось у инспектора.

— Совершенно верно, — воспитанный в строгих традициях англиканской церкви, Томас практически никогда не прибегал к крепким выражениям. — Если он путешествует не с этим паспортом, то с каким же? Соедините меня с Парижем.

* * *

К этому времени Шакал уже пятьдесят минут ехал по шоссе, давно миновав окраину Милана. Верх «альфы» он опустил, ибо Autostrada 7 купалась в лучах утреннего солнца. На широкой, прямой как стрела дороге, он разогнался до восьмидесяти миль в час, и стрелка тахометра подрагивала у красной черты. Холодный ветер

---

[36] Примечания: 36

Доминиканская Республика, аэропорт Сьюдад Трухильо (теперь Санто-Доминго), декабрь 1960... (*исп.*)

ерошил его волосы, глаза, как обычно, скрывали черные очки.

От границы с Францией, которую он решил пересечь в Вентимилье, его отделяло 210 километров, или 130 миль, и он рассчитывал добраться туда максимум за два часа. Около Генуи поток грузовиков, направляющихся в порт, заставил его несколько сбросить скорость, но в 7.15 он уже выехал на A10, ведущую к Сан-Ремо и границе.

Когда он прибыл в один из самых тихих контрольно-пропускных пунктов на границе между Италией и Францией, машин на дороге значительно прибавилось, а солнце припекало все сильнее.

После тридцатиминутного ожидания в очереди ему предложили съехать на пандус для таможенного досмотра. Полицейский взял у него паспорт, внимательно просмотрел его, пробормотал: «Одну минуту, месье» — и скрылся в будочке. Несколько минут спустя он появился вместе с мужчиной в штатском, который держал в руке паспорт.

— Добрый день, месье.

— Здравствуйте.

— Это ваш паспорт?

— Да.

Мужчина внимательно просмотрел паспорт.

— С какой целью вы приехали во Францию?

— Как турист. Я ни разу не был на Лазурном берегу.

— Понятно. Это ваша машина?

— Нет. Я взял ее напрокат. У меня дела в Италии, но неожиданно выдалась свободная неделя. Поэтому я взял машину и решил поехать во Францию.

— Понятно. У вас есть документы на машину?

Шакал предъявил международное водительское удостоверение, контракт на прокат машины, два страховых полиса. Мужчина в штатском неторопливо просмотрел все бумаги.

— У вас есть багаж, месье?

— Да, три чемодана и ручной саквояж.

— Пожалуйста, принесите их в зал таможенного досмотра.

И ушел. Полицейский помог Шакалу выгрузить чемоданы из багажника и перенести их в зал досмотра.

Перед отъездом из Милана Шакал вытащил из чемодана шинель, старые брюки и башмаки Андре Мартина, несуществующего француза. Его документы остались за подкладкой чемодана, в который он доложил вещи из двух других. Брюки

и башмаки завернул в шинель и затолкал ее в глубь багажника. Медали сунул в карман.

Два таможенника перетрясли каждый чемодан. Шакал в это время заполнял стандартную карточку для туристов, въезжающих на территорию Франции. Содержимое чемоданов не насторожило таможенников. Лишь однажды в душу Шакала закралась тревога, когда те добрались до красок для волос. Он предварительно перелил их во флаконы из-под лосьонов после бритья. В то время лосьоны еще не вошли в моду во Франции, только-только появились в магазинах, ими пользовались главным образом в Америке. Он заметил, как переглянулись таможенники, опуская флаконы в саквояж.

Краем глаза, через окно, он видел третьего таможенника, осматривающего багажник и мотор «альфа». К счастью, тот не заглянул под днище. Таможенник развернул шинель, скорчил гримасу, но решил, что шинель нужна, чтобы укрыть мотор в холодную зимнюю ночь, а старые брюки и башмаки — чтобы переодеться, если придется ремонтировать машину прямо на дороге. И захлопнул крышку багажника.

Шакал заполнил карточку, таможенники закрыли чемоданы и кивнули мужчине в штатском.

Тот в свою очередь сверил записи во въездной карточке с паспортными данными, затем отдал паспорт Шакалу.

— Благодарю, месье. Счастливого пути.

Десять минут спустя Шакал подъезжал к окраине Ментоны. После ленча в кафе с видом на старый порт и яхт-клуб он поехал вдоль побережья, к Монако, Ницце, Каннам.

* * *

В Лондоне суперинтендант Томас одной рукой помешивал ложечкой черный кофе, другой поглаживал щетинистый подбородок. Два инспектора, которым поручалось найти Шакала, сидели перед ним. Все трое ожидали прибытия еще шестерых сотрудников, сержантов Особого отделения, освобожденных от привычных занятий телефонными звонками Томаса. Ничего не подозревая, они поутру пришли на службу и тут же получили приказ явиться в кабинет суперинтенданта.

Они начали подходить после девяти часов. Когда прибыл последний, Томас коротко напутствовал их:

— Значит, так, мы ищем мужчину. Мне нет нужды говорить, зачем он нам понадобился. Вам

это неважно. Главное, чтобы мы его нашли и нашли быстро. Мы знаем или думаем, что знаем, о его отъезде за границу. У нас также есть уверенность в том, что он путешествует по паспорту, выданному на вымышленное имя.

— Вот так он выглядит, — Томас роздал сержантам увеличенные фотографии Колтропа, переснятые с заявления на выдачу паспорта. Детективы получили их ранее. — Учитывайте, что он может изменить внешность. Сейчас вы отправитесь в паспортный стол и составите полный список тех, кто обращался за паспортом в течение последних ста дней. Если вы ничего не найдете, придется составлять такой же список за сто предшествующих дней. Работа предстоит тяжелая.

В общих чертах он описал самый простой способ получения паспорта на вымышленное имя, которым, надо отметить, и воспользовался Шакал.

— Ни в коем случае не останавливайтесь на свидетельстве о рождении, — заключил Томас. — Обязательно проверяйте свидетельство о смерти. Поэтому, составив список в паспортном столе, вы перейдете в Сомерсет Хауз, поделите выписанные вами фамилии поровну и начнете просмотр

свидетельств о смерти. Если вы обнаружите заявление на выдачу паспорта, поданное уже умершим человеком, скорее всего, окажется, что нам нужен тот, кто его написал. Можете идти.

Два инспектора и шесть детективов Особого отделения потянулись из кабинета, а Томас позвонил в паспортный стол и в отдел регистрации рождений, свадеб и смертей в Сомерсет Хауз, чтобы в обоих учреждениях им обеспечили максимальное содействие.

Два часа спустя, когда он брился позаимствованной у подчиненных электрической бритвой, позвонил старший из инспекторов. За сто дней подано 841 заявление на выдачу паспорта. Лето, объяснил инспектор. В это время заявлений всегда больше.

Брин Томас положил трубку и высморкался в платок.

— Чертово лето, — пробурчал он.

* * *

В начале двенадцатого Шакал въехал в Канны. И на этот раз он решил воспользоваться услугами одного из лучших отелей города. Несколько минут кружения по улицам, и он подъехал к «Мажестик». Проведя расческой по волосам, во-

шел в холл.

Народу было немного, отдыхающие уже отправились на пляж или осматривать достопримечательности. Элегантный костюм и уверенные манеры безошибочно выдавали в нем английского джентльмена, поэтому его появление в отеле не вызвало удивления коридорного, у которого Шакал поинтересовался, откуда он может позвонить в другой город. Девушка, сидевшая за коммутатором, подняла голову, когда он подошел к конторке.

— Пожалуйста, соедините меня с Парижем, — попросил Шакал. — Молитор 5901.

Через пять минут она пригласила его в кабинку. Шакал плотно притворил за собой звуконепроницаемую дверь.

— Алле, говорит Шакал.

— Алле, говорит Вальми. Слава богу, что вы позвонили. Мы уже два дня пытаемся найти вас.

Всякий, кто наблюдал за кабинкой, мог бы заметить, как напрягся и помрачнел стоящий в ней англичанин. Большую часть десятиминутного разговора он молчал и слушал. Лишь изредка его губы двигались, задавая короткий вопрос. Но никому не было дела до телефонного разговора, девушка за коммутатором и та уткнулась в ро-

мантическую историю. Она оторвалась от книги, лишь когда высокий англичанин в черных очках вновь подошел к конторке, чтобы заплатить по счету.

В ресторане Шакал заказал кофе и долго сидел на террасе, глядя на сверкающее море и загорелых людей на пляже.

С Ковальски ему все было ясно: он запомнил громадного поляка из пансиона в Вене. Не мог он понять, откуда телохранителю, все время находившемуся в коридоре, известны его кодовое имя и суть полученного им задания. Может, французская полиция дошла до этого сама? А может, Ковальски почувствовал, кто он такой, потому что был таким же убийцей, хотя больше полагался на силу рук, чем на зоркий глаз.

Шакал думал о том, что делать дальше. Вальми советовал отказаться от намеченного и вернуться домой, но признал, что не получил прямого указания Родина об отмене операции. Случившееся лишь подтвердило подозрения Шакала: в ОАС тайное тут же становилось явным. Но кое-чего не могли знать ни доносчики, ни французская полиция. Путешествовал-то он под вымышленной фамилией, по паспорту, официально выданному на эту фамилию, имея в запасе еще два иностран-

ных паспорта и документы несуществующего француза со всеми необходимыми средствами перевоплощения.

Что известно французской полиции, комиссару Лебелю, о котором говорил Вальми? Самые общие приметы: высокий, блондин, иностранец. В августе во Франции сотни тысяч иностранцев с такой внешностью. Всех же не арестуешь.

Далее, французы, как сказал Вальми, ищут какого-то Чарльза Колтропа. Пусть ищут, можно только пожелать им удачи. Он-то Александр Даггэн и может это доказать.

А теперь, когда Ковальски мертв, уже никто, даже Родин и его приспешники, не знают, какую он носит фамилию и где находится. Он ни от кого не зависит, к чему, собственно, он и стремился с самого начала.

Опасность, конечно, возросла, сомнений тут быть не может. Охрана президента будет начеку. Вопрос в том, сможет ли он, следуя намеченному плану, нанести разящий удар, невзирая на все защитные редуты. Он полагал, что это реально.

Но вопрос оставался и требовал немедленного ответа. Возвращаться назад или продвигаться вперед? Возвращение означало спор с Родином и его головорезами из-за четверти миллиона дол-

ларов, переведенных на его счет в Цюрихе. Если он откажется вернуть деньги, они попытаются выследить его, пыткой добьются подписи на записке о переводе денег, а затем убьют. Чтобы уберечься от них, потребуются деньги, много денег, возможно, все его накопления.

Продолжить операцию — значит преодолевать все препятствия на пути к конечной цели. И с каждым днем отступить будет все сложнее.

Принесли счет. Шакал взглянул на него и внутренне вздрогнул. О боже, ну и цены. Чтобы вести такую жизнь, нужно быть богатым, иметь доллары, много долларов. Лазурное море, коричневые от загара девушки, идущие вдоль кромки воды, шипящие «кадиллаки» и рычащие «ягуары», ползущие по Круасет, их водители, одним глазом поглядывающие на дорогу, а другим — на тротуар, выискивая подругу на вечер. К этому он стремился с давних пор, еще с детства, когда целыми днями стоял у витрин туристических агентств, разглядывая рекламные плакаты, с которых на него смотрел другой мир, далекий от пригородных поездов, унылых дней в конторе, бумаг в трех экземплярах, холодного чая. За три года он почти достиг желаемого, во всяком случае, денег у него значительно прибавилось.

Он привык к добротной одежде, дорогим обедам, уютной квартире, спортивному автомобилю, элегантным женщинам. Отступить — значит отказаться от всего этого.

Шакал расплатился, оставив щедрые чаевые. Сел в «альфу», выехал на шоссе, держа курс к сердцу Франции.

* * *

Комиссар Лебель сидел за столом. Ему казалось, что он никогда в жизни не спал и едва ли ляжет спать в будущем. В углу на раскладушке громко похрапывал Люсьен Карон. Всю ночь он руководил розысками в архивах. Лебель сменил его на рассвете.

Перед ним лежали донесения учреждений, осуществляющих контроль за пребыванием иностранцев во Франции. Одинакового содержания. С начала года, глубже проверка не велась, Чарльз Колтроп не пересекал границы Франции, во всяком случае, через контрольно-пропускные пункты. Не останавливался ни в одном отеле как в Париже, так и в провинции. Не значился в списке нежелательных персон. Ранее он вообще не попадал в поле зрения служб охраны правопорядка.

Когда поступало донесение, Лебель усталым голосом просил не ограничиваться началом года, чтобы определить, бывал ли Колтроп во Франции. Он надеялся ухватиться за эту ниточку, найти дом приятеля, любимый отель, куда Колтроп мог вернуться под вымышленной фамилией.

Утренний звонок суперинтенданта Томаса похоронил его надежды на скорую поимку убийцы. Вновь прозвучала фраза «у разбитого корыта», к счастью, лишь в разговоре с Кароном. Члены вечернего совета еще не знали, что Колтропа им не найти. Но к десяти часам он должен добиться хоть какого-то результата. Если он не узнает новой фамилии Колтропа, ему вновь придется выслушивать упреки Сен-Клера при молчаливом согласии остальных.

Кое-чего, конечно, удалось добиться. Во-первых, они получили полный перечень примет Колтропа и его фотографию. Возможно, он изменил внешность, если приобрел фальшивый паспорт, но все-таки лучше что-то, чем ничего. Во-вторых, никто из членов совета не предложил более эффективного средства ведения расследования — тотальной проверки всех и вся.

Карон высказал мысль, что, возможно, британская полиция спугнула Колтропа, когда тот уехал

на пару часов по каким-то делам. Другого паспорта у него нет, и он просто вынужден отказаться от операции.

Лебель только вздохнул:

— Не стоит на это рассчитывать. Особое отделение сообщило, что умывальных и бритвенных принадлежностей в ванной нет. В разговоре с соседкой он упомянул, что собрался на рыбалку в Шотландию. Колтроп оставил паспорт в квартире, потому что больше в нем не нуждался. Мне представляется, что у него все продумано. Я чувствую, что он доставит нам немало хлопот, этот Шакал.

* * *

Человек, розыск которого вела полиция двух стран, решил не ехать из Кана в Марсель, а оттуда по автостраде RN7 в Париж. Он знал, что в августе обе дороги забиты машинами и движение по ним — сущий ад.

Уверенный в своих документах, он выбрал путь через Бургундию и Альпы. Он мог не спешить, до дня убийства оставалось еще немало времени, так как во Францию он прибыл загодя.

От Кана он повернул на север, и дорога RN85 привела его в живописный городок Грае и далее

в Кастеллан, где неистовая река Вердон, укрощенная плотиной в нескольких милях выше по течению, уже более спокойно несла свои воды, чтобы слиться с Дюранс у Кадараша.

Оттуда он проследовал через Баррем к маленькому курортному городку Динь. Обжигающая жара равнины Прованса осталась позади, воздух холмов приятно холодил кожу. Если он останавливал машину, солнце припекало как следует, но при движении ветер напоминал холодный душ, пахнущий соснами и дымком.

После Диня он пересек Дюранс и поел в маленьком, но уютном ресторане гостиницы на ее берегу. Еще через сотню миль Дюранс превращалась в серую, липкую змею, вяло ползущую меж покрытых галькой берегов. Но здесь, в предгорьях, она была настоящей рекой, изобилующей рыбой, с зеленой травой по берегам.

RN85, проложенная по левому берегу Дюранс, привела его в Ситерон, а затем повернула на север. В спускающихся сумерках он въехал в Гап. Он мог бы доехать до Гренобля, но никуда не спешил и подумал, что в августе легче снять номер в гостинице маленького городка. Рекламный щит убедил его завернуть в отель «Серф», бывший охотничий замок герцога Савойского,

обещавший покой сельской местности и отличную кухню.

Получив ключ и поднявшись в номер, он принял ванну вместо привычного душа, надел серый костюм с шелковой рубашкой и вязаным галстуком. Клетчатый костюм, в котором он ехал, Шакал отдал горничной, которая обещала, что к утру его вычистят и выгладят.

Обед подали в отделанном деревом зале с видом на заросший лесом холм. Среди сосен громко стрекотали цикады.

Стоял теплый вечер, но вскоре женщина в декольтированном платье без рукавов пожаловалась метрдотелю, что ее знобит, и попросила закрыть окна.

Шакал обернулся, когда его спросили, не будет ли он возражать, если закроют окно, и взглянул на женщину, просьбу которой выполнял метрдотель. Она обедала одна, миловидная дама лет тридцати пяти — сорока, с нежными белыми руками и высокой грудью. Шакал кивнул, разрешая закрыть окно, и женщина одарила его холодной улыбкой.

Обед был великолепен. Он выбрал речную форель, запеченную на открытом огне, и картофель, обжаренный с фенхелем и тимьяном. Вино

местного производства, Коте дю Рон, крепкое, с тонким букетом, подали в бутылках без этикеток. Вероятно, его разливали из стоящих в подвале бочек.

Шакал доедал фруктовое мороженое, когда услышал низкий, властный голос сидящей позади женщины. Она сказала метрдотелю, что будет пить кофе в гостиной. Метрдотель обращался к ней не иначе, как баронесса. Несколько минут спустя Шакал также попросил принести ему кофе в гостиную.

* * *

Из Сомерсет Хауз суперинтенданту Томасу позвонили вечером, в четверть одиннадцатого. Он сидел у открытого окна кабинета и смотрел на уже затихшую улицу, на которой не было ни ресторанов, ни танцзалов. Только мрачные, без единого огонька здания контор тянулись от Миллбэнк до Смит Сквэа. Окна горели допоздна лишь в Особом отделении.

В миле отсюда, на шумной Стрэнд, горели окна и в той части Сомерсет Хауз, где хранились миллионы свидетельств о смерти граждан Британии. Там трудилась команда Томаса из шести детективов-сержантов и двух инспекторов. Каждые

несколько минут кто-то из них поднимался из-за стола и в сопровождении клерка — им пришлось задержаться после окончания рабочего дня — шел вдоль длинных полок, чтобы проверить еще одну фамилию.

Звонил старший из инспекторов. В его утомленном голосе проскальзывали нотки оптимизма, так как он мог рассчитывать, что его сообщение снимет с их плеч тяжкую ношу: поиск сотен несуществующих свидетельств о смерти, ибо владельцы паспортов еще не отправились в мир иной.

— Александр Джеймс Квентин Даггэн, — объявил инспектор, когда Томас взял трубку.

— Что о нем известно? — спросил суперинтендант.

— Родился 3 апреля 1929 года в Сэмбуэн Фишли, приход Святого Марка. Подал заявление на выдачу паспорта 14 июля этого года. Паспорт выписали на следующий день и 17 июля отправили по адресу, указанному в заявлении. Скорее всего, Даггэн там не живет.

— Почему? — спросил Томас.

Он не любил, когда его заставляли ждать.

— Потому что Александр Джеймс Квентин Даггэн погиб под колесами автомобиля в своей

родной деревне в возрате двух с половиной лет 18 ноября 1931 года.

Томас задумался.

— Сколько паспортов, выданных за последние сто дней, осталось проверить?

— Около трехсот, — последовал ответ.

— Пусть остальные продолжат проверку на случай, что найдется еще один вымышленный заявитель. Руководство группой передайте вашему коллеге. А вас я попрошу проверить адрес, на который выслали паспорт. Позвоните мне, как только побываете там. Если по этому адресу кто-то живет, допросите хозяина дома. Привезите мне все сведения по Даггэну и фотографию, прилагаемую к заявлению. Я хочу взглянуть на Колтропа в его новом обличье.

Второй раз инспектор позвонил около одиннадцати. Указанный в заявлении адрес привел его в маленький магазин по продаже табачных изделий и газет на Прейд-стрит в Паддингтоне, один из тех, что украшают витрины множеством визитных карточек с адресами проституток. Владелец, живущий над магазином, его пришлось разбудить, признал, что он получает почту для тех, у кого нет постоянного места жительства. И берет за услуги скромную плату. Он не мог вспом-

нить постоянного клиента по фамилии Даггэн, но предположил, что Даггэн заходил к нему дважды, первый раз, чтобы договориться о том, что будет получать здесь адресованные ему почтовые отправления, второй — чтобы забрать присланный конверт. Инспектор показал фотографию Колтропа, но владелец магазина его не признал. Ему показали и фотографию Даггэна с заявления на выдачу паспорта. На этот раз владелец магазина ответил, но без особой уверенности, что вроде бы видел этого человека. Возможно, добавил он, тот приходил в черных очках, как и многие из тех, кто покупает у него эротические журналы.

— Отвезите его в участок, а сами возвращайтесь сюда, — приказал Томас.

Затем взял трубку и попросил соединить его с Парижем.

Второй раз кряду ход вечернего заседания прервал телефонный звонок. Комиссар Лебель успел доложить, что Колтроп, вне всякого сомнения, не появлялся на территории Франции под настоящей фамилией, если только не проник тайком, на рыбачьей лодке или по суше в укромном месте. Лично он не думал, что профессионал пойдет на такой риск, так как при любой проверке документов его могли арестовать за отсутствие в

паспорте отметки, разрешающей въезд в страну.

Не останавливался Чарльз Колтроп и в отелях Франции.

Главы Центрального архивного управления, ДСТ и префектуры Парижа подтвердили факты, изложенные Лебелем, так что никто не поставил под сомнение его слова.

Что же из этого следует, продолжал Лебель. Допустим, что этот человек, считая себя вне подозрений, не стал заботиться о фальшивом паспорте. В этом случае лондонская полиция взяла бы его на квартире. Он, Лебель, в это не верит, потому что сотрудники суперинтенданта Томаса обнаружили, что полки и вешалки шкафов полупусты, исчезли также умывальные и бритвенные принадлежности. Одна из соседок показала, что в разговоре с ней Колтроп упомянул о намерении поехать на машине в Шотландию. Ни английская, ни французская полиция не верила, что он говорил правду.

Более вероятной представлялась версия, согласно которой Колтроп получил фальшивый паспорт, и в настоящее время Особое отделение пытается выяснить, на какую фамилию. С этим паспортом он или уже въехал на территорию Франции, не вызвав подозрений, или заканчива-

ет подготовку к покушению вне ее пределов.

Вот тут несколько участников совещания не выдержали.

— Вы хотите сказать, что он уже здесь, во Франции, может, даже в центре Парижа? — выпалил Александр Сангинетти.

— Дело в том, — пояснил Лебель, — что у него есть план, известный только ему. Мы ведем расследование лишь семьдесят два часа. Мы не можем знать, на какой стадии находится реализация его плана. В одном, правда, можно не сомневаться: убийца не только не подозревает, что нам известно о готовящемся покушении, но и не догадывается о том, что мы начали его активный поиск. Таким образом, у нас есть шанс схватить его, как только мы узнаем новую фамилию и по ней определим местопребывание убийцы.

Но присутствующих не успокоило заявление Лебеля. Мысль о том, что убийца может находиться в миле от них, что по его плану он уже завтра может попытаться убить президента, вызвала всеобщую озабоченность.

— Возможно, конечно, — подал голос полковник Роллан, — что Колтроп, узнав от Родина о раскрытии заговора, покинул квартиру, чтобы

избавиться от улик, выдающих его причастность к попытке покушения. Ружье и патроны, к примеру, он может бросить в одно из озер Шотландии, и тогда к нему не придерется даже британская полиция. В этом случае едва ли его смогут в чем-то обвинить.

Предположение Роллана тут же получило поддержку.

— Скажите, полковник, — обратился к нему министр, — если бы вас наняли на такую работу и вы узнали, что ваш план раскрыт, хотя ваша личность и не установлена, в сложившейся ситуации вы бы поступили именно так?

— Конечно, господин министр, — ответил Роллан. — Будь я профессиональным убийцей, я бы понимал, что где-то меня все-таки засекли, следовательно, учитывая известность готовящегося покушения, визит полиции и последующий обыск лишь вопрос времени. Поэтому я первым делом избавился бы от всего, что связывало меня с этим заговором, и едва ли нашел для этого лучшее место, чем озера Шотландии.

Улыбки, расцветшие на лицах сидевших вокруг стола, показывали полное согласие с рассуждениями полковника.

— Однако это не значит, что мы должны допу-

стить, чтобы он вышел сухим из воды. Наоборот, я полагаю, мы должны позаботиться о месье Колтропе.

Улыбки исчезли. Короткую паузу прервал генерал Гибо:

— Что-то я не понял вас, полковник.

— Все просто, — продолжил Роллан. — Мы получили приказ найти и уничтожить этого человека. Сегодня он, возможно, отказался от своего плана, но подготовленное снаряжение он может не уничтожить, а спрятать, для того чтобы пройти полицейскую проверку. А затем начать подготовку к новому покушению, предотвратить которое будет много труднее.

— Но британская полиция наверняка арестует его, если он все еще на территории Британии, — заметил кто-то.

— Не обязательно. Честно говоря, я в этом очень сомневаюсь. Доказательств у них нет, только подозрения. Нам всем известна чувствительность наших британских друзей к тому, что они называют «гражданскими свободами». Боюсь, что они только найдут его, допросят и отпустят из-за недостатка улик.

— Разумеется, полковник прав, — вмешался Сен-Клер, — Британская полиция наткнулась

на него совершенно случайно. Им хватит ума оставить этого опасного человека на свободе. Полковник Роллан должен получить разрешение покончить с ним раз и навсегда.

Тут министр заметил, что комиссар Лебель молчит и не улыбается.

— Ну, комиссар, что вы об этом думаете? Вы согласны с полковником Ролланом в том, что этот Колтроп сейчас прячет или уничтожает свое снаряжение?

Лебель оглядел два ряда повернувшихся к нему голов:

— Я хотел бы надеяться, что полковник прав. Но боюсь, что он ошибается.

— Почему? — резко спросил министр.

— Потому что его версия, весьма логичная, если Колтроп решил свернуть операцию, основывается на допущении, что он принял такое решение. А если представить себе, что нет? Если он не получил вовремя нового приказа Родина или получил, но не стал отказываться от своего замысла?

Вопрос Лебеля никому не понравился. Лишь Роллан не присоединился к неодобрительным возгласам. Он смотрел на маленького комиссара и думал, что ума у него куда больше, чем кажется

многим из присутствующих, а идеи Лебеля так же реалистичны, как его собственные.

Вот тут-то комиссара вызвали к телефону. Отсутствовал он двадцать минут. А вернувшись, в полной тишине говорил еще десять.

— Что же нам теперь делать? — спросил министр, когда тот закончил.

И Лебель в свойственной ему спокойной манере отдал приказы, как генерал, разворачивающий свои войска, и никто из сидящих за столам, все выше его по рангу, не оспорил ни единого слова.

— Мы должны, не поднимая лишнего шума, — заключил Лебель, — провести розыск Даггэна на территории всей страны. Параллельно британская полиция проверит регистрационные книги авиакомпаний и паромов. Если они найдут его первыми, то арестуют, при условии, что он в Британии, или сообщат нам, если он уже выехал за ее пределы. Если мы найдем его во Франции, то арестуем сами. Если он окажется в третьей стране, мы сможем подождать, пока он приедет к нам, и возьмем его на границе или… будем действовать иначе. Теперь я думаю, что поставленная передо мной задача — найти Шакала, будет выполнена. Однако, господа, я буду благодарен, если вы будете искать его так, как предлагаю я.

Столь смело, столь уверенно говорил Лебель, что возражений не последовало. Промолчал даже Сен-Клер де Вийобон.

И только дома после полуночи он нашел внимательного слушателя для своего полного негодования монолога. Еще бы, этот нелепый провинциальный полицейский оказался прав, а лучшие эксперты страны ошиблись.

Его любовница все понимала, всем сердцем сочувствовала ему, даже помассировала шею, пока он лежал лицом вниз на их постели. Только на заре, когда он крепко заснул, Жаклин смогла выскользнуть в прихожую и позвонить по телефону.

* * *

Суперинтендант Томас смотрел на два заявления на выдачу паспорта и две фотографии, ярко освещенные настольной лампой.

— Давайте пройдемся еще раз, — приказал он инспектору, сидящему рядом. — Готовы?

— Да, сэр.

— Колтроп: рост пять футов одиннадцать дюймов. Сходится?

— Да, сэр.

— Даггэн: рост шесть футов.

— Утолщенные каблуки, сэр. С помощью специальной обуви можно увеличить свой рост на два с половиной дюйма. Многие артисты делают это из тщеславия. Кроме того, при проверке паспорта на ноги не смотрят.

— Хорошо, — согласился Томас, — ботинки с утолщенными каблуками. Колтроп: цвет волос шатен. Конечно, под это подпадает целая гамма цветов, от светло-русого до темно-каштанового. На фотографии он — темный шатен. Даггэн — тоже шатен. Но он выглядит светло-русым блондином.

— Совершенно верно, сэр. На фотографиях волосы обычно темнее. Все зависит от освещения. Он мог их осветлить, чтобы стать Даггэном.

— Хорошо. Я это принимаю. Колтроп: цвет глаз — карие. Даггэн: цвет глаз — серые.

— Контактные линзы, сэр. Это просто.

— Пойдет. Возраст Колтропа — тридцать семь лет. Даггэну исполнилось тридцать четыре в апреле.

— Ему пришлось помолодеть, — объяснил инспектор, — потому что настоящий Даггэн, маленький мальчик, погибший в два с половиной годика, родился в апреле 1929 года. Эту дату он не мог изменить. Но никто не будет допытываться у

мужчины, сколько ему на самом деле лет, если в паспорте указано тридцать четыре. Паспортным данным верят.

Томас всмотрелся в фотографии. Колтроп потяжелее, шире лицом, более крепкого сложения. Чтобы стать Даггэном, ему пришлось изменить внешность. Скорее всего, он ее изменил еще перед встречей с главарями ОАС в Вене, и с тех пор не возвращался к прежнему облику. Такие люди, должно быть, месяцами свыкаются с новым обличьем, чтобы после выполнения задания тут же сбросить его, максимально усложняя их розыск. Может, благодаря этому нехитрому маневру Колтропу и удалось избежать внимания полиции многих стран. Если бы не слух с острова в Карибском море, они никогда бы не вышли на него.

Сейчас он стал Даггэном, покрасил волосы, вставил контактные линзы, надел ботинки с высокими каблуками. Томас распорядился, чтобы приметы Даггэна вместе с номером паспорта и фотографией телексом передали в Париж. Лебель, прикинул он, получит их к двум часам утра.

— На этом наша миссия заканчивается? — спросил инспектор.

— Нет, юноша, нам еще придется потрудиться, — Томас покачал головой. — Утром начнем

проверять авиакомпании и паромы. Мы должны выяснить, где он теперь находится.

Едва он произнес эти слова, из Сомерсет Хауз позвонил второй инспектор. Они закончили проверку заявлений. Остальные паспорта выдали живым людям.

— Хорошо, поблагодарите клерков и по домам. Завтра жду всех у себя в кабинете ровно в половине девятого.

Вошел сержант с копией показаний владельца табачного магазина, допрошенного в местном полицейском участке. Томас проглядел показания, полученные под присягой, но не нашел в них ничего нового для себя: они практически полностью совпадали с докладом инспектора.

— Задерживать его дальше мы не можем. Позвоните в полицейский участок Паддингтона и скажите, чтобы его отпустили, хорошо?

— Да, сэр, — сержант повернулся и вышел.

Томас уселся в кресло и попытался заснуть. А стрелки часов тем временем медленно переползли в 15 августа.

Глава 16

Баронесса де ла Шалоньер остановилась у двери своей комнаты и повернулась к провожающему ее молодому англичанину. В полумраке коридора она не могла разглядеть выражения его лица, казавшегося белым пятном.

Вечер доставил ей немалое удовольствие, и она еще не решила, закончить ли его у двери номера. Уже час она не могла найти ответа на этот вопрос.

С одной стороны, хотя раньше у нее и были любовники, она, уважаемая замужняя женщина, остановившаяся на одну ночь в провинциальном отеле, не привыкла отдаваться первым встречным. С другой — именно в этот вечер ей так недоставало мужского внимания и она не могла этого не признать.

Баронесса провела весь день в Барселонетте, высоко в Альпах; в военном училище, которое в этот день окончил ее сын, новоиспеченный второй лейтенант «Альпийских стрелков». В том же полку когда-то служил и его отец. И хотя среди зрителей выпускного парада баронесса, безусловно, была самой красивой матерью, только

там, видя, как ее сын стал офицером французской армии, она полностью осознала, что через несколько месяцев ей стукнет сорок и ее сын уже взрослый.

И пусть выглядела она лет на пять моложе, а иногда чувствовала себя тридцатилетней, баронесса поневоле задумалась, как же ей жить дальше. Сыну уже двадцать, и он, возможно, спит с женщинами и больше не будет приезжать на каникулы и охотиться в лесах, окружающих фамильный замок.

Она принимала галантные ухаживания старого полковника, командира училища, видела обращенные на нее восхищенные взгляды розовощеких сокурсников сына, но чувствовала себя очень одинокой. В семейной жизни уже много лет лишь фамилия связывала ее с мужем, ибо барон слишком увлекался молоденькими парижскими проститутками и не находил времени, чтобы летом приехать в замок. Не явился он и на церемонию присвоения его сыну первого офицерского звания.

Она ехала по горной дороге к отелю «Серф» в Гапе, собираясь провести там ночь, и думала о том, что она красива, женственна и одинока. И впереди ничего, кроме ухаживаний галантных

старичков, вроде командира училища, да не приносящих удовлетворения интрижек с юношами. И в то же время она еще не так стара, чтобы посвятить себя благотворительности.

Да еще этот Париж, не приносящий ничего, кроме досады и унижения, с Альфредом, бегающим за девчонками. Половина светского общества смеялась над ним, но вторая половина — над ней.

Она сидела в гостиной с чашечкой кофе, размышляла о будущем и более всего хотела, чтобы прямо сейчас ей сказали, что она не просто женщина, но красавица, когда подошел англичанин и попросил разрешения, поскольку в гостиной они вдвоем, выпить с ней кофе. Вопрос застал баронессу врасплох, и от удивления она не смогла отказать.

У нее еще была возможность уйти, но десять минут спустя она уже не сожалела о том, что приняла его предложение. По ее оценке, ему было от тридцати трех до тридцати пяти лет, лучший возраст для мужчины. Англичанин, он тем не менее бегло говорил по-французски. Красивый, умеющий развеселить женщину. Она наслаждалась потоком комплиментов, даже содействовала тому, чтобы он не иссяк. Так что лишь к полуночи она поднялась, заметив, что рано утром ей надо

уехать.

Англичанин поднялся вместе с ней по ступеням и на лестничной площадке обратил внимание баронессы на купающиеся в лунном свете лесистые склоны. Они постояли несколько секунд, любуясь спящей природой, прежде чем она посмотрела на своего спутника и увидела, что его глаза прикованы не к окну, а к глубокому вырезу между ее грудей, где кожа в свете луны стала белой, как алебастр.

Англичанин улыбнулся, заметив, что его взгляд перехвачен, наклонился к ее уху и прошептал: «Лунный свет превращает в дикаря самого цивилизованного мужчину». Она повернулась и пошла вверх по лестнице, притворившись, что рассердилась, но на самом деле довольная нескрываемым восхищением незнакомца.

— Благодарю за приятный вечер, месье.

Она взялась за ручку двери, гадая, попытается ли мужчина поцеловать ее. Она надеялась, что попытается. Как ни банально это звучит, но ее охватила страсть. Возможно, сказалось вино или обжигающий коньяк, который англичанин заказал к кофе, или лунный свет, но она уже знала, что не хочет расставаться на пороге.

И тут же руки незнакомца обняли ее, а губы

прижались к ее губам. Теплые и уверенные. «Это надо прекратить», — шевельнулась в ней совесть. Но в следующее мгновение она ответила на поцелуй. Закружилась голова, конечно, от вина. Руки незнакомца напряглись, сильные и мускулистые.

Ее бедро прижалось к чему-то твердому. Она было отдернула ногу, а затем вернула ее в прежнее положение. И необходимость что-то решать отпала сама собой: она хотела, нет, жаждала мужчину.

Баронесса почувствовала, как открывается позади нее дверь, вырвалась из объятий и отступила в комнату.

— Заходите, дикарь, — выдохнула она.

Англичанин вошел следом и закрыл за собой дверь.

* * *

Той ночью вновь перерывались все архивы, на этот раз в поисках Даггэна, и небезуспешно. На свет появилась карточка, свидетельствующая о том, что Александр Джеймс Квентин Даггэн въехал во Францию на экспрессе «Брабант» 22 июля сего года. Часом позже нашли другую карточку, согласно которой Даггэн покинул Францию на

экспрессе «Северная звезда» 31 июля. Карточка поступила от того же контрольно-пропускного поста, группа таможенников которого ездила на поездах-экспрессах, регулярно курсирующих между Брюсселем и Парижем, на ходу осуществляя проверку документов и досмотр багажа.

Префектура полиции сообщила название отеля, в котором останавливался Даггэн, и номер его паспорта, совпадающий с номером, переданным из Лондона. В отеле, расположенном неподалеку от площади Мадлен, Дагган пробыл с 22 по 30 июля включительно.

Инспектор Карон стоял за то, чтобы немедленно провести обыск в отеле, но Лебель ограничился лишь беседой с хозяйкой, к которой они заявились под утро. Человек, которого он искал, 15 августа не значился в списках живущих в отеле, а хозяйка поблагодарила его за то, что полиция не стала будить ее гостей.

Лебель распорядился, чтобы детектив в штатском поселился в отеле на случай, если Даггэн приедет вновь. Ему тут же пошли навстречу.

— Этот июльский визит, — пояснил он Карону, когда в половине пятого они вернулись в его кабинет на набережной Орфевр, — разведка. Он уточнял план действий.

Затем Лебель откинулся на спинку стула и надолго задумался, уставившись в потолок. Почему Даггэн выбрал отель? Почему не дом одного из сторонников ОАС, как другие агенты, засылаемые во Францию? Потому что он не доверял оасовцам. И правильно делал. Итак, он работает в одиночку, не доверяя никому, сам готовит и проводит операцию, пользуясь фальшивым паспортом, в остальном, возможно, ведет себя как обычный гражданин, не вызывая подозрений. Хозяйка отеля подтвердила это предположение. «Настоящий джентльмен» — так охарактеризовала она Даггэна… Настоящий джентльмен, думал Лебель, и опасный, как кобра. Для полицейских нет преступника хуже настоящего джентльмена. Таких никогда ни в чем не подозревают.

Он взглянул на две фотографии, присланные из Лондона, Колтропа и Даггэна. Колтроп стал Даггэном, изменив рост, цвет глаз и волос и, возможно, манеру поведения. Он попытался представить себе этого человека. С кем ему предстоит вести борьбу? Уверенный, хитрый, педантичный, не оставляющий без внимания ни одной мелочи. Разумеется, вооруженный, но чем? И куда он прятал оружие, проходя таможенный досмотр? Пистолет, нож, ружье? Как

он рассчитывает приблизиться к де Голлю, если на расстоянии двадцати ярдов от президента подозрение вызывают даже дамские сумочки, а мужчин с портфелями или длинными свертками бесцеремонно хватают под руки и уводят для досмотра?

Мой бог, и этот полковник из Елисейского дворца полагает, что Дагген — обычный бандит! Лебель понимал, что у него только одно преимущество: он знает имя убийцы, а тот не подозревает об этом. Это его единственный козырь, не учтенный в продуманном плане Шакала, и никто на вечернем заседании не хочет или не может этого понять.

Если Шакал почувствует, что раскрыт, и вновь изменит облик, вздохнул Лебель, одному богу известно, как удастся вновь выйти на его след, Вслух же он произнес:

— Мы должны его взять.

Карон поднял голову:

— Конечно, шеф. У него нет ни единого шанса.

Лебель резко оборвал его, чего прежде не случалось. Должно быть, начало сказываться недосыпание.

* * *

Угасающая луна освещала мятое покрывало, лежащие на полу между дверью и кроватью платье, бюстгальтер, нейлоновые чулки. Две фигуры на кровати прятались в тени.

Колетт лежала на спине и смотрела в потолок, пальцы руки лениво перебирали светлые волосы головы, устроившейся на ее животе. Губы баронессы разошлись в улыбке, когда она подумала о прошедшей ночи.

Он был хорош, этот английский дикарь, знающий, как использовать пальцы, язык и член, чтобы пять раз привести ее на вершину блаженства. Теперь-то она понимала, как не хватало ей такой ночи.

Баронесса взглянула на маленький будильник, стоящий на столике у кровати. Четверть шестого. Она ухватила в кулак прядь волос и дернула:

— Эй!

Англичанин, еще в полусне, что-то пробормотал. Они лежали голые, на мятых простынях, но центральное отопление согревало комнату. Голова освободилась от руки и скользнула между ее бедер. Она почувствовала его горячее дыхание и кончик языка.

— Нет, хватит.

Она быстро сдвинула ноги, села и тянула его за волосы, пока он не повернулся к ней, приподнялся и начал целовать одну из ее полных грудей.

— Я сказала, нет.

Он посмотрел на баронессу.

— Достаточно, дорогой. Мне надо вставать через два часа, а тебе пора в свой номер. Сейчас, мой маленький англичанин, прямо сейчас.

Он все понял, кивнул и спрыгнул с кровати на пол, оглядываясь в поисках своей одежды. Она расправила простыню и забралась под нее, укрывшись до подбородка. Англичанин оделся, посмотрел на баронессу, и в полутьме та увидела, как сверкнули в улыбке его зубы. Сев на краешек кровати, он просунул руку под ее шею.

— Тебе понравилось?

— М-м-м-м-м. Очень. А тебе?

Он вновь улыбнулся:

— А как ты думаешь?

Она рассмеялась:

— Как тебя зовут?

Англичанин на мгновение задумался.

— Алекс, — солгал он.

— Все было хорошо, Алекс. Но теперь иди к себе.

Он наклонился и поцеловал ее в губы:

— В таком случае, спокойной ночи, Колетт.

Секундой позже он ушел, закрыв за собой дверь.

* * *

В семь утра, когда уже взошло солнце, в отель «Серф» на велосипеде приехал местный жандарм, поставил его у стены и вошел в холл. К нему поспешил владелец отеля.

— Как всегда, с утра пораньше?

— Как всегда, — кивнул жандарм. — Ехать к вам далеко, поэтому я оставляю вас напоследок.

— Дело совсем в другом, — улыбнулся владелец отеля. — Просто мы варим на завтрак лучший в округе кофе. Мари-Луиза, принесите месье кофе, и я думаю, он не будет возражать, если вы плеснете в чашку коньяка.

Жандарм просиял.

— Вот карточки, — владелец отеля протянул жандарму маленькие белые бланки, заполненные прибывшими вчера вечером гостями. — Только три.

Жандарм сунул карточки в кожаный кошель на поясе.

— Не стоило и ехать, — улыбнулся он и сел на

скамейку, ожидая, пока Мари-Луиза принесет ему кофе с коньяком, а когда она пришла, еще и поболтал с девушкой.

В жандармерию и комиссариат Гапа он вернулся в начале девятого. Передал гостевые карточки из окрестных отелей инспектору. Тот лениво просмотрел их и бросил в сумку, чтобы позднее их доставили в региональное полицейское управление в Лионе, а затем — в Центральный архив в Париже. Смысла в этих манипуляциях с карточками инспектор не видел.

Пока инспектор проглядывал карточки, мадам Колетт де ла Шалоньер расплатилась по счету, села за руль своего автомобиля и поехала на запад. Шакал спал до девяти утра.

* * *

Суперинтенданта Томаса разбудил резкий звонок аппарата внутренней связи. Звонили из комнаты, где «висели» на телефонах шесть сержантов и два инспектора.

Он взглянул на часы. Ровно десять. Черт, негоже спать на работе, подумал он, но тут же вспомнил, сколько часов он спал, вернее, не спал после того, как Диксон вызвал его к себе в понедельник. А сегодня уже четверг. Интерком зазвонил вновь.

— Слушаю.

— Наш приятель Даггэн, — без вступления начал доклад старший детектив, — улетел из Лондона рейсом авиакомпании ВЕД в понедельник утром. Билет он заказал в субботу. Заплатил наличными в аэропорту перед вылетом.

— Куда? В Париж?

— Нет, супер. В Брюссель.

Томас окончательно проснулся.

— Хорошо, слушайте внимательно. Он улетел, но может и вернуться. Посмотрите, нет ли других заказов на его имя. Особенно на рейсы ближайших дней. Если он вернулся из Брюсселя, я хочу знать об этом. Хотя я в этом сомневаюсь. Боюсь, мы потеряли его, но, разумеется, он покинул Лондон до начала расследования, так что это не наша вина. Все понятно?

— Да, супер. Но что делать с розысками настоящего Колтропа на территории Соединенного Королевства? Они связаны с привлечением провинциальной полиции. Из Скотленд-ярда позвонили, чтобы сказать, что те жалуются на нехватку людей.

Томас обдумал его слова.

— Розыски прекратить, — решил он. — Я уверен, что он покинул Британию.

Он снял трубку другого телефона и попросил соединить его с комиссаром Лебелем из Полис Жюдисер.

* * *

Инспектор Карон думал о том, что еще одно такое утро и он попадет в сумасшедший дом. Сначала в 10.05 позвонили из Лондона. Трубку взял он, но суперинтендант Томас настоял на том, чтобы поговорить лично с Лебелем, который спал на раскладушке в углу кабинета. Лебель выглядел так, словно умер неделю назад. Как только он назвал себя, трубка вновь перешла к Карону, ибо Томас, как говорилось выше, не знал французского, а Лебель — английского языка, Карон переводил то, что говорил Томас, и вопросы Лебеля.

— Скажите ему, — заключил Лебель, переварив полученную информацию, — что с бельгийцами мы свяжемся сами. Передайте ему мою искреннюю благодарность за оказанное содействие. Если убийцу найдут на континенте, а не в Британии, я немедленно сообщу ему, чтобы он смог отозвать своих людей.

Трубка легла на рычаг, Лебель и Карон переглянулись.

— Соедините меня с Сюрте Брюсселя, — приказал коммисар.

* * *

Шакал встал, когда солнце высоко поднялось над холмами, обещая еще один прекрасный летний день. Он принял душ, надел клетчатый костюм, вычищенный и выглаженный, поблагодарил Мари-Луизу.

В половине одиннадцатого сел в «альфу» и поехал в город, чтобы из почтового отделения позвонить в Париж. Двадцать минут спустя он торопливо вышел на улицу. Вид у него был озабоченный.

В близлежащем магазине скобяных товаров купил большую банку темно-синей эмали и маленькую — белой краски, две кисточки, тонкую, из верблюжьего волоса, для написания букв и широкую — для окраски стен. Там же приобрел и отвертку. Банки он положил в багажник, кисточки и отвертку — в ящичек на приборном щитке, вернулся в «Серф» и попросил счет.

Поднялся в номер, запаковал чемоданы и сам снес их вниз, уложил в багажник, саквояж поставил на переднее сиденье, вновь вошел в холл и заплатил по счету. Дневной портье показал

позже, что он спешил и нервничал, расплатился новенькой купюрой в сто франков.

Пока портье находился в задней комнатке, куда ушел за сдачей, светловолосый англичанин перевернул лист регистрационной книги, в которую вписывались сведения о приезжающих в отель, и нашел адрес баронессы де ла Шалоньер: От Шалоньер, Коррез.

Шакал получил сдачу, вышел из холла, несколько секунд спустя взревел мотор «альфы», и он уехал.

* * *

Перед полуднем новые сообщения поступили в кабинет комиссара Лебеля. Позвонили из Брюсселя, чтобы сказать, что Даггэн пробыл в городе лишь пять часов. Прилетев в понедельник рейсом BEA, он в тот же день улетел в Милан на самолете «Алиталии». За билет он заплатил наличными прямо в аэропорту, хотя заказал его в прошлую субботу по телефону из Лондона.

Лебель тут же связался с полицией Милана. Едва он положил трубку, снова зазвонил телефон. На этот раз ДСТ доложило, что при обычной проверке въездных карточек они обнаружили карточку, заполненную Александром Джеймсом

Квентином Даггэном. Вчера утром он приехал во Францию из Италии через контрольно-пропускной пункт Вентимилье.

Лебель взорвался.

— Почти тридцать часов! — взревел он. — Больше суток! — И швырнул трубку на рычаг.

Брови Каропа взлетели вверх.

— Въездная карточка, — пояснил Лебель, — путешествовала из Вентимилье в Париж. Сейчас они сортируют карточки тех, кто приехал во Францию вчера утром. Говорят, что их двадцать пять тысяч. За один день. Полагаю, кричать мне не следовало. По крайней мере, теперь мы знаем, что он здесь, во Франции. Если сегодня вечером я не скажу им ничего нового, они живьем сдерут с меня шкуру. О, между прочим, позвоните суперинтенданту Томасу и еще раз поблагодарите его. Скажите, что Шакал во Франции и мы пытаемся его найти.

Когда Карон поговорил с Лондоном, позвонили из региональной штаб-квартиры ПЖ в Лионе. Лебель послушал, затем победно взглянул на Карона, прикрыл рукой микрофон:

— Он у нас в кармане. Остановился на двое суток в отеле «Серф» в Гапе, начиная со вчерашнего вечера. — Лебель убрал руку с микрофона и за-

говорил в трубку: — Послушайте, комиссар, я не имею права объяснять, зачем нам потребовался этот Даггэн. Поверьте мне на слово, это очень важно. Вот что я попрошу вас сделать…

Он говорил десять минут. Потом зазвонил телефон на столе Карона. ДСТ дополнительно сообщило, что Даггэн въехал во Францию на взятой напрокат двухместной «альфа ромео» белого цвета с номерным знаком М1–61741.

— Объявить общий розыск машины? — спросил Карон.

Лебель задумался.

— Нет, пока не стоит. Раз он ездит по сельской местности, его может остановить какой-нибудь полицейский, подумав, что мы ищем украденную спортивную машину. Шакал убьет любого, кто попытается помешать ему. Оружие наверняка у него при себе. Крайне важно, чтобы он задержался в отеле на две ночи. Я хочу, чтобы его окружила целая армия. Нам не нужны лишние жертвы. Пойдемте, вертолет уже ждет.

Пока он говорил с Кароном, полиция Гапа перекрывала все выезды из города и дороги, ведущие к отелю «Серф». Приказ поступил из Лиона. В Гренобле и Лионе мужчины, вооруженные автоматами и карабинами, загружались в черные

автобусы. На полицейской базе Сатори под Парижем механики готовили вертолет для комиссара Лебеля, вылетающего в Гап.

* * *

Жара чувствовалась даже под сенью деревьев. Раздевшись по пояс, чтобы не запачкать одежду, Шакал уже два часа красил машину. Из Гапа он покатил на запад. Дорога петляла между горами, словно небрежно брошенная на землю лента. Он гнал «альфу» на предельной скорости, проходя повороты в визге тормозов, дважды встречные машины вылетали на обочину, чтобы избежать столкновения. После Аспра он повернул на шоссе RN93, проложенное по берегу Дромы.

Еще восемнадцать миль дорога переходила с одного берега реки на другой. Проехав Люк-ан-Диуа, он подумал, что пора съезжать с шоссе, от которого то и дело отходили проселки, ведущие к расположенным в горах деревням. Наугад он выбрал один из них, проехал по нему милю с небольшим и свернул прямо в лес.

Закончив покраску, он отступил на пару шагов. Эмаль почти везде высохла, машина блестела темной синевой. Конечно, до фабричного качества было далеко, но особых подозрений, тем

более в сумерках, машина не вызывала. Обе пластины с номерными знаками лежали на траве. На обратной стороне каждой Шакал белой краской написал выдуманные им французские номера, оканчивающиеся на цифре 75, регистрационном коде Парижа. Шакал знал, что парижские машины наиболее часто встречались на дорогах Франции.

Документы на прокат и страховку машины уже не годились для синей французской «альфы», так как были выданы на белую итальянскую, и его задержали бы при первой же проверке на дороге. Поэтому, обмакнув тряпку в бензин и стирая краску с рук, он думал, ехать ему прямо сейчас, когда в ярком солнечном свете легко заметить, что машина покрашена вручную, или дожидаться сумерек.

Он понимал, что, раскрыв его вымышленное имя, полиция вскорости узнает место его въезда в страну и описание автомобиля. Во Францию он приехал загодя, до покушения оставался еще не один день, так что требовалось место, где бы он мог отсидеться. Это означало, что он должен попасть в департамент Коррез, и быстрее всего он мог доехать туда на машине. Риск, конечно, но Шакал решил, что лучшего выхода нет. А раз

так, то чем скорее он проедет эти 250 миль, тем лучше, пока вся дорожная полиция Франции не начала искать «альфу ромео» со светловолосым англичанином за рулем.

Он прикрутил пластины с новыми номерными знаками, выбросил в кусты банки с остатками краски и кисточки, надел шелковую водолазку, пиджак и завел двигатель. Выехав на шоссе RN93, Шакал взглянул на часы. 3.41 пополудни.

Высоко в небе летел вертолет, держа курс на восток. До городка Ди оставалось семь миль. Даже про себя он произнес название городка по-французски, но не мог не отметить совпадения с малоприятным английским глаголом.[37] Он не был суеверен, но внутренне напрягся, въезжая в город. На центральной площади, у памятника погибшим на войне, посередине дороги стоял затянутый в черную кожу здоровяк полицейский. Жезлом он дал знак Шакалу подать вправо и остановиться. Разобранное ружье в трубках покоилось в раме машины. Ни ножа, ни пистолета у него не было. Секунду он размышлял, то ли сбить полицейского и ехать дальше, чтобы в дюжине миль от города бросить машину и попытаться без

---

[37] Примечания: 37
Название городка *Die* по-английски означает «умирать».

зеркала и теплой воды превратиться в пастора Иенсена с тремя чемоданами и саквояжем на руках, то ли выполнить указание.

Решение принял за него полицейский. Заметив, что «альфа» сбрасывает скорость, он отвернулся от Шакала, всматриваясь в улицу, подходящую к площади с другой стороны. Шакал отъехал вправо и заглушил мотор.

Издалека донесся вой сирен. Что бы ни случилось, уезжать было поздно. На площадь вырвался конвой из четырех патрульных машин и шести черных автобусов. Полицейский отпрыгнул в сторону и отдал честь. Конвой пронесся мимо «альфы» в том направлении, откуда приехал Шакал. Сквозь зарешеченные окна автобусов, из-за которых французы прозвали их «салатницами», он разглядел сидящих в салоне полицейских с автоматами на коленях.

Как только конвой скрылся из виду, полицейский ленивым жестом разрешил Шакалу следовать дальше и направился к мотоциклу, стоящему у памятника. Он все еще пинал педаль стартера, когда «альфа» завернула за угол, держа курс на запад.

* * *

В отель «Серф» они прибыли в 4.50 пополудни. Вертолет Клода Лебеля приземлился с другой стороны Гапа, в миле от города, и его доставили к отелю на патрульной машине. В холл он вошел в сопровождении Карона. Тот держал в правой руке автоматический карабин МАТ-49, положив указательный палец на спусковой крючок. Наброшенный на руку макинтош скрывал оружие от посторонних взглядов. За исключением владельца «Серфа», в городе все знали, что готовится большая облава. Уже пять часов к отелю никого не подпускали, лишь рыбак принес форель, наловленную за день.

Вызванный дневным портье управляющий, занимавшийся банковским учетом в своем кабинете, отвечал на вопросы Карона, нервно поглядывая на макинтош. Лебель внимательно вслушивался в ответы.

Пять минут спустя отель кишел полицейскими. Они допрашивали прислугу, осматривали номер, где останавливался Шакал, подсобные помещения. Лебель вышел на подъездную дорожку и оглядел заросшие лесом холмы. К нему присоединился Карон.

— Вы думаете, он смылся, шеф?

Лебель кивнул:

— Это точно.

— Но он снял номер на двое суток. Вы думаете, владелец отеля с ним заодно?

— Нет. Ни он, ни прислуга не лгут. Утром он передумал. И уехал. Вопрос в том, куда он уехал и подозревает ли, что нам известно, кто он такой?

— Но откуда? Он не может этого знать. Это совпадение. Иначе и быть не может.

— Мой дорогой Карон, будем надеяться, что это так.

— И теперь у нас нет ничего, кроме номерного знака автомобиля.

— Да, это моя ошибка. Нам следовало объявить розыск машины. Свяжитесь с полицейским управлением Лиона по рации и прикажите им объявить розыск. Белая «альфа ромео», зарегистрированная в Италии, номерной знак M1–61741. Приближаться с осторожностью, так как водитель вооружен и опасен. Да вы сами все знаете. Вот еще что, никаких сообщений в прессе. Укажите, что подозреваемый в краже мужчина еще не знает, что мы его ищем, поэтому я сдеру шкуру со всякого, кто позволит ему услышать об этом по радио или прочитать в газете. Я попрошу

заняться этим лично комиссара Геллара из Лиона. А мы возвращаемся в Париж.

* * *

Около шести часов вечера синяя «альфа» въехала в город Баланс и влилась в сплошной транспортный поток, громыхающий по проложенной вдоль Роны автостраде RN7, главной артерии, соединяющей Лион и Марсель, Париж и Лазурный берег. «Альфа» пересекла автостраду, уходящую на юг, переехала по мосту на западный берег широкой реки, неторопливо, не обращая внимания на полчища вечно спешащих стальных букашек, катящей свои воды к Средиземному морю.

По дороге RN533 Шакал погнал «альфу» все выше и выше в горы Центрального массива и провинции Овернь. После Ле-Пюи подъем стал круче, а каждый выходящий к шоссе городок, где били из скал целебные источники, именовал себя курортом. Воды излечивали язвы и экземы жителей больших городов, принося немалую прибыль хитрющим овернским крестьянам, встречающим приезжих с распростертыми объятьями.

Пока он ехал долиной Алье, сгустились сумерки и дневная жара сменилась вечерней прохладой. Ближе к полуночи он обогнул верховья Дордони,

сбегающей с гор Оверни на юго-запад, чтобы, пройдя с полдюжины плотин, влиться у Бордо в Атлантический океан, и повернул на шоссе RN89, ведущее к Юселю, главному городу департамента Коррез.

* * *

— Вы болван, господин комиссар, болван. Он был у вас в руках, а вы дали ему ускользнуть. — Сен-Клер даже привстал, чтобы подчеркнуть значение своих слов, и вперился взглядом в Лебеля. Но детектив спокойно изучал лежащие перед ним бумаги, словно и не подозревал о существовании Сен-Клера.

Он решил, что по-иному вести себя с наглым полковником из Елисейского дворца нельзя, и Сен-Клер так и не понял, что означает поникшая голова комиссара — признание собственной вины или высокомерное безразличие. Он бы предпочел первый вариант. Когда же полковник высказался и сел, Лебель поднял голову.

— Если вы взглянете в лежащий перед вами отчет о проделанной за день работе, мой дорогой полковник, то заметите, что он не был в наших руках, — начал Лебель, не повышая голоса. — Донесение из Лиона о том, что человек по фамилии

Даггэн остановился прошлым вечером в одном из отелей Гапа, поступило к нам сегодня, в двенадцать часов пятнадцать минут. Теперь мы знаем, что Шакал покинул отель в пять минут двенадцатого. Какие бы меры мы ни приняли, он опередил нас на час. Более того, я не могу согласиться с вашей критикой действий полиции. Хочу напомнить вам, что президент настаивал на абсолютной секретности нашего расследования. Отсюда мы не можем довести до каждого сельского жандарма, что мы ищем Даггэна, иначе пресса немедленно заинтересуется этим делом. Гостевую карточку Даггэна забрали в отеле «Серф», как обычно, в то же время, что и в любой другой день, и по заведенному порядку переслали из Гапа в региональную штаб-квартиру полиции в Лионе. Только там знали, что нам нужен Даггэн. Такая задержка неизбежна, если только мы не хотим во всеуслышание объявить о розыске этого человека, но на это у меня нет полномочий. И последнее, Даггэн намеревался задержаться в отеле на два дня. Мы не знаем, что заставило его изменить решение и уехать в одиннадцать часов утра.

— Возможно, ваша полиция, слоняющаяся вокруг, — фыркнул Сен-Клер.

— По-моему, я достаточно ясно объяснил, что до

четверти первого полиции около отеля не было и в помине, а Дагган уехал на семьдесят минут раньше.

— Хорошо, с этим нам не повезло, ужасно не повезло, — вмешался министр. — Но хотелось бы знать. Почему сразу же не начался поиск машины. Комиссар?

— Я согласен, это была ошибка, в свете последующих событий. Я полагал, что Даггэн в отеле и проведет там еще одну ночь. Я опасался, что он будет ездить по окрестностям и его остановит какой-нибудь полицейский. Даггэн почти наверняка застрелил бы его. Таким образом, он бы узнал, что его, ищут, и уехал бы из отеля…

— Что он и сделал, — вставил Сен-Клер.

— Да, это так, но у нас нет доказательств того, что его заранее предупредили о наших действиях. Возможно, он просто перебрался куда-то еще. Если так, он остановится в другом отеле и нам об этом сообщат. Как и о машине, если ее заметят.

— Когда вы объявили розыск белой «альфы»? — спросил директор ПЖ, Макс Ферне.

— Я отдал приказ о розыске в четверть шестого, находясь в отеле «Серф», до отлета из Гапа. К семи часам он поступил во все подразделения дорожной полиции, так что ночная патрульная смена

получит соответствующие инструкции. Учитывая, что этот человек очень опасен, я запретил останавливать машину, если полицейский будет один на дороге. Увидев ее, он должен немедленно доложить в региональное управление. Если совещание сочтет необходимым изменить мой приказ, я должен просить, чтобы оно взяло на себя и всю ответственность.

Последовала долгая пауза.

— К сожалению, жизнь полицейского — ничто по сравнению с защитой президента Франции, — пробурчал наконец полковник Галлон.

Сидящие за столом согласно закивали.

— Совершенно верно, — не стал спорить и Лебель. — При условии, что полицейский в одиночку сможет остановить этого человека. Но большинство городских и сельских полицейских — обыкновенные люди, не прошедшие специальной боевой подготовки. Шакал ее прошел. Если его попытаются задержать, он застрелит одного или двух полицейских и исчезнет. И тогда нам придется работать в новых условиях. Во-первых, убийца будет знать, что его ищут, и, возможно, изменит облик и воспользуется новыми документами, о которых нам ничего не известно. Во-вторых, убийство полицейского

замолчать не удастся и газеты раскрутят всю историю с самого начала. Я буду искренне удивлен, если истинная причина появления Шакала во Франции останется тайной спустя сорок восемь часов после убийства. Пресса разнюхает, что он охотится за президентом. Если кто-то из вас хочет объяснить это генералу де Голлю, я готов сложить с себя полномочия руководителя расследования и передать их другому.

Добровольцев не нашлось. Заседание закончилось около полуночи. До пятницы, 16 августа, оставалось меньше тридцати минут.

Глава 17

Синяя «альфа» въехала на Вокзальную площадь Юселя около часу ночи. Работало только одно кафе, и лишь несколько пассажиров, ожидающих ночного поезда, пили кофе на террасе. Шакал расческой пригладил волосы и через террасу прошел к стойке бара. Он замерз, горный воздух на скорости шестьдесят миль в час пробирал до костей, болели руки и ноги, не так-то легко управлять машиной на дороге с бесчисленными поворотами, и изрядно проголодался, так как ничего не ел после обеда в «Серфе» двадцать восемь часов назад, не считая рогалика с маслом за завтраком.

В кафе он заказал длинный французский батон, разрезанный пополам, а затем вдоль и помазанный маслом, четыре яйца вкрутую из вазы на стойке и большую чашку кофе с молоком.

Пока резали хлеб и варили кофе, он огляделся в поисках телефонной будки. Ее не было, но телефонный аппарат стоял на краю стойки.

— У вас есть местный телефонный справочник? — спросил он бармена.

Тот молча кивнул на стопку справочников,

лежавших на полочке за стойкой.

— Посмотрите сами.

Он быстро нашел нужную строчку: Шалоньер. Господин барон де ла… Далее следовал адрес: замок в Ла От Шалоньер. Название Шакал знал, но деревня не значилась на его дорожной карте. Телефон, однако, указывал на то, что деревня неподалеку от Эгльтона. Этот город находился в тридцати километрах от Юселя по дороге RN89. Захлопнув справочник, Шакал принялся за хлеб и яйца.

В два часа ночи он проехал указатель «Эгльтон, 6 км» и решил оставить машину в подступивших к дороге лесах. Леса были густые, возможно, принадлежали кому-то из местных дворян, здесь наверняка охотились на медведей на лошадях и с собаками. Возможно, медведи водились тут и до сих пор, потому что некоторые районы Корреза, казалось, не изменились со времен Людовика XIV.

Через несколько сотен метров Шакал заметил съезд с дороги, перегороженный установленным на стойках бревном с табличкой «Частная собственность». Он отбросил бревно, загнал машину в лес, поставил бревно на место. По проселку он проехал с полмили, в свете фар ветви

отбрасывали причудливые тени, словно пытаясь остановить пришельца. Наконец он остановил машину, выключил фары, достал из ящичка на приборном щитке фонарь и ножницы для резки металла.

Под машиной он провел час, его спина взмокла от росы, выпавшей на траву. Одну за другой он извлек трубки с компонентами снайперского ружья, пропутешествовавшие в раме «альфы ромео» шестьдесят часов, и уложил их в чемодан с одеждой старика-француза. Еще раз оглядел машину, чтобы убедиться, что не оставил в ней ничего лишнего, сел за руль, включил мотор и на полной скорости въехал в заросли диких рододендронов.

Еще час ножницами для резки металла он срезал ветки растущих поблизости кустов и укладывал их на землю перед задним бампером «альфы», пока полностью не закрыл брешь, пробитую машиной в зарослях.

Концы галстука он завязал вокруг ручек двух чемоданов и повесил их себе на плечо, так что один оказался на груди, а второй — на спине, подхватил третий чемодан и саквояж и двинулся обратно к шоссе.

Каждые несколько сот ярдов он останавливал-

ся, ставил чемоданы на землю и возвращался назад, веткой заметая следы, оставленные на мху, траве и песке. До шоссе он добрался за час, нырнул под бревно и прошагал с полмили.

Его клетчатый костюм был испачкан, водолазка прилипла к спине, от усталости ныло все тело. Поставив чемоданы в ряд, он уселся на них. На востоке чуть засветилось небо. Автобусы местных линий, напомнил он себе, начинают ходить рано.

Но ему повезло еще больше. В 5.50 на дороге показался трактор, везущий прицеп с сеном.

— Сломалась машина? — спросил водитель, высунувшись из кабины.

— Нет, у меня увольнение на уик-энд из учебного лагеря, поэтому я добираюсь домой на попутных машинах. Вечером меня довезли до Юселя, но я решил попасть в Тюль. У меня там дядя, он договорился, что грузовик отвезет меня в Бордо. Но, как видите, далеко от Юселя я не ушел. — он улыбнулся, а водитель в ответ рассмеялся и пожал плечами.

— Только сумасшедший может идти ночью по этой дороге. После наступления темноты тут никто не ездит. Залезайте на сено, я отвезу вас в Эгльтон, может, там вы найдете попутку.

В маленький город они попали в 6.45, Шакал поблагодарил фермера, слез с прицепа и направился к кафе.

— Есть ли в городе такси? — спросил он бармена, получив от него чашечку кофе.

Бармен дал ему телефонный номер. Там ответили, что машина освободится через полчаса. В туалете Шакал холодной водой вымыл лицо и руки, надел чистый костюм, почистил зубы, потемневшие от сигарет и кофе.

Такси подъехало в половине восьмого, маленький, дребезжащий «рено».

— Вы знаете деревню От Шалоньер? — спросил он шофера.

— Конечно.

— Далеко?

— Восемнадцать километров, — мужчина махнул рукой в сторону гор. — Туда.

— Поехали. — Шакал поставил два чемодана и саквояж на багажник на крыше, третий чемодан взял с собой в кабину.

Он настоял, чтобы шофер высадил его у кафе на деревенской площади. Незачем городскому шоферу знать, что он едет в замок. Когда такси скрылось из виду, он втащил чемоданы и саквояж в кафе. Уже сильно припекало солнце, на

площади стояла телега, запряженная двумя быками, над ними вились черные мухи.

В кафе было темно и прохладно. Он скорее услышал, чем увидел, как повернулись к нему сидящие за столиками, чтобы посмотреть на приезжего. Пожилая женщина в черном платье оставила компанию сельских рабочих и прошла за стойку.

— Что угодно, месье? — пробурчала она.

Шакал опустил чемоданы на пол и облокотился на стойку. Его глаза уже привыкли к полумраку, и он заметил, что местные жители пьют красное вино.

— Будьте любезны, мадам, стакан красного вина.

— Далеко ли до замка, мадам? — спросил он, когда женщина поставила перед ним полный стакан.

Она пристально всмотрелась в Шакала.

— Два километра, месье.

Шакал тяжело вздохнул.

— Этот дурак водитель пытался убедить меня, что никакого замка здесь нет. Поэтому он высадил меня на площади.

— Он из Эгльтона? — спросила женщина.

Шакал кивнул.

— В Эгльтоне полным-полно дураков.

— Но мне надо попасть в замок, — гнул свое Шакал.

Крестьяне, наблюдавшие за ним из-за столиков, не пошевельнулись. Никто не подсказал, как он может добраться до замка. Шакал достал из кармана новенькую стофранковую ассигнацию.

— Сколько я должен за вино, мадам?

Она уставилась на ассигнацию. За столиками зашевелились.

— У меня нет сдачи, — ответила женщина.

Шакал вздохнул:

— Если бы у кого-то был фургон, то у него, возможно, нашлась бы в сдача.

К стойке подошел мужчина.

— В деревне есть фургон, месье.

Шакал повернулся к мужчине.

— Он принадлежит вам?

— Нет, месье, но я знаю его хозяина. Он может отвезти вас к замку.

Шакал покивал, вроде бы обдумывая это предложение.

— Очень хорошо, а пока не хотите ли выпить?

По знаку крестьянина женщина налила ему большой стакан красного вина.

— А ваши друзья? Денек-то сегодня жаркий. Все

время хочется пить.

Заросшее щетиной лицо расплылось в улыбке. Крестьянин вновь махнул рукой женщине, и та отнесла на стол, где сидела компания, две бутылки вина.

— Бенуа, сходи за фургоном, — приказал крестьянин, и один из мужчин поднялся из-за стола, залпом осушил стакан и вышел из кафе.

«Что мне нравится в овернских крестьянах, — размышлял Шакал, трясясь и подпрыгивая в кабине фургона, — так это их угрюмость. Они никому не скажут лишнего слова, особенно приезжим».

Колетт де ла Шалоньер сидела в постели, маленькими глотками пила кофе и перечитывала полученное утром письмо.

Злость, охватившая ее, когда она читала письмо первый раз, исчезла, уступив место брезгливости.

Думала же она о том, как жить дальше. Вчера, после возвращения из Гапа, ее тепло встретили Эрнестина, горничная, служившая в замке еще при отце Альфреда, и садовник Луизон, сын крестьянина, женившийся на Эрнестине, когда ту только взяли в замок.

Только они двое поддерживали порядок в зам-

ке, двумя из каждых трех комнат которого не пользовались уже много лет.

Она осталась хозяйкой пустого замка, в парке которого не играли дети, а хозяин не седлал лошадь, чтобы отправиться на охоту.

Колетт вновь взглянула на вырезку из парижского иллюстрированного журнала, присланную заботливой подругой, на лицо мужа, улыбающегося в объектив и косящего глазом на грудь какой-то девицы, заглядывая ей через плечо. Танцовщица кордебалета, в недавнем прошлом официантка в кафе, она, как следовало из цитаты, надеялась, что «когда-нибудь» сможет выйти замуж за барона, называя его своим «очень близким другом».

Глядя на морщинистое лицо и тощую шею стареющего барона, она спрашивала себя, куда подевался симпатичный молодой капитан из партизанского соединения, в которого она влюбилась в 1942 году. Они поженились годом позже, когда она уже ждала от него ребенка.

Девушка-подросток, она была партизанской связной, когда встретила его в горах. Худощавый, с орлиным носом, решительный, лет тридцати пяти. Пегас, как звали его партизаны, покорил ее сердце. Священник отряда тайно обвенчал их

в подвальной часовне, и она родила ему сына в доме своего отца.

После войны ему вернули собственность и земли. Его отец умер от сердечного приступа, когда армии союзников катились по Франции, и он стал бароном Шалоньер. Он вернулся в замок с женой и сыном под радостные приветствия крестьян окрестных деревень. Но вскоре ему наскучила сельская жизнь. Его манил Париж, огни кабаре, и стремление наверстать упущенное за годы, проведенные в африканских пустынях и французских лесах, оказалось непреодолимым.

Теперь ему было пятьдесят семь, но выглядел он на все семьдесят.

Баронесса бросила вырезку и письмо на пол. Спрыгнула с кровати и встала перед зеркалом в рост человека, висящим на дальней стене. Развязала ленты пеньюара, стягивающие его впереди. Приподнялась на цыпочки, словно в туфлях на высоких каблуках.

Неплохо, подумала она. Могло быть гораздо хуже. Полная фигура, тело зрелой женщины. Бедра широкие, но талия узкая, сохраненная часами верховой езды и долгими прогулками по холмам. Она охватила груди руками, приподняла их. Слишком большие, слишком тяжелые, чтобы

считаться красивыми, но вполне подходящие для того, чтобы возбудить мужчину в постели.

Ну, Альфред, в эту игру могут играть двое, подумала она. Тряхнула головой, черные волосы рассыпались по плечам, одна прядь упала на грудь. Она провела руками по бедрам, вспоминая мужчину, который ласкал их чуть больше двадцати четырех часов назад. Она уже сожалела, что не осталась в Гапе. Они могли бы вместе провести уик-энд, поездить по окрестностям под вымышленными именами, словно тайно встретившиеся любовники. Ради чего она вернулась сюда?

Ее внимание привлек шум мотора. Она запахнула пеньюар и подошла к окну. Во двор въехал старенький фургон из деревни, остановился, распахнулись задние дверцы. Двое мужчин начали вынимать из фургона какие-то вещи. К ним направился Луизон, поливавший лужок.

Один из мужчин появился из-за фургона, засовывая какие-то бумажки в карман брюк. Сел за руль, взялся за рукоять переключателя скоростей. Кто привез вещи в замок? Она ничего не заказывала. Фургон отъехал, и она ахнула от изумления. На гравии стояли три чемодана и саквояж, рядом с ними — мужчина. Она узнала светлые волосы

и широко улыбнулась.

— Ах ты, дикарь. Прекрасный, удивительный дикарь. Ты выследил меня.

И поспешила в ванную комнату, чтобы переодеться. Когда она вышла на лестничную площадку, снизу до нее донеслись голоса. Эрнестина спрашивала, что угодно месье.

— Госпожа баронесса дома?

Эрнестина взбежала по ступенькам настолько быстро, насколько позволяли ее старые ноги.

— К вам какой-то господин, мадам.

* * *

В пятницу вечернее совещание в министерстве внутренних дел закончилось раньше обычного. Докладывать было нечего. За последние двадцать четыре часа все подразделения дорожной полиции Франции получили описание белой «альфы». Ее не нашли. Одновременно все региональные управления Полис Жюдисер отдали приказ подчиненным комиссариатам в городах и сельской местности присылать гостевые карточки не позднее восьми утра. В региональных управлениях их просматривали сразу же по получении. Из десяти тысяч карточек ни в одной не значилась фамилия Даггэн. Таким образом, в эту ночь он не

останавливался в отеле, если только не сменил фамилию.

— Мы должны принять одно из двух допущений, — объяснял Лебель сидящим за столом. — Первое, он все еще верит, что его не раскрыли. Тогда его отъезд из отеля «Серф» является не мерой предосторожности, но случайностью. В этом случае он должен открыто пользоваться своей «альфой ромео» и останавливаться в отелях под фамилией Даггэн. То есть рано или поздно мы обнаружим его. Второе, он решил бросить машину, полагаясь на собственные ноги. И здесь возможны два варианта. Или у него нет других документов, и тогда ему вскорости придется остановиться в отеле или попытаться перейти границу, чтобы выбраться из Франции. Или документы у него есть и он ими воспользовался. Тогда он по-прежнему крайне опасен.

— Почему вы думаете, что у него есть другие документы? — спросил полковник Роллан.

— Мы должны исходить из того, — ответил Лебель, — что человек, которому ОАС заплатила очень крупную сумму за убийство президента — профессионал высочайшего класса. Это означает, что у него есть немалый опыт. И тем не менее, он ни у кого не вызвал подозрения, не попал ни

в одно полицейское досье. Он мог этого достичь, лишь пользуясь фальшивыми документами и изменяя внешность. Другими словами, он специалист и в маскировке. Сравнив две фотографии, мы увидели, что этот Колтроп увеличил рост высокими каблуками, сбросил несколько килограммов веса, изменил цвет глаз контактными линзами и перекрасил волосы, чтобы стать Даггэном. Если один раз он полностью изменил свой облик, нельзя упускать из виду возможность, что он повторит тот же маневр.

— Выходит, он предполагал, что его раскроют до того, как он подберется к президенту, — заметил Сен-Клер. — У нас нет оснований для таких допущений. Зачем ему столь тщательно продуманные меры предосторожности?

— Тем не менее, он учел и такой вариант, — стоял на своем Лебель. — Если б он этого не сделал, мы бы уже взяли его.

— В досье Колтропа, присланном британской полицией, отмечено, что он проходил военную службу после войны в воздушно-десантных войсках. Может, он воспользовался полученными навыками и прячется где-то в горах, — предположил Макс Ферне.

— Это возможно, — согласился Лебель.

— В этом случае он уже не столь опасен.

Лебель ответил не сразу.

— Я бы подождал с подобным утверждением до тех пор, пока он не окажется за решеткой.

— Или в могиле, — буркнул Роллан.

— Если у него есть капля разума, сейчас он пытается выбраться из Франции, — заявил Сен-Клер.

На этом совещание и закончилось.

— Как бы я хотел, чтобы полковник оказался прав, — признался Лебель Карону, вернувшись в кабинет. — Но пока Шакал жив, свободен и вооружен. Будем искать его и машину. У него три чемодана, с ними он далеко не уйдет. Найдем машину, а потом доберемся и до него.

* * *

Мужчина, которого они искали, лежал на чистой простыне в замке, расположенном в сердце Корреза. Он принял ванну, отдохнул, отобедал, выпил красного вина, черного кофе, коньяка. И теперь смотрел на позолоченные завитушки потолка и думал о том, как провести дни, отделяющие его от выстрела в Париже. Через неделю ему придется уехать, но просто так его отсюда не отпустят. Он должен найти вескую причину

для отъезда.

Дверь открылась, и вошла баронесса. В пеньюаре, с распущенными по плечам волосами. Когда она шла, полы пеньюара распахивались, открывая обнаженное тело. Она не сняла лишь чулки, в которых была за обедом, и туфельки на высоком каблуке. Шакал приподнялся на локте, встречая ее.

Баронесса подошла к кровати и взглянула на него сверху вниз. Он поднял руку и развязал бантик на шее, стягивающий пеньюар. Он распахнулся, обнажая грудь, а затем, подчиняясь руке Шакала, соскользнул на пол.

Баронесса толкнула его в плечо, так что он повалился на спину, схватила кисти рук и прижала их к подушке за головой, а затем уселась ему на грудь, ее бедра сжали ребра Шакала. Она улыбалась, две пряди волос упали на соски.

— Ну, мой дикарь, покажи, на что ты способен.

* * *

Три дня Лебель не мог выйти на след Шакала, и с каждым вечерним заседанием среди его участников крепло убеждение, что Шакал, поджав хвост, тайком покинул пределы Франции. К вечеру 19 августа лишь один Лебель стоял на том,

что убийца все еще во Франции и, затаившись, ждет своего часа.

— Чего же он ждет? — набросился в тот вечер на комиссара Сен-Клер. — Единственное, чего он может ждать, если он все еще во Франции, так это возможности перейти границу. Как только он высунется из своей норы, мы его возьмем. Против него поднята армия, ему некуда идти, не к кому обратиться, если верить вашей версии о том, что он никак не связан с ОАС и ее сторонниками.

За столом одобрительно загудели, большинство присутствующих склонялось к тому, что сыскная полиция потерпела неудачу и Бувье погорячился, утверждая, что найти Шакала может только детектив.

Лебель упрямо покачал головой. Он устал, едва держался на ногах от недосыпания, постоянного напряжения и тревоги, да еще необходимости защищать себя и своих подчиненных от постоянных нападок людей, занявших важные посты благодаря политическим интригам, а не деловым качествам. Он, конечно, понимал, что ошибка означает конец его карьеры. Кое-кто из сидящих за столом позаботится об этом. А если он прав? Если Шакал все еще охотится за президентом? Если он выскользнул из сети и подкрадывается все

ближе? Он знал, что присутствующие в этом зале лихорадочно ищут козла отпущения. И, скорее всего, их выбор падет на него. Во всяком случае, детективом ему больше не быть. Если только… если только он не сможет найти и остановить этого человека. Тогда им придется признать его правоту. Но доказательств у него нет. Лишь убежденность в том, что останавливаться нельзя, что человек, которого он ищет, профессионал, стремящийся, несмотря ни на что, выполнить порученное ему дело.

За восемь дней, прошедших с той поры, как он возглавил расследование, Лебель проникся уважением к этому спокойному, непредсказуемому человеку с ружьем, который, похоже, учел все, даже непредвиденные обстоятельства. Разумеется, он не мог открыто высказать свои чувства в кругу чиновников от политики. Лишь массивная фигура комиссара Бувье, вобравшего голову в плечи и не отрывающего взгляда от стола, хоть как-то поддерживала его. По крайней мере, он тоже был детективом.

— Чего он ждет, я не знаю, — ответил Лебель. — Но ждет несомненно. Возможно, определенного дня. Я не верю, господа, что Шакал канул в Лету. Я чувствую, что мы еще услышим о нем. Тем не

менее, я не могу объяснить, на чем основана моя уверенность.

— Он чувствует! — фыркнул Сен-Клер. — Определенный день! Знаете, комиссар, создается впечатление, что вы читаете слишком много романтических историй с захватывающими дух приключениями. Мы же имеем дело не с литературой, а с реальностью. Этот человек ушел, и этим все сказано. — И он сел, довольный собой.

— Я надеюсь, что вы правы, — спокойно ответил Лебель. — В этом случае я должен поставить вас в известность, господин министр, о моей готовности отказаться от ведения расследования и просить разрешения вернуться к обычным преступлениям.

Министр смотрел на него, не торопясь выносить решение.

— Вы считаете, комиссар, что расследование целесообразно продолжить? — спросил он. — Вы думаете, что реальная угроза еще существует?

— Относительно второго вопроса, господин министр, я не знаю. Что же касается первого, я твердо стою за то, что Шакала нужно искать до тех пор, пока у нас не будет доказательств его отъезда из Франции.

— Очень хорошо. Господа, я хочу, чтобы комис-

сар продолжил расследование, а мы по-прежнему будем собираться каждый вечер, чтобы узнать о его успехах. На сегодня все.

* * *

Утром 20 августа Марканго Кале, лесник, отстреливал птицу во владениях его работодателя между Эгльтоном и Юселем, в департаменте Коррез. Он ранил лесного голубя, который упал в заросли диких рододендронов. Раздвинув ветви, лесник нашел голубя, бьющегося на переднем сиденье спортивного автомобиля с открытым верхом.

Поначалу, откручивая птице голову, он подумал, что машину оставили любовники, отправившиеся в лес на пикник, несмотря на предупреждающую табличку, приколоченную им к бревну, перегораживающему съезд с шоссе. Затем он заметил, что часть ветвей не растет из земли, а воткнута в нее, чтобы скрыть машину от посторонних глаз. Нашел он и пеньки срезанных ветвей. Их белые торцы аккуратно припорошили землей, чтобы они не привлекали внимания.

По птичьему помету на сиденьях он определил, что машина стоит в кустах по меньшей мере несколько дней. По пути домой, катя на велосипе-

де по лесной дороге с ружьем за плечами, он еще раз напомнил себе, что о машине нужно сказать деревенскому жандарму. Тем более что он собирался в деревню, чтобы купить садки для зайцев.

Только в полдень жандарм позвонил в комиссариат Юселя и доложил, что в лесу найдена брошенная машина. Белого цвета? — спросили его. Нет, синяя, ответил он, сверившись с записной книжкой. Итальянская? Нет, с французскими номерными знаками, неизвестной модели. Хорошо, в течение дня вышлем тягач, пообещали ему, но пусть он никуда не уходит и ждет, чтобы сразу отвезти их на место, потому что работы много, людей не хватает и дорога каждая минута. Все ищут белую итальянскую спортивную машину, на которую хотят посмотреть большие люди в Париже. Жандарм пообещал, что будет ждать тягач.

Уже в пятом часу «альфу» завезли во двор комиссариата Юселя, а часом позже механик, осматривающий машину, обратил внимание на качество покраски.

Он достал отвертку и царапнул одно из крыльев. Из-под синей эмали показалась белая полоска. Тут он пригляделся к пластинам с номерными знаками. Заметил, что они, похоже, перевернуты.

У него ушло не больше минуты, чтобы отвернуть винты передней пластины. На обратной стороне он прочитал: M1–61741. Мгновение спустя он уже спешил к зданию комиссариата.

Клод Лебель узнал о находке около шести. Ему позвонил комиссар Валентин из региональной штаб-квартиры ПЖ в Клермон-Ферране, столице Оверни. После первых слов Валентина Лебель чуть не выпрыгнул из кресла.

— Хорошо, послушайте, это очень важно. Я не могу объяснить почему, прошу поверить мне на слово. Я знаю, что мы с вами в одном звании, мой дорогой друг, но, если вам нужно подтверждение моих полномочий, я переадресую вас генеральному директору ПЖ. Я хочу, чтобы вы немедленно направили в Юсель своих людей. Самых лучших и как можно больше. Начинайте опрашивать население от того места, где найдена машина. Нанесите эту точку на карту и проведите тотальный опрос. Зайдите на каждую ферму, допросите всех крестьян, кто обычно ездит по этой дороге, побывайте в каждом магазине и лесной сторожке. Вам нужен высокий блондин, англичанин по национальности, но бегло говорящий по-французски. У него три чемодана и саквояж. При нем много денег, он хорошо одет,

но одежда, возможно, потрепана, словно последние ночи он спал на земле. Ваши люди должны спрашивать, где он был, куда пошел, что пытался купить. О, и еще, пресса ничего не должна знать… Что значит «невозможно»? Разумеется, местные газетчики что-то пронюхают. Скажите им, что была автокатастрофа и один пассажир пропал, возможно, ему отшибло память и он блуждает по лесам. Да, совершенно верно, акция милосердия. Во всяком случае, рассейте их подозрения. Скажите, что едва ли этой историей заинтересуются центральные газеты, особенно сейчас, в период отпусков, когда ежедневно случается до пятисот дорожно-транспортных происшествий. Главное, успокойте их… И последнее, если вы обнаружите этого человека, не приближайтесь к нему. Окружите его и ждите. Я буду у вас, как только смогу вылететь из Парижа.

Лебель положил трубку и повернулся к Карону:

— Свяжитесь с министром. Попросите его перенести совещание на восемь вечера. Я знаю, что это время ужина, но долго я их не задержу. Затем позвоните в Сатори. Пусть подготовят вертолет. Ночной полет, в Юсель. Попросите их заранее определить место посадки, чтобы там меня ждала

машина. Вы остаетесь здесь за старшего.

Полицейские автобусы из Клермон-Феррана, в затем и Юселя запрудили площадь маленькой деревеньки, ближайшей к тому месту, где лесник обнаружил машину, еще до захода солнца. По рации Валентин руководил патрульными машинами, рассыпавшимися по окрестным деревням и фермам. Первым делом он решил допросить всех, кто проживал на территории с радиусом пять километров, а затем постепенно расширять зону поисков. Наступление ночи его не смутило. Наоборот, местных жителей легче застать дома, когда стемнеет. С другой стороны, конечно, в темноте его люди могли заблудиться или пропустить в лесу какую-нибудь сторожку, но не хотелось сидеть сложа руки.

На душе у него, правда, было тревожно, но причину своего беспокойства он не мог изложить по телефону, да и не хотел бы объяснять Лебелю при личной встрече. Кстати, его опасения полностью подтвердились той ночью, когда группа детективов допрашивала фермера, жившего в двух милях от зарослей рододендронов, в которых Шакал спрятал машину.

* * *

Крестьянин вышел на порог в ночной рубашке, явно не желая приглашать детективов в дом. Керосиновая лампа освещала их мерцающим светом.

— Слушай, Гастон, ты часто ездишь по этой дороге. В пятницу утром ты ехал в Эгльтон?

Глаза крестьянина сузились.

— Может, и ехал.

— Так ехал или нет?

— Не помню.

— Ты видел на дороге мужчину?

— Я не сую нос в чужие дела.

— Мы не об этом. Тебе встретился мужчина?

— Никого я не видел.

Допрос продолжался минут двадцать, а потом они ушли, один сделал пометку в записной книжке. Собаки охрипли от лая, пытаясь добраться до ног полицейских, и им пришлось бочком пробираться к воротам. Фермер подождал, пока они сели в машину и уехали. Затем закрыл дверь, дал пинка подвернувшейся под ногу козе и улегся рядом с женой.

— Ты же подвозил какого-то парня, — пробурчали она. — Чего они от него хотят?

— Не знаю, — ответил фермер, — но Гастон Гросжан никогда никого им не выдаст. — Он сел и плюнул в очаг. — Чертовы шпики.

Затем завернул фитиль, задул лампу и придвинулся поближе к полному телу жены. Удачи тебе, дружище, кем бы ты ни был.

* * *

Лебель оглядел собравшихся и положил папку на стол.

— Как только совещание закончится, господа, я вылечу в Юсель и возьму на себя руководство поисками Шакала.

Молчание длилось не больше минуты.

— Какой вывод следует из вашего сообщения, комиссар?

— Два вывода, господин министр. Мы знаем, что он купил краску, чтобы изменить цвет машины, и, смею предположить, расследование покажет, что из Гапа в Юсель он ехал на перекрашенной машине, скорее всего, в ночь с четверга на пятницу. В этом случае, сейчас это выясняется, он, похоже, покупал краску в Гапе. Если это подтвердится, то его предупредили о нашем налете. Кто-то позвонил ему или он позвонил в Париж или Лондон, но ему сообщили, что нам известна

фамилия Даггэн. Он понял, что мы можем выйти на него или его машину, и уехал.

Лебель подумал, что потолок над ним сейчас рухнет, столь напряженной стала тишина.

— Вы с полной ответственностью заявляете, — донесся издалека чей-то голос, — что из этой комнаты идет утечка информации?

— Не могу этого утверждать, месье. Есть телефонисты, операторы телексов, средний и младший персонал, выполняющий наши распоряжения. Возможно, кто-то из них связан с ОАС. Но одно не вызывает сомнений. Ему сообщили о раскрытии плана покушения на президента Франции, но он не отказался от его реализации. Ему сообщили, что мы ищем Александра Даггэна. Все-таки у него есть связной. Я подозреваю, что это человек, известный нам под фамилией Вальми, чей разговор с Римом перехватило ДСТ.

— Черт, — выругался глава ДСТ. — Нам следовало взять этого мерзавца в почтовом отделении.

— И каков второй вывод, комиссар? — спросил министр.

— Второй вывод состоит в следующем. Узнав, что он раскрыт как Даггэн, Шакал не стал искать способа покинуть Францию. Наоборот, он двинулся в глубь страны, к Парижу. Другими словами,

он по-прежнему охотится за главой государства. Он попросту бросил вызов всем нам.

Министр встал и собрал лежащие перед ним бумаги.

— Не будем вас задерживать, господин комиссар. Найдите его. Найдите его сегодня ночью. И уничтожьте, если это будет необходимо. Таков мой приказ, от имени президента.

И он вышел из зала заседаний.

Часом позже вертолет Лебеля поднялся в воздух с взлетно-посадочной площадки в Сатори и взял курс на юг.

* * *

— Наглая свинья! Как он посмел? Заявить, что мы все, высшие государственные деятели Франции, ошиблись. Я обязательно упомяну об этом в моем следующем отчете.

Жаклин сбросила с плеч бретельки комбинации, и прозрачный материал широкими складками лег на бедра. Бицепсами она чуть сжала груди, чтобы они стали торчком, ладонями коснулась головы своего любовника и привлекла его к себе.

— Расскажи мне об этом, дорогой, — проворковала она.

Глава 18

Утро 21 августа было таким же ясным и светлым, как и в предыдущие четырнадцать жарких летних дней. Окружающие замок холмы дышали покоем и тишиной, не давая и намека на суету полицейского расследования, захлестнувшую находящийся в восемнадцати километрах Эгльтон. Как и в другие три дня, проведенные в замке, Шакал стоял у окна в кабинете барона, ожидая, пока его соединят с Парижем. Баронессу он оставил спящей наверху, после еще одной страстной ночи.

Когда наконец дали Париж, он начал с обычного: «Говорит Шакал».

— Говорит Вальми, — ответил хриплый голос на другом конце провода. — Ситуация изменилась. Они нашли машину…

Он слушал еще две минуты, лишь однажды задав короткий вопрос. Произнеся завершающее «благодарю», он полез в карман за сигаретами и зажигалкой. Он уже понял, что услышанное им меняло его планы, хотел он этого или нет. Он собирался задержаться в замке еще на два дня, но должен уехать сегодня же, и чем быстрее,

тем лучше. Но по ходу телефонного разговора в трубке раздался какой-то посторонний звук.

Сначала он не придал этому значения, но с первой затяжкой в голову закралась тревожная мысль. Когда же он докурил сигарету и бросил окурок в открытое окно, все стало на свои места. Теперь он знал, что означал тихий щелчок, который он услышал впервые за четыре дня. В спальне стоял параллельный телефон, но Колетт крепко спала, когда он покинул ее. Но спала ли… Он повернулся, взлетел по ступенькам и ворвался в спальню.

Телефонная трубка покоилась на рычаге. У распахнутых дверей шкафа лежали три чемодана с открытыми замками. Тут же валялось его кольцо с ключами. Баронесса, стоя на коленях среди разбросанных вещей, подняла голову, ее глаза широко раскрылись. Она уже вынула из чемодана стальные трубки, достала их из мешочков. Из одной торчал телескопический прицел, из другой — кончик глушителя. В руке она держала ствол и казенную часть ружья.

Спустя несколько секунд Шакал нарушил молчание.

— Ты подслушивала.

— Я… я хотела узнать, кому ты звонишь каждое

утро.

— Я думал, ты спишь.

— Нет, я всегда просыпалась, когда ты вставал с кровати. Это… это ружье, ружье убийцы.

Полувопрос, полуутверждение, в надежде на то, что он все объяснит и содержимое трубок окажется сущей безделицей, никому не приносящей вреда. Он смотрел на нее сверху вниз, и впервые она увидела, как его глаза подернулись серым туманом, из них исчезли все чувства, словно теперь они принадлежали мертвецу или роботу.

Баронесса медленно поднялась на ноги, выпустив из руки ружейный ствол.

— Ты хочешь его убить, — прошептала она. — Ты — один из них, из ОАС. Ты хочешь застрелить де Голля из этого ружья.

Ответом послужило молчание Шакала. Она метнулась к двери. Он легко настиг ее и швырнул на кровать, в три быстрых шага оказался рядом. Ее рот раскрылся в крике, но удар ребром ладони по сонной артерии заглушил его в зародыше. Затем левой рукой Шакал схватил ее за волосы и потянул к себе. Голова баронессы свесилась над краем кровати, она еще увидела рисунок ковра, и тут же ребро ладони Шакала с размаху опустилось на ее шею.

Он подошел к двери, но снаружи не доносилось ни звука. Эрнестина, должно быть, пекла рогалики и варила кофе на кухне в дальнем конце дома, а Луизон собирался на рынок. К счастью, они оба были глуховаты.

Шакал разложил компоненты ружья по трубкам и убрал их в чемодан с шинелью и поношенными вещами Андре Мартина, прощупал подкладку, чтобы убедиться, что документы на месте, запер чемодан. Второй чемодан, с вещами пастора из Дании Пера Иенсена, баронесса открыла, но не успела перетряхнуть.

Пять минут Шакал умывался и брился в ванной комнате, примыкающей к спальне. Затем достал ножницы и еще десять минут зачесывал волосы назад и подстригал на два дюйма. После чего покрасил их в серо-стальной цвет. Краска для волос смочила волосы, и он смог уложить их так, как носил пастор на фотографии в паспорте. Паспорт стоял перед ним, на полочке под зеркалом. Наконец, он вставил в глаза синие контактные линзы.

Тщательно смыл следы краски и волосы с раковины, собрал умывальные и бритвенные принадлежности и вернулся в спальню, не бросив и взгляда на обнаженное тело баронессы.

Надел нижнее белье, носки, рубашку, купленные в Копенгагене. Закрепил на груди манишку, за ней последовали высокий жесткий воротник, черный костюм, недорогие туфли. Очки в золотой оправе он положил в нагрудный карман, датскую книгу о французских церквах — в саквояж. Во внутренний карман сунул паспорт датчанина и пачку денег.

Его собственная одежда вернулась в тот чемодан, где лежала раньше, после чего Шакал запер и его.

Все приготовления он завершил к восьми часам, и с минуты на минуту Эрнестина должна была принести кофе. Баронесса пыталась скрыть их отношения от преданных барону слуг, которые до безумия любили его и когда он был ребенком, и когда стал хозяином замка.

Из окна он увидел, как Луизон на велосипеде покатил к воротам, с корзинкой для покупок на багажнике. Мгновением позже Эрнестина постучала в дверь. Он не ответил. Эрнестина постучала вновь.

— Ваш кофе, мадам, — прокричала она.

Приняв решение, Шакал ответил по-французски, полусонным голосом:

— Оставьте у двери. Мы возьмем его, когда

встанем.

Рот Эрнестины превратился в букву «О». Скандал! Вот до чего дошло дело. И где, в спальне господина барона. Она поспешила вниз, чтобы поделиться новостью с Луизоном, но тот уже уехал, и с длинным монологом о падении нравов в нынешнем обществе ей пришлось обратиться к раковине на кухне. Поэтому она не услышала, как три чемодана и саквояж, спущенные на петле из простыни, мягко легли на клумбу под окном спальни.

Затем Шакал запер дверь спальни изнутри, уложил тело баронессы в постель, придал ей позу спящей и укрыл простыней до подбородка, вылез на подоконник, притворил за собой окно и спрыгнул вниз.

Эрнестина услышала, как заурчал мотор «рено» мадам, стоящего в переоборудованной под гараж конюшне, увидела, как машина вырулила к воротам.

— Что это она еще задумала? — пробормотала Эрнестина и поспешила наверх.

Поднос с уже остывшим кофе остался нетронутым перед дверью. Постучав несколько раз, она толкнула дверь, но та не открывалась. Запертой оказалась и спальня приезжего господина. Она

позвала. Ей никто не ответил. Она решила, что они уехали, но, никто не уезжал из замка подобным образом, разве что боши, которые долго мучили старого барона вопросами о сыне.

Оставалось только одно — посоветоваться с Луизоном. Он поехал на рынок, и кто-нибудь в кафе на площади мог найти его и подозвать к телефону. Она не понимала принципа действия телефонной связи, но знала, что стоило снять трубку, как на другом конце провода люди начинали говорить с тобой, а затем шли и искали того, кто тебе нужен. Она сняла трубку и держала ее у уха десять минут, но никто с ней не заговорил. Она, естественно, не подозревала, что провод аккуратно перерезан.

* * *

Клод Лебель, также на вертолете, вернулся в Париж после завтрака. Как он позднее объяснял Карону, Валентин добился блестящего успеха, несмотря на противодействие овернских крестьян. К утру он проследил путь Шакала до кафе в Эгльтоне, где тот позавтракал и куда за ним приехало такси. Затем он распорядился, чтобы к полудню на всех дорогах, ведущих в город, на расстоянии двадцати километров от него, были

установлены заграждения и организована проверка документов пассажиров проезжающих машин. Учитывая важный пост Валентина, Лебель намекнул ему, кто такой Шакал, и комиссар Оверни обещал, что из Эгльтона не выскочит и мышка.

* * *

Миновав От Шалоньер, маленький «рено» помчался на юг, к городу Тюль. Шакал рассчитал, что полиция, с вечера начав поиски от того места, где он оставил машину, к утру должна добраться до Эгльтона. Бармен кафе заговорит, затем таксист, и в замке они будут до полудня, если только ему не улыбнется удача.

Но искать-то они будут светловолосого англичанина, ибо он позаботился о том, чтобы никто не знал, что он стал седым священником. Тем не менее, кольцо вокруг него сжималось. И он гнал «рено» по горным дорогам, пока не выскочил на шоссе RN89 в восемнадцати километрах к юго-западу от Эгльтона. До Тюля оставалось чуть больше двадцати километров. Часы показывали 9.40.

Едва он скрылся за поворотом, миновав довольно длинный прямой участок, из Эгльтона

показался конвой, состоящий из патрульной машины и двух фургонов. Проехав половину прямого участка, конвой свернул на обочину, и шестеро полицейских начали устанавливать передвижное заграждение из металлических труб.

* * *

— Что значит «его нет»? — ревел Валентин, нависнув над плачущей женой таксиста в Эгльтоне. — Куда он уехал?

— Я не знаю, месье. Я не знаю. Каждое утро он ждет на привокзальной площади до прихода поезда из Юселя. Если пассажиров нет, он возвращается в гараж и возится с машинами. Раз он не приехал домой, значит, кого-то повез.

Валентин мрачно огляделся. Кричать на женщину бессмысленно. Ее муж — владелец единственного в городке такси, он же ремонтирует машины соседей.

— Он отвозил кого-нибудь в пятницу утром? — спросил комиссар, более сдержанно.

— Да, месье. Он вернулся со станции, потому что пассажиров не было, а вскоре позвонили из кафе. Кому-то понадобилось такси. А он как раз снял колесо и очень волновался, что заказчик уедет или найдет другое такси. Он ругался все

двадцать минут, пока ставил колесо, а затем умчался. Пассажир никуда не делся, но муж не сказал мне, куда он его отвез, — женщина вздохнула. — Он вообще неразговорчив со мной.

Валентин похлопал ее по плечу:

— Хорошо, мадам. Не расстраивайтесь. Мы подождем, пока он вернется, — и повернулся к сержанту: — Поставьте одного человека на вокзале, а второго — на площади, у кафе. Номер такси вы знаете. Как только он появится, немедленно пришлите его ко мне.

И зашагал к своей машине.

— Комиссариат, — коротко бросил он шоферу.

Свою штаб-квартиру он перенес в Эгльтон, много лет не знавший такого нашествия полицейских.

* * *

Не доехав шести километров до Тюля, Шакал выбросил в лощину чемодан с вещами Александра Даггэна и его паспортом. Они верно послужили ему. Чемодан перевалился через парапет моста и исчез в густом подлеске, растущем на дне лощины.

В Тюле он нашел вокзал, а затем поставил машину в боковой улочке в полумиле от него и

вернулся пешком с двумя чемоданами и саквояжем, прямиком направившись в кассу.

— Один билет до Парижа, второй класс, пожалуйста, — обратился он к кассиру. — Сколько с меня? — И поверх очков, через маленькое зарешеченное оконце, оглядел каморку, в которой работал кассир.

— Девяносто семь новых франков, месье.

— А не подскажете ли вы мне, когда следующий поезд?

— В двенадцать пятьдесят. Вам придется подождать почти час. В конце платформы есть ресторан. Поезда на Париж отходят с платформы номер один.

Шакал поднял чемоданы и подошел к контролеру, стоящему у барьера при входе на платформу. Тот прокомпостировал билет. Шакал вновь подхватил чемоданы, но не сделал и пяти шагов, как его остановили:

— Предъявите документы, пожалуйста.

Юноша в синей форме КРС старался выглядеть старше своих лет. За плечом у него висел автоматический карабин. Шакал снова поставил вещи на землю и протянул ему датский паспорт. Юноша пролистал его, не поняв ни слова.

— Вы датчанин?

— Простите?

— Вы датчанин? — Он постучал пальцем по корочке паспорта.

Шакал просиял, поняв, что от него хотят:

— Датчанин, да, да.

Юноша вернул паспорт и кивком головы предложил Шакалу пройти на платформу. И тут же остановил следующего пассажира, только что миновавшего контролера.

* * *

Луизон вернулся около часа дня, успев пропустить в кафе, пару стаканов красного вина. Эрнестина тут же поделилась с ним своими заботами. Решение ее муж принял быстро.

— Я должен подняться к окну и заглянуть в спальню.

Но прежде ему пришлось повоевать с лестницей. Она никак не хотела его слушаться, но в конце концов Луизон установил ее под окном спальни и с трудом забрался наверх. Пять минут спустя он спустился на землю.

— Мадам спит, — объявил он.

— Но она никогда не спит так поздно, — запротестовала Эрнестина.

— А сегодня спит, — возразил Луизон, — и ни-

кто не должен ее будить.

* * *

Парижский поезд чуть опоздал и прибыл в Тюль ровно в час дня. Среди поднявшихся в вагоны пассажиров был седовласый протестантский пастор. Он сел в уголке купе, в котором уже находились две женщины средних лет, надел очки в золотой оправе, достал из саквояжа толстую книгу о церквах и кафедральных соборах Франции и углубился в чтение. Как он выяснил ранее, поезд прибывал в Париж в 8.10 вечера.

* * *

Шарль Бобе стоял на обочине рядом со своей машиной, смотрел на часы и ругался. Половина первого, время ленча, а он застрял на пустынной дороге между Эгльтоном и деревушкой Ламазьер. Со сломанной полуосью. Не жизнь, а дерьмо, куча дерьма. Он мог бросить машину, дойти пешком до ближайшей деревни, на автобусе добраться до Эгльтона и к вечеру вернуться с тягачом. Такое путешествие обошлось бы ему в недельный заработок. Но опять же, на дверцах не было замков, а все его благополучие зиждилось на этом ста-

реньком такси. Лучше не оставлять машину на милость деревенской ребятни, которая растащит все, что только можно. Надо набраться терпения и дождаться грузовика, который возьмет его на буксир (за вознаграждение) и дотащит до Эгльтона. Еды у него не было, но в ящичке на приборном щитке лежала початая бутылка вина. Допив ее, Бобе залез на заднее сиденье. В такую пору не приходилось рассчитывать на появление грузовика. Крестьяне отдыхали после ленча. Он устроился поудобнее и крепко заснул.

— Что значит «его все еще нет»? Где же этот подонок? — бушевал у телефона Валентин.

Он звонил из комиссариата Эгльтона и разговаривал с полицейским, оставленным в доме таксиста. На другом конце провода что-то пролепетали, и Валентин швырнул трубку на рычаг. Все утро и день в комиссариат по рации поступали доклады полицейских застав, перекрывших дороги. Никто из уехавших из Эгльтона даже отдаленно не напоминал высокого светловолосого англичанина. И в полуденную жару городок блаженно дремал, словно двести полицейских, съехавшихся из Юселя и Клермон-Феррана, и не появлялись на его улочках.

* * *

Лишь в четыре часа Эрнестине удалось добиться своего.

— Ты должен снова залезть на лестницу и разбудить мадам, — твердо заявила она.

Старик Луизон придерживался другого мнения, но по выражению лица Эрнестины понял, что спорить с ней бесполезно. Он поднялся по лестнице, на этот раз более уверенно, открыл окно и исчез в спальне. Эрнестина ждала внизу.

Несколько минут спустя голова старика появилась вновь.

— Эрнестина, — он внезапно осип, — кажется, мадам умерла.

Он уже собрался вновь спуститься по лестнице, но Эрнестина закричала, чтобы он открыл изнутри дверь спальни. Вместе они долго смотрели на глаза баронессы, уставившиеся в подушку, на укрытое до подбородка тело.

Первой пришла в себя Эрнестина.

— Луизон.

— Да, дорогая.

— Скоренько отправляйся в деревню и привези доктора Матье.

Пару минут спустя Луизон уже катил на вело-

сипеде вниз, с силой нажимая на педали. Доктор Матье, уже сорок лет пользовавший жителей От Шалоньер от всех болезней, спал в своем саду под абрикосовым деревом. Луизон разбудил его, и старый доктор тут же согласился поехать с ним. В 4.30 его машина подъехала к замку, а еще через пятнадцать минут он разогнулся и посмотрел на двух слуг, ждущих у порога спальни.

— Мадам мертва. У нее сломана шея. — По его телу пробежала дрожь. — Мы должны вызвать полицию.

Жандарм Кебу был педантом. Он понимал, сколь серьезны обязанности слуги закона и как важно учесть весь фактический материал, особенно при расследовании тяжкого преступления. Часто слюнявя карандаш, он записал показания Эрнестины, Луизона и доктора Матье, сидящих за столом в кухне замка.

— Нет сомнений в том, что совершено убийство, — заключил он, когда доктор подписал свои показания. — Скорее всего, это дело рук светловолосого англичанина, который жил здесь несколько дней, а затем уехал на машине мадам. Я доложу о случившемся в Эгльтон.

И на велосипеде покатил в деревню.

* * *

В половине седьмого Клод Лебель позвонил в Эгльтон комиссару Валентину.

— Что нового, Валентин?

— Пока ничего, — ответил тот. — Мы перекрыли все дороги в окрестностях Эгльтона. Должно быть, он неподалеку от города, если только не успел уехать раньше. И никак не объявится этот чертов таксист, который вез его в пятницу утром. Его повсюду ищут… Подождите минуту, еще одно донесение.

До Лебеля долетали звуки разговора Валентина по другому телефону. Затем он вернулся на связь с Парижем.

— Ну и дела здесь творятся. Совершено убийство.

— Где? — оживился Лебель.

— В замке неподалеку. Позвонил местный жандарм.

— Кого убили?

— Женщину. Жену владельца замка. Одну секунду. Баронессу де ла Шалоньер.

Карон заметил, как побледнел Лебель.

— Валентин, слушайте меня, это он. Он уже уехал из замка?

Последовала пауза, Валентин спросил об этом у жандарма.

— Да, еще утром, на машине баронессы. Маленьком «рено». Садовник обнаружил тело еще в полдень, но решил, что баронесса спит. Только около четырех он залез в спальню через окно и понял, что она мертва.

— У вас есть описание и номерной знак машины? — спросил Лебель.

— Да.

— Тогда объявите общий розыск. Секретностью можно пренебречь. Теперь мы ищем убийцу баронессы де ла Шалоньер. Мы организуем поиск по всей стране, но постарайтесь взять его след с места преступления. Важно определить, куда он направился.

— Хорошо, комиссар. Теперь-то мы знаем, что нужно делать.

Лебель положил трубку.

— Мой бог, я старею. Баронесса де ла Шалоньер находилась в отеле «Серф» в ночь, когда там был Шакал.

* * *

В 7.30 полицейский, обходивший свой участок, нашел машину баронессы, стоящую у тротуара на

тихой улочке Тюля. В 7.45 он вернулся в комиссариат города, в 7.55 из Тюля позвонили Валентину, чтобы сообщить о находке. В 8.05 комиссар Оверни связался с Лебелем.

— В пятистах метрах от железнодорожной станции, — доложил он.

— У вас есть расписание поездов?

— Да, где-то было.

— Скажите мне время отправления из Тюля парижского поезда и время его прибытия на Аустерлицкий вокзал. Ради бога, поторопитесь.

До него донеслись приглушенные голоса.

— Два поезда в день, — наконец ответил Валентин. — Первый отходит около часа и должен быть в Париже… ага, в десять минут девятого.

Лебель бросил трубку и метнулся к двери, на ходу крикнув Карону, чтобы тот следовал за ним.

Экспресс прибыл на Аустерлицкий вокзал точно по расписанию, в 8.10. Едва он остановился, как раскрылись двери купе. Пассажиры высыпали на платформу. Одни обнимались с встречающими друзьями и родственниками, другие сразу потянулись к стоянке такси. Среди них был и седовласый пастор. Одним из первых он достиг стоянки и поставил два чемодана и саквояж в багажник «мерседеса».

Водитель включил счетчик, и такси тронулось с места. На привокзальной площади дорога образовывала полукруг, оканчивающийся двумя воротами. Одни служили для въезда, другие — для выезда. У самых выездных ворот водитель и пассажир услышали вой полицейских сирен, приближающихся с каждой секундой. Когда они проехали ворота и водитель затормозил у поворота на улицу, ожидая просвета в транспортном потоке, к зданию вокзала подкатили три патрульные машины и два черных автобуса с решетками на окнах.

— Похоже, сегодня эти засранцы решили потрудиться, — буркнул водитель — Куда ехать, господин аббат?

Пастор дал ему адрес небольшого отеля на набережной Гранд Огюстен.

* * *

Клод Лебель вернулся в свой кабинет в девять часов. На столе лежала записка с просьбой позвонить комиссару Валентину в Тюль. Он связался с ним через пять минут. Пока Валентин говорил, Лебель делал пометки в блокноте.

— Вы сняли отпечатки пальцев в машине? — спросил Лебель.

— Конечно, и в комнате замка. Их сотни, одни и те же.

— Переправьте их в Париж как можно быстрее.

— Сделаем. Вы хотите, чтобы я прислал и того парня из КРС, что дежурил на железнодорожной платформе в Тюле?

— Нет, благодарю, едва ли он что-то добавит к тому, что уже рассказал. Спасибо за помощь, Валентин. Можете отозвать своих ребят. Он теперь на нашей территории. Тут уж мы разберемся сами.

— Вы уверены, что это датский пастор? — спросил Валентин. — Возможно, совпадение.

— Нет, — ответил Лебель, — это он. Он выбросил один из чемоданов, наверное, вы найдете его в какой-нибудь реке или ложбине между От Шалоньер и Тюлем. Но описание остальных вещей совпадает с тем, что у нас есть. Это он, можете не сомневаться, — и положил трубку.

— Пастор, — с горечью пожаловался он Карону. — Датский пастор. Фамилия неизвестна, этот парень из КРС, которому он предъявил паспорт, не запомнил ее. Человеческий фактор, всегда человеческий фактор. Водитель такси спит на обочине дороги, садовник боится побеспокоить

хозяйку, которая целый день не встает с кровати, полицейский не может запомнить фамилию в паспорте. Одно я знаю наверняка, Люсьен, это мое последнее дело. Я слишком стар. Стар и медлителен. Вызовите мне машину, пожалуйста. Пора ехать на вечернюю экзекуцию.

* * *

Совещание в министерстве внутренних дел проходило напряженно. Лебель доложил о перипетиях прошедших суток: поисках, приведших в Эгльтон, пропавшем водителе такси, убийстве в замке, высоком седовласом пасторе, севшем в Тюле на парижский поезд.

— Короче говоря, — едко заметил Сен-Клер, когда Лебель закончил, — убийца уже в Париже, с новой фамилией и внешностью. Похоже, вы опять потерпели неудачу, мой дорогой комиссар.

— Давайте подождем с упреками, — вмешался министр. — Сколько в Париже датчан?

— Вероятно, несколько сот, господин министр.

— Мы можем их проверить?

— Только утром, когда гостевые карточки привезут в префектуру полиции, — ответил Лебель.

— Я могу организовать сбор карточек в полночь, в два и четыре часа утра. — подал голос

префект полиции. — В графе «профессия» он должен написать «священнослужитель», иначе у портье возникнут подозрения.

Вокруг стола замелькали улыбки.

— Скорее всего, он прикроет жесткий воротник шарфом или снимет его, так что в графе «профессия» будет указано совсем другое, — эти слова Лебеля стоили ему нескольких мрачных взглядов.

— В таком случае остается только одно, — министр встал. — Я еще раз попытаюсь встретиться с президентом и попрошу его отменить все появления на публике до тех пор, пока мы не найдем и не обезвредим этого человека. А пока позаботимся о том, чтобы с утра проверили каждого датчанина, зарегистрировавшегося в отелях Парижа этим вечером и ночью. Я могу положиться в этом на вас, комиссар? Господин префект полиции?

Лебель и Карон кивнули.

— На сегодня все, господа.

— Более всего меня бесит, — жаловался Лебель Карону, вернувшись в кабинет после совещания, — их нежелание признать, что дело не только в его удачливости и нашей глупости. Да, ему везет, но он и чертовски умен. А от нас по-

стоянно отворачивается удача, и мы допускаем ошибки. В том числе и я. Но одного обстоятельства они не учитывают. Дважды мы разминулись с ним на самую малость. Сначала он уехал из Гапа на перекрашенной машине. Затем покинул замок, убив любовницу, сразу после того, как мы нашли машину. И каждый раз это происходило утром, после того как я заявлял в министерстве, что он у нас в руках и мы надеемся схватить его в ближайшие двенадцать часов. Люсьен, мой дорогой друг, я думаю, пора воспользоваться моей неограниченной властью и организовать прослушивание телефонных разговоров.

* * *

Он стоял у окна и смотрел на другой берег лениво текущей Сены, на Латинский квартал, где ярко горели окна и громко смеялись парижане.

В трехстах ярдах от него высокий мужчина всматривался сквозь летнюю ночь в громаду здания Полис Жюдисер, слева от подсвеченных шпилей Нотр-Дам. Он был в черных брюках и ботинках, шелковая водолазка скрывала белую рубашку и манишку. Он курил длинную английскую сигарету с фильтром, и его лицо казалось слишком молодым для седых волос.

Не подозревая об этом, они смотрели друг на друга с разных берегов Сены, а в это время часы на церквах Парижа возвестили о приходе 22 августа.

Часть третья
Анатомия убийства

Глава 19

Выспаться Клоду Лебелю не удалось. В 1.30, когда он едва заснул, Карон потряс его за плечо.

— Шеф, извините, пожалуйста, но меня осенило. Этот парень, Шакал, у него датский паспорт, так?

Лебель сел, сбрасывая остатки сонливости.

— Продолжайте.

— Где-то он его взял. Или подделал, или украл. Но раз паспорт потребовал изменения облика, выходит, он его украл.

— Логично. Продолжайте.

— Если не считать его разведывательной поездки в Париж в июле, остальное время он находился в Лондоне. Скорее всего, паспорт украден в одном из этих городов. А что делает датчанин, если он потерял или у него украли паспорт? Идет в свое посольство.

Лебель даже подпрыгнул.

— Иногда, мой дорогой Карон, я думаю, что вы далеко пойдете. Соедините меня с суперинтендантом Томасом, а потом с генеральным консулом Дании в Париже. В таком порядке.

Следующий час он провел у телефона и убедил

обоих мужчин покинуть теплые постели и вернуться в рабочие кабинеты. Сам Лебель около трех часов снова прилег на раскладушку, но уже в четыре ему позвонили из префектуры полиции, чтобы сказать, что среди гостевых карточек, собранных в отелях Парижа в полночь и в два часа утра, датчанами заполнено более 980, и сейчас их сортируют по категориях «возможно», «вероятно» и «прочие».

В шесть часов, когда он пил кофе, позвонили технические специалисты из ДСТ, получившие его указания сразу после полуночи. Заброшенная ими сеть не осталась пустой. Лебель вызвал машину и вместе с Кароном поехал в коммуникационный центр, чтобы прослушать запись на магнитофонной ленте.

Она началась с громкого щелчка, за которым последовала серия потрескиваний, словно кто-то набирал номер. Потом долгие гудки и еще один щелчок: на другом конце провода сняли трубку.

— Алле? — произнес хриплый голос.

— Говорит Жаклин, — женский голос.

— Говорит Вальми, — мужской.

— Они знают, что он — датский пастор. Они проверяют гостевые карточки датчан по всем отелям Парижа, собирая их в полночь, в два и

четыре часа утра. Потом они допросят каждого датчанина.

— Благодарю, — ответил мужчина после короткой паузы и положил трубку.

То же сделала и женщина. Лебель долго смотрел на вращающуюся бобину…

— Вы знаете номер, по которому она звонила?

— Да, мы можем определить его по времени возвращения диска в начальное положение после набора той или иной цифры, — ответил связист. — Молитор 5901.

— Адрес у вас есть?

Связист протянул Лебелю полоску бумаги. Комиссар взглянул на нее.

— Пошли, Люсьен. Пора нам побеседовать с господином Вальми.

В дверь постучали в семь часов утра. Школьный учитель варил кофе на газовой плите. Нахмурившись, он выключил газ и пересек гостиную, чтобы открыть дверь. На пороге стояли четверо. Он сразу понял, кто они и зачем пришли. Двое дюжих полицейских едва не набросились на него, но их остановил низенький мужчина в штатском.

— Мы прослушивали телефоны, — буднично объяснил он. — Вы — Вальми.

Лицо школьного учителя осталось бесстрастным. Он отступил назад и позволил им войти в квартиру.

— Я могу одеться? — спросил он.

— Да, конечно.

Оделся он быстро, под настороженными взглядами полицейских натянув рубашку и брюки прямо на пижаму. Молодой мужчина в штатском стоял у двери. Постарше возрастом прошелся по квартире, оглядывая кипы книг, журналов, газет.

— Потребуется уйма времени, чтобы все это рассортировать, Люсьен.

Мужчина у двери хмыкнул.

— Слава богу, это не по нашей части.

— Вы готовы? — спросил низенький школьного учителя.

— Да.

— Отведите его вниз, к машине.

Комиссар задержался в квартире дольше всех, чтобы просмотреть бумаги, лежащие на столе учителя, над которыми тот работал с вечера. Обычные школьные контрольные. Очевидно, учитель работал на дому, чтобы в любой момент ответить на звонок Шакала.

Телефон зазвонил в 7.10. Лебель несколько се-

кунд смотрел на него, затем взял трубку.

— Алле?

— Говорит Шакал, — донеслось с другого конца провода.

Ровный, бесстрастный голос. Лебель лихорадочно искал ответ.

— Говорит Вальми, — и замолчал, не зная, как продолжить разговор.

— Что нового? — последовал вопрос.

— Ничего. Они потеряли след в Каррезе.

На лбу комиссара выступил пот. Если бы этот человек задержался в отеле, где он остановился, еще на два-три часа!

Раздался щелчок, затем гудки отбоя. Шакал положил трубку. Лебель последовал его примеру и сбежал вниз, к ждущей у тротуара патрульной машине.

— В управление, — бросил он шоферу.

* * *

В телефонной будке маленького отеля на берегу Сены Шакал недоуменно пожал плечами. Ничего. Странно. Этот комиссар Лебель далеко не дурак. Они наверняка нашли таксиста из Эгльтона, побывали в От Шалоньер, обнаружили тело баронессы в замке и пропажу «рено». Отыскали

«рено» в Тюле и допросили персонал железнодорожной станции. Следовательно, они…

Он вышел из будки и направился к конторке портье.

— Мой счет, пожалуйста. Я спущусь вниз через пять минут.

* * *

Суперинтендант Томас позвонил в половине восьмого, когда Лебель входил в свой кабинет.

— Извините, что задержался с ответом. Не так-то легко разбудить сотрудников датского генерального консульства и упросить их прийти на работу. Вы совершенно правы. 14 июля датский пастор заявил о пропаже паспорта. Он предполагал, что его украли в номере отеля в Вест-Энде, но не мог этого доказать. Поэтому не стал подавать официальную жалобу, к облегчению управляющего отеля. Пастор Пер Иенсен из Копенгагена. Рост шесть футов, синие глаза, седые волосы.

— Это он, благодарю вас, суперинтендант. — Лебель положил трубку. — Соедините меня с префектурой, — попросил он Карона.

Четыре черных автобуса подкатили к отелю на набережной Гранд Огюстен в восемь тридцать. Комнату 37 полиция перевернула вверх дном.

— Извините, господин комиссар, — оправдывался владелец отеля перед низеньким, осунувшимся детективом, возглавлявшим рейд, — но месье Иенсен выписался час тому назад.

* * *

Поймав такси, Шакал попросил отвезти его на Аустерлицкий вокзал, куда приехал прошлым вечером, резонно рассудив, что там его будут искать в последнюю очередь. Чемодан с ружьем и одеждой вымышленного француза Андре Мартина он сдал в камеру хранения, оставив при себе чемодан с документами и одеждой Марти Шульберга и саквояж с гримировальными принадлежностями.

Все еще в темном костюме, но в водолазке, прикрывающей высокий жесткий воротник, он снял номер в захудалом отеле в двух шагах от вокзала. Портье передал ему для заполнения гостевую карточку, но от лени не удосужился сверить ее с паспортными данными, как того требовала инструкция. В результате Пера Иенсена в карточке заменили другие имя и фамилия.

Поднявшись в номер, Шакал занялся лицом и волосами. Специальный растворитель смыл седину, волосы вновь стали светлыми, а затем, под

действием краски, каштановыми, как у Марти Шульберга. Синие контактные линзы он оставил на месте, но очки в золотой оправе заменил другими, в роговой, которые носил американец. Ботинки, носки, рубашка, манишка, жесткий воротник и костюм легли в чемодан вместе с паспортом Пера Иенсена из Копенгагена. Вместо них он надел туфли из мягкой кожи, носки, джинсы, тенниску и ветровку студента из Сиракуз, штат Нью-Йорк.

Часам к одиннадцати трансформация завершилась. Паспорт Шульберга лежал в одном нагрудном кармане, пачка французских франков — в другом. Чемодан с одеждой пастора он засунул в гардероб, ключ от замка спустил в биде. Отель Шакал покинул по пожарной лестнице, и больше его там не видели. Несколько минут спустя он сдал саквояж в камеру хранения, положил квитанцию в задний карман, рядом с квитанцией на чемодан, и вышел из здания вокзала. Такси отвезло его на Левый берег, он попросил остановить машину на углу бульвара Сен-Мишель и улицы Юшетт и смешался с толпой студентов и молодежи, населявших Латинский квартал Парижа.

Сидя в прокуренной закусочной, он думал над тем, как провести следующую ночь. Он не сомне-

вался, что Клод Лебель уже вычислил пастора Пера Иенсена и дал Марти Шульбергу не более двадцати четырех часов.

«Чертов Лебель», — мысленно выругался Шакал, но широко улыбнулся официантке, принесшей поднос с заказанным ленчем:

— Благодарю, дорогая.

* * *

Лебель позвонил Томасу в десять часов. Тот даже застонал, выслушав просьбу француза, но вежливо ответил, что сделает все возможное. Положив трубку, он вызвал старшего инспектора, участвовавшего в расследовании на прошлой неделе.

— Присядьте, — Томас указал на стул. — Опять объявились французы. Похоже, они снова упустили Шакала. Теперь он в центре Парижа, и они подозревают, что у него новые облик и документы. Сейчас мы начнем обзванивать все посольства в Лондоне и спрашивать фамилии иностранцев, утерявших паспорт после первого июля. Будем надеяться, что список окажется небольшим. Негры и азиаты не в счет. Нам нужны только белые. В каждом случае меня интересует рост. Тех, кто выше пяти футов восьми дюймов,

выносите в отдельную колонку. Можете приступать.

* * *

Заседание в министерстве внутренних дел Франции началось не в десять часов вечера, а в два пополудни.

Первую часть отчета Лебеля встретили ледяным молчанием.

— Черт бы побрал этого подонка, — в какой-то момент не выдержал министр, — у него дьявольское везение.

— Нет, господин министр, везение здесь ни при чем. Во всяком случае, не оно сыграло главную роль. Его постоянно информировали о наших действиях. Поэтому он столь поспешно покинул Гап, поэтому успел удрать из замка, убив женщину. Каждый вечер я докладывал на совещании о нашем прогрессе. Трижды нам не хватало нескольких часов, чтобы схватить его. Этим утром арест Вальми и моя неспособность имитировать его голос позволили Шакалу скрыться из отеля, где он провел ночь, и вновь изменить внешность. Но в первых двух случаях ранним утром ему передавали все то, что я говорил вам.

Над столом повисла гнетущая тишина.

— Я припоминаю, комиссар, что вы уже высказывали подобное предположение, — холодно заметил министр. — Я надеюсь, вы можете доказать свою правоту.

Вместо ответа Лебель поставил на стол портативный магнитофон и нажал кнопку «пуск». Затаив дыхание, они прослушали телефонный разговор, записанный ночью. Он длился недолго, а затем все взгляды скрестились на маленьком магнитофоне. Полковник Сен-Клер посерел лицом, дрожащими руками начал укладывать в папку лежащие перед ним бумаги.

— Чей это голос? — наконец спросил министр.

Лебель промолчал. Сен-Клер медленно поднялся, все повернулись к нему.

— К сожалению, я должен сообщить вам… господин министр… Это голос моей… моей знакомой. В настоящее время она живет у меня… Извините.

Он вышел из зала заседаний, чтобы вернуться во дворец и написать прошение об отставке. Оставшиеся молча разглядывали свои руки.

— Очень хорошо, комиссар, — тихо проговорил министр. — Вы можете продолжать.

Лебель доложил о звонке Томасу с просьбой проследить каждый паспорт, потерянный в Лондоне за последние пятьдесят дней.

— Я надеюсь, — заключил он, — получить список сегодня вечером, и едва ли в нем будет больше одной или двух фамилий людей, внешне похожих на Шакала. Получив их, я свяжусь с полицией стран, откуда приезжали в Лондон туристы, потерявшие паспорта, чтобы нам прислали их фотографии. Потому что Шакал изменит внешность в соответствии с новыми документами. При удачном стечении обстоятельств фотографии будут у меня завтра утром.

— С моей стороны, — взял слово министр, — я хочу информировать вас о моем разговоре с президентом. Он наотрез отказался изменить что-либо в программе своих публичных выступлений, чтобы защитить себя от убийцы. Честно говоря, этого следовало ожидать. Однако я добился одного послабления. Мы можем снять завесу секретности. Шакал теперь обыкновенный убийца. Он задушил баронессу де ла Шалоньер в ее собственном доме, куда проник, чтобы украсть ее драгоценности. Предполагается, что сейчас он скрывается в Париже. С этим все ясно, господа?

Сидящие за столом закивали.

— Эти сведения мы передадим в дневные издания газет. Как только вы узнаете, кем он стал на этот раз, комиссар, я разрешаю передать его

новые имя и фамилию прессе. Тем самым они попадут в утренние выпуски газет. Завтра же, получив фотографию туриста, потерявшего паспорт в Лондоне, отдайте ее на телевидение и в вечерние издания, чтобы публика была в курсе наших действий. Помимо этого, как только станет известна его новая фамилия, вся полиция и КРС должны выйти на улицы и проверять документы у каждого встречного.

Префект полиции, глава КРС и директор ПЖ склонились над блокнотами, лихорадочно записывая поручения министра.

— ДСТ проверит каждого известного нам сторонника ОАС, — продолжал министр, — опираясь на помощь Центрального архивного управления. Это ясно?

Руководители ДСТ и РЖ кивнули.

— Полис Жюдисер снимет всех своих детективов с текучки и бросит их на розыски убийцы.

Кивнул и Макс Ферне.

— Далее, вероятно, мне понадобится полный перечень намеченных выездов президента из Елисейского дворца, чтобы мы могли принять дополнительные меры предосторожности, даже если он и не будет о них знать. Если он что-то заметит, пусть лучше отругает нас. И, разумеется,

я рассчитываю, что личная охрана президента будет оберегать его, как никогда раньше. Комиссар Дюкре?

Жак Дюкре, начальник личной охраны президента, согласно склонил голову.

— У бригады сыскной полиции, — министр повернулся к комиссару Бувье, — есть немало платных осведомителей в преступном мире. Я хочу, чтобы все они искали этого человека, как только мы узнаем его фамилию и внешние данные. Хорошо?

Еще один кивок головы. Для Мориса Бувье охота на человека не была в диковинку. Но тут замышлялось что-то грандиозное. Как только Лебель сообщал фамилию и номер паспорта, вкупе с внешними данными, чуть ли не сто тысяч человек, от сил охраны правопорядка до преступников, начинали поиски убийцы-одиночки на улицах, в отелях, ресторанах, барах.

— Может, я пропустил кого-то еще, кто может нам помочь? — спросил министр.

Полковник Роллан глянул на генерала Гибо, затем на комиссара Бувье. Откашлялся.

— Есть еще Корсиканский союз.

Генерал Гибо изучал свои ногти. Бувье волком посмотрел на полковника. Многие скривились.

Корсиканский союз, братство корсиканцев, ведущий свою историю от Братьев Аяччо, сыновей вендетты, представлял собой крупнейший преступный синдикат Франции. Союз уже управлял Марселем и большей частью южного побережья. Некоторые полагали, что это более древняя и опасная организация, чем мафия. В отличие от итальянцев, члены союза не эмигрировали в Америку в начале двадцатого столетия и тем самым избежали известности, благодаря которой «мафия» стала столь расхожим словом.

Уже дважды голлисты обращались к союзу за содействием и оба раза получали его, но на определенных условиях. Союз требовал отступного, обычно ослабления полицейского надзора за его преступными действиями. Корсиканцы помогли союзникам при высадке на юге Франции в августе 1944 года и с тех пор хозяйничали в Марселе и Тулоне. Они приняли активное участие в борьбе с алжирскими поселенцами и ОАС после апрельского путча 1961 года, и в результате их щупальца протянулись на север, достигнув Парижа.

Как полицейский, Морис Бувье ненавидел союз лютой ненавистью, но он знал, что Отдел противодействия Роллана широко пользуется услугами корсиканцев.

— Вы думаете, они могут помочь? — спросил министр.

— Если Шакал так умен, как нам говорят, — ответил Роллан, — то найти его могут только корсиканцы и никто более.

— Сколько их в Париже? — министр все еще колебался.

— Около восьмидесяти тысяч. Часть служит в полиции, на таможне, в КРС, СДЭКЭ, многие вхожи в преступный мир. И они организованы.

— Используйте их, — решил министр.

Других предложений не последовало.

— Тогда все. Комиссар Лебель, мы ждем от вас фамилию, описание внешних данных, фотографию. После этого Шакал не пробудет на свободе и шести часов.

— Фактически на его поимку нам отпущено три дня. — Лебель смотрел в окно.

Сидящие за столом вздрогнули, как от удара электрического тока.

— Откуда вы это знаете? — спросил Макс Ферне.

Лебель несколько раз мигнул:

— Я мог бы догадаться и раньше. Уже с неделю меня не покидала уверенность в том, что у Шакала есть план и он выбрал день, когда выстрелит

в президента. Почему он сразу не стал пастором Иенсеном, покинув Гап? Почему не бросил машину в Балансе, чтобы оттуда на поезде поехать в Париж? Почему прибыл во Францию, а потом провел здесь неделю, убивая время?

— Действительно, почему? — спросил кто-то.

— Потому что он заранее выбрал свой день. Он знает, когда нанесет удар. Комиссар Дюкре, президент собирается выезжать из дворца сегодня, или завтра, или в субботу?

Дюкре покачал головой.

— А в воскресенье, двадцать пятого августа?

Над столом прокатился вздох, словно порыв ветра по пшеничному полю.

— Ну конечно, — выдохнул министр, — День Освобождения. И ведь многие из нас были с ним в тот день 1944 года, когда Париж стал свободным.

— Совершенно верно, — кивнул Лебель. — Он тонкий психолог, наш Шакал. Он знает, что один день в году генерал де Голль обязательно проведет здесь, в Париже. Это, образно говоря, великий день нашего президента. Его-то и ждет убийца.

— В таком случае мы должны его взять, — отрезал министр. — Теперь, когда он лишен источника информации, когда спрятаться в Париже ему негде, когда его не пустят ни в один

дом, деваться ему некуда. Комиссар Лебель, дайте нам его фамилию.

Клод Лебель встал и направился к двери. Поднялись и остальные.

— О, еще один вопрос, — возглас министра остановил Лебеля. — Как вы догадались прослушать домашний телефон полковника Сен-Клера?

Лебель повернулся и пожал плечами:

— Я ни о чем не догадывался, но распорядился поставить подслушивающие устройства на все ваши телефоны. До свидания, господа.

* * *

В пять часов пополудни, сидя на террасе кафе с кружкой пива, в черных очках, защищающих глаза от солнца, Шакал нашел выход из создавшегося весьма затруднительного положения. Идею подали ему двое мужчин, под ручку прогуливающиеся по улице. Он заплатил за пиво, поднялся из-за стола и вышел из кафе. В сотне ярдов от него Шакал нашел магазин женской косметики и купил там все, что ему требовалось.

* * *

Шестичасовые выпуски вечерних газет вышли

с новыми заголовками на первой полосе: «Убийца баронессы скрывается в Париже». Ниже поместили фотографию баронессы де ла Шалоньер, сделанную пятью годами раньше. Ее отыскали в архиве крупной фотостудии. В половине седьмого, с экземпляром «Франс-суар» в руке, полковник Роллан вошел в маленькое кафе рядом с улицей Вашингтон. Смуглолицый бармен пристально посмотрел на него и кивнул другому мужчине, сидевшему в глубине зала.

Тот встал и направился к Роллану.

— Полковник Роллан?

Глава Отдела противодействия кивнул.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Он открыл дверь в дальней стене, вместе с полковником поднялся на второй этаж, постучал в другую дверь.

— Войдите, — донеслось изнутри.

Дверь за ним закрылась. Роллан пожал протянутую руку мужчины, вставшего с кресла.

— Полковник Роллан? Рад познакомиться. Я — капо Корсиканского союза. Как я понимаю, вы ищете одного человека…

* * *

Суперинтендант Томас позвонил в восемь вечера. В голосе чувствовалась усталость. Некоторые посольства тут же сообщали интересующие его данные, с другими пришлось повозиться.

Не считая негров, азиатов, женщин и низкорослых мужчин, за последние пятьдесят дней в Лондоне лишились паспортов восемь иностранцев-мужчин. Томас перечислил их имена, фамилии, номера паспортов и внешние данные.

— Теперь давайте вычислим тех, кто остался без паспорта не по воле Шакала или не мог его заинтересовать, — предложил он Лебелю. — Трое потеряли паспорт в те дни, когда Шакала, или Даггэна, в Лондоне не было. Мы проверили материалы авиакомпаний по заказу и продаже билетов вплоть до первого июля. Он улетел в Копенгаген восемнадцатого вечером и вернулся в Британию шестого августа рейсом авиакомпании ВЕД, купив билет в Брюсселе. Расплачивался он, как обычно, наличными.

— Да. Это похоже. Мы выяснили, что часть этого времени он провел в Париже, с двадцать третьего по тридцать первое июля.

— Так вот, три паспорта пропали в эти дни, —

продолжил Томас. — Мы их вычеркиваем, так?

— Так, — согласился Лебель.

— Из оставшихся пяти мужчин один очень высокий, шесть футов шесть дюймов, то есть более двух метров в вашей системе измерений. Кроме того, он — итальянец и в его паспорте рост указан в метрах и сантиметрах. Поэтому любой французский таможенник сразу же заметил бы несоответствие, если только Шакал не воспользовался ходулями.

— Согласен, давайте вычеркнем и этого гиганта. Кто остальные четверо?

— Ну, один очень толстый, вес двести сорок два фунта, или более ста килограммов. Шакалу пришлось бы набить одежду подушками так, что он не смог бы переставлять ноги.

— Вычеркиваем и толстяка. Кто еще?

— Еще один слишком стар. Рост у него подходящий, но вот возраст — более семидесяти. Едва ли Шакал сможет загримироваться под такого старика, слишком уж это сложно.

— Вычеркиваем, — принял решение Лебель. — Остаются двое.

— Один — норвежец, другой — американец. По внешним данным оба подходят. Высокие, широкоплечие. И возраст: одному — двадцать,

другому — пятьдесят. Но все же я не думаю, что норвежец — ваш человек. Прежде всего, он — блондин. Едва ли Шакал, раскрытый как Даггэн, вернется к своему естественному цвету волос, не так ли? Он станет слишком похож на Даггэна. И потом, норвежец заявил, что паспорт выпал из его кармана, когда он во всей одежде свалился в воду, катаясь на лодке с девушкой. Он клянется, что паспорт лежал у него в нагрудном кармане, когда он падал, но его уже не было, когда ему помогли выбраться из воды. С другой стороны, американец оставил заявление в полицейском участке лондонского аэропорта, в котором указал, что паспорт украли у него вместе с сумкой, едва он сошел с самолета. Так кто вас больше интересует?

— Пришлите мне все материалы по американцу. Фотографию я получу через паспортный стол в Вашингтоне. Позвольте еще раз поблагодарить вас за содействие.

* * *

В десять вечера в министерстве состоялось второе совещание. Очень короткое. Часом раньше каждое управление сил охраны правопорядка получило все данные по Марти Шульбергу,

разыскиваемому в связи с совершением убийства. Фотография ожидалась утром, аккурат к выпуску первых вечерних газет, которые могли бы появиться на улицах в десять часов.

Министр встал.

— Господа, на нашей первой встрече мы согласились с предложением комиссара Бувье, что обнаружение наемного убийцы, известного нам под кодовым именем Шакал, чисто детективная задача. Оглядываясь назад, нельзя не признать его правоты. Нам повезло в том, что прошедшие десять дней мы могли пользоваться услугами комиссара Лебеля. Несмотря на троекратное изменение убийцей имени, фамилии, внешнего облика, от Колтропа к Даггэну, от Даггэна к Иенсену, от Иенсена к Шульбергу, он смог установить его последние имя и фамилию, сообщил нам его внешние данные и местопребывание. Мы должны поблагодарить его, — он склонил голову. Маленький комиссар смутился. — Однако теперь мы все должны активно включиться в розыск. У нас есть его фамилия, описание внешности, номер паспорта, национальность. Я уверен, что, имея в своем распоряжении такие силы, мы должны взять его через три-четыре часа. Его уже ищет каждый полицейский, каждый солдат КРС,

каждый детектив Парижа. К утру, максимум к полудню спрятаться этому человеку будет негде. А теперь позвольте мне еще раз поздравить вас, комиссар Лебель, и снять с ваших плеч груз и напряжение этого расследования. В ближайшие часы нам не понадобится ваше бесценное содействие. Ваша работа закончена, и выполнили вы ее блестяще. Благодарю вас.

Министр выжидательно смотрел на Лебеля. Тот поморгал, поднялся, кивнул сидящим за столом могущественным людям, распоряжающимся тысячами подчиненных и миллионами франков. Ему ответили улыбки. Лебель повернулся и вышел из зала заседаний.

Впервые за десять дней комиссар Клод Лебель поехал спать домой. Когда он поворачивал ключ в замке, готовясь выслушивать упреки жены, часы пробили полночь. Наступило 23 августа.

Глава 20

Шакал вошел в бар за час до полуночи. Его глаза не сразу привыкли к темноте, но скоро он различил длинную стойку у левой стены с чуть подсвеченными зеркалами и бутылками за ней. Бармен с любопытством разглядывал его.

У правой стены узкого зала стояли столики на двоих. В дальнем конце помещение расширялось, и там стояли столы побольше, на четверых и шестерых. Вдоль стойки выстроился ряд высоких табуретов. Постоянные клиенты сидели и за столиками, и у стойки.

Едва он вошел, разговоры сразу стихли, атлетическая фигура Шакала приковала к себе все взгляды. Кто-то присвистнул, за каким-то столиком хихикнули. Шакал прошел к стойке и сел на свободный табурет. Сзади до него донеслось: «Ты только посмотри! Какие мускулы, дорогой, я сойду с ума!»

Тут же подошел бармен. Его накрашенные губы разошлись в кокетливой улыбке:

— Добрый вечер… месье. — За спиной захихикали. — Что будете пить?

— Двойное шотландское.

Бармен отошел, довольный услышанным. Мужчина, мужчина, мужчина. О, сегодня будет знатная драчка. Он уже видел, как эти педики у стены оттачивают свои когти. Большинство из них ожидали своих постоянных «партнеров», но некоторые были без пары, а тут такая удача. Этот новичок, думал бармен, произведет настоящий фурор.

Сидящий рядом мужчина повернулся к Шакалу и уставился на него с нескрываемым любопытством. Его волосы цвета металлического золота, тщательно уложенные, спускались на лоб заостренными завитками, как у молодого греческого бога на фреске античных времен. На этом сходство кончалось. Тушь на ресницах, алая помада на губах, пудра на щеках не могли скрыть ни морщин стареющего дегенерата, ни алчности его голодных глаз.

— Не угостите ли меня? — с девичьим пришепетыванием спросил он.

Шакал медленно покачал головой. «Голубой» пожал плечами и повернулся к своему собеседнику. Шепотом, похихикивая, они продолжили прерванный разговор.

Бармен довольно улыбнулся. «Нормальный»? Едва ли, зачем тогда приходить сюда. Но и по-

таскушка ему не нужна, иначе он не отбрил бы Коринн, когда та попросила, чтобы он угостил ее. Должно быть… Какая прелесть! Симпатичный юноша ищет старого педераста, чтобы тот пригласил его к себе на ночь. Да, забавный будет вечерок. Мужчины начали приходить ближе к полуночи, устраивались у дальней стены, оглядывали зал, подзывали бармена, о чем-то совещались с ним. Затем бармен возвращался за стойку и давал сигнал одной из «девочек».

— Господин Пьер зовет тебя на пару слов, дорогая. Будь с ним поласковее и, ради бога, не плачь, как в прошлый раз.

Шакал сделал выбор сразу после полуночи. Двое мужчин буквально ели его глазами. Они сидели за разными столиками и изредка злобно поглядывали друг на друга. Обоим под пятьдесят, один — толстый, с маленькими глазками, утонувшими в обрюзгших щеках, с жирными складками шеи, нависающими над воротником, второй — подтянутый, элегантный, с тощей шеей и обширной лысиной с двумя-тремя прилизанными прядями. В прекрасно сшитом костюме — узкие брюки, рукава пиджака чуть короче манжет рубашки. С шелковым шарфом на шее. Художник, модельер или парикмахер,

подумал Шакал.

Толстяк подозвал бармена и что-то шепнул ему на ухо. Крупная купюра перекочевала в карман его обтягивающих брюк. Бармен вернулся за стойку.

— Месье спрашивает, не согласитесь ли вы выпить с ним бокал шампанского? — шепнул он Шакалу.

Тот поставил виски на стойку.

— Скажите месье, — подчеркнуто громко произнес он, чтобы слышали сидящие вокруг педики, — что он меня не привлекает.

Вокруг заахали, несколько молодых людей, тоненьких, как тростинки, соскользнули с табуретов и подошли поближе, чтобы не пропустить ни слова. Глаза бармена изумленно раскрылись.

— Он предлагает вам шампанское, дорогой. Мы его знаем, он очень богат. Вам просто повезло.

Не отвечая, Шакал слез с табурета, взял недопитый бокал виски и прошествовал к столику худого, элегантно одетого гомосексуалиста.

— Вы позволите мне сесть за ваш столик? — спросил он. — За стойкой нет ни минуты покоя.

«Голубой» чуть не лишился чувств от радости. Несколько минут спустя толстяк, глубоко оскорбленный, покинул бар, а его более удачливый

соперник, положив костлявую руку на плечо молодого американца, жаловался новому другу на ужасные манеры некоторых посетителей этого в общем-то милого заведения.

Шакал и его спутник покинули бар в начале второго. Минут за двадцать до этого мужчина, его звали Жюль Бернар, спросил Шакала, где тот остановился. Потупившись, Шакал признался, что ночевать ему негде, деньги кончились и он не знает, что и делать. Бернар не мог поверить своему счастью. И, как только представился случай, сообщил своему юному другу, что у него прекрасная квартира, уютная и тихая. Он живет один и не поддерживает никаких отношений с соседями, потому что в прошлом они вели себя отвратительно. И он будет рад, если Мартин сможет пожить у него. Шакал с благодарностью принял это великодушное предложение. Перед тем как выйти из бара, он заглянул в единственный туалет (женского не было) и вернулся три минуты спустя с черными от туши ресницами, ярко-красными губами и напудренными щеками. Бернару это не понравилось, но он скрывал свое недовольство, пока они оставались в баре.

— Зачем ты это сделал? — запротестовал он, когда они вышли на улицу. — Теперь ты похож

на этих мерзких педиков за стойкой. Ты же симпатичный парень. Все это тебе ни к чему.

— Извини, Жюль, ты, конечно, прав. Я думал, так будет лучше. Я все смою, как только мы приедем домой.

Слова Шакала успокоили Бернара, и они направились к машине. Первым делом они решили поехать на Аустерлицкий вокзал, чтобы Шакал смог забрать чемоданы, а затем на квартиру Бернара. На первом же перекрестке их остановил полицейский. Как только он наклонился к окошку водителя, Шакал зажег внутреннее освещение кабины. На лице полицейского отразилось отвращение.

— Проезжайте, — тут же скомандовал он. А когда машина отъехала, добавил: — Проклятые педеры.

Второй раз их остановили у самого вокзала, и полицейский попросил предъявить документы. Шакал хихикнул.

— Это все, что вы хотите посмотреть? — игриво спросил он.

— Проваливайте, — набычился полицейский и отошел.

— Не стоит их злить, — попросил Бернар. — Они могут нас арестовать.

Под недоброжелательными взглядами служителя Шакал забрал из камеры хранения чемодан и саквояж, отнес их к машине и уложил в багажник. По пути к дому Бернара их остановили вновь, на этот раз сержант и рядовой КРС. Это произошло на перекрестке, в нескольких сотнях ярдов от дома Бернара. Рядовой подошел к машине со стороны пассажирского сиденья, вгляделся в лицо Шакала и отпрянул.

— О боже. Куда это вы двое собрались? — прорычал он.

Шакал надул губы:

— А как ты думаешь, красавчик?

Лицо рядового перекосило от отвращения.

— От вас, педеров, меня тошнит. Проезжайте.

— Тебе следовало проверить их документы, — заметил сержант, когда задние огни машины Бернара скрылись из виду.

— О, перестаньте, сержант, — возразил рядовой. — Мы ищем парня, который три дня трахал баронессу, прежде чем задушить ее, а не двух паршивых педеров.

В два часа утра Шакал и Бернар вошли в квартиру последнего. Шакал настоял на том, что будет спать на кушетке в гостиной, и Бернару пришлось с этим смириться, хотя он и подглядывал через

дверь спальни, пока американец раздевался. Он уже прикидывал, как соблазнить этого мускулистого студента из Нью-Йорка.

Ночью Шакал провел инспекцию холодильника в хорошо оборудованной и отделанной в женском вкусе кухне и решил, что еды для одного человека хватит на три дня, а для двух — нет. Утром Бернар хотел сходить за свежим молоком, но Шакал не пустил его, сказав, что предпочитает к кофе молоко консервированное. Поэтому утро они провели дома, обсуждая различные проблемы. Затем Шакал попросил включить телевизор, чтобы посмотреть дневной выпуск новостей.

Комментатор начал с охоты за убийцей баронессы де ла Шалоньер, совершившим это гнусное преступление сорок восемь часов назад. Жюль Бернар содрогнулся от ужаса.

— О, я не терплю насилия, — выдохнул он.

В следующее мгновение экран заполнило лицо, симпатичное лицо, в очках в тяжелой роговой оправе, обрамленное каштановыми волосами, принадлежащее, как объявил комментатор, убийце, американскому студенту Марти Шульбергу. Если кто-то видел этого человека или знает…

Бернар, сидевший на софе, повернулся и взгля-

нул на стоящего рядом Шакала. Последней для него стала мысль о том, что комментатор ошибся в цвете глаз Шульберга, назвав их синими. Потому что поверх стальных пальцев, сжавших шею, на него смотрели серые глаза…

Пять минут спустя перекошенное лицо, распатланные остатки волос и вывалившийся язык Жюля Бернара исчезли за дверью встроенного платяного шкафа в прихожей. Шакал вернулся в гостиную, взял с полки иллюстрированный журнал и поудобнее уселся в кресле. Впереди были два дня ожидания.

* * *

В эти два дня Париж трясли, как никогда раньше. В каждом отеле, от самого фешенебельного до самого грязного, по существу публичного дома, проверялись списки гостей. Не остались без внимания ни один пансион, меблированные комнаты, ночлежка или студенческое общежитие. Бары, рестораны, кабаре, ночные клубы и кафе прочесывались детективами в штатском, которые показывали фотографию Марти Шульберга официантам, барменам, вышибалам. Проводились обыски в домах и квартирах всех известных полиции приверженцев ОАС. Более семидесяти

молодых мужчин, отдаленно похожих на убийцу, были арестованы, допрошены, а затем отпущены с извинениями. Последнее объяснялось лишь их иностранным подданством: они требовали более вежливого обращения, чем французы.

Документы проверялись у сотен тысяч людей, на улицах, в такси, автобусах. На всех перекрестках Парижа встали полицейские кордоны, и любителям ночных прогулок приходилось предъявлять удостоверение личности по нескольку раз на каждую пройденную милю.

Не отставали от полиции и корсиканцы, обходя притоны, сутенеров, проституток, карманников, воров, бандитов и предупреждая, что сокрытие интересующих их сведений повлечет за собой гнев союза, со всеми вытекающими последствиями.

Сто тысяч сотрудников сил охраны правопорядка, от детективов высокого ранга до солдат и жандармов, вышли на розыски Шакала. Тем же занимались примерно пятьдесят тысяч человек, так или иначе связанных с преступным миром. Портье, швейцары, горничные, водители туристских автобусов вглядывались в проходившие перед ними лица. В студенческие кафе, бары, политические клубы, группы и союзы

проникли молодые детективы. Агентства, специализирующиеся на размещении во французских семьях студентов-иностранцев, приехавших во Францию по программам обмена, получили соответствующие указания.

Ближе к вечеру 24 августа Клода Лебеля, который вторую половину субботы провел в саду, вызвали к телефону. Министр внутренних дел ждал его у себя в шесть часов. Машина за ним уже выехала.

Лебеля поразил вид министра. Всегда энергичный глава сил охраны правопорядка выглядел уставшим и подавленным. За прошедшие сорок восемь часов он, казалось, постарел на добрых пять лет, глаза ввалились, вокруг них чернели круги бессонницы. Жестом он предложил Лебелю сесть напротив стола, а сам опустился на вращающийся стул, на котором любил поворачиваться от стола к окну и смотреть на площадь Бово. На этот раз происходящее за окном его не интересовало.

— Мы не можем найти Шакала. Он пропал, исчез с лица земли. Сторонники ОАС, мы в этом убеждены, знают о нем не больше, чем мы. Преступники не видели и не слышали о нем. Корсиканский союз полагает, что в городе его нет.

Министр замолчал и вздохнул, не сводя глаз

с маленького комиссара. Тот поморгал, но не произнес ни слова.

— Я думаю, мы не смогли полностью осознать, какого человека мы ловили в эти две недели. Как, по-вашему?

— Он где-то здесь, — ответил Лебель. — Какие церемонии намечены на завтра?

Министр скривился, как от приступа боли.

— Президент не позволяет ничего изменить — Я говорил с ним утром. Он нами недоволен. И завтрашняя программа остается такой же, как и намечалась. В десять утра он вновь зажжет Вечный огонь под Триумфальной аркой. В одиннадцать торжественная месса в Нотр-Дам. В двенадцать тридцать — посещение кладбища мучеников французского Сопротивления в Монвалерьен, затем возвращение во дворец на ленч и сиесту. Днем одна церемония — вручение медалей Освобождения десяти ветеранам Сопротивления, чьи заслуги перед страной были забыты. Она намечена на четыре часа перед вокзалом Монпарнас. Место он выбрал сам. Если план реконструкции будет выполняться, это последняя годовщина Освобождения, которую увидит старое здание.

— Как будет осуществляться надзор за публи-

кой? — спросил Лебель.

— Мы сейчас этим занимаемся. На каждой церемонии публика будет находиться дальше, чем обычно. Стальные ограждения установят за несколько часов до начала, затем будет произведен обыск всей территории, включая канализационные сети. Будет осмотрен каждый дом и квартира. До церемонии и во время ее на крышах будут находиться снайперы, наблюдающие за другими крышами и окнами. Никто не сможет пройти внутрь ограждения, за исключением официальных лиц и участников церемоний. На этот раз нами приняты экстраординарные меры. Полицейские будут находиться на карнизах Нотр-Дам, на крыше и среди шпилей. Обыску подвергнут всех священников, участвующих в мессе, всех прислужников и хористов. Даже полицейские и солдаты КРС утром получат специальные значки, на случай если он появится в форме. За последние двадцать четыре часа мы вставили пуленепробиваемые стекла в окна президентского «ситроена». Никому не говорите об этом, даже президент ничего не знает. Иначе он разъярится. Как всегда, за руль сядет Марру, но он получил указание ехать быстрее, на случай если наш приятель решил стрелять по машине. Дюкре выставит

завтра в караул особенно высоких охранников, чтобы они могли закрыть собой генерала. Будет обыскиваться каждый, кто приблизится к президенту менее чем на двести метров, без всяких исключений. Эта мера вызывает недовольство в дипломатическом корпусе, да и пресса грозится разнести нас в пух и прах. Пропуска для дипломатов и журналистов завтра неожиданно для всех поменяют на новые, так что Шакалу не удастся выдать себя ни за того, ни за другого. Разумеется, будут изыматься все длинномерные предметы. Ну, есть у вас какие-нибудь идеи?

Лебель ответил не сразу. Он сидел, зажав руки коленями, словно школьник, пытающийся объяснить свое поведение учителю. Откровенно говоря, некоторые действия бюрократической машины Пятой республики выходили за пределы понимания полицейского, который начинал простым патрульным и всю жизнь ловил преступников благодаря тому, что видел чуть больше остальных.

— Едва ли он станет рисковать жизнью. Он — наемник, то есть убивает за деньги. Он хочет остаться в живых и потратить полученное вознаграждение. И план свой он разработал заранее, в ходе разведывательной поездки в Париж в по-

следние восемь дней июля. Если бы у него были сомнения в успехе операции или в возможности выйти из нее живым, он бы наверняка отступился от задуманного. Следовательно, он приготовил что-то про запас. Он правильно рассчитал, что в один день в году, в День Освобождения, гордость не позволит генералу де Голлю остаться во дворце, сколь бы велика ни была опасность. И он, несомненно, учел, что будут приняты, особенно после раскрытия заговора, чрезвычайные меры безопасности, о которых вы только что рассказали мне, господин министр. И тем не менее он не повернул назад.

Лебель поднялся и, нарушая этикет, заходил по кабинету.

— Он не повернул назад. И не собирается поворачивать. — Почему? Потому что он по-прежнему уверен, что может убить президента и при этом остаться в живых. То есть основное звено его плана так и осталось нераскрытым. Или это бомба с дистанционным управлением взрывателя, или ружье. Но бомбу можно обнаружить, и тогда все рухнет. Скорее всего, это ружье. Вот почему он въехал во Францию на машине. Ружье он закрепил или на раме, или под обшивкой.

— Но он не сможет приблизиться с ружьем к

де Голлю! — воскликнул министр. — Никто не подойдет к нему, кроме нескольких лиц, да и тех обыщут. Как он сможет пронести ружье через заграждения?

Лебель остановился перед министром и пожал плечами:

— Я не знаю. Но думает, что сможет, и пока он ни разу не ошибся, хотя в чем-то ему везло, а в чем-то — нет. Несмотря на то, что о нем узнали, что его разыскивали две лучшие полиции мира, он здесь. С ружьем, в тайном убежище, возможно, с новыми лицом и документами. В одном можно не сомневаться, господин министр. Где бы он ни был, завтра он должен объявиться. А когда он вынырнет на поверхность, его необходимо уничтожить. И путь тут только один — смотреть во все глаза. Что касается мер безопасности, то я не могу предложить ничего нового. И так предусмотрено все, что только возможно. Если позволите, я просто похожу вокруг и посмотрю, не удастся ли мне найти его. Это все, чем я могу помочь.

Слова Лебеля разочаровали министра. Он-то надеялся на озарение, яркую идею, которая осенит лучшего, как охарактеризовал Лебеля двумя неделями раньше его непосредственный начальник, детектива Франции. А тот лишь обещал

смотреть во все глаза. Министр встал.

— Разумеется, — в его голосе слышалась холодность. — Пожалуйста, попытайтесь найти его, господин комиссар.

* * *

В тот же вечер Шакал закончил последние приготовления. В спальне Жюля Бернара он выложил на кровать пару стоптанных башмаков, серые шерстяные носки, брюки, рубашку с отложным воротником, армейскую шинель с боевыми медалями и черный берет ветерана войны Андре Мартина. Рядом лежали фальшивые документы, изготовленные в Брюсселе, кожаные ремни, купленные в Лондоне, резиновый набалдашник с пятью разрывными пулями и пять стальных трубок, выглядевших как алюминиевые, в которых находились приклад, рабочий механизм со стволом, глушитель и оптический прицел ружья.

Два патрона Шакал достал из набалдашника и с помощью плоскогубцев, найденных в ящике для инструментов под мойкой в кухне, осторожно вытащил пули. Затем вынул столбики кордита. Их он оставил на столе, а ненужные гильзы бросил в мусорное ведро. Он полагал, что трех пуль хватит за глаза.

Два дня он не брился, и на подбородке золотилась щетина. Ее он собирался сбрить опасной бритвой, купленной по приезде в Париж. На полочке в ванной стояли флаконы из-под лосьона для бритья с краской «под седину», которой он уже пользовался, чтобы стать пастором Иенсеном, и жидкостью для снятия краски. Он смыл каштановый цвет волос Марти Шульберга и, сидя перед зеркалом в ванной, той же бритвой подрезал свои светлые волосы, пока они не стали торчать во все стороны.

Еще раз убедившись, что к утреннему выходу все готово, Шакал приготовил себе омлет, посмотрел по телевизору эстрадную программу и лег спать.

* * *

В воскресенье, 25 августа 1963 года, стояла палящая жара. Такая же погода была годом и тремя днями раньше, когда подполковник Жан-Мари Бастьен-Тири и его люди пытались убить Шарля де Голля у перекрестка в Пети-Кламар. И хотя никто из заговорщиков 1962 года не подозревал об этом, их неудачное покушение послужило отправной точкой цепи событий, оборвавшейся во второй половине этого жаркого летнего вос-

кресенья.

Но если Париж намеревался праздновать девятнадцатую годовщину освобождения от нацистов, то 75 тысяч человек, обливающихся потом в рубашках из синей саржи и костюмах-двойках, пытались обеспечить какое-то подобие порядка. Широко разрекламированные газетами, радио и телевидением торжества Дня Освобождения вызвали небывалый приток зрителей. Большая их часть, однако, только мельком увидела главу государства, шагающего меж плотных рядов охранников и полицейских, чтобы положить начало той или иной церемонии.

Полицейские и чиновники, многие из которых с радостью приняли приглашение поучаствовать в празднествах, понятия не имели о том, что выбор пал на них благодаря высокому росту и каждый, помимо прочего, служил живым щитом. Кроме того, генерала окружала вся четверка его телохранителей.

К счастью, сильная близорукость и отказ носить очки на публике не позволяли ему заметить, что Роже Тесьер, Поль Комити, Раймон Сасья и Анри Джудер постоянно находятся в непосредственной близости от него.

Пресса окрестила их «гориллами», и многие

полагали, что это связано с внешностью телохранителей. В действительности такой облик и походку обусловливали иные причины. Каждый был специалистом в рукопашной схватке, с могучими грудью и плечами. Напряженные мышцы груди и спины как бы отжимали руки от боков, и кисти свободно болтались из стороны в сторону. Кроме того, под левой подмышкой у каждого висел автоматический пистолет, еще более усиливая гориллоподобный вид телохранителей. Так они и ходили, широко расставив руки, готовые выхватить пистолет и открыть стрельбу при малейшем намеке на опасность.

Но в тот день не было и намека. Зажжение огня под Триумфальной аркой прошло, как и намечалось. При этом на крышах домов, окружающих площадь Звезды, сидели на корточках у печных труб сотни людей с ружьями и биноклями, настороженно оглядывая окна и другие крыши. Едва президентский кортеж покатил по Елисейским полям к собору Нотр-Дам, они, облегченно вздохнув, поспешили вниз.

Ничего неожиданного не произошло и в соборе. Кардинал архиепископ Парижа, сопровождаемый прелатами и служками, всех их обыскали до того, как они облачились в приличествующие

торжеству одежды, отслужил мессу. На органных хорах примостились двое мужчин с ружьями — даже архиепископ не знал об этом — и с высоты пристально наблюдали за ходом церемонии. Среди верующих хватало детективов в штатском, которые не преклоняли колени и не закрывали глаза, но молились так же истово, как остальные, повторяя про себя: «Пожалуйста, дорогой Боже, только не сейчас, когда я на службе».

Снаружи двух зевак, хотя они находились в двухстах метрах от дверей собора, схватили, едва они сунули руку под пиджак. Один хотел почесаться, второй — достать портсигар.

Других нарушений среди публики отмечено не было. Никто не стрелял в президента с крыши, под его ногами не взрывались дистанционно управляемые бомбы. Полицейские следили и друг за другом, чтобы убедиться, что у каждого есть специальный значок. Их выдали ранним утром, чтобы Шакал никак не мог скопировать его и прикинуться стражем порядка. Одного солдата КРС, потерявшего значок, тут же схватили и затолкали в черный фургон. У него отобрали автоматический карабин и освободили только вечером. И лишь после того, как двадцать его коллег подтвердили, что он говорит правду и

действительно служит в КРС.

В Монвалерьен атмосфера накалилась до предела, хотя президент, если что-то и заметил, вел себя так, словно не происходит ничего необычного. Его личная охрана полагала, что на самом кладбище генерал будет в полной безопасности. Но убийца мог попытаться найти свой шанс на узких улочках этой рабочей окраины, где лимузин президента не мог развить большой скорости.

На самом деле Шакал в это время находился совсем в другом месте.

* * *

Пьер Вальреми злился на весь свет. Его рубашка прилипла к потной спине, ремень карабина впился в плечо, хотелось пить, подошло время ленча, но он знал, что сегодня дома поесть не удастся. Он даже пожалел о том, что вступил в КРС.

А как хорошо все начиналось. После увольнения с фабрики в Руане клерк на бирже труда указал ему на висящий на стене плакат. Изображенный на нем молодой человек говорил всему миру, что у него прекрасная работа и блестящие перспективы. А форма КРС сидела на нем, как влитая. И Вальреми решил, что ему это подходит.

Но никто не сказал ему о жизни в казарме, похожей на тюрьму, собственно, не так давно старое здание таковой и являлось. Не говоря уж о муштре, ночных маршах, колючем материале рубашки, часах ожидания на перекрестках в лютый холод и адскую жару ради того, чтобы задержать правонарушителя. Но у всех прохожих документы были в полном порядке, спешили они — или не спешили — по обычным житейским делам, и осознание собственной ненужности привело к тому, что Вальреми начал пить.

И вот Париж, первая для него поездка за пределы Руана. Он-то надеялся, что сможет осмотреть достопримечательности столицы. Как бы не так, во всяком случае, с сержантом Барбишем этот номер не прошел. Все повторилось, как в Руане. Видишь это заграждение, Вальреми? Так вот, встань рядом, следи, чтобы оно не упало, никого не пропускай без соответствующих документов, ясно? Дело тебе доверено очень ответственное.

Ответственное! Похоже, они слегка тронулись умом с этим Днем Освобождения Парижа, понавезли в столицу тысячи полицейских со всех провинций. В его казарме поселились люди из десяти разных городов, поползли слухи, что ожидается какое-то важное событие, иначе к чему

вся эта суета. Слухи, всегда слухи. Только проку от них ноль.

Вальреми повернулся и оглядел улицу Рен. Ограждение, которое он охранял, представляло собой цепь, натянутую поперек улицы от одного дома к другому в двухстах пятидесяти метрах от площади 18 Июня. Еще в двухстах метрах, в глубине площади, высилось здание вокзала Монпарнас, перед которым генерал де Голль собирался наградить ветеранов Сопротивления. Вдалеке он видел людей, размечавших места, где будут стоять ветераны, официальные лица, оркестр республиканской гвардии. До церемонии оставалось еще три часа. Господи, когда же все закончится?

К ограждению начала стекаться публика. У некоторых фантастическое терпение, думал Вальреми. Ждать на такой жаре столько времени, чтобы увидеть море голов в трехстах метрах отсюда, среди которого будет де Голль. Правда, люди всегда собираются там, где появляется Шарло.

У перегораживающей улицу цепи собралась уже добрая сотня зевак, когда Вальреми увидел старика. Тот еле ковылял по тротуару, и вид у него был такой, словно он вот-вот упадет. На черном берете выступили пятна пота, да еще

эта длинная, ниже колен шинель. А на груди позвякивали медали. Многие из тех, кто стоял у барьера, с жалостью смотрели на старика.

И всегда эти чудаки таскают на себе медали, думал Вальреми, будто это все, что у них есть. А может, ничего другого у них и не осталось? Особенно, если тебе отрезали одну ногу. Может, думал Вальреми, наблюдая за приближающимся к нему стариком, он тоже немало побегал, когда были целы обе ноги. А теперь он выглядел как старая чайка со сломанным крылом, которую он однажды видел на морском побережье в Кермадеке.

О боже, и так до самой смерти, на одной ноге, опираясь иа алюминиевый костыль. Старик дохромал до ограждения.

— Можно мне пройти? — робко спросил он.

— Подождите, папаша, давайте взглянем на ваши документы.

Старик пошарил в кармане рубашки, которая явно нуждалась в стирке, вытащил два удостоверения и протянул их Вальреми. Андре Мартин, гражданин Франции, пятьдесят три года, родился в Кольмаре, Эльзас, проживает в Париже. Другое удостоверение принадлежало тому же человеку, но вверху добавились слова: «Инвалид войны».

Уж это-то видно сразу, подумал Вальреми.

Он всмотрелся в фотографии на обоих документах. Фотографировали одного человека, но в разное время. Вальреми взглянул на старика.

— Снимите берет.

Андре Мартин тут же стянул его с головы и скомкал в руке. Вальреми сравнил лицо стоящего перед ним старика с фотографиями. Да, это, несомненно, он. Старик, правда, выглядел совсем больным. Он порезался при бритье и заклеил порезы клочками туалетной бумаги, на которых выступили, капельки засохшей крови. Посеревшая кожа блестела от пота. Седые волосы торчали во все стороны, всклокоченные снятием берета. Вальреми вернул документы.

— Зачем вам нужно туда идти?

— Я там живу, — ответил старик. — Я получаю пенсию. У меня комната на чердаке.

Вальреми вновь потянулся за документами. В удостоверении личности значился адрес: дом 154 по улице Рен. Солдат КРС взглянул на номер дома, у которого они стояли. Номер 132. Действительно, номер 154 дальше по улице. Приказа не пропускать старика домой не было.

— Хорошо, проходите. Но будьте внимательны. Шарло будет здесь через пару часов.

Старик улыбнулся, убирая удостоверения в карман, и чуть не упал, зацепившись костылем за единственную ногу, но Вальреми успел поддержать его.

— Я знаю. Один из моих давних приятелей получает сегодня медаль. Я получил свою два года назад, — он ткнул пальцем в медаль Освобождения, — но из рук министра вооруженных сил.

Вальреми вгляделся в металлический кружок. Вот, значит, она какая, медаль Освобождения. Слишком мала для того, чтобы отдать за нее ногу. Тут он вспомнил о своих обязанностях и коротко кивнул. Старик захромал вдоль улицы. Вальреми повернулся, чтобы остановить еще одного желающего проскочить ограждение.

— Все, все, дальше нельзя. Оставайтесь за барьером. — Краешком глаза он заметил, как старый солдат исчез в подъезде одного из последних домов улицы Рен.

* * *

Мадам Берта вздрогнула, когда на нее упала тень. День выдался шебутной, полиция заглядывала во все квартиры, и она не знала, как отреагировали бы жильцы, будь они дома. К счастью, все, кроме трех, уехали в отпуск.

После ухода полиции она наконец села на привычное место у порога и немного повязала. Церемония, подготовка к которой шла полным ходом в сотне ярдов от дома, на площади перед вокзалом, нисколько не интересовала ее.

— Извините, мадам… если вас не затруднит… может, стакан воды. Церемония начнется не скоро, а на улице так жарко…

Перед ней стоял старик в длиннополой шинели, такой же, какую носил ее давно умерший муж, с медалями на левой стороне груди. Он тяжело опирался на костыль, из-под шинели выступала одна нога. Изможденное лицо блестело от пота. Мадам Берта собрала вязание и сунула его в карман фартука.

— О, месье. Ходить в шинели в такую жару. И до церемонии еще два часа. Вы пришли очень рано. Входите, входите.

Она засеменила к стеклянной двери своей комнаты в конце вестибюля, чтобы налить стакан воды. Ветеран захромал следом.

За шумом воды из кухонного крана она не услышала, как закрылась дверь в вестибюль, и едва ли успела почувствовать пальцы левой руки мужчины, скользнувшие ей под подбородок. Никак не ожидала она и удара кулаком по шее

чуть ниже уха. Кран, струя воды и наполняющийся стакан взорвались красными и черными звездами, и потерявшая сознание мадам Берта беззвучно опустилась на пол.

Шакал распахнул шинель, отстегнул ремни, притягивающие его правую ногу к ягодице. Когда он распрямлял ногу, его лицо перекосило от боли. Он подождал несколько минут, пока восстановится кровообращение, прежде чем наступить на нее.

Еще через пять минут ноги и руки мадам Берты стянула бельевая веревка, найденная под раковиной, большой кусок лейкопластыря заклеил ей рот. Шакал оттащил консьержку в чулан и закрыл дверь.

Связку ключей он нашел в ящике стола. Застегнув шинель, подхватил костыль, тот самый, с которым прохромал по аэропортам Брюсселя и Милана, и выглянул в вестибюль. В подъезде не было ни души. Он выскользнул из комнатки мадам Берты, запер дверь и взлетел по ступенькам.

На шестом этаже он выбрал квартиру мадемуазель Беранжер и постучал. Ответа не последовало. Он подождал и постучал вновь. Ни из этой, ни из квартиры господина и мадам Шарье не донеслось ни звука. Вынув связку ключей, он поискал ключ

с фамилией Беранжер, нашел, открыл дверь, вошел в квартиру, закрыл и запер дверь за собой.

Пересек комнату и выглянул в окно. На крышах домов противоположной стороны улицы как раз появились люди в синей форме. Он успел вовремя. Вытянув руку. Шакал открыл защелку и потянул на себя обе половинки окна, пока они не распахнулись полностью. Затем отступил назад. Через оконный проем на ковер падало квадратное солнечное пятно. Остальная часть комнаты утопала в полумраке. Находясь вне светового пятна, он оставался невидимым для полицейских на крыше.

Подойдя к окну сбоку, он взглянул на привокзальную площадь, от которой его отделяли сто тридцать метров. Передвинул стол, поставив его в восьми футах от окна, не по центру, а сбоку, снял с него скатерть и вазу с искусственными цветами и заменил их диванными подушками. Они образовали бруствер его «окопа».

Скинул шинель, закатал рукава рубашки и начал разбирать костыль. Отвернул резиновый набалдашник, и на черной резиновой поверхности заблестели гильзы трех оставшихся патронов. Тошнота и потливость, вызванные разжеванным и проглоченным кордитом, извлеченным из двух

других, почти прошли.

Из первой секции выскользнул глушитель, из второй появился на свет телескопический прицел. Из самой толстой, к которой крепились сверху две наклонные стойки, он достал рабочий механизм со стволом, из самих стоек — подкосы приклада. И наконец, снял подбитую кожей перекладину костыля, на которую опирался при ходьбе. Без спрятанного в ней спускового крючка она становилась плечевым упором.

Тщательно, с любовью собрал он ружье — рабочий механизм со стволом, нижний и верхний подкосы, плечевой упор, глушитель, спусковой крючок. Последним он установил телескопический прицел.

Сидя на стуле, чуть наклонился вперед, положил ружье на верхнюю диванную подушку и приник к окуляру телескопического прицела. В перекрестье попала залитая солнцем мостовая. Шакал чуть двинул ружье, наведя его на голову одного из мужчин, размечавших асфальт к предстоящей церемонии. Голову он видел ясно и четко, как дыню на лесной поляне в Арденнах.

Довольный своей позицией, Шакал рядком, как солдатиков, поставил на стол все три патрона. Указательным и большим пальцами

отвел затвор, осторожно вложил первый из них в казенник. Его вполне хватало для решения поставленной задачи, но у него были еще два запасных. Он толкнул затвор до упора, затем повернул его, загоняя в замок. Положил ружье рядом с диванными подушками и полез в карман за сигаретами и спичками.

Глубоко затянувшись, он откинулся на спинку стула. Ждать осталось недолго, еще час и сорок пять минут.

Глава 21

Комиссару Лебелю казалось, что он забыл вкус воды. Горло пересохло, а язык словно прилип к нёбу. Действовала не только жара. Впервые за много-много лет он по-настоящему испугался. Что-то случится, в этом он не сомневался, но не мог предугадать, где и когда.

Утром он побывал у Триумфальной арки, в Нотр-Дам, в Монвалерьен. Никаких происшествий. За ленчем настроение некоторых членов чрезвычайного комитета, проведших последнее совещание на рассвете, начало разительно меняться: напряжение и злость сменились эйфорией. Оставалась лишь одна церемония, на площади 18 Июня, и его заверили, что уж там-то никакие эксцессы невозможны.

— Он ушел, — уверенно заявил полковник Роллан после ленча в кафе неподалеку от Елисейского дворца. — Он ушел, признав свое поражение, и правильно сделал. Но он еще появится, и тогда мои парни покончат с ним.

Слова Роллана не успокоили Лебеля, и теперь он шел вдоль ограждений, установленных поперек бульвара Монпарнас, так далеко от площади,

что едва ли кто мог видеть, что там делается. Все полицейские и солдаты КРС, охраняющие проходы в ограждении, к которым он обращался, отвечали одинаково. Никто не проходил после установки ограждений в двенадцать часов.

Полиция перекрыла главные улицы, боковые улицы, переулки. На крышах засели снайперы, здание вокзала с многочисленными кабинетами и чердачными помещениями кишело детективами. Они сидели и на крышах депо, высоко над пустынными пассажирскими платформами. В этот день все поезда отправлялись и приходили на вокзал Сен-Лазар.

Здания, расположенные внутри периметра, образованного ограждениями, осматривались с подвала до чердака. Большинство квартир пустовало: жильцы уехали в отпуск — к морю или в горы.

Короче, на площадь 18 Июня незамеченной не могла проскочить даже мышка, как говаривал Валентин, комиссар Оверни. Впрочем, Лебель вспомнил его слова без особой радости: Валентин не смог остановить Шакала.

Переулками, чтобы сократить путь, то и дело показывая свой пропуск, он вышел на улицу Рен. Все то же самое. Ограждение в двухстах метрах

от площади, за ним — толпа, на улице — только солдаты КРС. Он вновь начал задавать вопросы.

Кого-нибудь видели? Нет, сир. Кто-нибудь проходил? Нет, сир. Он услышал, как на привокзальной площади оркестр республиканской гвардии настраивает инструменты. Генерал должен приехать с минуты на минуту. Кто-нибудь проходил? Нет, сир. Хорошо, смотрите в оба.

С площади донеслись громкие крики приветствий. С бульвара Монпарнас выехал мотоциклетный эскорт, следом за ним — длинные черные лимузины. Кортеж свернул к воротам привокзальной площади, полицейские у ворот отдали честь. Толпа у ограждений подалась вперед, задние напирали на передних. Лебель посмотрел на крыши. Молодцы! Их не интересовало происходящее на улицах. Присев у парапетов, снайперы оглядывали крыши и окна напротив.

Вдоль ограждения он направился к западной стороне улицы Рен. Молодой солдат КРС стоял в узком проходе между столбом ограждения и стеной дома 132. Лебель показал ему удостоверение, солдат вытянулся по стойке смирно.

— Никто здесь не проходил?

— Нет, сир.

— Вы давно на посту?

— С двенадцати часов, как только перекрыли улицу.

— Никто после этого не проходил?

— Нет, сир. Ну… только один калека, он живет около площади.

— Какой калека?

— Старик, сир. Совсем больной. Он предъявил удостоверение личности и удостоверение инвалида войны. Он живет в доме 154 по улице Рен. Я не мог не пропустить его, сир. Он еле держался на ногах. Это неудивительно, в такую погоду и в шинели. С ума можно сойти.

— В шинели?

— Да, сир. В длинной армейской шинели, какую носили солдаты в войну. В августе в ней жарковато.

— Вы сказали, что он — калека. Почему вы так решили?

— Одна нога, сир. Только одна нога. Он еле хромал с костылем.

На площади грянули трубы.

— Allons, enfants de la patrie, ie jour de gloire est arrive…[38]

В толпе подхватили знакомый мотив «Марсе-

---

[38] Примечания: 38

Вперед, сыны отчизны, день славы наступил! (*фр.*)

льезы».

— С костылем? — Лебель едва услышал свой голос.

Постовой кивнул:

— С костылем, с таким ходят все одноногие мужчины. Из алюминия.

Лебель бросился к площади, на ходу крикнув солдату, чтобы он следовал за ним.

* * *

Они подкатили к вокзалу Монпарнас. Машины выстроились в затылок друг другу у фасада здания. Напротив, у ограждения привокзальной площади, стояли десять ветеранов, ожидающих, пока глава государства вручит им заслуженные награды. Дипломаты и приглашенные на награждение чиновники в строгих черных, коричневых, темно-серых костюмах, многие с красивыми розетками ордена Почетного легиона расположились в восточной части привокзальной площади.

В западной части вытянулись ряды красных плюмажей и сверкающих касок республиканских гвардейцев. Оркестранты стояли чуть впереди почетного караула.

У одного из автомобилей сгрудились органи-

заторы церемонии и сотрудники Елисейского дворца. Оркестр продолжал играть «Марсельезу».

Шакал поднял ружье и прильнул к окуляру. Навел его на ближайшего к нему ветерана, первого в очереди на вручение медалей. Низенький, коренастый мужчина стоял навытяжку. Шакал ясно видел его профиль. Считанные минуты оставались до того, как перед ним встанет другой мужчина, на фут выше, с гордым, надменным лицом, в кепи цвета хаки с двумя золотыми звездами.

Бум-ба-бум! Последние аккорды национального гимна стихли, воцарилась глубокая тишина.

— В честь генерала… — проревел командир гвардейцев. — Оружие на караул!

Последовали три громких хлопка. Это затянутые в белые перчатки руки в унисон перехватили ружья за приклады и магазинные коробки, затем щелкнули каблуки. От группы людей у лимузинов отделилась высокая фигура и направилась к ветеранам. За де Голлем следовали лишь министр по делам ветеранов, в обязанности которого входило представление награждаемых президенту, и мужчина с подушечкой красного бархата, на которой лежали десять медалей Освобождения и

десять ярких лент. Остальные сопровождающие остались у здания вокзала.

* * *

— Этот?

Лебель остановился, тяжело дыша, и махнул рукой в сторону подъезда.

— Я думаю, да, сир. Да, дом этот, второй от угла. Он вошел сюда.

Маленький детектив вбежал в подъезд, Вальреми — следом за ним, довольный, что они покинули улицу. Их странное поведение уже начало привлекать внимание, вызывая хмурые взгляды командиров КРС. Вальреми, правда, надеялся оправдаться, если ему учинят разнос. Все-таки этот забавный толстячок назвался комиссаром полиции, а он скажет, что пытался его задержать.

Когда Вальреми вошел в вестибюль, детектив тряс дверь комнаты консьержки.

— Где консьержка?

— Не знаю, сир.

Прежде чем он успел остановить детектива, тот локтем разбил стеклянную панель, просунул руку и открыл дверь.

— За мной, — позвал он и нырнул в комнату.

Ты чертовски прав, подумал Вальреми, я тебя ни на шаг не отпущу. С психами надо держать ухо востро.

Он нашел детектива у двери чулана. Заглянув через его плечо, он увидел консьержку, лежащую на полу связанной по рукам и ногам, все еще без сознания.

«Дерьмо», — внезапно Вальреми осознал, что толстячок не шут гороховый. Он действительно комиссар полиции, и они преследуют преступника. Наконец-то пришел миг его славы, но внезапно ему захотелось немедленно вернуться в казарму.

— Верхний этаж, — крикнул детектив и метнулся к лестнице.

Вальреми едва поспевал за ним, на ходу снимая с плеча карабин.

* * *

Президент Франции остановился перед первым ветераном и, чуть ссутулясь, слушал министра. Тот назвал имя и фамилию награждаемого, кратко доложил, какой подвиг совершил этот человек девятнадцать лет назад при освобождении Парижа. Когда министр закончил, де Голль кивнул, повернулся к мужчине с подушечкой, взял ме-

даль. Оркестр заиграл «La Marjolaine». Генерал прикрепил награду к выпяченной груди ветерана, отступил назад, отдал честь.

Шестью этажами выше и в ста тридцати метрах от них Шакал, крепко держа ружье, закрыв один глаз, смотрел в окуляр телескопического прицела. Он ясно различал черты лица президента, бровь, прячущуюся в тени, отбрасываемой козырьком кепи, глаз, выступающий вперед нос. Он видел, как ушла вниз поднесенная к кепи рука, поймал в перекрестье висок. Плавно, мягко потянул спусковой крючок.

Долю секунды спустя он смотрел на привокзальную площадь, не веря своим глазам. Прежде чем пуля вылетела из ствола, президент Франции подался вперед, чтобы поцеловать стоящего перед ним мужчину сначала в одну, а потом в другую щеку. Поздравительный поцелуй, столь непонятный для англичан, традиционно сопровождал и сопровождает церемонию награждения во Франции и некоторых других странах. Из-за большой разницы в росте де Голлю пришлось наклониться.

Позднее эксперты определили, что пуля прошла в миллиметрах над головой генерала. Если он и услышал, как она впилась в асфальт, то не

подал виду. Министр и мужчина с подушечкой не услышали ничего, не говоря уж о тех, кто стоял у лимузинов, в пятидесяти метрах.

От разрыва пули размягченный солнцем асфальт лишь чуть вспучился. Оркестр продолжал играть «La Marjolaine». А президент направился ко второму ветерану.

Шакал весь покрылся потом. Никогда раньше он не промахивался, стреляя по неподвижной цели с расстояния в сто пятьдесят ярдов. Но быстро успокоился. Он еще мог исправить эту досадную ошибку. Он открыл затвор. Гильза бесшумно выпала на ковер. Взяв со стола второй патрон, Шакал вложил его в казенник и загнал затвор на прежнее место.

* * *

Пыхтя как паровоз, Лебель добрался до шестого этажа. Он думал, что сердце сейчас разорвется в его груди. Две двери вели в квартиры, выходящие окнами на площадь. Он переводил взгляд с одной на другую, когда его догнал солдат КРС с автоматическим карабином наизготовку.

В этот момент из-за одной из дверей донесся едва слышный хлопок. Лебель указал на дверной замок.

— Выбейте его, — и отступил назад.

Солдат дал короткую очередь. Полетели щепки, куски металла, отстреленные гильзы. Дверь приоткрылась. Вальреми первым ворвался в квартиру. Лебель — за ним по пятам.

Вальреми узнал всклокоченные седые волосы, но не более того. У мужчины были две ноги, шинель исчезла, и руки, держащие ружье, принадлежали сильному, здоровому человеку. Мужчина не дал ему на раздумье ни секунды. Соскользнув со стула, он одним движением повернулся к нему и выстрелил с бедра. Пуля вылетела беззвучно, в ушах еще отдавалось эхо выстрелов Вальреми. Она попала в грудь и разорвалась. Вальреми пронзила дикая боль, но длилась она недолго. Свет померк в его глазах. Кусок ковра каким-то образом поднялся с пола и ударил его по щеке, хотя на самом деле он упал на ковер. Последним он запомнил ощущение соленого привкуса во рту, словно он вновь купался в море, а на него смотрела старая чайка. И все исчезло во тьме.

Стоя над его телом, Лебель смотрел в глаза другого мужчины. Учащенного биения сердца как не бывало, во всяком случае, он его не чувствовал.

— Шакал, — выдохнул он.

— Лебель, — ответил мужчина.

Он лихорадочно вытаскивал затвор. Лебель увидел, как вывалилась на ковер пустая гильза. Мужчина схватил что-то со стола и запихнул в затвор. Его серые глаза не отрывались от Лебеля.

«Он пытается загипнотизировать меня, — подумал детектив. — Он хочет застрелить меня. Он меня убьет».

С трудом ему удалось отвести взгляд. Юноша из КРС упал на бок. Карабин выскользнул из его рук и теперь лежал у ног Лебеля. Скорее инстинктивно, чем осмысленно, Лебель опустился на колени, поднял МАТ-49, одной рукой направляя ствол на Шакала, а другой ища спусковой крючок. Нажимая на него, Лебель услышал, как Шакал загнал затвор в замок.

Грохот автоматной очереди наполнил маленькую комнату и вырвался наружу. Позднее на запросы прессы ответили, что причиной шума стал неисправный глушитель мотоцикла, который какой-то болван решил завести неподалеку от площади. Пол-обоймы пуль калибра девять миллиметров вонзились Шакалу в грудь, приподняли, перевернули в воздухе и отбросили в дальний угол комнаты, словно тряпичную куклу. При падении он увлек за собой торшер. А внизу

оркестр заиграл «Mon Regiment et Ma Patrie».[39]

* * *

В шесть часов вечера того же дня суперинтенданту Томасу позвонили из Парижа. После разговора с Лебелем он вызвал старшего инспектора.

— Они с ним покончили. В Париже. Пожалуй, вам лучше съездить к нему на квартиру и еще раз просмотреть его вещи.

В восемь вечера, когда инспектор проводил повторный обыск, он услышал, что в прихожую кто-то вошел. Обернулся. На пороге стоял высокий, крепкого телосложения мужчина.

— Что вы здесь делаете? — спросил инспектор.

— Я могу задать вам тот же вопрос. Что, по-вашему, делаете вы?

— Ну хорошо, — вздохнул инспектор. — Позвольте узнать вашу фамилию.

— Колтроп, — ответил пришедший. — Чарльз Колтроп. И это моя квартира. Так какого черта вы здесь хозяйничаете?

Инспектор пожалел о том, что не захватил с собой пистолет.

---

[39] Примечания: 39
«Мой полк и моя родина» (*фр.*)

— Не будем горячиться, — ответил он. — Я думаю, нам лучше проехать в Скотленд-ярд. Там мы во всем разберемся.

— Это уж точно. Придется вам объяснить, что к чему.

Но объясняться пришлось Колтропу. Его продержали под стражей двадцать четыре часа, пока из Парижа не поступили три независимых подтверждения смерти Шакала, а пять владельцев таверн на севере шотландского графства Сатерленд не показали, что Чарльз Колтроп действительно посвятил последние три недели рыбалке и горным прогулкам и останавливался в их заведениях.

— Если Шакал не Колтроп, — изрек Томас, когда последний вышел из его кабинета свободным человеком, — то кто же он, черт подери?

* * *

— Разумеется, не может быть и речи о том, что правительство Ее величества признает этого Шакала своим подданным, — говорил на следующий день комиссар полиции метрополии начальнику Особого отделения Диксону и суперинтенданту Томасу. — Какое-то время мы действительно подозревали англичанина. Но

теперь совершенно ясно, что он невиновен. Нам также известно, что в период… э… пребывания во Франции Шакал выдавал себя за англичанина и пользовался фальшивым английским паспортом. Но он выдавал себя и за датчанина, американца, француза, причем документы первых двух он украл, а третьего — подделал. Что касается нас, то расследование показало следующее: наемный убийца путешествовал по Франции с фальшивым паспортом, выданным на фамилию Даггэн, от границы до… городка Гап. И все. Господа, дело закрыто.

* * *

В тот же день тело мужчины закопали в безымянную могилу на кладбище Пер-Лашез. В свидетельстве о смерти указывалось, что иностранный турист, фамилия осталась неизвестной, погиб в автокатастрофе на шоссе под Парижем.

Присутствовали священник, полицейский, чиновник бюро записей актов гражданского состояния и двое могильщиков. Никто из них особо не скорбел, когда простой деревянный гроб опускали в могилу, за исключением еще одного человека, низенького толстячка, принявшего участие в погребении. По завершении похорон он

повернулся, отказавшись назвать себя, и в одиночестве зашагал к выходу, возвращаясь домой, к жене и детям.

День Шакала закончился.